Вятский государственный университет

В Е С Т Н И К ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 2 (22)

Киров
2021

ББК 74.58я5
В 38

Главный редактор
В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904
Заместители главного редактора
Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995
Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279
Ответственные секретари
О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553
И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:
Исторические науки и археология
А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);
Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);
А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);
Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);
А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);
А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);
Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);
В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;
Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).
Филология
О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);
В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);
О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);
Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);
D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);
H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).
Культурология
А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0002-8987-7591;
И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);
Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);
Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);
А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);
В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);
Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);
Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)
Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»
Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36
Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36
Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная
Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© Вятский государственный университет (ВятГУ), 2021

Vyatka State University

HERALD OF HUMANITARIAN EDUCATION

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 2 (22)

Kirov
2021

LBC 74.58я5
В 38

Chief editor
V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904
Deputy editor
L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995
N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279
Executive Secretary
O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553
I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:
Historical sciences and archeology
A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovar, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);
V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov), ORCID: 0000-0002-9199-6573;
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology
O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology
A. S. Drikker, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)
Founder of the journal «Vyatka State University»
Adress of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov
Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov
Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price
The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of thesises for the degree of Dr. and PhD should be published

© Vyatka State University (VyatSU), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Новиков М. В., Перфилова Т. Б. «История состояний» и «история событий» в научном дискурсе М. М. Хвостова 9

Быстрова Н. Е. Советская Россия на Гаагской конференции 1922 г. 21

Стряпихина А. А. Изменение уклада жизни крестьян в первое послереволюционное десятилетие (на примере Нижегородской губернии) 37

Вишнева О. Г. Инициативы добровольных обществ Псковской губернии по укреплению военно-оборонного потенциала советского государства и интернациональному воспитанию трудящихся в 1923–1927 гг. 45

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Шукушева Е. В. Сотрудничество Казахстана и Европейского союза (исторический анализ) 56

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Левин Я. А., Буранок С. О., Токмакова П. Д. Основание Китайской Народной Республики в оценках американской прессы 71

Белевцева С. Н. Стратегия «распространения демократии» во внешней политике США второй половины XX века: научные подходы, течения, оценки 80

Ходячих С. С. Адъютант коменданта Аушвица: неизвестные страницы из жизни оберштурмфюрера СС Карла Хекера 89

ИСТОРИОГРАФИЯ

Литвинова О. Н. Основные тенденции развития историографии партизанского движения Великой Отечественной войны 98

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

Марковчин В. В. Настроения в иранском обществе в связи с началом Великой Отечественной войны 107

АРХЕОЛОГИЯ

Волокитин А. В., Волокитина Н. А. Мезолитические стоянки Чердыб 1 и Чердыб 2 на р. Вычегда 114

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Казакова И. Б. «Сон Адама»: концепция воображения Джона Китса в контексте античного и новоевропейского неоплатонизма 131

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Коршунков В. А., Коршункова А. В. «Позавидовала кошка»:
отношение к домашним животным в России в XVIII – начале XX века
(культурно-исторические и зооантропологические аспекты) 139

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Минаков А. С. Современное источниковедение изобразительных источников:
проблемы, поиски, решения 151

ИСТОРИЯ НАУКИ

Кузьмина Н. М. Деятельность секции озеленения и цветоводства
Удмуртского отделения ВООП в период с 1950 по 1990 год.....156

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

Novikov M. V., Perfilova T. B. "The history of states" and "the history of events" in the scientific discourse of M. M. Khvostov 9

Bystrova N. E. Soviet Russia at the Conference of the Hague, 1922 21

Stryapikhina A. A. Changes in the way of life of peasants in the first post-revolutionary decade (on the example of the Nizhny Novgorod province) 37

Vishneva O. G. Initiatives of voluntary societies of the Pskov province to strengthen the military-defense potential of the Soviet state and the international education of workers in 1923–1927 45

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP AND FOREIGN POLICY

Shukusheva Y. V. Cooperation between Kazakhstan and the European Union (historical analysis) 56

GENERAL HISTORY

Levin Ya. A., Buranok S. O., Tokmakova P. D. The founding of the People's Republic of China in the assessments of the American press 71

Belevtseva S. N. The strategy of "spreading democracy" in the US foreign policy of the second half of the twentieth century: scientific approaches, trends, assessments..... 80

Khodyachikh S. S. The adjutant of the Commandant of Auschwitz: unknown pages from the life of SS Obersturmfuhrer Karl Hecker 89

HISTORIOGRAPHY

Litvinova O. N. The main trends in the development of the historiography of the partisan movement of the Great Patriotic War 98

HISTORY IN DOCUMENTS

Markovchin V. V. The mood in the Iranian society in connection with the beginning of the Great Patriotic War 107

ARCHEOLOGY

Volokitin A. V., Volokitina N. A. Mesolithic sites of Cherdyb 1 and Cherdyb 2 on the Vychegda River 114

PHILOLOGICAL SCIENCES

Kazakova I. B. «Adam's dream»: the concept of imagination by John Keats in the context of ancient and modern European Neoplatonism 131

CULTURAL STUDY

Korshunkov V. A., Korshunkova A. V. "The cat envied the dog's life":
the attitude towards domestic animals in Russia in the 18th – early 20th centuries
(cultural, historical and zooanthropological aspects).....139

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Minakov A. S. Modern source studies of visual sources:
problems, searches, solutions.....151

HISTORY OF SCIENCE

Kuzmina N. M. Activities of the gardening and floriculture section
of the Udmurt branch of the VOOP in the period 1950–1990 156

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.1 DOI: 10.25730/VSU.2070.21.015

«История состояний» и «история событий» в научном дискурсе М. М. Хвостова

М. В. Новиков[1], Т. Б. Перфилова[2]
[1]доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org
[2]доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматривается система взглядов М. М. Хвостова на характер общественной эволюции применительно к истории народов Древнего мира. Отмечается эклектичность представлений ученого, наиболее ярко проявившаяся в ходе его рассуждений по важной для философии позитивизма проблеме о взаимодействии «истории состояний» и «истории событий». «Состояние» в трактовке ученого – это «общие перемены» и «сходное в отдельных событиях», «события» – случайность, «катастрофический элемент». Обращается внимание на своеобразное толкование Хвостовым понятия «катастрофа», аналогами которого он считал «случай», «событие», «момент». Отмечается попытка Хвостова, как и многих представителей «критического» позитивизма, психологизировать исторический процесс, найти причины возникновения «катастроф» в своеобразии психологии индивидов и социальных групп, из которых состоит общество: чем больше своеобразия, тем больше «катастрофического элемента в обществе», тем более такое общество будет отклоняться от непрерывного последовательного процесса эволюционного развития. Обращаясь к проблеме личности в истории, Хвостов утверждал, что, как бы ни была грандиозна и значительна личность, включая Александра Македонского, Юлия Цезаря, Петра Великого, она «не может произвести значительных переворотов в состояниях», хотя в истории отдельных «событий», таких как революция, игнорировать роль личности было бы опрометчиво. Подчеркивается, что Хвостова всегда влекло к выделению главного и существенного в историческом развитии, он стремился понять природу массового, типичного, обнаружить устойчивые связи между событиями и явлениями, найти исторические аналогии. В то же время отмечается нежелание Хвостова серьезно обратиться к проблеме соотношения понятий «история состояний» и «история событий», принять, что эти два понятия являются двумя сторонами одного и того же исторического процесса, образующего устойчивую систему, что между ними есть взаимоотношения, и «состояния» могут влиять на «события», а «события» – на «состояния».

Ключевые слова: «история состояний», «история событий», человеческое общество, эволюция, революция, катастрофа, историческая личность, эклектизм.

Продолжая серию публикаций об известном российском историке с трагической судьбой Михаиле Михайловиче Хвостове (1872–1920), мы рассмотрели этапы его профессионального роста [9; 10; 11] и приступили к анализу попыток Хвостова внести свой вклад в развитие теоретико-методологических основ исторической науки. В этой связи мы обратились к главным для его научной картины мира концептам – «общество» и «эволюция» [8], которые в ходе трактовки ученым сложного и многогранного исторического процесса дополнились рядом существенных характеристик. Они не противоречили формату «критического» позитивизма, в парадигме которого [7, с. 244, 245] М. М. Хвостов вел свои исследования, но все же в большей степени выдавали в нем не «чистого» историка, а создателя социологической истории.

Данная статья, посвященная важной для сознания казанского профессора и философии позднего позитивизма сочлененности «истории состояний» и «истории событий», подтверждает это.

© Новиков М. В., Перфилова Т. Б., 2021

Стройная, на первый взгляд, система взглядов М. М. Хвостова на характер общественной эволюции неожиданно приобретает принципиально иной смысл, когда он начинает разбирать проблему соотносимости «истории состояний» и «истории событий», из которых складывался, по его мнению, исторический процесс [22, с. 23]: идея континуальности – главный посыл эволюционной теории, которую он безраздельно принимал, парадоксальным образом начинает трансформироваться в идею дискретности исторического процесса, то есть прерывистости его плавных, пластичных, органических преобразований. Создается впечатление, что он отказывается от убеждений, которые постулировал прежде.

Чтобы разобраться в этой путанице, мы сравнили содержание «Лекций по методологии и философии истории» с учебной продукцией профессора и смогли удостовериться в том, что его исследования следует подразделять не только на два, слабо согласованных между собой регистра, социологический и научно-исторический, но и внутри социологической версии истории – пытаться распознавать разные уровни, образовавшиеся при слиянии воедино разных теоретико-методологических подходов к трактовке общественных явлений.

Эклектичность представлений ученого на процесс общественной эволюции особенно ярко, на наш взгляд, выступает в ходе его рассуждений о сочлененности «истории состояний» и «истории событий».

Самому М. М. Хвостову было важно разобраться в том, как «типичнейшие формы эволюции общества» [22, с. 20], рассмотренные с социологической точки зрения, соотносятся с конкретным «историческим материалом», где «длительные состояния», или «общие перемены, общие состояния», переплетаются с «отдельными событиями», или «частичными переменами» [22, с. 22, 23]. Применительно к «понятию эволюции человеческого общества» это означало «не только смену состояний, но и смену событий. Поэтому, если мы и можем намеренно ограничиться в известных случаях характеристикой состояний, игнорируя события (давая, например, общий очерк эволюции данного общества на протяжении нескольких веков), то это будет лишь удобством изложения, но отнюдь не изучения», – заключал М. М. Хвостов, ибо «чем ближе мы будем вникать в изучение эволюции общества, тем более мы должны будем заняться анализом отдельных моментов, отдельных событий, которые порождают другие события и сами порождаются бесконечно сложными и многообразными явлениями человеческой общественности; события образуют бесконечную цепь, обусловливая… колеблющуюся, неравномерную эволюцию общества…» [22, с. 28, 29].

Руководствуясь этими рассуждениями, М. М. Хвостов вносит уточнение в определение понятия «состояние»: это не просто «общие перемены», а «сходное в отдельных событиях» [22, с. 22]. На время покидая социологический контекст и вспоминая об индивидуализирующем характере истории, М. М. Хвостов даже заявляет о том, что именно событие стоит в центре внимания историка, а «состояние» относится к конструкции «нашего ума», который «в отдельных случаях… находит нечто общее, сходное» в изучаемом историческом процессе [22, с. 22].

Что касается дефиниции «события», то это, в его трактовке, случайность, «катастрофический элемент», который постоянно вторгается в историю общества. «Вот почему, – утверждает профессор, – эволюция общества катастрофична, как и вся эволюция мира» [22, с. 24]. Проводимые им в этой связи примеры из мира «мертвой природы»: геологии (теория сдвигов и сбросов), географии история местностей, измененная землетрясениями и вулканами) – с дополнениями из области биологии (роль мутаций в нарушении непрерывной последовательности эволюции видов) подводят ученого к выводу, полностью противоречившему ранее высказанному утверждению о континуальном развитии «предметов», «эволюционирующих объектов», «новообразований», – в общем, «чего-либо».

Современная наука, делает он вывод, исходя из примеров «скачков» и «взрывов» в природной среде, «склонна к такому пониманию эволюции: группа явлений, действительно, создает последовательный процесс, но каждый отдельный момент процесса есть “катастрофа”, есть в известном смысле “случайность”» [22, с. 24].

Словно забывая о настойчиво проводившейся прежде идее органичности, плавности, постепенности процесса эволюции, М. М. Хвостов продолжает далее развивать мысль о подверженности сложноорганизованного общества людей «резким изменениям», «резким отклонениям» в ходе своего развития. Он делится наблюдениями, имевшими важное значение для его понимания исторического процесса в целом: «Чем общество выше по культуре, тем сложнее его эволюция», потому что оно резче первобытных коллективов «будет уклоняться от непрерывного, последовательного эволюционного ряда» [22, с. 26]. Кроме того, чем по-

дробнее историк стремится изучать эволюцию, чем пристальнее он «вглядывается» в детали общественного процесса, тем больше ему придется считаться «с элементом случайности, с отдельными катастрофическими моментами» [22, с. 27][1]. Даже такая, на первый взгляд, малоподвижная область общественного развития, как экономика, при ближайшем рассмотрении оказывается синтезом «маленьких “катастроф”»: открытие европейцами новых материков, появление новых средств передвижения и видов коммуникации, последствия процесса накопления капиталов – все эти и другие изменения в истории хозяйственного быта – нарушают естественный ход экономической эволюции, «разлагая ее в конечном счете на те же отдельные предприятия, события» [22, с. 27].

Чего же следует ожидать от полностью непредсказуемой политической жизни? Естественно, здесь «катастрофическому элементу» будет принадлежать еще более значительное место. К примеру, если во главе государства окажется «особенно одаренный» человек, то он, хотя и не в состоянии будет сдержать сам эволюционный процесс, все же использует свои возможности для того, чтобы «ускорить его или дать ему несколько иное направление» [22, с. 27, 28].

«Скачки в процессе накопления знаний» – это тоже «“катастрофы” и “случайные события”», которые способны нарушить постепенный характер развития общества [22, с. 27].

Из приведенных материалов становится ясно, что М. М. Хвостов не разделял события по степени их значимости, поэтому и не делал различий между лексемами «событие», «случай», «момент», «катастрофа». Следовательно, его не смущала и не могла смутить подмена вполне нейтрального по смыслу слова «событие», которое в методологии позитивизма было тождественно историческому факту [14, с. 459], на слово «катастрофа», несущее в себе ярко выраженный смысл внезапного, непредвиденного, разрушающего, агрессивного действия, нередко влекущего за собой гибель всего живого [13, с. 220]. Катастрофу нельзя воспринимать иначе как антипод эволюции: она представляла смертельную опасность для сбалансированной социальной системы, приближая ее к краху или преждевременным перерождениям.

Много ли «катастроф» было в истории народов Древнего мира, предложенной вниманию студентов профессором М. М. Хвостовым в лекционных курсах? Желая получить ответ на этот вопрос, обратимся к соответствующим материалам, из которых нам станет ясно, насколько точно историософские положения профессора соответствовали его взглядам на конкретику «истории состояний» и «истории событий» древневосточных и античных государств.

Великолепный знаток древневосточной и античной истории, он с большим мастерством и дотошностью эрудита излагал панораму политических коллизий и социальных бурь у африканских, азиатских и европейских народов на всем протяжении их многовекового существования. Интерес к «чисто историческому фактическому материалу» [17, с. 8] был у него в крови: без факта, подлинность и достоверность которого устанавливались кропотливыми и тщательными исследовательскими процедурами [17, с. 8, 22, 85–87], история для него как профессионала не представляла никакой ценности.

Однако насыщенная событиями история народов Древнего мира, всегда излагавшаяся в хронологической последовательности фактов, не становилась основой деления учебных курсов на периоды. История войн и переворотов под пером М. М. Хвостова превращалась во внутренне обусловленный процесс изменений взаимосвязанных и взаимозависимых экономических, социальных, политико-правовых, культурно-идеологических «элементов», составлявших фундамент жизни и развития древневосточных и античных обществ. Хотя история великих полководцев и правителей, реформаторов и «революционеров» не исчезала из поля его зрения, она трактовалась частью истории народов, изучение всех сторон жизни которых: технологических процессов, форм собственности, классовых и сословных отношений, государственного устройства, религии, науки и искусства, нравов и традиций – стало для него целью профессиональной исследовательской деятельности и выражением принципиального нового – социологического – подхода к историческому процессу.

Например, разделив историю Эллады, занимавшей большое место в его наукотворчестве, на пять периодов («Эпоха эгейской культуры», «греческое Средневековье», «период классической, или городской, Греции», «эллинистический период», «период римского владычества в Греции» [17, с. 35–37; 19, с. 542–545]), М. М. Хвостов как будто забыл упомянуть о самых резонансных, знаковых событиях в истории греков. О наличии таких узловых, поворотных моментов, которые сообщали историческому процессу новое содержание, мы узнаем не из периоди-

[1] Аналогичные рассуждения есть и в статье М. М. Хвостова «К вопросу о задачах истории» [21, с. 820].

зации древнегреческой истории, а из «Оглавления»[2]. Кроме того, какой бы факт из истории Древнегреческой цивилизации мы не взяли: будь то Греко-персидские войны или македонское завоевание, обострение социальных противоречий, переходящих в «революции» [17, с. 150, 224, 227], или внутри- и «межпартийную» борьбу [17, с. 142, 214, 230–232, 236] – ни одно из этих или других подобных – на самом деле, взрывных по силе – событий не являлось «катастрофой», грозившей полным уничтожением греческой самобытности и прекращением процесса ее развития. В новой историко-культурной среде, с новыми хозяйственными потребностями, материальными и интеллектуальными запросами, с новой расстановкой профессиональных групп, социальных страт и политических сил безостановочное движение по вектору «только вперед», по ступеням прогресса в экономической, государственно-правовой, религиозной, «чисто культурной» сферах [17, с. 124, 130, 137, 196] ведущих греческих полисов продолжалось. Даже редкие периоды «регресса» – например, «понижения культуры (гомеровских греков. – *М. Н., Т. П.*) сравнительно с микенским временем» – могли сочетаться с «прогрессом… в некоторых отношениях» [17, с. 76, 85] и, более того, – с формированием «феодального» уклада жизни, более «правильного» и совершенного по сравнению с предшествовавшей «доисторической эпохой» [17, с. 36][3].

Плавному течению истории не могли воспрепятствовать даже «экономические и связанные с ними социальные перевороты», к примеру обусловленные «постепенной» ликвидацией «старых феодальных порядков» гомеровского времени: во-первых, потому, что перевороты эти были, по утверждению автора, исподволь подготовленными; во-вторых, они шли с различной интенсивностью, не охватывая сразу весь греческий мир; в-третьих, потому, что любая историческая эпоха, как отмечал М. М. Хвостов, прежде всего, наполнена «рядом исторических процессов» [17, с. 36], а они, как известно, характеризуют не «историю событий», а «историю состояний», или «общих перемен», которые осуществляются «в течение продолжительного периода» [17, с. 23, 82].

Составленные ученым периодизации истории народов древности как нельзя лучше подтверждали континуальный, а не дискретный характер процессов их эволюции, так как в основе называвшихся процессов лежали очевидные в ретроспективном анализе значимые историко-культурные изменения, затрагивавшие уклад жизни обывателей Востока и Запада. Границы между выделенными периодами устанавливались не на основании «катастроф», способных потрясти до основания реконструированную историческую действительность, а в ходе логических операций, сопряженных с формализованным дискурсом, во имя сугубо научных и педагогических целей. «В исторической периодизации, – совершенно справедливо замечал М. М. Хвостов, – точной грани нельзя провести. Всякое деление на периоды искусственно: резких переходов от одного периода к другому не бывает» [17, с. 5].

Самой красноречивой иллюстрацией сказанному является уже упомянутая выше периодизация древнегреческой истории. В ней нет указаний на какие-либо события, даже самого судьбоносного характера, которые могли бы выполнить роль поворотных пунктов истории и стать водоразделами между смежными периодами[4]. Она лишена имен даже самых выдающихся эллинов. Такой прием, на наш взгляд, использован М. М. Хвостовым осознанно. По его представлениям, у истории нет творцов – она задается процессами, вызревавшими самопроизвольно, вне зависимости от сознания и воли тех, кто хотел бы историей управлять.

Итак, «историю Древней Греции можно разделить на следующие пять периодов: 1) *эпоха Эгейской культуры*, когда на европейском и азиатском побережье и островах Эгейского моря впервые развивается значительная культура; строго говоря, эта эпоха представляет из себя ряд исторических процессов, в которых играет роль не только греческое, но, вероятно,

---

[2] К ним относились: «Борьба греческих городов-государств с соседями (Греко-персидские войны)»; «Борьба Афин со Спартой за преобладание (Пелопоннесская война и ее предвестники)»; «Внутренний кризис в государствах-городах (классовая борьба) и попытки новых государственных образований в первую половину IV века»; «Македонское завоевание» [17, с. 261, 262].

[3] «Греческим Средневековьем», характеризующимся господством «землевладельческой знати, феодализмом, зависимым положением значительной части низших классов… преобладанием натурального хозяйства», М. М. Хвостов называет «гомеровский период». Его аналогом «в общественном и государственном укладе» был «строй средневековой Европы» [17, с. 36].

[4] Ш.–В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, монографию которых М. М. Хвостов рекомендовал студентам для постижения методологии истории [22, с. 7, 85], утверждали, что «средство для разграничения периодов дают события» [4, с. 200].

и догреческое население данной географической области… 2) *греческое Средневековье*… Этот период в новейшей историографии получил такое название, ибо основные явления в общественном и государственном укладе его во многом напоминают строй средневековой Европы (преобладание натурального хозяйства; феодализм, господство земледельческой знати, зависимое положение значительной части низших классов; религиозная окраска духовной культуры)… 3) период классической, или городской, Греции (господство *полиса* как формы социальной жизни). Этот период начинается экономическим и связанным с ним социальным переворотом, охватившим значительную часть греческих поселений и уничтожившим здесь постепенно старые феодальные порядки; характерной особенностью этого периода является интенсивное развитие городских центров… В культурном отношении этот период характеризуется разложением древних религиозных представлений, появлением «светской» науки и философии, пышным расцветом разных видов искусств в городских центрах… 4) *эллинистический период* есть время, когда появляются более сложные формы экономической жизни (широкое развитие обмена); полис… разлагается и на его место заступают новые государственные организации, зачатки которых… имелись уже в предшествующем периоде; это по преимуществу или феодальные республики или более или менее значительные монархии. В культурном отношении этот период характеризуется, главным образом, широким распространением греческой культуры за пределы классической Греции, развитием специальных наук… 5) *период римского владычества*, являющийся, в сущности, завершением эллинистического периода: развитие обмена в сфере экономической жизни тесно связывает, прямо или косвенно, область Эгейского моря с остальным бассейном Средиземного моря, включая и западную его часть; одновременно с этим экономическим объединением происходит и объединение политическое, которое в результате ряда сложных исторических процессов завершается включением греческих обществ в состав Римского государства… С этих пор судьба Греции тесно связана с судьбами поздней Римской республики, а затем и Римской империи» [17, с. 35–37. Курсив автора].

Концепция периодизации истории Древнего Рима тоже сохраняет в неизменном виде наиболее важные для ученого ориентиры на «историю состояний». Вновь в центре научных интересов М. М. Хвостова – разворачивание исторического процесса: сначала в Риме-городе, затем – в Италии и, наконец, – в Римской мировой державе. Вновь повествование организовано по схеме: экономическая жизнь, общественные отношения, государственно-политическое устройство, религиозно-культурные достижения. В социологизированной схеме внутри- и внешнеполитического развития Рима по-прежнему не хватает места историческим персонажам. Они словно прячутся за процессами; во всяком случае, «история состояний» заполняет собой «историю событий». И хотя внутри пяти периодов древнеримской истории нам встречается гораздо больше точных дат (что бросается в глаза на фоне их отсутствия в периодизации истории Древней Греции), произвольность или случайность выделенных хронологических рубежей[5] дает основания относиться к ним как к меткам,

[5] Если при периодизации древнегреческой истории М. М. Хвостов оперирует только веками (XI–VIII вв. до н. э.; VII – вторая половина IV в. до н. э.; конец IV – начало II в. до н. э.; начало II в. до н. э. – конец V в. н. э.), то в ходе деления истории Древнего Рима на периоды он использует твердо фиксируемые даты, соответствующие тем или иным событиям. Эти события не всегда были «эпохальными», а нередко называвшиеся события располагались «внутри» периода, то есть не совпадали с обозначенными временны́ми рамками.

Первый период («с незапамятных времен до 400 или 391 г. до Р. Х.») соответствовал древнейшему этапу существования Рима-города, когда «в экономическом отношении… преобладает домашнее хозяйство примитивного типа» со слабо развитым обменом; «в социальном быту мы замечаем два основных класса – патрициев и плебеев… в политическом отношении Рим является городской общиной; культурнее состояние его характеризуется низким уровнем; религия примитивна».

Второй период (400(391)–272 гг. до н. э.) начался с завоевания гражданами Вечного города Этрурии (396–387 гг. до н. э.). Утверждая, что «римское государство во многом изменяется», М. М. Хвостов перечисляет эти изменения: развивается обмен, происходит уравнение сословий (видимо, патрициев и плебеев, которые прежде назывались «классами»); Рим превращается в «федерацию различных общин – сельских и городских», которые находились на всей территории Апеннинского полуострова.

Третий период (272–30 гг. до н. э.) начинается с важных внешнеполитических событий – борьбы римлян с эпирским царем Пирром и превращения Рима в хозяина Италии, что, в свою очередь, обеспечило гарантии экспансионистской политике римских полководцев на побережье Средиземного моря.

Экономический уклад характеризуется «сложными международными экономическими отношениями», развитием денежного хозяйства. Появление на этой основе новых «классов»: всадников – владельцев «денежного капитала» и обезземеленного крестьянства – приводит к началу «классовой борьбы», в

ориентирам в линейном развертывании исторической эволюции Древнеримской цивилизации.

Непрерывное эластичное полотно истории, растягиваясь под пером историка до реконструкции «истории состояний», поглощает в себя и нивелирует роль «гениев» – «даровитых личностей»: «в хозяйственной жизни личность играет небольшую роль», «даже в искусстве личность не может повернуть общий ход его на другой путь»; «отдельные события могут измениться под влиянием личности, но общий ход политической жизни не может быть изменен» [22, с. 78, 79].

Личность, как бы грандиозна по своим масштабам она не была, «не может произвести значительных переворотов в состояниях», решительно заявлял М. М. Хвостов, ибо для выполнения этой роли «нужно, чтобы она гармонизировала с условиями общественной жизни» [22, с. 80, 82]. Казалось бы, кто больше А. Македонского мог изменить ход античной истории? «Им было произведено объединение Балканского полуострова, Передней Азии и Египта, – перечислял заслуги великого полководца профессор, но тут же предлагал учитывать обстоятельства, без которых этих побед просто не могло бы быть. – Но нужно считаться, во-первых, с тем, что почва для такого объединения была подготовлена до Александра Филиппом Македонским. Мало того: ее подготовили еще Персидская монархия и даже Ассирия… Объединительная работа (А. Македонского. – *М. Н., Т. П.*) удалась лишь в тех местностях, где была установлена уже известная связь между завоеванными народами…» [22, с. 80, 81]

Ход римской истории при помощи «идеи Римской империи» пытался изменить Г. Юлий Цезарь, жизнь России – Петр Великий, хотя «почва для монархического строя (в Римской республике. – *М. Н., Т. П.*) подготовлялась и без Цезаря», а деятельность Петра I имела успех лишь потому, что соответствовала «тогдашним потребностям общества» и была тесно связана «с теми процессами, которые имели место еще в XVII в.», убеждал свою аудиторию М. М. Хвостов [22, с. 81].

Следовательно, даже исторические знаменитости, великие полководцы и гениальные политики не могут коренным образом «изменить того, что создавалось веками», подчинить своим планам глубинные силы и естественно протекавшие процессы развития народов, направить движение истории вспять, делал вывод ученый [22, с. 82], не способный предвидеть последствий эпохальных событий 1917 г.[6]

Вместе с тем он замечал, что «в истории отдельных событий» игнорировать личностное начало было бы опрометчиво, так как «роль личности стушевывается» только тогда, когда «мы изучаем общество в большом масштабе», в контексте «длительных состояний», «в течение продолжительного периода». Чтобы сделать свои доводы более выразительными, он даже приводил пример из географии: «Когда мы рассматриваем известную местность с высокой горы, мы не замечаем деталей: мы можем видеть, что пересекающие эту местность реки текут в определенных направлениях, но мы не заметим всех извилин реки, цвета воды, характера берегов и т. д. Это будет заметно лишь при рассмотрении отдельной части данной местности с более близкого пункта. Но тогда ведь перед нашими глазами останется лишь кусочек преж-

---

которую включаются также римские союзники в Италии и провинциалы, лишенные гражданских прав. «Культурная сторона жизни» отмечена проникновением «эллинистической образованности» и религии.

Опуская в своем кратком обзоре основных этапов развития Римской цивилизации бурные события гражданских войн и их главных действующих лиц, автор приступает к общей характеристике четвертого периода (30 г. до н. э. – 235 г.) – эпохе ранней Римской империи. М. М. Хвостов, сохраняя избранный алгоритм объяснений: надындивидуальных эмпирических обобщений, – сообщает: «В экономическом отношении мы видим дальнейшее развитие промышленности и торговли… В социальном отношении… дальнейшую эволюцию классов»: стирание сословных границ, сокращение числа крестьян-собственников, развитие рабства, рост «промышленных и торговых классов». Политический строй характеризовался сломом республиканских органов власти, что, по представлениям преподавателя, было прогрессивным процессом, так как «империя устранила господство небольшой группы привилегированных граждан».

«Расцвет смешанной греко-римской культуры» составлял суть «культурных отношений».

Пятый период (235–476 гг.) – «от конца династии Северов» до падения Западной Римской империи – был «эпохой регресса», которая отмечена нашествием варваров, нарушением «правильных торговых сношений» и возвращением к домашнему хозяйству, закрепощением «всех классов», установлением господства бюрократии. Духовная культура, по мнению автора, «сильно понизилась», и даже христианство утратило «свою духовную сущность» [20, с. 1–6].

[6] «Учитель» М. М. Хвостова «по Московском университету» [16, с. XXVII] П. Г. Виноградов также не абсолютизировал роль личности в истории [5, с. 78].

ней картины. Точно так же и роль отдельной личности будет тем заметнее, чем на меньшем протяжении времени и пространства мы будем рассматривать исторический процесс, то есть если мы сначала оторвем свой взор от потока исторической жизни в его целом и обратимся к данному ограниченному ее пункту» [22, с. 82, 83].

Эти наблюдения автора весьма примечательны. Заметно его желание донести мысль о том, что «катастрофичность» исторического процесса не следует соотносить даже с вмешательством личностного фактора, который больше других при соответствующих обстоятельствах мог бы повлиять на исход тех или иных событий.

В этой связи любопытно было бы узнать, в чем заключалась роль личности во время революций и что из себя представляла революция, с точки зрения М. М. Хвостова.

Слова «революция», «революционный» нередко встречаются в лекционных курсах преподавателя[7]. Революционные преобразования отмечены им и в Древней Греции, и на Древнем Востоке. Например, в Древнем Египте М. М. Хвостов смог обнаружить сразу три вида «революций»: дворцовую, выражавшуюся в преследовании и истреблении Тутмосом III «сподвижников» его мачехи, Хатшепсут [18, с. 142, 155]; религиозную, инициированную Аменхотепом IV попытку внедрения единобожия, что вызвало «ожесточенную борьбу правительственной партии» со жрецами и «народными массами» [18, с. 156, 192]; и социальную – «забастовки» «рабочих» некрополя при Рамзесе III [18, с. 165].

Не подлежит сомнению, что в ходе названных событий в стране пирамид происходили важные изменения, но их трудно назвать глубокими, коренными или фундаментальными. При Тутмосе III уничтожалась оппозиция укреплявшейся государственной власти и создавалась «военно-бюрократическая монархия»; при фараоне-реформаторе Аменхотепе IV (Эхнатоне) предпринимались усилия для искоренения традиционных верований египтян, изменения их религиозного сознания, насаждения монотеизма; при Рамзесе III решалась задача сглаживания обострившихся противоречий между «верхами» и «низами».

В ходе указанных потрясений социально-политического характера использовались насильственные методы, направленные на ликвидацию внутренних проблем государства, что сближает египетские «революции» с образцами коренного качественного переустройства общества, известными науке как революции.

О масштабе «революций» свидетельствуют их итоги. Расправившись с непокорными вельможами, Тутмос III активизировал политику создания надежной опоры своей власти – армии, используя ее «для укрепления внутреннего порядка» и роста могущества Египта на мировой арене. Попытки Аменхотепа IV ослабить жречество бога Амона имели кратковременный успех и вскоре были сведены на нет его преемниками; политеизм искоренен не был. Кардинального изменения положения непосредственных производителей при фараонах XX династии не произошло, и временное ослабление эксплуатации «рабочих» некрополя не стало началом ликвидации «крепостничества» в Древнем Египте.

Таким образом, коренных изменений ни в форме государственной власти, ни в религиозном миросозерцании, ни в положении трудящихся масс «революции» не вызвали. «Скачкообразного перехода» от одного состояния египетского общества и государства к другому, то есть фундаментальных перемен в социально-политическом устройстве и религиозной картине мира, – тех изменений, которые можно было бы отождествить с революционными преобразованиями, в Египте Нового царства не случилось, да и не могло случиться, так как «революционным» изменениям подвергалась всего одна сторона сложного многогранного древнеегипетского исторического процесса, которая не предполагала резкого разрыва с предшествующей традицией, насильственного преобразования государственных и общественных институтов [14, с. 427].

Получается, что никаких весомых оснований для определения революциями дворцовых, религиозных, социальных потрясений в Египте Нового царства у профессора не было.

Видимо, М. М. Хвостов под влиянием событий 1905–1907 гг. в России ввел в свой лексикон революционную терминологию и, характеризуя напряженные внутриполитические ситуации в Древнем мире, подменял понятия «переворот» и «революция», «социальная рознь», «классовая борьба» и «революционное движение» [17, с. 205, 214, 226, 227; 18, с. 158][8].

---

[7] Так, М. М. Хвостов упоминает об «олигархической революции», «революции… на почве классового антагонизма» в Древней Греции [17, с. 214, 227].

[8] В магистерской диссертации «экономический упадок» и «политические неурядицы», наступившие с прекращением правления династии Северов, называются «революционным периодом второй половины III века» и «временем революции III века» [16, с. 412, 417].

Вместе с тем, профессору вновь со всей очевидностью удалось выразить мысль о том, что даже революция не является «катастрофой» для исторического процесса, так как не прерывает его «магистрального направления». Да, действительно, мог рассуждать он, государство, пострадавшее от множества «революций», ярче других демонстрирует восходящие и нисходящие ветви эволюции, но и эти сменявшие друг друга циклы существования этого государства не подвергают сомнению непрерывность протекания поступательных процессов или хотя бы отдельных их сторон, что в целом позволяет говорить о доминировании прогрессивной тенденции над регрессивной.

Выходит, что губительным для отдельных «культур», или цивилизаций, мог быть только неуправляемый разгул стихии, то есть настоящее, а не рожденное в сознании ученого, бедствие непреодолимой силы. Сродни катастрофе для многих народов древности были непредсказуемые последствия завоевательных походов вероломных агрессоров. Однако случаи подобного рода в своих научных и учебных штудиях М. М. Хвостов подробно не рассматривал, а только намекал на их существование [22, с. 39], как и на необходимость принятия их во внимание при изложении схожих событий во всемирно-историческом масштабе.

Напротив, во всех известных нам учебных курсах исторический процесс представлен однонаправленным непрерывным потоком, который «останавливается» не судьбоносным событием, а исключительно волевыми усилиями профессора, намеревавшегося с социологической или общеисторической точек зрения упорядочить, проанализировать или обобщить его. Исходя из логики изложения отобранных и систематизированных материалов, а также руководствуясь преднамеренными дидактическими целями, он мог, например, применительно к истории Древней Греции рассматривать исторический процесс как развитие вообще, используя для этого такие выражения, как «эволюция государств», «эволюция Афин, Арголиды», «эволюция на почве классовой борьбы» [17, с. 130, 131, 149]. Если ему надо было выделить отдельные направления изменений в древнегреческих полисах, то он прибегал к словосочетаниям: «эволюция общества», «экономическая эволюция», «политическая эволюция» [17, с. 30, 31, 33, 131].

М. М. Хвостову важно было также определить и «степень культуры», то есть достигнутый уровень историко-культурного развития, в постепенно, но постоянно развивающихся греческих полисах, и он добивался поставленной цели через экспликации достижений эллинов в различных, но взаимосвязанных сферах «политической, экономической, культурной жизни» [17, с. 31, 33, 34].

Аналогичные методы познания процесса исторической эволюции применялись им и при изложении курса древневосточной истории. Обобщающие фразы: «развитие культуры»[9], «эволюция восточных обществ», «древневосточные культуры прогрессируют», «культурный прогресс» [18, с. 7, 8, 14, 192] – сочетаются с выражениями, конкретизирующими результаты произошедших изменений в жизни народов Древнего Востока: «этапы экономического развития», «социальная эволюция», «эволюция государственных форм», «эволюция частноправовых отношений», «эволюция религии» [18, с. 8, 10–12].

Эта лексика, соответствовавшая осуществленным реконструкциям «истории состояний», но никак не «истории событий», передавала значимую для исторического мышления М. М. Хвостова идею непрекращавшихся ни на мгновение исторических изменений: обновления, роста, преобразований всех сфер жизни человеческого сообщества, в каком бы регионе Земли оно не осуществляло свое развитие.

Таким образом, в изложении М. М. Хвостова история народов древности не имела ничего общего с его же заключением о неравномерном, скачкообразном, «катастрофичном» характере исторического процесса. Даже являясь адептом идеи Г. Риккёрта об индивидуализирующем содержании истории, он не смог превратить историю Древнего мира в сплошную «историю событий» – в отбор одних лишь неповторимых фактов, не мог изображать эволюцию как сумму фактов, действий, поступков «героев» и масс. Его всегда влекло к выделению главного и существенного в историческом развитии; ему важно было понять природу типичного, массового, характерного. Он стремился обнаружить устойчивые исторические связи между событиями и явлениями; ему важно было отыскивать исторические аналогии – своеобразные повторения схожих по содержанию процессов на новых витках развития изучавшегося общества или ряда древних «культур».

---

[9] Лишенное дефиниции понятие «культура» используется М. М. Хвостовым в разных значениях: как аналог «цивилизации», «страны», «народа», «общества» [18, с. 5–7, 14].

Однако он, в отличие от Р. Ю. Виппера [12, с. 186–189], ни разу не сделал попытки порассуждать о проблеме соотношения «истории состояний» и «истории событий». Объединяя в учебной практике состояния и события и никогда не противопоставляя их, М. М. Хвостов, тем не менее, ни разу не обратил внимание своей аудитории на то, что не бывает динамики без статики, порядка без его нарушения; он никогда не акцентировал тот факт, что общество всегда находится в движении и одновременно образует устойчивую систему, и эти две стороны одного и того же исторического процесса объективно существуют, и между ними есть взаимоотношения: события могут влиять на состояния, а состояния на события. Мысль о том, что выделение независимых друг от друга «истории состояний» и «истории событий» может являться следствием влияния теоретико-методологических концепций или подходов, одинаково важных для научного исследования, также не была донесена до сознания студентов. Единственное, на что указал профессор, заключалось в выводе: «Историческая наука… должна считаться столько же с “катастрофами” и событиями, сколько с общими состояниями (в которых, надо заметить, опять-таки имеет место катастрофический элемент). Поэтому совершенно логически необходимо должна быть, кроме “истории состояний”, также и “история событий”» [22, с. 28].

Если под словом «катастрофа» понимать глубокое, коренное изменение в плавном развитии общественного процесса, то есть не что иное как революцию, то противопоставление «катастрофы» вполне безобидным фактам истории, или рядовым событиям, как в этой цитате, вполне оправдано. Однако в приводившихся прежде высказываниях такого отчетливого разделения не было, поэтому все использовавшиеся профессором аналоги «катастрофы»: «случай», «момент», «событие» – вызывали у нас противоречивые реакции и вполне обоснованные сомнения, тем более, что М. М. Хвостов старался не замечать негативных атрибуций лексемы «катастрофа». Однако, догадываясь, что при акцентировании катастрофичности или случайности в историческом процессе история может превратиться в хаос не поддающихся объяснению фактов и явлений, он смягчил категоричность своих высказываний: «Конечно, современная наука не может разделять взгляда Кювье[10], который сводил всю историю земли к катастрофам, но она усматривает в эволюции ряд частичных, отдельных катастроф» [22, с. 24]. Они придают историческому процессу скачкообразный характер, поэтому «общественная эволюция, – заключал он, – протекает… не равномерно, а скачками, “событиями”» [22, с. 39].

Но, если после этих слов нам покажется, что мы узнаем все о судьбоносных событиях, способных изменить содержание исторического процесса (или хотя бы темпы, направления осуществления эпохальных перемен), то непременно ошибемся в своих ожиданиях. Вместо таких событий М. М. Хвостов перечислил причины, которые, на его взгляд, придавали общественной эволюции скачкообразный характер.

Главную причину, нарушавшую «правильность эволюции[11] каждого общества» [22, с. 39], исследователь, психологизируя социальные явления[12], видел в гетерогенности общественной

---

[10] М. М. Хвостов упомянул имя Ж. Кювье (1769–1832) – французского палеонтолога, автора теории катастроф, сумевшего «одержать победу над ранним эволюционизмом Ламарка, Сент-Иллера». Известно, что его исследования повлияли на создание теории Ч. Дарвина, которая возникла «как антитеза катастрофизму Кювье» и поэтому элиминировала любые намеки на скачкообразность процесса развития, которые казались «неуместным возрождением только что отброшенных воззрений».

Когда появились теории наследственных мутаций, интерес к скачкообразному развитию вновь оживился, но столкновения дарвинистов и антидарвинистов были столь яростными, что они только усилили «неразбериху мнений», вместо того, чтобы дать дополнительный шанс для более глубокого «уяснения проблемы скачков».

Представители спиритуалистических философских систем ухватились за идею «перерыва постепенности» в эволюции видов, истолковывая ее как «разрыв в детерминистической цепи явлений», что напрочь убило желание дарвинистов «вводить скачки в свою концепцию развития» [15, с. 233, 234].

Интерес М. М. Хвостова к катастрофическому элементу в общественной эволюции был, по-видимому, отголоском этой хорошо ему известной научной полемики. Склонность к конформизму в очередной раз обнаружила себя в занятой им позиции совмещения плавной эволюции «истории состояний» со скачкообразной «историей событий», что, на наш взгляд, нарушало эволюционный вариант развития в виде поступательного прямолинейного движения общества с вектором «только вперед».

[11] Слово «правильность» может содержать указание на детерминированность исторического процесса.

[12] Психологизация исторического процесса входила в арсенал методологических средств познания прошлого у современников М. М. Хвостова: Э. Бернгейма, Г. Зиммеля, Н. И. Кареева [1, с. 63, 64, 125, 126; 2, с. 2, 3, 40, 152; 3, с. 98–117, 222–237, 256–297] – и других ученых.

О широком распространении подобной интенции см., к примеру: 6, с. 54–59, 70; 23, с. 76, 79.

среды: «Чем индивиды своеобразнее, – тем больше катастрофического элемента будет в истории общества, тем более общество в своем развитии будет уклоняться от непрерывного последовательного эволюционного ряда. Таким образом, – делал вывод М. М. Хвостов, – самый состав общества обусловливает катастрофический элемент в его эволюции» [22, с. 26].

Подобно «неоднородности» индивидов, отличающихся друг от друга физическими и психическими параметрами, «неоднородностью» страдают и группы, в которые интегрированы люди: «родовые объединения, классы, правительственные организации». «Эти внутренние силы», в свою очередь, наполняют «культурную среду», которая сама «эволюционирует», причем, подчиняясь силе «катастрофического элемента», делает это «скачками, как и данное общество». Враждебные отношения с «соседними обществам» также могли поколебать «правильность эволюции» и привести к неожиданным общественным изменениям [22, с. 38, 39].

Эти положения указывают на то, что мы вновь имеем дело с попытками М. М. Хвостова не замечать события грандиозного масштаба (которые было бы сродни «катастрофе») и выводить (вопреки заявлениям) ход рассуждений в привычное и понятное ему русло «истории состояний».

Само же намерение М. М. Хвостова актуализировать эволюционную теорию за счет «катастрофизма» Ж. Кювье и последовавшее за этим механическое соединение воззрений о континуальности и одновременной скачкообразности исторического процесса мы расцениваем как недостаточно продуманную логическую операцию, которая обрекала на разрушение создававшуюся профессором концепцию общественного развития.

Итак, не расставаясь с интенцией создавать социологическую историю, берущую истоки в «истории состояний», М. М. Хвостов при помощи лексемы «катастрофа» пытался восстановить в правах «историю событий», не задумываясь о том, что вносит разлад в свою же версию о форме протекания процесса исторической эволюции. Заявляя о том, что события определяют ход истории, он превращался в историка-практика, для которого событие являлось основой, исходным пунктом историографии. Но ка́к надо было производить отбор значимых для историка событий, как отличить их от случая или происшествия, как соотнести микро- и макрособытия, охватывавшие значительный по протяженности отрезок времени? На серию этих важных для интерпретации исторического процесса вопросов ученый не давал ответа, потому что даже не задумывался над ними – об этом говорит, хотя бы, указанная нами терминологическая неразбериха в его самом главном историософском сочинении.

Однако несколько очень важных аспектов событийной истории М. М. Хвостов все-таки выделил. Это последовательность событий, их причинность и взаимозависимость.

Список литературы

1. *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку / Пер. с нем. ; под ред. проф. С. Е. Сабинина. Москва : Издание М. Н. Прокоповича, 1908. 185 с.

2. *Зиммель Г.* Проблемы философии истории (Этюд по теории познания) / Пер. под ред. В. Н. Линда. Москва : Книжное дело, 1898. 165 с.

3. *Кареев Н. И.* Введение в изучение социологии. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 418 с.

4. *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории / Пер. с фр. А. Серебряковой. Санкт-Петербург : Склад изданий и книжный магазин для иногородних О. Н. Поповой, 1899. 275 с.

5. *Малинов А. В.* Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. Санкт-Петербург : Нестор, 2005. 216 с.

6. *Медушевская О. М.* Методология истории как строгой науки // Методология истории : в 2 т. Т. 1 / А. С. Лаппо-Данилевский ; подг. текста Р. Б. Казаков, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 23–84.

7. *Нечухрин А. Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2002. 349 с.

8. *Новиков М В., Перфилова Т. Б.* Концепты «общество» и «эволюция» в трактовке М. М. Хвостова // Вестник гуманитарного образование. 2021. № 1. С. 7–16.

9. *Новиков М. В. Перфилова Т. Б.* Особенности научного мировоззрения М. М. Хвостова // Вестник Московского университета. 2020. № 4. С. 56–74.

10. *Новиков М. В., Перфилова Т. Б.* М. М. Хвостов: восхождение к вершинам научной и профессиональной деятельности // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 4. С. 89–100.

11. *Новиков М. В., Перфилова Т. Б.* «Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10. С. 166–173.

12. *Сафронов Б. Г.* Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1976. 221 с.

13. Словарь иностранных слов. 14-е изд., испр. Москва : Рус. яз., 1987. 608 с.

14. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. Москва : Аквилон, 2014. 576 с.

15. *Уткина Н. Ф.* Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века). Москва : Наука, 1975. 320 с.

16. *Хвостов М. М.* История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. – 284 г. по Р. Х.). Казань : Типо-литография Императорского ун-та, 1907. 479 с.

17. *Хвостов М. М.* История Греции. Лекции, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах. 2-е изд., доп. / Под ред. Г. Пригоровского. Москва : Государственное изд-во, 1924. 262 с.

18. *Хвостов М. М.* История Древнего Востока. 2-е изд. / Под ред. Г. Пригоровского. Ленинград : Государственное изд-во, 1927. 275 с.

19. *Хвостов М. М.* История Древней Греции // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XVI. С. 528–624.

20. *Хвостов М. М.* История Рима: конспективное изложение лекций, читанных в 1906–1907 академическом году. Казань, 1907. С. 1–6.

21. *Хвостов М. М.* К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). Москва : Печатня С. П. Яковлева, 1909. С. 791–824.

22. *Хвостов М. М.* Лекции по методологии и философии истории. Изд. 2-е. Москва : Либроком, 2011. 101 с.

23. *Хмылев Л. Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск : Изд-во ТГУ, 1978. 172 с.

"The history of states" and "the history of events" in the scientific discourse of M. M. Khvostov

M. V. Novikov[1], T. B. Perfilova[2]

[1]Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of theory and methodology of professional education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

[2]Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The article considers M. M. Khvostov's system of views on the nature of social evolution in relation to the history of the peoples of the Ancient World. The eclecticism of the scientist's ideas is noted, which was most clearly manifested in the course of his arguments on the problem of the interaction of the "history of states" and the "history of events", which is important for the philosophy of positivism. "State" in the scientist's interpretation is "general changes" and "similar in individual events", "events" is an accident, a "catastrophic element". Attention is drawn to the peculiar interpretation of the concept of "catastrophe" by Khvostov, whose analogues he considered "case", "event", "moment". The author notes Khvostov's attempt, like many representatives of "critical" positivism, to psychologize the historical process, to find the causes of "catastrophes" in the originality of the psychology of individuals and social groups that make up society: the more originality, the more "catastrophic element in society", the more such a society will deviate from the continuous sequential process of evolutionary development. Turning to the problem of personality in history, Khvostov argued that no matter how grandiose and significant a person, including Alexander the Great, Julius Caesar, Peter the Great, she "cannot produce significant coups in states", although in the history of individual "events", such as the revolution, it would be rash to ignore the role of personality. It is emphasized that Khvostov has always been attracted to highlight the main and essential in historical development, he sought to understand the nature of the mass, typical, to find stable connections between events and phenomena, to find historical analogies. At the same time, it is noted that Khvostov is unwilling to seriously address the problem of the relationship between the concepts of "history of states" and "history of events", to accept that these two concepts are two sides of the same historical process forming a stable system, that there are relationships between them, and "states" can influence "events", and "events" – on "states".

Keywords: "history of states", "history of events", human society, evolution, revolution, catastrophe, historical personality, eclecticism.

References

1. *Bernheim E. Vvedenie v istoricheskuyu nauku* [Introduction to historical science] / Transl. from Germ.; ed. by Prof. S. E. Sabinin. M. Edition of M. N. Prokopovich. 1908. 185 p.

2. *Simmel G. Problemy filosofii istorii (Etyud po teorii poznaniya)* [Problems of the philosophy of history (A study on the theory of knowledge)] / Transl. ed. by V. N. Lind. M. Knizhnoe delo. 1898. 165 p.

3. *Kareev N. I. Vvedenie v izuchenie sociologii* [Introduction to the study of sociology]. SPb. M. M. Stasyulevich's Printing house. 1897. 418 p.

4. *Langlois Sh.-V., Senobos Sh. Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction to the study of history] / Transl. from Fr. by A. Serebryakova. SPb. A warehouse of publications and a bookstore for nonresidents by O. N. Popova. 1899. 275 p.

5. *Malinov A. V. Pavel Gavrilovich Vinogradov: Social'no-istoricheskaya i metodologicheskaya koncepciya* [Pavel Gavrilovich Vinogradov: Socio-historical and methodological concept]. SPb. Nestor. 2005. 216 p.

6. *Medushevskaya O. M. Metodologiya istorii kak strogoj nauki* [Methodology of history as a strict science] // *Metodologiya istorii : v 2 t. T. 1* – Methodology of history : in 2 vols. Vol. 1 / A. S. Lappo-Danilevsky; prep. of texts by R. B. Kazakov, O. M. Medushevskaya, M. F. Rumyantseva. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2010. Pp. 23–84.

7. *Nechuhrin A. N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossijskoj pozitivistskoj istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.)* [Theoretical and methodological foundations of Russian positivist historiography (80-ies of the XIX century – 1917)]. Grodno. GrSU. 2002. 349 p.

8. *Novikov M V., Perfilova T. B. Koncepty "obshchestvo" i "evolyuciya" v traktovke M. M. Hvostova* [The concepts of "society" and "evolution" in the interpretation of M. M. Khvostov] // Herald of humanitarian education. 2021. No. 1. Pp. 7–16.

9. *Novikov M. V. Perfilova T. B. Osobennosti nauchnogo mirovozzreniya M. M. Hvostova* [Features of the scientific worldview of M. M. Khvostov] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* – Herald of Moscow University. 2020. No. 4. Pp. 56–74.

10. *Novikov M. V., Perfilova T. B. M. M. Hvostov: voskhozhdenie k vershinam nauchnoj i professional'noj deyatel'nosti* [M. M. Khvostov: ascent to the heights of scientific and professional activity] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of humanitarian education. 2020. No. 4. Pp. 89–100.

11. *Novikov M. V., Perfilova T. B. "Eto byl chelovek truda": pamyati M. M. Hvostova* ["It was a man of labor": in memory of M. M. Khvostov] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2020. No. 10. Pp. 166–173.

12. *Safronov B. G. Istoricheskoe mirovozzrenie R. Yu. Vippera i ego vremya* [The historical worldview of R. Yu. Vipper and his time]. M. Moscow University. 1976. 221 p.

13. *Slovar' inostrannyh slov. 14-e izd., ispr.* – Dictionary of foreign words. 14th ed., corr. M. Rus. yaz. (Russian language). 1987. 608 p.

14. *Teoriya i metodologiya istoricheskoj nauki. Terminologicheskij slovar'* – Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary / Ed. by A. O. Chubaryan. M. Aquilon. 2014. 576 p.

15. *Utkina N. F. Pozitivizm, antropologicheskij materializm i nauka v Rossii (vtoraya polovina XIX veka)* [Positivism, anthropological materialism and science in Russia (the second half of the XIX century)]. M. Nauka. 1975. 320 p.

16. *Khvostov M. M. Istoriya vostochnoj torgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do n.e. – 284 g. po n. e.)* [History of the Eastern trade of Greco-Roman Egypt (332 BC – 284 AD)]. Kazan. Typo-lithography of the Imperial University. 1907. 479 p.

17. *Khvostov M. M. Istoriya Grecii. Lekcii, chitannye v Kazanskom universitete i na Kazanskih vysshih zhenskih kursah. 2-e izd., dop.* [History of Greece. Lectures given at Kazan University and at Kazan Higher Women's courses. 2nd ed., suppl.] / Ed. by G. Prigorovsky. M. State Publishing House. 1924. 262 p.

18. *Khvostov M. M. Istoriya Drevnego Vostoka. 2-e izd.* [History of the Ancient East. 2nd ed.] / Ed. by G. Prigorovsky. L. State Publishing House. 1927. 275 p.

19. *Khvostov M. M. Istoriya Drevnej Grecii* [History of Ancient Greece] // *Enciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* – Encyclopedic dictionary of the Russian Bibliographic Institute Granat. 12th stereotypical ed. M. Withot year. Vol. XVI. Pp. 528–624.

20. *Khvostov M. M. Istoriya Rima: konspektivnoe izlozhenie lekcij, chitannyh v 1906–1907 akademicheskom godu* [The history of Rome: a summary of lectures given in the 1906–1907 academic year]. Kazan. 1907. Pp. 1–6.

21. *Khvostov M. M. K voprosu o zadachah istorii* [On the question of the tasks of history] // *Sbornik statej, posvyashchennyh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskomu ego uchenikami, druz'yami i pochitatelyami ko dnyu tridcatiletiya ego professorskoj deyatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrya 1879 – 5 dekabrya 1909 goda)* – Collection of articles dedicated to Vasily Osipovich Klyuchevsky by his students, friends and admirers on the day of the thirtieth anniversary of his professorial activity at Moscow University (December 5, 1879 – December 5, 1909). M. Printing house of S. P. Yakovlev. 1909. Pp. 791–824.

22. *Khvostov M. M. Lekcii po metodologii i filosofii istorii* [Lectures on methodology and philosophy of history]. 2nd ed. M. Librocom. 2011. 101 p.

23. *Khmylev L. N. Problemy metodologii istorii v russkoj burzhuaznoj istoriografii konca XIX – nachala XX v.* [Problems of the methodology of history in the Russian bourgeois historiography of the late XIX – early XX century]. Tomsk. TSU. 1978. 172 p.

УДК 947(470+571) DOI: 10.25730/VSU.2070.21.016

Советская Россия на Гаагской конференции 1922 г.

Н. Е. Быстрова
доктор исторических наук, ученый секретарь, Институт российской истории РАН.
Россия, г. Москва. E-mail: iriran@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории международной финансово-экономической конференции, проходившей с 15 июня по 20 июля 1922 г. в Гааге. Эта конференция стала продолжением проходившей в том же году Генуэзской конференции. В Гааге собрались правительственные эксперты и крупные предприниматели, чьи интересы были тесно связаны с Россией. Гаагской конференции, по мнению советского руководства, предстояло в первую очередь заняться вопросом финансовой помощи России, и только после решения этого вопроса следовало перейти к обсуждению других, не решенных в Генуе, вопросов.

На новом архивном материале, в частности, документах из особой коллекции «Досье газетных вырезок из советской и мировой иностранной прессы за 1917–1935 гг.», хранящейся в Научном архиве Института российской истории РАН, показан процесс разработки тактики российской делегации на конференции, ее программы. Повестка дня Гаагской конференции включала вопросы о претензиях западных стран к Советскому государству, связанных с национализацией собственности иностранцев и аннулированием долгов царского и Временного правительств, о возможности и условиях предоставления кредитов России. В Гааге российская делегация заявила о готовности обсуждать формы компенсации тем бывшим иностранным собственникам, которые не будут удовлетворены формой компенсации в виде концессии, при условии, что Советское правительство получит определенное заявление о предоставлении ему кредитов. Однако без согласия России на выплату долгов, реституции собственности иностранцев и компенсации потерь от национализации западные страны обсуждать вопрос о кредитах отказались. Обосновываются выводы о том, что после Гааги усилилось движение правительства большевиков в сторону реальной политики; при этом развитие различных форм хозяйственных связей Советской России с западными странами прокладывало путь к нормализации политических отношений между ними, готовя почву для дипломатического признания советского государства.

Ключевые слова: Гаагская конференция 1922 г., М. М. Литвинов, русская проблема, долги царского и Временного правительств, частная собственность, кредиты, Русская и Нерусская комиссии, концессии.

Уроки и опыт конференций 1922 г. в Генуе и Гааге, ставших первыми серьезными попытками нормализации политических и торгово-экономических отношений между Советской Россией и странами Запада, не теряют своей актуальности. Объективные основы советской внешней политики, опыт её становления, дипломатическая история формирования нового мирового порядка по-прежнему находятся в фокусе интересов исследователей.

В Гааге встретились представители заседавших с 10 апреля по 19 мая 1922 г. в Генуе государств, кроме Германии, которая, по словам премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа, сепаратным соглашением в Рапалло исключила себя из предстоявших переговоров по вопросам, относившимся к русским делам [16, с. 106]. Гаагская международная финансово-экономическая конференция проходила с 15 июня по 20 июля 1922 г.

История Гаагской конференции представлена как в работах ее участников и их современников, так и в общих трудах по истории внешней политики советского государства, написанных позднее [7; 8; 11; 20; 22; 24; 26]. Многие из этих работ хорошо фундированы и не потеряли своей научной значимости до сих пор. Среди них труды Л. Н. Нежинского, В. А. Шишкина, А. О. Чубарьяна, других историков [1; 2; 9; 18; 27; 29; 30], а также ряда зарубежных исследователей [32; 33; 34; 35].

Цель статьи – показать малоизвестные страницы дипломатической истории Гааги, раскрыть цели, которые советское руководство с учетом нового внешнеполитического курса в условиях нэпа преследовало участием России в конференции. Важным представляется показ работы по выработке тактики делегации Советской России, ее программы, в частности поиск границ возможных уступок со стороны Советской России требованиям западных держав в качестве условий оказания ей финансовой помощи. Раскрыть тему исследования помогают

© Быстрова Н. Е., 2021

материалы фондов Гаагской конференции Архива внешней политики РФ, документальные публикации [4; 5; 10; 17], труды и статьи государственных и политических деятелей того времени [12–15; 28]. Комплексному анализу подвергнуты материалы особой коллекции «Досье газетных вырезок из советской и мировой иностранной прессы за 1917–1935 гг.», хранящейся в Научном архиве Института российской истории РАН.

Что было выгоднее для России и стран Запада в начале 1920-х годов: изоляция Советской России от Европы или ее большая открытость по отношению к Западу, в частности к притоку западного капитала, являлись ли коммунистические идеи лишь «фасадом российского экономического здания»? [6] Эти вопросы интересовали как современников событий, так и исследователей более позднего времени.

Генуя, выяснив вопрос об условиях для договорных отношений между Россией и западными державами, дала возможность Гаагской конференции заняться поиском практических мер. Гаага, став продолжением Генуэзской конференции, была менее представительной. В ней приняли участие правительственные эксперты и крупные предприниматели, чьи интересы были связаны с Россией.

Конференция, как было задумано в Генуе, разделилась на две комиссии: Русскую и Нерусскую. В Нерусскую комиссию входили делегаты всех представленных в Генуе стран, кроме России; эта комиссия собралась в Гааге на 10 дней раньше Русской и должна была заняться изучением разногласий между советским правительством и правительствами других государств по вопросам о долгах, частной собственности и кредитах, а также выработкой по этим вопросам согласованных предложений. Совещания делегатов Нерусской комиссии начали работу 15 июня; они были объявлены закрытыми, представители прессы на них не допускались. Под руководством французских представителей Нерусская комиссия разработала предварительные условия для предъявления российской делегации.

Центральным на переговорах стал вопрос о судьбе национализированной иностранной собственности в России. Франция и Бельгия требовали ее безусловного возвращения, в то время как Великобритания и Италия были готовы удовлетвориться выплатой за нее денежной компенсации.

Как и перед Генуей, Франция пыталась сорвать конференцию или отсрочить ее, не допустить коллективного соглашения с Россией. Срыва конференции добивалось и американское правительство, выдвигавшее в течение последних двух лет предложение о создании специальной комиссии для изучения состояния дел непосредственно в России, которое советским правительством отвергалось.

2 июня 1922 г. премьер-министр Франции Р. Пуанкаре отправил правительству США и всем союзным правительствам меморандум, в котором настаивал на совещательном характере Гаагской конференции с участием экспертов, а не полномочных представителей государств. В программу Гаагской конференции он предлагал включить подробный перечень условий, которые Россия должна предварительно принять, и относительно которых все державы должны договориться прежде, чем они будут предъявлены русскому правительству[1]. Гаагская конференция должна была ограничиться обсуждением трех сторон русской проблемы: вопросами о долгах, частной собственности и кредитах. В вопросе о долгах, как было указано во французском меморандуме, надлежало установить «различие между государственными и частными долгами». Советскому правительству предлагалось «признать все военные и довоенные долги России», но такое признание не предполагало «требования государствами-кредиторами немедленной уплаты капитальной суммы и процентов по военным долгам»[2]. Относительно частных долгов Пуанкаре считал, что Советское правительство должно подчиниться решению арбитражной комиссии, которая рассмотрела бы претензии держателей русских бумаг и постаралась бы найти компромисс. Пуанкаре настаивал на полном признании частной собственности и возвращении бывшим собственникам национализированных иностранных предприятий в России.

11 июня правительство Великобритании согласилось с премьером Франции в том, что Гаагская конференция должна быть только совещанием экспертов, однако заявило о нецелесообразности предварительной выработки единой западной позиции. Английское правительство высказалось против Пуанкаре в вопросе о частной собственности: «Вернет ли рос-

[1] Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 104.
[2] Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 104.

сийское правительство бывшим собственникам конфискованные имущества или даст им возмещение – это вопрос, подлежащий исключительно его ведению. Навязывать российскому правительству какой бы то ни было принцип было бы, по мнению англичан, равносильным нарушению права, на что никогда не согласилось бы никакое суверенное государство» [3, с. 72]. Россия, каково бы ни было мнение иностранных держав о характере ее правительства, являлась именно таким суверенным государством, – говорилось в английском меморандуме. Предлагать, как это делал Пуанкаре, Нерусской комиссии выработать план восстановления России, без обмена мнениями с российской делегацией и предъявлять его последней в виде ультиматума, было бы извращением задач, возложенных Генуэзской конференцией на Гаагский форум[3].

Настаивая на организации совещаний о совместной работе с российскими представителями, английское правительство между тем выражало пожелание, чтобы ни одно государство не заключало сепаратных соглашений с Россией.

На британскую ноту последовал ответ Франции, в котором вновь предлагалось выработать предварительное соглашение держав перед встречей с российской делегацией. По вопросу о частной собственности французское правительство признавало право реквизиции, но с условием возмещения, которое советское правительство при существовавших обстоятельствах не было в состоянии гарантировать. Французское правительство также считало невозможным согласиться на сокращение своих претензий к России по военным долгам. Оно было готово предоставить России льготы для уплаты долга, но «не считало возможным аннулировать какую бы то ни было часть причитавшихся ему сумм»[4]. По поводу довоенных долгов России правительство Франции настаивало на безусловном признании прав держателей русских облигаций и предоставлении советским правительством надежных гарантий их погашения. Французское правительство, как и британское, предлагало предоставлять России кредиты только в том случае, если она согласится на условия, удовлетворяющие заимодавцев.

Бельгийский министр иностранных дел Анри Жаспар поддержал французский меморандум, отметив, что бельгийские эксперты в Гааге будут при обсуждении «русского вопроса» отстаивать франко-бельгийскую точку зрения, усвоенную ими в Генуе[5].

Правительство Италии не считало целесообразным предварительное согласование позиций стран Запада по русской проблематике[6]. Выступая в сенате с отчетом о подготовке к Гаагской конференции, министр иностранных дел Италии К. Шанцер заявил, что возвращение России в «круг европейской жизни» тесно связано с экономическим возрождением не только России, но и всей Западной и Центральной Европы, что Италия едет в Гаагу в надежде на соглашение с Россией, осознавая, однако, что успех форума будет зависеть от уступчивости последней[7].

19 июня в Лондоне прошла встреча Ллойд Джорджа и Пуанкаре, на которой было достигнуто соглашение о сотрудничестве; оба премьера признали, что задача собравшихся в Гааге экспертов заключается в совместном с российской делегацией обсуждении практических способов решения существующих проблем [7, с. 193]. Эксперты должны были представить своим правительствам доклады о возможных условиях заключения удовлетворительного соглашения с Россией, но правительства оставляли за собой право действовать по собственному усмотрению.

Повестка дня Гаагской конференции включала вопросы о претензиях западных стран к Советскому государству, связанных с национализацией собственности иностранцев и аннулированием долгов царского и Временного правительств; о возможности и условиях предоставления кредитов России.

Советское руководство не питало иллюзий по поводу вероятных результатов конференции, однако решило использовать возможность для достижения соглашения об экономическом сотрудничестве с буржуазными государствами. 12 июня 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило директивные указания для советской делегации: 1) добиться получения займа (кредитов) на наиболее выгодных условиях; 2) уплату царских долгов и компенсацию нацио-

[3] Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18 . Л. 123.
[4] Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 120.
[5] Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 144.
[6] Правда. 1922. 20 июня.
[7] Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 164.

нализированной собственности рассматривать только как одно из условий займа (т. е. в форме повышения процента по кредитам, но лишь в тех размерах, в каких оно не убивало бы целесообразность самого займа (кредита) и только в том случае, если это не будет трактоваться как уступка буржуазным нормам, обязывающим платить за старые долги; 3) признать минимумом займа 500 млрд (так в тексте. – *Н. Б.*), причем в качестве дальнейшей уступки соглашаться предоставить в виде залога под часть этого займа ценности; 4) в случае предоставления такого займа признать в принципе возможность компенсации по соглашению Советского правительства с бывшими собственниками, «но никакого арбитража; последняя инстанция – советский орган, о конструкции коего допустимы общие разговоры, но при непременном условии, что последнее слово – наше» [18, с. 140]. 15 июня на заседании Политбюро эти указания были дополнены пунктом о военных долгах, в отношении которых оставалась в силе директива о непризнании, данная ЦК делегации в Генуе [18, с. 140].

Председателем делегации РСФСР на Гаагской конференции был назначен заместитель народного комиссара по иностранным делам М.М. Литвинов, членами делегации – председатель Совета Народных Комиссаров Украины Х. Г. Раковский, народный комиссар внешней торговли Л. Б. Красин, полномочный представитель РСФСР в Берлине Н. Н. Крестинский, зам. народного комиссара финансов Г. Я. Сокольников.

М. Литвинов 7 июня 1922 г. писал в ЦК РКП(б) по вопросу о Гаагской конференции: «Если перед Генуэзской конференцией обе спорящие стороны – Запад и Советская Россия не знали позиций друг друга и терялись в догадках относительно взаимных требований, возможных уступок и т. д., то теперь мы можем оперировать с величинами, вполне определенными. Генуэзская конференция успешно выполнила роль зонда и отчетливо выяснила минимальные требования и максимальные уступки одной и другой стороны. В этом отношении Россия находится в лучшем положении, будучи более осведомлена о пределе уступок противной стороны»[8]. Он считал, что ни Англия, ни Франция, ни большинство нейтральных стран при существовавших там составах парламентов и правящих группировках политических сил, не пойдут на легализацию советского правительства без признания последним довоенных долгов и права бывших собственников – иностранцев на компенсацию в той или иной форме за национализированное в России имущество. Даже при выполнении этих условий Россия могла рассчитывать только на товарные кредиты с гарантией или без гарантий соответственных правительств, денежные кредиты со стороны банков были возможны лишь под залог ценностей и движимого имущества, вывезенного за границу, а в небольших размерах также под концессии. Ожидать же изменения политической конъюнктуры в более благоприятную для Советской России сторону в ближайшем будущем не приходилось. Даже в случае признания советским правительством довоенных долгов и права на компенсацию национализированной собственности оставался открытым ряд важных вопросов менее принципиального характера (об арбитражных судах, о способах определения и признания претензий, о процентах, о валютной стоимости и т. д.), по которым Русской комиссии предстояло выдержать нелегкую борьбу[9].

Одной из задач Гаагской конференции было выяснение размеров возможных кредитов советскому правительству, их формы и гарантий. Литвинов считал, что работа и исход этой конференции зависели от того, останется ли ЦК на прежней позиции отрицания права прежних владельцев-иностранцев на компенсацию, или же со стороны партийного руководства возможны в этом вопросе какие-либо уступки. В первом случае, по мнению Литвинова, Гаагская конференция была заранее обречена на неудачу, и работа комиссии свелась бы к формальному участию и повторению высказанной еще в Генуе аргументации. Во втором случае возможен был торг по ряду второстепенных вопросов, которые в общей сложности могли серьезно повлиять на общую сумму принимаемых на себя обязательств[10]. В связи с этим Литвинов ставил перед Политбюро вопрос, насколько необходимы для спокойного существования Советской Республики и расширения базы её внешнеэкономических отношений формальный мир с Западом (и отчасти с Востоком, Китаем и Японией) и международная легализация Советского правительства? В зависимости от ответа на этот вопрос следовало решить, не сможет ли Советская Россия игнорировать Запад, ограничиваясь незначительными операциями на внешнем рынке «в нынешнем масштабе, в меру ее вывозной способности»[11].

---

[8] АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 199.
[9] АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 200.
[10] АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 201.
[11] АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 201.

В Гааге, по мнению советского руководства, предстояло в первую очередь заняться вопросом финансовой помощи России, и только после решения этого вопроса, следовало перейти к обсуждению других, не решенных в Генуе, проблем. «Для нас совершенно безразлично, получим ли мы кредиты непосредственно от правительств, парламентов или банкиров, фабрикантов, каких-либо синдикатов и т. п.; суть – в размере и условиях. Относительно гарантий договориться будет нетрудно», – считал М. Литвинов[12]. Однако перед Гаагской конференцией он писал в Политбюро ЦК, что в Гааге вряд ли будут предложены кредиты, которые смогут удовлетворить Россию своими размерами и условиями, и «с большой долей вероятности» предсказывал окончательную неудачу Гаагской конференции, «даже если соглашение между Францией и Англией не состоится, и Америке не удастся навязать в Гааге новых более жестких для нас условий»[13].

Советское правительство видело преимущества общего соглашения со всеми странами мира, в том числе с Францией и, особенно, с Америкой, однако, не считало возможным ради достижения такого результата идти на уступки, несовместимые с национальным суверенитетом. «До тех пор, пока Франция Пуанкаре не откажется от своих совершенно иллюзорных надежд на возможность навязывания нам ростовщических условий соглашения, уничтожения независимости республики и суверенности Советского правительства и экономического закабаления всей рабоче-крестьянской России, Украины и Закавказья; до тех пор пока Америка Юза и Гувера не перестанут обращаться к нам, вместо деловых предложений с высокомерными менторскими поучениями и доктринерскими лекциями о правилах хорошего поведения, – общее соглашение явно не осуществимо»[14], – говорил Литвинов в интервью корреспонденту «Известий», опубликованном 18 июня 1922 г.

Конференция, с точки зрения советского руководства, могла рассчитывать на благоприятный исход лишь при следующих условиях: во-первых, если будет найден контрагент, с которым можно договориться конкретно и в обязательной для него форме относительно кредитов; во-вторых, если эти правительства будут действовать на собственный страх и риск, независимо от Франции и Америки, от соглашения уклонявшихся; в-третьих, если правительства, противостоявшие российскому, признают суверенитет Советской России и ее правительства. «Делегация выезжает в Гаагу с таким же твердым намерением отстаивать завоевания революции, суверенитет рабоче-крестьянского правительства и охранять интересы трудящихся масс, с каким она выезжала в Геную»[15], – констатировал глава советской делегации.

19 июня 1922 г. русская делегация отбыла в Гаагу через Ригу в составе председателя – замнаркома по иностранным делам М. М. Литвинова, наркома финансов РСФСР Г. Я. Сокольникова и секретарей: А. М. Петровского, Б. Е. Штейна и Е. В. Крыленко; экспертов Г. Н. Лашкевича, С. К. Бельгардта и К. Н. Мусатова, а также технического персонала. Нарком внешней торговли Л. Б. Красин должен был выехать позже – по окончании всероссийского совещания уполномоченных Внешторга.

В Гаагу советская делегация прибыла 26 июня. Представители западных стран, начав работу 15 июня, успели о многом договориться. Делегация Советской России была приглашена во Дворец мира к председателю конференции Генеральному секретарю Министерства иностранных дел Голландии Рудольфу Йохану Хендрику Патену, который сообщил, что конференция будет состоять из трех подкомиссий: по частной собственности, долгам и кредитам. Российской делегации было предложено направить своих представителей во все подкомиссии. Однако советская сторона заявила, что её делегация намерена присутствовать во всех комиссиях в полном составе, причем третью подкомиссию – о кредитах – было предложено созвать в первую очередь. Тем самым давалось понять, что работа всех комиссий будет зависеть от решения вопроса о кредитах [7, с. 195]. Согласие на это было получено.

В Гааге российская делегация вела протоколы своих заседаний. В частности, в протоколе № 1 от 26 июня 1922 г., на котором присутствовали М. М. Литвинов, Н. Н. Крестинский, Г. Я. Сокольников (секретарем был Б. Е. Штейн) после обсуждения вопроса об участии Бельгии, Франции и Норвегии в работах Нерусской комиссии было решено послать председателю Нерусской комиссии запрос о том, приняли ли названные государства шесть пунктов Генуэз-

[12] Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18 . Л. 155.
[13] АВП РФ. Ф. 05. Оп.3. Д. 2. П. 1. Л. 13.
[14] Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 156.
[15] Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 156.

ской резолюции и на каких основаниях они участвуют в работах Гаагской комиссии[16]. На Штейна были возложены обязанности «внешних сношений» с Генеральным Секретариатом конференции, участие в подкомиссиях, секретарство в делегации и «контакт с экспертизой». Содержание всей делегации было принято на счет государства, сверх содержания было принято решение выплачивать ежедневно каждому сотруднику делегации 5 гульденов[17].

На следующий день, 27 июня, Литвинов направил председателю Нерусской комиссии Патену запрос, участвуют ли в ней делегаты Франции, Бельгии и Норвегии на одинаковых с другими государствами основаниях [5, с. 461–462]. В полученном 5 июля ответе сообщалось, что все три вышеуказанных правительства постановили принять участие в работе комиссий, предусмотренных в шести пунктах, принятых 19 мая 1922 г. на пленарном заседании Генуэзской конференции, и поэтому они участвуют в Нерусской комиссии на равных с прочими государствами основаниях [5, с. 462].

В подкомиссию по вопросу о частной собственности, председателем которой был представитель Великобритании Филипп Ллойд Грим, входили делегаты Бельгии, Франции, Англии, Италии, Японии, Финляндии, Норвегии, Голландии, Румынии, Швеции и Швейцарии.

Подкомиссия по вопросу о русских долгах состояла из представителей Бельгии, Франции, Англии, Италии, Японии, Дании, Испании, Литвы, Голландии, Сербии и Швейцарии. Её возглавил глава французской делегации Ш. Э. Альфан, директор департамента государственных имуществ Франции, а также директор Бюро защиты частной собственности французских граждан в России.

Председателем подкомиссии о кредитах для России был барон К. Авеццано (Италия). В нее входили представители Бельгии, Франции, Англии, Италии, Японии, Болгарии, Эстонии, Греции, Латвии, Польши, Чехословакии.

Каждая комиссия состояла из 11 членов, и в каждой имелись представители всех пяти великих держав. Кроме того, Голландия оставляла за собой право принять участие в работе комиссии по кредитам для России в случае обсуждения там каких-либо вопросов, представлявших особый для нее интерес. Сербии и Румынии предоставлялось право поменяться местами в первых двух комиссиях.

Председатель конференции и председатели комиссий образовывали неофициальное правление конференции. Французы оговорили себе право отозвать своих экспертов из комиссий, если они сочтут себя вынужденными к этому поведением советских делегатов[18].

27 июня прошло первое заседание подкомиссии о кредитах, на котором барон Авеццано заявил, что эксперты присутствуют в Гааге лишь для изучения вопросов, а не для принятия каких-либо решений. Затем он запросил от российской делегации сведения о кредитах, необходимых для реконструкции России. Во второй подкомиссии – по долгам – председатель также высказался о необязательности решений Гаагской конференции, предложив, однако, советской делегации представить сведения о бюджете и финансовых мероприятиях России. Та же процедура повторилась в третьей подкомиссии – о частной собственности: ее председатель сначала заявил, что в Гаагу приехали только эксперты, а затем потребовал информацию о том, какие предприятия советское правительство может сдать в концессию.

На заседании российской делегации 27 июня Литвинов сделал доклад о ближайшем заседании долговой подкомиссии, в котором подчеркнул недопустимость дальнейших уступок со стороны России: «Наша точка зрения по-прежнему будет заключаться в признании довоенных долгов (с обязательным мораториумом) и муниципальных. Противная сторона, вероятно, пойдет на списание военных долгов (англичане). Французы же от требований не откажутся»[19]. По предложению Литвинова было решено образовать особую комиссию в составе Г. Я. Сокольникова, Б. Е. Штейна и экспертов для подготовки записки о кредитах. Результаты работы комиссии Сокольников доложил на заседании советской делегации уже на следующий день: после обмена мнениями было решено утвердить испрашиваемую сумму кредитов в 3 200 000 000 золотых рублей[20].

Советская делегация считала (таково было и общее мнение Генуэзской конференции), что Гаага является продолжением Генуи. Но по сравнению с Генуей с первых же дней работы

---

[16] АВП РФ. Ф. 0419 (Гаагская конференция 1922 г.). Оп. 1. Д. 37. П. 3. Л. 1.
[17] Там же. (5 гульденов – примерно 4 золотых рубля; 2 золотых рубля – 1 доллар США).
[18] Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 188.
[19] АВП РФ. Ф. 0419 (Гаагская конференция 1922 г.) Оп. 1. Д. 37. П. 3. Л. 2.
[20] Там же. Л. 3.

Гаагской конференции советская делегация объявила о готовности пойти на существенные уступки. Советское правительство, при условии получения кредитов для восстановления экономики и отказа от требований военных долгов, согласилось отказаться от контрпретензий за убытки, причиненные интервенцией и блокадой; признать довоенные государственные долги без начисления процентов за истекшее время; удовлетворить иностранных владельцев национализированных в Советской России предприятий путем предоставления им концессий на их прежние или другие предприятия [5, с. 465–473].

С изложением позиций советской делегации М. Литвинов выступил на втором заседании подкомиссии по кредитам 30 июня 1922 г. Он подчеркнул, что «цифры, которые были указаны, не являются общей суммой потребностей России, а общей суммой необходимых кредитов в иностранной валюте, т. е. платежей, имеющих быть произведенными за границей в форме заказов на иностранные товары» [5, с. 749]. Литвинов заметил, что все кредиты будут предназначены для наиболее существенных отраслей русской промышленности безотносительно к их географическому местонахождению. Это относилось и ко всем союзным России республикам.

Советская сторона предоставила список (из 185 объектов) [26, с. 19], хотя и неполный, тех предприятий, которые предполагалось сдать в концессию. Вопрос об этом списке был предварительно заслушан на заседании членов российской делегации 4 июля 1922 г., на котором Литвинов подчеркнул необходимость получения экономической выгоды от сдачи предприятий на концессионных началах. Он упомянул о своем разговоре с Ллойд Гримом, во время которого британский представитель (председательствовавший в подкомиссии по делам частной собственности), ссылаясь на заявление Л. Б. Красина и на мнение Ллойд Джорджа, заявил, что Россия вернет до 90 % иностранных предприятий[21]. Литвинов считал крайне важным эту иллюзию развеять.

На Гаагской конференции российские делегаты пользовались большой популярностью, особенно Л. Б. Красин, ответственный за внешнюю торговлю и полномочный представитель Советской России в Англии. Его личность неизменно вызывала интерес, как в собственной стране, так и на Западе. О работе Л. Б. Красина на конференции в Гааге Г. М. Кржижановский вспоминал: «Каким громадным престижем пользовался красный инженер и красный дипломат т. Красин даже у самых злобных противников, как превосходно парировал он удары…» [26; 27, с. 124]. Ллойд Джордж считал Красина способным и смелым политиком, но называл его «вообще не большевиком» [19, с. 126]. Среди большевистских лидеров он, видимо, был единственным технократом, умевшим находить общий язык и со своими соратниками, и с представителями западных деловых кругов [25, с. 37]. Популярность Красина могла объясняться и тем, как писал российский исследователь А.К. Соколов, что «он от имени советского правительства раздавал предложения о концессиях направо и налево, обещая иностранцам всякие выгоды и преимущества» [25, с. 38].

Между тем, Л. Б. Красин никогда не утверждал, что «нет спасения вне концессий»; он связывал концессионную политику с внешней торговлей, считая, что более смелое ее проведение является основным условием развития экспорта; достичь же каких-либо результатов эта политика, по его мнению, могла только по прошествии нескольких лет. На заседании подкомиссии частной собственности Красин заявил, что допустимый срок концессии для горных предприятий 50–60 лет, для лесных – 20 лет, 15 лет для сельскохозяйственных, для ирригационных систем он мог достигать 99 лет. Однако сдавать в концессию «существенные» отрасли промышленности он считал недопустимым, полагая, что они должны управляться государством, то же самое относилось к почте, телеграфу и радиотелеграфу [26, с. 19]. Возможными в принципе нарком внешней торговли считал концессии на морские и внутренние водные (в том числе речные) сообщения, но не на железные дороги.

Член советской делегации Кржижановский, возглавлявший Концессионный комитет при Госплане, на заседании российской делегации 4 июля 1922 г. предложил выдвинуть идеи партиципации (участие в смешанных предприятиях) и сверхконцессий (комбинатов), запросив об этом Москву. При принципиальном согласии большинства советских государственных и партийных руководителей на использование иностранного капитала в виде концессий, о формах и видах концессий шли бурные дискуссии. Среди членов советской делегации в Гааге возникли споры по вопросу об условиях концессионного договора. Разногласия вызвал во-

[21] АВП РФ. Ф.0419 (Гаагская конференция 1922 г.) Оп. 1. Д. 37. П. 3. Л. 5.

прос о соотношении между долевым отчислением и налогами. Литвинов, в частности, предложил согласиться на возможность включения налогов в долевое отчисление концессионера с тем, чтобы концессионер был освобожден от взимания налогов. Он мотивировал это необходимостью дать концессионеру ясное представление о сумме всех платежей, которые у него будут требовать. Между тем, если концессионер будет подвергнут общему налоговому бремени, не зная размеров этого бремени и представляя себе их очень большими, он воздержится от заключения концессионного договора. Сокольников предложил гарантировать концессионеру, что налоговое бремя будет не выше самого высокого налогового бремени в буржуазном государстве. Кржижановский выдвинул предложение оставить как долевое отчисление, так и платеж общих налогов, но установить соотношение между этими двумя видами платежей. Однако после обмена мнениями было решено всем представить в письменном виде свои формулировки и запросить инструкции в Политбюро, а на следующем заседании подкомиссии частной собственности напомнить о советском декрете 23 ноября 1920 г. о концессиях и предложить западным партнерам более четко формулировать свои вопросы[22].

В Гааге, как и в Генуе, российские представители дискутировали между собой, порой весьма жестко, и по другим принципиальным вопросам. Н. Н. Крестинский писал в Политбюро ЦК РКП, что делегация обсуждала вопрос о тех российских предложениях, которые дали бы возможность «протянуть Гаагскую конференцию», и сошлись на том, что таким предложением могла бы стать компенсация прежних собственников путем выпуска долгосрочных облигаций с началом выплаты процентов по ним в ближайшие годы. Уплата этими облигациями и стала бы основным способом компенсирования бывших иностранных собственников. Возвращение собственности в виде концессий и аренды рассматривалось как исключение по соглашению между советским правительством и бывшим собственником без принятия на конференции каких-либо общих норм подобного возвращения. Облигации обеспечивались специальным гарантийным фондом, образованным или из дохода от концессий, или из таможенных сборов[23]. Однако все члены делегации считали, что практических результатов из этих предложений не выйдет, удастся лишь несколько продлить конференцию.

Главный результат первых трех заседаний всех подкомиссий на конференции сводился к тому, что обе стороны согласились обменяться информациями и условились о методах дальнейшей работы. Между тем, в кулуарах форума, по сообщению Бюро печати советской делегации на Гаагской конференции от 29 июня, интересовались лишь одним вопросом: начнутся ли, когда и в каком виде частные переговоры каких-либо капиталистических групп с российской делегацией [5, с. 483].

Советская делегация подготовила ответы на вопросы и представляла их на заседаниях подкомиссий. Получив ответы, члены подкомиссий требовали новых дополнительных данных. Советские представители со своей стороны также потребовали информации. В подкомиссии о долгах они просили предоставить им статистические данные о русских долгах по отдельным странам и отдельным категориям, в подкомиссии частной собственности – сведения о сумме иностранных убытков по отдельным странам.

4 июля 1922 г. после трехдневного перерыва состоялись заседания подкомиссий частной собственности и долгов. На заседании подкомиссии частной собственности ее председатель Ф. Ллойд Грим заявил, что сведения, «испрашиваемые Российской делегацией относительно размеров и характера притязаний иностранцев, представлены не будут, так как Нерусская комиссия находит представление этих сведений и невозможным, и нежелательным» [5, с. 486]. Что касается нежелательности получения подобных сведений, то Литвинов отказался понять даже возможность выставления такого аргумента. В конечном счете глава российской делегации был вынужден сделать заявление, что обмен информацией не носит двухстороннего характера, что российская делегация со своей стороны, не считая возможным становиться на путь Нерусской делегации, будет продолжать давать сведения, насколько это возможно, но что нежелание другой стороны предоставлять информацию неминуемо затянет переговоры [5, с. 487].

На заседании подкомиссии по долгам в тот же день советской делегацией был сделан доклад о финансовом положении России. В докладе была дана характеристика российского бюджета с указанием источников его доходной части, показаны система кредитного обраще-

[22] АВП РФ. Ф. 0419 (Гаагская конференция 1922 г.). Оп. 1. Д. 37. П. 3. Л. 6–7.
[23] АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 214.

ния и состояние счетов Государственного банка, размеры его операций; даны сведения о налогах, о кредитах и движении займов, о ценах на предметы потребления и т. д. Председательствовавший в подкомиссии представитель Франции Альфан передал советской делегации перечень вопросов о советских декретах, касавшихся долгов, о списке ценных бумаг по странам, выпущенных вне России, о гарантиях по займам, о сроках возобновления оплаты купонов и других, на которые желала получить ответы Нерусская комиссия.

Литвинов, зачитав этот список на заседании российской делегации 6 июля 1922 г., ответил лишь на некоторые из них. В итоге было решено вопрос о гарантиях по старым займам связать с гарантией по новым займам; на вопрос о купонах до получения ответа кредитной подкомиссии не отвечать; внести предложение о паушалировании[24].

На третьем заседании подкомиссии по долгам 7 июля Литвинов отметил, что касавшиеся долгов декреты были опубликованы в официальных советских источниках, он указал на декрет от 28 января 1918 г., дополненный декретом от 31 января 1918 г. об аннулирования долгов, и декрет от 16 сентября 1920 г. Однако председатель советской делегации напомнил, что нотой правительствам Франции, Великобритании, Италии, Японии и США от 28 октября 1921 г. российское правительство заявило о готовности на определенных условиях признать известные категории долгов. Литвинов отметил, что в случае достижения соглашения «можно было бы подписать договор, который подлежал бы ратификации Центральным Исполнительным Комитетом Советов, что дало бы ему силу закона» [5, с. 750]. По вопросу о ценных бумагах им было заявлено, что Русская комиссия не имеет детальных данных и располагает лишь общими цифрами, не совпадающими с цифрами, представленными Нерусской комиссией. Отвечая на вопрос о гарантиях, Литвинов сказал, что этот вопрос для него неясен. Если речь идет о муниципальных займах, то, как российская делегация заявляла в Генуе, законными преемниками прежних должников являются городские Советы; по поводу возобновления оплаты купонов высказываться было бы преждевременно до тех пор, пока «работы подкомиссии по кредитам не продвинутся вперед». На дополнительные вопросы о бюджете Советской России и денежном обращении советские представители ответили на четвертом заседании подкомиссии по долгам 12 июля 1922 г., сделав заявление, что если цель вопросов – выяснить возможность российского правительства возобновить в ближайшем будущем уплату процентов, долгов и других обязательств, то состояние русских финансов этого не позволяет[25].

Наиболее значительным из уже проведенных в Гааге заседаний по общей оценке было заседание подкомиссии частной собственности 7 июля 1922 г., на котором Литвинов ознакомил делегатов с вопросом о концессиях, с рабочим законодательством, а также представил подробный список концессий во всех отраслях народного хозяйства, которые советское правительство было согласно предоставить иностранному капиталу. Перечень концессионных предприятий включал ранее действовавшие и действующие предприятия нефтяной, горной, лесной, бумажной, сахарной, цементной, химической и других отраслей промышленности с указанием наименования этих предприятий, их местонахождения и краткой характеристикой [3, с. 218–248].

После доклада Литвинову были заданы многочисленные вопросы об условиях предоставления концессии, механизме концессионной работы, о взаимоотношениях между государством и концессионерами, о возможности получения каких-либо преимуществ при получении концессий прежними собственниками. Однако ответ Литвинова, что прежние собственники будут пользоваться правом приоритета, оказался для членов Нерусской комиссии недостаточным. Это в свою очередь дало повод Литвинову указать на то, что Гаагская конференция носит характер большого информационного бюро, и хотя российская делегация рада давать всякие сведения, цель конференции не в этом. Он отметил принципиальную разницу между делегациями Русской и Нерусской комиссий: «…в то время как последняя состоит из экспертов, которые по всем важным вопросам отмалчиваются, заявляя, как, например, в подкомиссии кредитов, что они в вопросе кредитов для Советского правительства ничего не могут решать и избегают даже давать информацию, Российская делегация состоит из членов Российского правительства, заявления которых имеют для России связующий характер» [5, с. 491–492]. В своей второй речи глава российской делегации подчеркнул, что от России хотят добиться получения концессий не на ее условиях, а на условиях будущих концессионеров – в

[24] АВП РФ. Ф. 0419 (Гаагская конференция 1922 г.). Оп. 1. Д. 37. П. 3. Л. 8.
[25] АВП РФ. Ф. 0419 (Гаагская конференция 1922 г.). Оп. 1. Д. 37. П. 3. Л. 8.

основном бывших собственников. Напомнив о советском заявлении на Генуэзской конференции, что если союзные державы будут настаивать на подобных претензиях, то и советское правительство будет требовать компенсации за союзную интервенцию в форме правительственных кредитов, Литвинов заметил, что нежелание обсуждать в Гааге не решенный в Генуе вопрос ведет к тому, что вопрос о компенсации иностранцам за причиненные им русской революцией убытки обсуждаться также не будет. Продолжение конференции в таком виде, по мнению Литвинова, было лишь тратой времени.

Между тем, ответ Ллойд Грима на критичную речь Литвинова говорил о нежелании Нерусской комиссии прерывать конференцию. Британский представитель отметил, что хотел бы лишь детально ознакомиться с условиями концессий и призвал вернуться к практической трактовке всех вопросов. Итог заседания подвел Л. Б. Красин, сказав, что прежде чем перейти к практическим вопросам, нужно установить основной принцип: ни в коем случае не может быть речи о восстановлении собственников в их правах [5, с. 492–493]. По поводу условий предоставления концессий Красин отметил, что они должны особо вырабатываться в каждом отдельном случае с конкретными кандидатами в концессионеры.

На заседании подкомиссии по делам частной собственности 12 июля бельгиец Катье отверг принцип удовлетворения бывших собственников посредством концессий, заявив, что речь может идти только о полной реституции или реальной компенсации. При этом председатель подкомиссии Ллойд Грим указал, что единственной формой реальной компенсации является реституция [3, с. 62–64, 70–71, 218–248]. Литвинов заметил, что нельзя говорить ни о какой компенсации, прежде чем не достигнуто удовлетворительного решения по вопросу о кредитах в других подкомиссиях. Пока России не будет оказана помощь теми, кто, по мнению российского правительства, несет большую часть ответственности за разрушение хозяйственной жизни России, считал он, российское правительство не чувствует себя обязанным давать компенсации иностранным подданным.

В ходе переговоров выяснилась неготовность и нежелание западных держав идти на какие-либо уступки Советской России.

В подкомиссии частной собственности развернулись наиболее острые дискуссии. Это объяснялось тем, что на конференции было много представителей деловых кругов, чьи интересы были тесно связаны с Россией. Так, делегатами от Великобритании были министр по делам внешней торговли Ф. Ллойд Грим и бывший директор правления Русско-Азиатского банка и бывший владелец Кыштымских и Ленских рудников Л. Уркарт. Делегатом от Франции был директор Бюро защиты частной собственности французских граждан в России Ш. Э. Альфан. От Бельгии присутствовали Катье, директор банка, имевший дело с русскими промышленными бумагами, и Витмер, генеральный секретарь Комитета защиты частной собственности бельгийских граждан в России. Польша была представлена Ястржембским, бывшим директором Русско-Азиатского банка. Японию представляли директор банка в Токио, владелец русских бумаг Яманучи и директор банка в Иокогаме, имевший интересы в сибирских делах, Окубо. От Дании присутствовали председатель Общества защиты датских претензий в России Андерсен и секретарь того же общества Петерсен [7, с. 198].

Г. М. Кржижановский писал, что Гаага резко отличалась от Генуи: «Куда делись отточенное остроумие и дипломатические страсти! Колонки, колонки сухих цифр, выступления, похожие на бухгалтерские отчеты. Вместо глав правительств, принимавших участие на предыдущей конференции, – представители деловых кругов и бывшие владельцы национализированных советским народом предприятий, лично заинтересованные в получении компенсации» [1, с. 210].

Советская делегация, решив сыграть на коммерческих интересах участников конференции, заявила о готовности Советской России предоставить иностранному капиталу концессии в нефтяной, угольной, железнодорожной и некоторых других отраслях промышленности. Главным условием предоставления концессии была выгода Советской России. Список концессионных предприятий не вызвал восторга их бывших владельцев. Так, предприятия Л. Уркарта были разделены на три разных концессионных объекта, принадлежавших разным отраслям советской промышленности.

Напомнив на заседании этой подкомиссии, что Москва будет придерживаться заявленной в Генуе позиции о предпочтительном праве бывших владельцев предприятий в России на получение ими концессий, российская делегация заявила о готовности пойти дальше и начать обсуждать формы компенсации тех бывших иностранных собственников, которые не

будут удовлетворены формой концессии, но только при условии, если Советское правительство получит определенное заявление о том, что ему будут предоставлены кредиты. В ответ подкомиссия отказалась обсуждать вопрос о кредитах, как относившийся к компетенции другой подкомиссии, однако потребовала от российской делегации безусловного признания реституции национализированной собственности иностранцев или ее полной компенсации.

14 июля 1922 г. на заседании подкомиссии кредитов советской делегации было сообщено, что, поскольку подкомиссия частной собственности из-за позиции делегации России сочла бесполезным продолжать переговоры, «правительства не могут гарантировать кредитов, для которых невозможно было добиться форм и обеспечить условия доверия, требующих помещения частного капитала» [31, с. 318]. Председатель подкомиссии по долгам Альфан в тот же день направил Патену письмо, в котором сообщал о принятой Нерусской комиссией резолюции о том, что ввиду создавшегося положения вторая Нерусская подкомиссия (о долгах) считает продолжение переговоров с Русской комиссией нецелесообразным [5, с. 497]. Французская делегация призывала делегации других стран к солидарности, но не возражала и против проведения еще одной встречи с советскими представителями.

В своем выступлении на заседании подкомиссии по кредитам совместно с Русской комиссией 14 июля Литвинов отметил, что задача Гаагской конференции заключалась в том, чтобы в спокойной атмосфере, без всякого политического давления, которое чувствовалось в Генуе, обсудить возможность сгладить выявленные на Генуэзской конференции разногласия. «Мы изменили наши взгляды на многие очень важные вопросы, – заявил он. – Так, в вопросе о компенсациях за национализированную собственность мы сделали шаг вперед. Если бы соглашение было достигнуто по другим пунктам, мы охотно согласились бы обсуждать дальнейшие вопросы, но, конечно, мы не можем делать определенные заявления относительно форм и условий компенсаций, пока мы не имеем необходимых сведений о том, насколько быстро будет приступлено к хозяйственному восстановлению России» [5, с. 499–500]. Поэтому для российской делегации был так необходим благоприятный ответ от кредитной подкомиссии. В Гааге она просила не правительственного займа, как это было в Генуе, а товарных кредитов от фабрикантов под правительственные гарантии.

Вывод о том, что Гаагская конференция представляет собой шаг назад по сравнению с Генуэзской, Литвинов подтвердил такими аргументами: в Гааге российской делегации отказывали в какой бы то ни было информации, даже в перечне иностранных имуществ в России, между тем список предоставляемых советским правительством концессий был подвергнут критике как неполный, не содержавший всех иностранных имуществ; в обсуждении практически всех советских предложений было отказано, предложение же об урегулировании русских обязательств во всем их объеме полностью игнорировалось. При существовавших условиях русские обязательства могли быть выполнены только в том случае, если бы были даны гарантированные кредиты советскому правительству. В Гааге российская делегация, по словам Литвинова, ни разу не обращалась к своему правительству за инструкциями, как это бывало в Генуе, так как никаких предложений не получала [5, с. 502–503]. Он назвал Гаагскую конференцию не положительной, а сугубо отрицательной.

Нерусская комиссия вела конференцию к срыву, надеясь обвинить в этом российскую сторону, не желавшую, по словам Ллойд Грима, проявлять дух примирения. «Объясняя такой исход кроме общего недоброжелательного, основанного на политических соображениях отношения большинства экспертов Нерусской комиссии к Российскому правительству, еще и тем, что работы конференции были искусственно разбиты между тремя подкомиссиями, и желая сделать еще одну попытку довести конференцию до благополучного конца», – сообщали члены советской делегации в докладе Совету Народных Комиссаров РСФСР о ходе работ и результатах Гаагской конференции 21 июля 1922 г. [5, с. 518]. Российская делегация обратилась 16 июля с письмом к Патену [5, с. 495–496], в котором выразила готовность пойти на обсуждение конкретных форм компенсации бывших собственников-иностранцев, если Нерусская комиссия одновременно приступит к обсуждению конкретных предложений о предоставлении России кредитов, а также просила созвать заседание президиума Нерусской комиссии совместно с российской делегацией для поиска способов продолжить работу и благополучно завершить конференцию.

В Нерусской комиссии наметились разногласия: французы выступали против участия в дальнейших переговорах, делегаты других стран, в том числе англичане, были за их продолжение. Однако победила точка зрения французов. Патен в письме М. Литвинову от 17 июля

1922 г. писал, что предложение российской делегации созвать заседание председателей трех Нерусских подкомиссий и членов Русской комиссии в целях совместного изучения возможности найти основу для продолжения переговоров фактически прерванных, является неприемлемым, так как председатели трех подкомиссий, не являясь органом Нерусской комиссии, не имели бы каких-либо прав в этом отношении [5, с. 504–505]. Письмо Русской комиссии было рассмотрено в трех подкомиссиях; встретиться с членами Русской комиссии согласилась только подкомиссия по делам частной собственности и то лишь для того, чтобы говорить о новых уступках со стороны России. Это заседание имело единственной целью предоставить советской делегации возможность сформулировать предложения, изменяющие ее предыдущие заявления.

Это предложение советская делегация принять отказалась, потребовав созвать совместное пленарное заседание Русской и Нерусской комиссий. В письме Патену 18 июля Литвинов отметил, что его письмо относилось к вопросам, не только входившим в компетенцию той или другой подкомиссии, но вообще ко всем вопросам, являвшимися целью Гаагской конференции. Переговоры были прерваны главным образом вследствие того, что ни одна из подкомиссий не могла прийти к окончательным заключениям, не имея заключения других подкомиссий. Российская делегация, желая найти новые пути к соглашению, предложила созвать общее собрание из председателей всех подкомиссий, не уполномоченных самостоятельно решать ни одного вопроса конференции. Поскольку никакого исполнительного органа Нерусской комиссии не существовало, Литвинов просил назначить пленарное заседание обеих комиссий для выработки основы для соглашения по вопросам порядка дня Гаагской конференции. Он писал Патену, что обе комиссии прибыли в Гаагу на равноправных основаниях и нельзя согласиться с тем, чтобы одна из них устанавливала для другой предварительные условия их встречи, особенно «в тот момент, когда отсутствие подобной встречи было бы равносильно разрушению работ не только Гаагской конференции, но также и Генуэзской, и уничтожила бы надежды стольких миллионов людей во всех странах Европы» [5, с. 504].

В тот же день, 18 июля, был получен ответ Патена на письмо М. М. Литвинова. Глава Нерусской комиссии сообщал, что для рассмотрения письма российской делегации Нерусская комиссия созвала заседание, на котором приняла решение о проведении совместного с Русской комиссией пленарного заседания, которое предлагалось провести на следующий день – 19 июля, в 11 часов утра [5, с. 505]. Однако цель пленарного заседания обеих комиссий оставалась все той же: заслушать новые советские предложения, т. е. сообщение о готовности Советской России идти на новые уступки. Патен, не согласный с изложенными в указанном выше письме Литвинова аргументами, считал, что переговоры в подкомиссиях зашли в тупик из-за того, что в результате полного и подробного рассмотрения каждого случая выявились различные мнения по важнейшим практическим вопросам и потому, что Русская комиссия не нашла способа отказаться от своих точек зрения, неприемлемых для Нерусской комиссии. Что же касается разделения комиссии на три подкомиссии, то, по мнению Патена, практика работы его полностью оправдала, позволив быстро и глубоко изучить все вопросы и дав возможность обеим комиссиям прийти к практическим решениям.

В письме М. Литвинова в НКИД от 18 июля 1922 г. председатель российской делегации писал, что «при данном составе иностранных делегаций, в особенности английской, при явном стремлении французов и бельгийцев во что бы то ни стало сорвать конференцию, ожидать каких-либо результатов от Гааги было трудно. Более глубокой причиной является внезапно выдвинувшаяся во всей своей катастрофичности германская проблема, поглотившая все внимание английского правительства. Для решения этой проблемы Ллойд Джорджу требуется на время сблизиться с Францией и, как раньше бывало в подобных случаях, первой уступкой со стороны Ллойд Джорджа является русский вопрос» [5, с. 506]. Литвинов оказался прав, предположив, что конференция примет резолюцию, предлагавшую всем иностранцам не покушаться на концессии в России, принадлежавшие другим иностранным гражданам. Несмотря на запугивания англичан всеобщим бойкотом, Литвинов полагал, что Англии и Италии не избежать сепаратных переговоров. И действительно, после оглашения условий получения концессий и их список, в котором упоминались и нефтяные промыслы, единодушно негативное отношение англичан, французов и бельгийцев к советскому предложению было недолгим. Начались частные переговоры. Так, российская делегация была приглашена к представителю Италии барону Авеццано, к английскому – Филиппу Ллойд Гриму; ее посещали и представители малых держав, в частности поляки, румыны. По рассказам посетителей,

экспертов поразил список сдаваемых в концессию предприятий: там оказалось мало предприятий, принадлежавших иностранцам, особенно французам и бельгийцам [7, с. 199]. В частных беседах выяснилось, что никаких кредитов ни одно государство советскому правительству предоставлять не собиралось.

В таких условиях ни о каких новых уступках со стороны российской делегации речи быть не могло. Она настаивала на созыве пленума конференции (который еще ни разу не собирался) для того, чтобы попытаться договориться и выяснить истинные намерения представленных в Нерусской комиссии правительств.

19 июля 1922 г. состоялось первое (и последнее) пленарное заседание Гаагской конференции. В своем выступлении на этом совместном заседании Нерусской и Русской комиссий М. М. Литвинов констатировал, что Нерусская комиссия отвергла российские предложения, не сделав никаких попыток четко сформулировать свои предложения, на основе которых могла бы рекомендовать своим правительствам возобновление отношений с Россией. В связи с этим он сам сформулировал, на основании сделанных отдельными представителями Нерусской комиссии в подкомиссиях, предложения: советское правительство признает в принципе свою обязанность уплатить довоенные долги и вознаградить тех иностранцев, бывших собственников в России, которые не получат удовлетворения в форме концессий, партиципации и т. д. При этом оно обязуется в течение двухлетнего срока прийти с заинтересованными лицами к соглашению о порядке уплаты долгов и вознаграждения [5, с. 519]. Если делегаты Нерусской комиссии, не имея достаточных полномочий выдвинуть Русской комиссии такие требования, запросят свои правительства об их отношении к этой формулировке, то российская делегация, в свою очередь, готова запросить указания российского правительства по этому вопросу.

Таким образом, российская делегация выражала согласие запросить при определенных условиях свое правительство, не беря на себя ответственности за результат этой попытки, согласно ли оно продолжать ведение переговоров после радикального изменения их базы – отказа от обсуждения на конференции вопроса о предоставлении или гарантировании кредитов российскому правительству и «удовлетвориться созданием такой логически вытекающей из формулировки Литвинова международной политической обстановки (признание Советского правительства де-юре), которая облегчала бы впоследствии получение необходимых кредитов уже не от правительств, а от частных лиц и групп» [5, с. 520].

Однако Нерусская комиссия не сочла возможным запросить свои правительства по поводу сделанного Литвиновым предложения. В тот же день, 19 июля 1922 г., она провела заседание и приняла резолюцию, в которой прямо заявила, что даже такие уступки со стороны России, как признание довоенных долгов и обязанности компенсировать бывших собственников иностранцев, а также возможный на определенных условиях отказ советской стороны обсуждать на конференции в Гааге вопрос о предоставлении или гарантиях кредитов Советскому правительству и об его контрпретензиях, «не явились бы достаточной базой для заключения с Россией общего соглашения» [5, с. 520]. Это означало, что комиссия фактически отказалась продолжать конференцию. Отпала и необходимость специального запроса правительства России со стороны советской делегации. Как писали 21 июля 1922 г. в отчете СНК о результатах Гаагской конференции М. Литвинов, Л. Красин и Н. Крестинский, «Российская делегация убеждена, что если бы гаагские переговоры происходили в нормальной обстановке, то даже в Гааге могло бы состояться соглашение со всеми или, по крайней мере, со многими правительствами» [5, с. 520]. В переговорах они выделяли две стадии: первая отличалась спокойной деловой работой и характеризовалась тем, что российская делегация предоставляла Нерусской комиссии различные сведения, причем в короткие сроки и в наиболее полном виде; во второй – началось обсуждение взаимных конкретных предложений и требований; на этой стадии различия проявились и среди членов Нерусской комиссии, которая, однако, ни в одной из своих подкомиссий не дала ответов на поставленные российской делегацией вопросы.

Делегация Советской России предлагала обсудить общие условия послевоенного восстановления и международного сотрудничества в Европе, выйдя за рамки тех вопросов, которые в первую очередь интересовали западные страны – получение от России долгов и компенсаций. Однако без согласия России на выплату долгов, реституции собственности иностранцев и компенсации потерь от национализации западные страны обсуждать вопрос о кредитах отказались. Ни на какие уступки и соглашения с российской стороной западные представители не шли и при обсуждении других вопросов. На прямые вопросы российских экспертов, будут ли России даны кредиты, кредитная подкомиссия в конце концов заявила,

что никакие правительственные кредиты или правительственные гарантии частных кредитов советскому правительству предоставлены на будут. Все это привело к тому, что конференция была прервана, не завершив работы и не выполнив стоявших перед ней задач.

На следующий день после ее закрытия, 20 июля 1922 г., вновь собралась Нерусская комиссия и приняла по предложению бельгийского представителя Катье резолюцию, рекомендовавшую всем правительствам стран, представленных на конференции, и другим государствам не поддерживать «своих подданных в их попытках приобрести в России имущество, ранее принадлежавшее иностранным подданным и конфискованное после 1 ноября 1917 г., без согласия их иностранных владельцев или концессионеров, – при условии, чтобы всеми правительствами, принимавшими участие в Гаагской конференции, было на это обращено внимание всех не представленных здесь правительств и чтобы никакое решение не было принято иначе, как совместно с этими правительствами» [5, с. 752–753]. Эту резолюцию, добавил Катье, одобрило не представленное на конференции правительство США, поручив ему сделать об этом официальное заявление. Резолюция Нерусской комиссией была принята, таким образом возможность двусторонних соглашений исключалась.

Гаагская конференция длилась более месяца и формально закончилась безрезультатно. Советской делегации не удалось добиться согласия на внешние кредиты и займы для России; западные страны не стали обсуждать вопрос о предоставлении займов советскому правительству, требуя от него отказа от основных принципов внутренней и внешней политики, а не частных уступок по долговым обязательствам. Однако определенные положительные результаты Гааги для Советской России все-таки были: сыграв на коммерческих интересах участников конференции, российская делегация предложила им список предприятий в различных отраслях промышленности для сдачи в концессию. После Гааги Россией были подписаны соглашения ряду концессий. Развитие различных форм хозяйственных связей Советской России с западными странами прокладывало путь к нормализации политических отношений между ними, став в дальнейшем одной из важных предпосылок дипломатического признания советского государства.

Список литературы

1. Архивы раскрывают тайны: международные вопросы: события и люди / Сост. Н. В. Попов. М., 1991.
2. *Быстрова Н. Е.* Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М., 2020.
3. Гаагская конференция. Полный стенографический отчет. Изд. НКИД. М., 1922.
4. Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960.
5. Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961.
6. *Дьяконова И. А.* Русские долги и Запад (по швейцарским архивам). М., 2008.
7. История дипломатии. М.-Л., 1945. Т. 3.
8. История международных отношений и внешней политики СССР : в 3 т. Т. 1. 1917–1945 гг. М., 1986.
9. *Катасонов В. Ю.* Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М., 2015.
10. Коминтерн и идея мировой революции : документы. М., 1998.
11. *Кутовой Е. Г.* Международные переговоры на перекрестках цивилизаций. М.-СПб., 2016.
12. *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 2000.
13. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 44. М., 1974.
14. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 45. М., 1970.
15. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 54. М., 1978.
16. *Любимов Н. Н., Эрлих А. Н.* Генуэзская конференция (Воспоминания участников). М., 1963.
17. Москва – Рим. Политика и дипломатия Кремля. 1920–1939. Сборник документов / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2002.
18. *Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004.
19. *О'Коннор Тимоти Э.* Инженер революции. Л. Б. Красин и большевики. 1870–1926. М., 1993.
20. Очерки истории Министерства Иностранных дел России : в 3 т. М., 2002. Т. 2 (1917–2002).
21. *Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика Советского государства в 1921–1925 гг. М., 1953.
22. *Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е.* История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006.
23. Системная история международных отношений : в 4 т. Т. 2. Документы 1918–2000. М., 2000.
24. Советская внешняя политика. 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992.
25. *Соколов А. К.* Советское нефтяное хозяйство. 1921–1945 гг. М., 2013.
26. *Хромов С. С.* Иностранные концессии в России. Исторический очерк. Документы. Ч. 1. М., ИРИ РАН, 2006.
27. *Хромов С. С.* Леонид Красин. Неизвестные страницы биографии. 1920–1926. М., 2001.

28. *Чичерин Г. В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.
29. *Чубарьян А. О.* Дипломаты ленинской школы. М., 1982.
30. *Шишкин В. А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб., 2002.
31. *Шишкин В. А.* Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л., 1969.
32. *Day Richard B.* Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation. Cambridge, 1973.
33. *Fischer L.* The Soviets in World Affairs: A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World, 1917–1928. N. Y., 1980. Vol. 1-2.
34. *Kennan G. F.* Soviet foreign policy, 1917–1941. Princeton, N. J., 1960; Genoa, Rapallo, and European reconstruction in 1922 / Ed. by Carole Fink, Axel Frohn. Wash., N. Y., 1991.
35. *White S.* Britain and the Bolshevik Revolution: A Study in the Politics of Diplomacy 1920–1924. N. Y., 1980.

Soviet Russia at the Conference of the Hague, 1922

N. E. Bystrova
Doctor of Historical Sciences, scientific secretary of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. E-mail: iriran@mail.ru

Abstract. The article shows the little-known pages of the diplomatic history of the international financial and economic conference held from June 15 to July 20, 1922 in The Hague. The Hague was a continuation of the Genoa Conference held in the same year. It was attended by government experts and large entrepreneurs whose interests were closely connected with Russia. The Hague Conference, according to the Soviet leadership, had first of all to deal with the issue of financial assistance to Russia, and only after a successful solution of this issue for the country, it was possible to move on to discussing other issues that had not been resolved in Genoa.

Using the new archival material, in particular the special collection "Dossiers of newspaper clippings from the Soviet and world foreign press for 1917–1935", stored in the Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, with the involvement of the works of his predecessors, the author showed the development of the tactics of the Russian delegation at the conference, its program. The agenda of the Hague Conference included such key issues as the claims of Western countries to the Soviet state related to the nationalization of foreign property and the cancellation of debts of the tsarist and Provisional governments, the possibility and conditions for granting loans to Russia. In The Hague, the Russian delegation declared its readiness to start discussing forms of compensation for those former foreign owners who would not be satisfied with the form of the concession, provided, however, that the Soviet government receives a certain application for granting it loans. However, without Russia's consent to the payment of debts, restitution of property of foreigners and compensation for losses from nationalization, Western countries refused to discuss the issue of loans. After The Hague, the movement of the Bolshevik government towards real politics intensified; the development of various forms of economic relations between Soviet Russia and Western countries paved the way for the normalization of political relations between them, which later became one of the important prerequisites for the diplomatic recognition of the Soviet state.

For historians, teachers of social sciences, a wide range of readers.

Keywords: Russian problem, debts, private property, loans, Russian and Non-Russian commissions, concessions.

References

1. *Arhivy raskryvayut tajny: mezhdunarodnye voprosy: sobytiya i lyudi* – Archives reveal secrets: international issues: events and people / Comp. N. V. Popov. M. 1991.
2. *Bystrova N. E. Sovetskaya Rossiya na konferenciyah v Genue i Gaage 1922 g.: vzglyad iz Kremlya* [Soviet Russia at the conferences in Genoa and The Hague in 1922: a view from the Kremlin]. M. 2020.
3. *Gaagskaya konferenciya. Polnyj stenograficheskij otchet* – The Hague Conference. Full verbatim report. NKID. M. 1922.
4. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 4. M. 1960.
5. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 5. M. 1961.
6. *D'yakonova I. A. Russkie dolgi i Zapad (po shvejcarskim arhivam)* [Russian debts and the West (according to the Swiss archives)]. M. 2008.
7. *Istoriya diplomatii* – History of diplomacy. M.-L. 1945. Vol. 3.
8. *Istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij i vneshnej politiki SSSR : v 3 t. T. 1. 1917–1945 gg.* – The history of international relations and foreign policy of the USSR : in 3 vols. Vol. 1. 1917–1945. M. 1986.
9. *Katasonov V. Yu. Genuezskaya konferenciya v kontekste mirovoj i rossijskoj istorii* [Genoa conference in the context of world and Russian history]. M. 2015.

10. *Komintern i ideya mirovoj revolyucii : dokumenty* – The Comintern and the idea of world revolution : documents. M. 1998.

11. *Kutovoj E. G. Mezhdunarodnye peregovory na perekrestkah civilizacij* [International negotiations at the crossroads of civilizations]. M.-SPb. 2016.

12. *Lenin V. I. Neizvestnye dokumenty. 1891–1922 gg.* [Unknown documents. 1891–1922]. M. 2000.

13. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5. T. 44* [Complete works. Ed. 5. Vol. 44]. M. 1974.

14. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5. T. 45* [Complete works. Ed. 5. Vol. 45]. M. 1970.

15. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5. T. 54* [The complete collection of works. Ed. 5. Vol. 54]. M. 1978.

16. *Lyubimov N. N., Ehrlih A. N. Genuezskaya konferenciya (Vospominaniya uchastnikov)* [The Genoa Conference (Memoirs of participants)]. M. 1963.

17. *Moskva – Rim. Politika i diplomatiya Kremlya. 1920–1939. Sbornik dokumentov* – Moscow-Rome. Politics and diplomacy of the Kremlin. 1920–1939. Collection of documents / Ed. G. N. Sevostyanov. M. 2002.

18. *Nezhinskij L. N. V interesah naroda ili vopreki im? Sovetskaya mezhdunarodnaya politika v 1917–1933 godah* [In the interests of the people or in spite of them? Soviet International Politics in 1917–1933]. M. 2004.

19. *O'Connor Timoti E. Inzhener revolyucii. L. B. Krasin i bol'sheviki. 1870–1926* [Engineer of the Revolution. L. B. Krasin and the Bolsheviks. 1870–1926]. M. 1993.

20. *Ocherki istorii Ministerstva Inostrannyh del Rossii : v 3 t.* – Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia : in 3 vols. M. 2002. Vol. 2 (1917–2002).

21. *Rubinstejn N. L. Vneshnyaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1921–1925 gg.* [Foreign policy of the Soviet state in 1921–1925]. M. 1953.

22. *Sidorov A. Yu., Klejmenova N. E. Istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij. 1918–1939 gg.* [History of international relations. 1918–1939]. M. 2006.

23. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij : v 4 t. T. 2. Dokumenty 1918–2000* – System history of international relations : in 4 vols. Vol. 2. Documents 1918–2000. M. 2000.

24. *Sovetskaya vneshnyaya politika. 1917–1945 gg. Poiski novyh podhodov* – Soviet foreign Policy. 1917–1945 The search for new approaches. M. 1992.

25. *Sokolov A. K. Sovetskoe neftyanoe hozyajstvo. 1921–1945 gg.* [Soviet oil economy. 1921–1945]. M. 2013.

26. *Hromov S. S. Inostrannye koncessii v Rossii. Istoricheskij ocherk. Dokumenty. Ch. 1* [Foreign concessions in Russia. Historical essay. Documents. Part 1]. M. IRI RAS. 2006.

27. *Hromov S. S. Leonid Krasin. Neizvestnye stranicy biografii. 1920–1926* [Leonid Krasin. Unknown biography pages. 1920–1926]. M. 2001.

28. *Chicherin G. V. Stat'i i rechi po voprosam mezhdunarodnoj politiki* [Articles and speeches on international issues]. M. 1961.

29. *Chubar'yan A. O. Diplomaty leninskoj shkoly* [Diplomats of Lenin school]. M. 1982.

30. *Shishkin V. A. Stanovlenie vneshnej politiki poslerevolyucionnoj Rossii (1917–1930 gody) i kapitalisticheskij mir: ot revolyucionnogo "zapadnichestva" k "nacional-bol'shevizmu"* [Formation of the foreign policy of post-revolutionary Russia (1917–1930 years) and the capitalist world: from the revolutionary "Westerners" to "national Bolshevism"]. SPb. 2002.

31. *Shishkin V. A. Sovetskoe gosudarstvo i strany Zapada v 1917–1923 gg.* [The Soviet state and the countries of the West in 1917–1923]. L. 1969.

32. *Day Richard B.* Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation. Cambridge, 1973

33. *Fischer L.* The Soviets in World Affairs: A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World, 1917–1928. N. Y., 1980. Vol. 1-2.

34. *Kennan G. F.* Soviet foreign policy, 1917–1941. Prinseton, N. J., 1960; Genoa, Rapallo, and European reconstruction in 1922 / Ed. by Carole Fink, Axel Frohn. Wash., N. Y., 1991.

35. *White S.* Britain and the Bolshevik Revolution: A Study in the Politics of Diplomacy 1920–1924. N. Y., 1980.

УДК 947(470+571) DOI: 10.25730/VSU.2070.21.017

Изменение уклада жизни крестьян в первое послереволюционное десятилетие (на примере Нижегородской губернии)

А. А. Стряпихина
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
Институт пищевых технологий и дизайна.
Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0001-5837-8565. E-mail: anna-styrapikhina@rambler.ru

Аннотация. Состоянию современного аграрного сектора экономики уделяется недостаточное внимание в обществе, имеющиеся трудности замалчиваются властями. Между тем бытовая неустроенность и скудность культурной жизни наблюдаются в большинстве сел и деревень. Данные проблемы имеют глубокие исторические корни. Целью исследования является анализ перемен, произошедших в повседневной жизни крестьян под влиянием политико-просветительской деятельности советского правительства в первое послереволюционное десятилетие. Предметом исследования являются законодательные материалы правительства и директивы партии, задающие общий тон просветительской работе в деревне; материалы делопроизводства органов власти Нижегородской губернии, освещающие особенности реализации указаний центра на местном уровне; статистические материалы, позволяющие сравнить динамику изменений. Особое место занимают материалы местных периодических изданий, углубляющих представление о проблемах в сельскохозяйственном секторе в рассматриваемый период времени. Малограмотность, широкое распространение инфекционных болезней, недостаточное количество медицинских пунктов, отсутствие культурно-досуговых учреждений и др. являлись распространенным явлением в крестьянской среде. Автор приходит к выводу, что именно с утверждением советского строя данные вопросы стали активно обсуждаться во всех эшелонах власти, а также были выработаны конкретные пути их решения. В исследовании раскрываются изменения, произошедшие в образовании, здравоохранении, внутрисемейном укладе, в работе культурно-досуговых учреждений на селе. Большое прогрессивное значение имели такие меры, как обучение грамоте широких слоев населения, развитие интереса к чтению, распространение сельскохозяйственных знаний. Эффективной мерой для борьбы с инфекционными заболеваниями стала вакцинация населения. Продолжением идеи социального равенства являлось повышение правового статуса женщины. В 1920-е гг. жители сел и деревень впервые познакомились с радио и кино, появились специализированные крестьянские периодические издания. Негативным явлением данного периода следует считать широкое распространение антирелигиозной пропаганды. Материалы данного исследования могут быть использованы на учебных занятиях по отечественной истории, а также при написании научных работ, посвященных рассматриваемому историческому периоду.

Ключевые слова: крестьянство, образование, изба-читальня, здравоохранение, семья.

Представление о том или ином историческом периоде является неполным без изучения культурно-бытовых особенностей жизни населения. Значительный научный интерес представляют изменения в крестьянском укладе жизни в первое послереволюционное десятилетие, когда происходило складывание новой государственности и идеологии. Исследование строится на материалах Нижегородской губернии, которая, как в прошлом, так и в настоящем является крупным экономическим районом в центральной части страны. Говоря о степени изученности темы, следует отметить, что опубликованные работы весьма немногочисленны и затрагивают отдельные фрагменты политики большевиков в области культуры и быта. Нижегородский опыт создания новой школы после революции исследовался Н. В. Быстровой [2], А. Б. Шурыгиной [27]; Т. П. Бибановым поднималась тема ликвидации неграмотности в 1920-е гг. [1]; В. Колябин опубликовал материал о введении обряда октябрин, заменяющего христианское крещение [8]. Довольно ценными для исследователей являются публикации о знакомстве деревенских жителей с кинематографом, написанные современниками исследуемых событий В. Ивановым [7], А. Окуньковым [21], Б. Марининым [19]. Проблема пьянства в учреждениях уездной власти Нижегородской губернии освещалась А. В. Сомовым, Р. А. Дашкиным [4].

Наша работа является первым опытом комплексного исследования послереволюционных изменений в укладе жизни крестьян на местном уровне.

© Стряпихина А. А., 2021

Справедливо отметить, что именно при большевиках началось активное обсуждение культурно-бытовых проблем деревни и поиск путей их решения. Лидер революции В. И. Ленин подчеркивал: «Мы должны … культурно поднять деревню, победить даже в самых глухих углах отсталость, темноту, нищету, болезни и одичание…» [18, с. 109]. От политических обещаний большевики перешли к конкретным шагам по повышению культурного облика сел и деревень. Реализация новой политики в области культуры и быта проходила в сложнейших условиях, страна переживала трансформацию всей политической системы и экономики. Однако необходимость изменений данного плана являлась насущной необходимостью для населения и важной задачей новой власти. Без проведения в деревне реформ культурного и бытового плана невозможно было создать общество нового типа.

В начале 1920-х гг. губерния состояла из 12 уездов, где проживало более 1,8 млн человек. В 1923 г. в состав губернии вошло еще 6 уездов, численность населения увеличилась до 2,3 млн чел, из которых более 80 % проживало в сельской местности [22, с. 31].

Довольно остро стоял вопрос о неграмотности населения. К началу 1920-х гг. не умели читать и писать 21 % городского и 59 % сельского населения в возрасте от 15 до 50 лет [26, с. 159]. Как следствие, в селах и деревнях процветало пьянство, хулиганство, наблюдались частые бытовые конфликты, отсутствовал культурный досуг.

Борьба с неграмотностью являлась важным шагом по воспитанию гражданина нового советского государства. Считалось, что грамотный крестьянин сможет улучшить свое хозяйство, а также оказать большую пользу общему делу строительства коммунизма. Согласно Конституции РСФСР 1918 г. обучение объявлялось бесплатным, что делало доступным образование широким слоям населения. Вместо прежнего деления школ на гимназии и реальные училища вводилась единая трудовая школа с двумя ступенями: пять лет обучения в школе первой ступени (с 8 до 13 лет), четыре года в школе второй ступени (с 13 до 17 лет). Школа отделялась от церкви, изменилось содержание учебных предметов в соответствии с марксистским пониманием окружающего мира.

Первостепенная задача заключалась в массовом обучении детей. В первые послереволюционные годы сеть школ имела тенденцию к росту. С 1917 г. по 1920 г. число школ первой ступени в сельской местности в Нижегородской губернии возросло с 2297 до 2691 [23, с. 156]. Однако положение меняется после перехода к новой экономической политике (далее – нэпу). Сокращение государственных расходов, привело к тому, что содержать имеющееся количество школ стало невозможно. К 1924 г. в деревнях и селах губернии было закрыто более 700 школ первой ступени [12, с. 157] (подсчитано нами. – *Авт.*). Местная власть вынуждена была констатировать, что обучением охвачено только 60 % детей школьного возраста [25, с. 57]. Решить вопрос об охвате школьным обучением всех желающих планировалось к 1927–1928 гг., однако данных результатов достигнуто не было. Большим препятствием являлось неудовлетворительное состояние зданий для школы или их отсутствие. Наблюдалась нехватка учебников, перьев, чернил, бумаги, мела. Имелась значительная потребность в квалифицированных педагогических кадрах. Восстановление школ нередко осуществлялось силами местного населения.

Довольно частым явлением было отчисление из школ. Средняя продолжительность пребывания ученика в школе первой ступени составляла 2,5 года [20, с. 98]. Сложное материальное положение крестьянских семей не позволяло осуществлять систематические траты на обувь, одежду, тетради. Многие подростки вынуждены были оставлять школу из-за большой загруженности работой по дому и хозяйству. В губернии отмечались случаи, когда детей не хотели отпускать в школу, отмена религиозного аспекта в обучении далеко не всеми родителями была встречена одобрительно.

Особенность данного исторического периода заключалась в том, что обучением было охвачено не только подрастающее поколение, но и взрослые. Декрет о ликвидации безграмотности 1919 г. предписывал населению в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющему читать и писать, обязательно обучаться грамоте [5, с. 50]. В 1920 г. была создана губернская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности, готовились инструкторы по работе с населением, открывались пункты ликвидации безграмотности. Однако грамотность среди прошедших ускоренное обучение следует считать условной. Имеющаяся сеть ликпунктов не давала прочных и глубоких знаний. Нередким явлением среди окончивших обучение была возвратная неграмотность, когда без систематического повторения и практического закрепления знания быстро забывались. Но сама идея о необходимости обучения и придание дан-

ному процессу значения важной государственной задачи, несомненно, является важным достижением советской эпохи.

Большое внимание уделялось развитию периодической печати, являвшейся главным источником информации для населения. Акцент делался на увеличение наименований печатных изданий, их тиражей, на привлечение к чтению как можно большего количества человек. Развитие культуры чтения стало эффективной мерой борьбы с невежеством в крестьянской среде. Довольно популярной в деревне стала «Крестьянская газета», являвшаяся изданием нижегородского губернского комитета РКП (б) и губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов. Структура данного издания была хорошо продумана, опубликованные материалы охватывали, фактически, все стороны жизни крестьян. Регулярными были рубрики: «Что надо знать сельскому хозяину?», где публиковался материал о способах эффективного землепользования и советы по животноводству; «Беседы врача с крестьянином»; «Крестьянский справочник», где печатали консультации по юридическим вопросам. Из выпусков газеты крестьяне узнавали об основах марксизма, принципах функционирования нового государственного строя, политических и культурных событиях в стране и мире, содержании нормативно-правовых документов, принимаемых властью. Периодическая печать являлась важнейшим инструментом идеологического влияния на население и средством политического воспитания крестьян. В целом, характер публикаций не подвергал сомнению правильность политического вектора развития страны. Для статей характерна определенная идеализация центральной власти и вождей революции. Между тем, отношения крестьян с местными Советами были неоднозначными. Н. Н. Грехова отмечает, что стремление низовыми Советами выполнить директивы центра часто не согласовывалось с реальным положением дел в губернии, проходило вразрез с интересами крестьянства и приводило к обострению обстановки в деревне и отсутствию доверия к Советам [3, с. 169].

О повышении интереса к чтению говорит увеличение количества зарегистрированных читателей в библиотеках Нижегородской губернии, число которых возросло с 52 тыс. в 1923/1924 гг. до 96 тыс. в 1925/1926 гг. [26, с. 175].

Способом распространения сведений, опубликованных на страницах газет и журналов и среди тех, кто не умел читать, являлись громкие чтения в избе-читальне. Изба-читальня стала особым типом учреждения в деревнях и селах. По замыслу большевиков, избы-читальни должны были стать центром политико-просветительской работы в деревне. Избы-читальни осуществляли снабжение жителей литературой; в них проходили чтения, лекции, беседы, посвященные обсуждению политической жизни страны и пропаганде сельскохозяйственных знаний. В 1920–1921 гг. в Нижегородской губернии в сельской местности насчитывалось 525 изб-читален. После перехода к НЭПу снизилось государственное финансирование, что вызвало массовое закрытие изб-читален. Так, в 1922–1923 гг г. число изб-читален сократилось до 41 [23, с. 162–163]. «Деревня оказалась лишенной опорного пункта и даже самого примитивного политического воздействия…» – писала Н. К. Крупская в 1922 г. [17].

Учитывая возможности данного учреждения в идеологическом воздействии на население, большевиками были приняты меры по возрождению и активизации деятельности избы-читальни на селе. По итогам работы XII съезда РКП (б), состоявшегося в апреле 1923 г., было решено утвердить в каждой губернии твердую сеть изб-читален, содержащихся на местные средства в количестве не менее одной на волость. Резолюция «О работе в деревне», принятая XIII съездом РКП (б) в мае 1924 г., предписывала снабжать избы-читальни книгами и газетами по себестоимости, осуществлять их бесплатную пересылку. Изба-читальня наделялась функциями справочного стола для населения, что повышало ее значимость на селе [6, с. 68–69].

К 1927 г. число изб-читален в Нижегородской губернии было доведено до 332 [26, с. 178]. При избе-читальне работали кружки (домашнего хозяйства, малограмотных, физкультуры, рукоделия, друзей книги и газет, юридические, сельскохозяйственные, самообразования, драматические и др.). Драматические кружки, действующие при избе-читальне, периодически ставили спектакли. Особенно популярными были агро-пьесы «Земля нам мать, давай хозяйство поднимать» и форма агит-суда «Суд над отсталым сельским хозяйством, «Суд над трехпольем» [19, с. 3]. Слабой стороной художественной самодеятельности на селе были: отсутствие продуманного плана работы, подготовленного руководящего состава, хороших декораций и соответствующей литературы.

В первое послереволюционное десятилетие складывались традиции новых праздников, среди которых праздник урожая, праздник международной солидарности трудящихся

(1 Мая), праздник Октябрьской революции и др. Праздники несли объединяющую, консолидирующую, воспитательную функции. Важной задачей было создание общего положительного настроя среди населения, поддержание желания осознавать себя частью общества. Традиционными стали выступления на праздниках должностных лиц, шествие по улицам, чтение стихов, пение революционных песен и постановки спектаклей или концертов в здании школ или клубов.

Коренным образом менялся внутрисемейный уклад жизни. Для заключения брака необходимо было взаимное согласие будущих супругов, одобрение родителей больше не требовалось. Регистрация брака была выведена из юрисдикции церкви и стала осуществляться в Отделе записей актов гражданского состояния (ЗАГСе). Новое советское законодательство о браке и семье предусматривало равноправие полов, свободный развод, уравнение в правах детей, рожденных как в браке, так и вне брака. Изменился правовой статус женщины, для женщин было введено избирательное право. На селе стали проходить женские собрания и конференции, крестьянок стали привлекать к работе в сельских советах, к общественной деятельности на селе.

Однако проявление активной общественной позиции часто не находило поддержки в семье: «…выяснилось, что мужики не пускают своих жен на собрание, так как они будут говорить на собраниях против них, мужчин» [15, с. 2]. Женщина-крестьянка, осваивающая новые социальные роли, часто вызывала непонимание или осуждение в обществе. На женские плечи ложилась двойная нагрузка вследствие трудовой и общественной деятельности, а также домашней работы. Несмотря на продекларированное равенство обоих полов, в семьях продолжал преобладать патриархальный уклад с подневольным положением женщины, отмечалась неразвитость самосознания женщины-крестьянки.

Ограничение церковного влияния и уравнение женщин в правах с мужчинами спровоцировало увеличение числа разводов. Если в 1897 г. разведенными числились 39 мужчин и 68 женщин, то в 1920 г. данный статус имели уже 148 мужчин и 308 женщин [23, с. 118–119]. Число разводов продолжало расти и в последующие годы, так, за 1926 г. развелись уже более 3 тыс. человек. [24, с. 40–41].

Прогрессивной мерой являлось усиление внимания к электрификации сел и деревень. Если до революции электричество имелось в трех городах (Н. Новгород, Арзамас, Канавино) и двух селах (Безводном и Богородском), то к концу 1920-х гг. электрификацией были охвачено уже 11 городов и 13 сел [26, с. 143–144].

В 1920-е гг. в деревни стало проникать радиовещание. Особенность заключалась в том, что Нижний Новгород сыграл особую роль в истории радиовещания. В конце XIX в. в городе начал исследования радиосвязи ученый-физик Александр Попов, а в 1918 г. была открыта радиолаборатория общесоюзного уровня, положившая начало радиовещанию в стране. Для обслуживания населения Нижегородской губернской радиолабораторией была создана специальная радиостанция, открывшая вещание 22 декабря 1924 г. В качестве программ транслировались часовые лекции по различным вопросам и музыкальные концерты. Специальные радиоприемники стоили дорого, чаще крестьяне вскладчину покупали громкоговорящие установки. Слушали радио крестьяне нередко в избах-читальнях. С 1925 г. началась трансляция передач из Москвы.

С середины 20-х гг. была развернута деятельность по продвижению кино в деревню. Эта работа осуществлялась путем кинопередвижек. Спецификой было то, что кино было без звука, киномеханик осуществлял громкое чтение надписей и объяснял содержание картины. Наибольшей популярностью среди крестьян пользовались военные кинокартины, комедии, фильмы о сельском хозяйстве. Но показ фильма все-таки был довольно редким явлением на селе, содержание кинопередвижек обходилось местному бюджету дорого, во многих селениях не было приспособленных зданий для трансляции фильма.

Важным направлением работы в деревне, продиктованным насущным требованием экономики, стало поднятие урожайности сельского хозяйства. Объяснению крестьянам пользы улучшенных приемов техники земледелия уделялось значительное внимание на страницах периодических изданий, а также в ходе специальных лекций и бесед. Кроме того, при участии агрономов на селе создавали специальные показательные участки по полеводству, где демонстрировались результаты введения высокоурожайных культур, новых способов обработки и посева, результаты применения минеральных удобрений. Знаменательным событием для крестьян Нижегородской губернии стало участие в первой Всесоюзной сельскохозяй-

ственной и кустарно-промышленной выставке, проходившей в августе 1923 г. в Москве, где демонстрировались успехи и достижения в различных областях сельского хозяйства. Передовой опыт предприятий, организаций и отдельных крестьян, представленный на выставке, должен был служить средством восстановления и подъема сельского хозяйства. Крестьяне Нижегородской губернии представили улучшенные семена ржи, клевера, льна-долгунца, результаты применения минеральных удобрений. По итогам работы выставки Нижегородская губерния удостоилась почетных дипломов первой и второй степени как по полеводству, так и по животноводству, что более подробно описано в статье В. Колябина [9].

Особым типом учебного заведения стали школы крестьянской молодежи, которые открывались на базе школ первой ступени в сельской местности. Задача работы школ данного типа состояла в подготовке культурного сельского хозяина, ведущего свое хозяйство по новым научным методам. В Нижегородской губернии в 1927 г. насчитывалось 12 таких школ с 706 учащимися и 44 учителями [26, с. 166].

Часто не хватало квалифицированных кадров и просто инициаторов, которые могли бы руководить культурной работой на селе. Требовались специалисты, умеющие быстро ориентироваться в политических и хозяйственных вопросах [10, с. 68]. Нередко работа учителей, агрономов не оплачивалась или оплачивалась несвоевременно, что осложняло культурно-просветительскую деятельность на селе. Недостаток финансирования сказывался на качественной стороне работы культурных организаций (нерегулярное поступление литературы, обветшалое состояние зданий, недостаток технических средств и инвентаря и др.)

В 1920-е гг. актуальным являлся вопрос о развитии сети здравоохранения. Население страдало от инфекционных заболеваний, самыми распространенными в Нижегородской губернии были малярия, туберкулез, сифилис, брюшной и сыпной тиф, корь, коклюш, скарлатина. В борьбе с инфекциями большое внимание уделялось развитию прививочных мероприятий. Число произведенных прививок выросло в губернии почти вдвое, с 120 тыс. в 1921 г. [22, с. 91] до 230 тыс. в 1924 г. [23, с. 138]. В губернии не хватало медицинского персонала, медикаментов, хирургических инструментов. Из-за малограмотности в крестьянской среде распространенным явлением было обращение к знахарям и целителям, что часто усугубляло положение. Данное явление неоднократно критиковалось на страницах «Крестьянской газеты», печатались специальные обращения к населению получать медицинскую помощь в специализированных учреждениях.

Особняком среди просветительской работы большевиков стоит антирелигиозная пропаганда. Данный шаг обусловил мировоззренческое и духовное потрясение в обществе, менял сознание и самосознание людей. Именно эта мера является поводом жесткой критики советского режима. Большую роль в этом играла губернская периодическая печать. На страницах «Крестьянской газеты» христианская религия называлась «дурманом», который якобы затруднял распространение в крестьянской среде достижений медицины и науки. Довольно убедительным аргументом являлась публикация случаев из крестьянской жизни, когда религиозные убеждения противоречили здравому смыслу: «темна еще наша деревенька Яблонька… Дать себе привить оспу, по мнению яблоньковцев, это значит наложить на себя “антихристову печать”» [13, с. 3]. «Граждане деревни Ушаковка Каменской волости… не обращая внимания на школу… занялись постройкой молельни… Школа осталась не отремонтированной, а вместо ее строится дом лжи и обмана. Стыдно, ушаковцы, строить ненужные постройки, а школу оставлять без внимания» [14, с. 2]. «Крестьянская газета» регулярно печатала карикатуры, обличительные материалы о священнослужителях, критику церковных поборов.

На селе проводились антирелигиозные вечера, на которых читали лекции и ставили спектакли противорелигиозного характера. Вместо христианских таинств и праздников устраивались революционные или коммунистические крестины, комсомольское Рождество, гражданские свадьбы.

Следует отметить, что данные нововведения, в основном, находили отклик у молодежи, крестьяне старшего поколения чаще оставались верны религиозным традициям: «На днях принесли «чудотворную» икону. …старики и старухи ходили за ней толпами… А молодежь собралась на лужайке… пришли парни с соседней деревни с гармошкой, и на лужайке загремели песни…» [12, с. 3].

Таким образом, в первое послереволюционное десятилетие, несмотря на экономические трудности, была выработана концепция по решению ключевых культурно-бытовых проблем сельскохозяйственного сектора. Темп работы в данном направлении был значи-

тельно снижен после введения НЭПа, повлекшего сокращение государственных расходов на образование, медицину, культуру. Высокой оценки заслуживают такие меры, как борьба с неграмотностью, пропаганда сельскохозяйственных знаний, профилактика инфекционных заболеваний, расширение работ по электрификации. Учитывая присущий крестьянам консерватизм, введение новых порядков сопровождалось пропагандистской работой, подчеркивающей значение реформ для населения. После революции жители сел и деревень впервые знакомятся с радио и кино. В 1920-е гг. формируется новая система ценностей и норм, что повлияло на крестьянскую повседневность. Однако в крестьянской среде была сильна и роль традиций, что обусловило одновременное существование старых и новых порядков в деревне. Наиболее сильно это проявилось в семейном укладе и отношении к религии. Антирелигиозная пропаганда омрачает впечатление от просветительской деятельности большевиков и является одним из ведущих антисоветских аргументов современности.

Список литературы

1. *Бибанов Т.* «Грамотный! Помоги неграмотному!» // Ленинская смена. 1989. 22 октября. С. 3.

2. *Быстрова Н. В.* Формирование школьной системы обучения в Нижегородской губернии в 1917–1930 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 1 С. 32–36.

3. *Грехова Н. Н., Ефимов О. В.* Советы и крестьянство в 1917–1928 гг. (на материалах Нижегородской губернии). Арзамас : АГПИ им. А. П. Гайдара, 2011. 241 с.

4. *Дашкин Р. А. Сомов В. А.* «Вон – самогон!». Проблема пьянства в органах уездной власти Нижегородской губернии в 1920-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 2 (46). С. 74–88.

5. Декреты Советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. М. : Политиздат, 1975. 676 с.

6. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения: вопросы народного просвещения в основных директивах съездов, конференций, совещаний ЦК и ЦКК ВКП(б) / Сост. А. Я. Подземский. М. ; Л. : ОГИЗ, 1931. 496 с.

7. *Иванов В.* Кино-работа в деревне // Школа и жизнь. 1928. № 9. С. 33–36.

8. *Колябин В.* Новый быт – детище Октября // Курьер. 1990. № 2. С 4.

9. *Колябин В.* Первый всесоюзный смотр // Горьковский рабочий. 1983. 4 мая. С. 4.

10. *Коршунов А.* О политпросветработе в деревне // Коммунист. 1924. № 4–5. С. 67–73.

11. Крестьянская газета. 15 октября 1923. № 20.

12. Крестьянская газета. 23 октября 1923. № 22.

13. Крестьянская газета. 20 ноября 1923. № 29.

14. Крестьянская газета. 21 января 1924. № 5 (44).

15. Крестьянская газета. 9 февраля 1924. № 11 (5).

16. Крестьянская газета. 6 июня. 1925. № 43 (178).

17. *Крупская Н. К.* Избы–читальни. URL: https://public.wikireading.ru/135032 (дата обращения: 01.02.2020).

18. *Ленин В. И.* Доклад о работе ВЦИК И Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. М., 1974. Т. 40. С. 87–110.

19. *Маринин Б.* Самое важное из искусств // Горьковский край. 1936. № 2. С. 103–106.

20. Нижегородский край. Материалы к первому краевому съезду советов Р. К. и К. Д. Н. Новгород : Нижполиграф, 1929. 105 с.

21. *Окуньков А.* Кино в деревне // Школа и жизнь. 1928. № 3. С. 93–97.

22. Статистический ежегодник Нижегородской губернии 1922, 1923 гг. Нижний Новгород : Нижполиграф, 1924. 391 с.

23. Статистический ежегодник Нижегородской губернии 1924 г. Нижний Новгород : Нижполиграф, 1926. 335 с.

24. Статистический ежегодник Нижегородской губернии 1925, 1926 гг. Нижний Новгород : Нижполиграф, 1928. 236 с.

25. Шесть месяцев работы Нижегородского губисполкома. Январь-июнь 1926 г. Нижний Новгород : Нижполиграф, 1926. 84 с.

26. *Шульц Ф. Ф.* Десять лет советской власти в Нижегородской губернии (1917–1927 гг.). Нижний Новгород : Нижполиграф, 1927. 222 с.

27. *Шурыгина А. Б.* Школы и учителя Нижегородской губернии в 20-е гг. XX в. (по материалам ГОПАНО). URL: http://www.archiv.nnov.ru/?id=3883 (дата обращения: 11.02.2019).

Changes in the way of life of peasants in the first post-revolutionary decade (on the example of the Nizhny Novgorod province)

A. A. Stryapikhina
PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Humanities,
Institute of Food Technologies and Design.
Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0001-5837-8565. E-mail: anna-styrapikhina@rambler.ru

Abstract. Insufficient attention is paid to the state of the modern agricultural sector of the economy in society, the existing difficulties are hushed up by the authorities. Meanwhile, domestic disorder and scarcity of cultural life are observed in most villages and villages. These problems have deep historical roots. The purpose of the study is to analyze the changes that occurred in the daily life of peasants under the influence of the political and educational activities of the Soviet government in the first post-revolutionary decade. The subject of the research is the legislative materials of the government and the party directives that set the general tone for educational work in the village; the materials of the office work of the authorities of the Nizhny Novgorod province, highlighting the peculiarities of the implementation of the center's instructions at the local level; statistical materials that allow comparing the dynamics of changes. A special place is occupied by the materials of local periodicals that deepen the understanding of the problems in the agricultural sector in the period under review. Low literacy, widespread spread of infectious diseases, insufficient number of medical centers, lack of cultural and leisure facilities, etc. they were a widespread phenomenon in the peasant environment. The author comes to the conclusion that it was with the approval of the Soviet system that these issues began to be actively discussed in all echelons of power, and specific ways of solving them were also developed. The study reveals the changes that have occurred in education, health care, the intra-family way of life, in the work of cultural and leisure institutions in rural areas. Such measures as teaching literacy to the general population, developing interest in reading, and spreading agricultural knowledge were of great progressive importance. Vaccination of the population has become an effective measure to combat infectious diseases. The continuation of the idea of social equality was to increase the legal status of women. In the 1920s, residents of villages and villages first got acquainted with radio and cinema, specialized peasant periodicals appeared. The widespread spread of anti-religious propaganda should be considered a negative phenomenon of this period. The materials of this study can be used in educational classes on national history, as well as when writing scientific papers on the historical period under consideration.

Keywords: peasantry, education, hut-reading room, health care, family.

References

1. *Bibanov T. "Gramotnyj! Pomogi negramotnomu!"* ["Literate! Help the illiterate!"] // *Leninskaya smena* – Lenin working shift. 1989. October 22. P. 3.

2. *Bystrova N. V. Formirovanie shkol'noj sistemy obucheniya v Nizhegorodskoj gubernii v 1917–1930 gg.* [Formation of the school system of education in the Nizhny Novgorod province in 1917–1930] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Bryansk State University. 2011. No. 1. Pp. 32–36.

3. *Grekhova N. N., Efimov O. V. Sovety i krest'yanstvo v 1917–1928 gg. (na materialah Nizhegorodskoj gubernii)* [Soviets and the peasantry in 1917–1928. (based on the materials of the Nizhny Novgorod province)]. Arzamas. AGPI n. a. A. P. Gaidar. 2011. 241 p.

4. *Dashkin R. A. Somov V. A. "Von – samogon!". Problema p'yanstva v organah uezdnoj vlasti Nizhegorodskoj gubernii v 1920-e gg.* ["Out – moonshine!". The problem of drunkenness in the bodies of the district government of the Nizhny Novgorod province in the 1920s] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* – News of higher educational institutions. The Volga region. Humanities. 2018. No. 2 (46). Pp. 74–88.

5. *Dekrety Sovetskoj vlasti. T. VII. 10 dekabrya 1919 g. – 31 marta 1920 g.* – Decrees of Soviet power. Vol. VII. December 10, 1919 – March 31, 1920 / Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU, Institute of the History of the USSR of the USSR Academy of Sciences. M. Politizdat. 1975. 676 p.

6. *Direktivy VKP(b) po voprosam prosveshcheniya: voprosy narodnogo prosveshcheniya v osnovnyh direktivah s"ezdov, konferencij, soveshchanij CK i CKK VKP(b)* – Directives of the CPSU(b) on education: issues of public education in the basic directives of congresses, conferences, meetings of the Central Committee and Central control Commission of the CPSU(b) / Comp. A. J. Podzemskiy. M.; L. OGIZ. 1931. 496 p.

7. *Ivanov V. Kino-rabota v derevne* [Movie–job in the village] // *Shkola i zhizn'* – School and life. 1928. No. 9. Pp. 33–36.

8. *Kolyabin V. Novyj byt – detishche Oktyabrya* [New life-the brainchild of October] // *Kur'er* – Courier. 1990. No. 2. P. 4.

9. *Kolyabin V. Pervyj vsesoyuznyj smotr* [The first All-Union review] // *Gor'kovskij rabochij* – Gorky worker. 1983. May 4. P. 4.

10. *Korshunov A. O politprosvetrabote v derevne* [About political enlightenment in the village] // *Kommunist* – Communist. 1924. No. 4–5. Pp. 67–73.

11. *Krestyanskaya gazeta* – Peasant newspaper. October 15, 1923. No. 20.

12. *Krestyanskaya gazeta* – Peasant newspaper. October 23, 1923. No. 22.

13. *Krestyanskaya gazeta* – Peasant newspaper. November 20, 1923. No. 29.

14. *Krestyanskaya gazeta* – Peasant newspaper. January 21, 1924. No. 5 (44).

15. *Krestyanskaya gazeta* – Peasant newspaper. February 9, 1924. No. 11 (5).

16. *Krestyanskaya gazeta* – Peasant newspaper. June 6, 1925. No. 43 (178).

17. *Krupskaya N. K. Izby–chital'ni* [Izba – reading rooms]. Available at: https://public.wikireading.ru/135032 (date accessed: 01.02.2020).

18. *Lenin V. I. Doklad o rabote VCIK I Sovnarkoma na pervoj sessii VCIK VII sozyva 2 fevralya 1920 g.* [Report on the work of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars at the first session of the Central Executive Committee of the VII convocation on February 2, 1920] // *Polnoe sobranie sochinenij : v 55 t.* – Complete works : in 55 vols. / V. I. Lenin. M. 1974. Vol. 40. Pp. 87–110.

19. *Marinin B. Samoe vazhnoe iz iskusstv* [The most important of the arts] // *Gor'kovskij kraj* – Gorky Krai. 1936. No. 2. Pp. 103–106.

20. *Nizhegorodskij kraj. Materialy k pervomu kraevomu s"ezdu sovetov R. K. i K. D.* – Nizhny Novgorod Region. Materials for the first regional Congress of Soviets of the R. K. and K. D. N. Novgorod. Nizhpoligraf. 1929. 105 p.

21. *Okun'kov A. Kino v derevne* [Cinema in the village] // *Shkola i zhizn'* – School and life. 1928. No. 3. Pp. 93–97.

22. *Statisticheskij ezhegodnik Nizhegorodskoj gubernii 1922, 1923 gg.* – Statistical Yearbook of the Nizhny Novgorod province 1922, 1923. Nizhny Novgorod. Nizhpoligraf. 1924. 391 p.

23. *Statisticheskij ezhegodnik Nizhegorodskoj gubernii 1924 g.* – Statistical Yearbook of the Nizhny Novgorod province, 1924. Nizhny Novgorod. Nizhpoligraf. 1926. 335 p.

24. *Statisticheskij ezhegodnik Nizhegorodskoj gubernii 1925, 1926 gg.* – Statistical Yearbook of the Nizhny Novgorod province 1925, 1926. Nizhny Novgorod. Nizhpoligraf. 1928. 236 p.

25. *Shest' mesyacev raboty Nizhegorodskogo gubispolkoma. Yanvar' – iyun' 1926 g.* – Six months of work of the Nizhny Novgorod regional Executive Committee. January–June 1926. Nizhny Novgorod. Nizhpoligraf. 1926. 84 p.

26. *Shultz F. F. Desyat' let sovetskoj vlasti v Nizhegorodskoj gubernii (1917–1927 gg.)* [Ten years of Soviet power in the Nizhny Novgorod province (1917–1927)]. Nizhny Novgorod. Nizhpoligraf. 1927. 222 p.

27. *Shurygina A. B. Shkoly i uchitelya Nizhegorodskoj gubernii v 20-e gg. XX v. (po materialam GOPANO)* [Schools and teachers of the Nizhny Novgorod province in the 20s of the XX century (based on the materials of State Socio-Political Archive of the Nizhny Novgorod Region)]. Available at: http://www.archiv.nnov.ru/?id=3883 (date accessed: 11.02.2019).

УДК 947(470.25) DOI: 10.25730/VSU.2070.21.018

Инициативы добровольных обществ Псковской губернии по укреплению военно-оборонного потенциала советского государства и интернациональному воспитанию трудящихся в 1923–1927 гг.

О. Г. Вишнева
учитель истории, Гуманитарный лицей. Россия, г. Псков. E-mail: olja1502@yandex.ru

Аннотация. В условиях внешнего давления на российское государство особую актуальность приобретает исторический опыт участия общественных организаций в деле обеспечения национальной безопасности страны и укрепления ее авторитета за рубежом. Статья посвящена вопросам становления добровольных обществ, проводивших оборонно-массовую работу и осуществлявших интернациональное воспитание трудящихся в Псковской губернии в 1920-е годы. Необходимость привлечения массовых организаций региона в качестве субъекта политической власти к реализации вышеназванных направлений политики было обусловлено наличием на территории Псковской земли враждебных большевикам элементов, отсутствием идейной поддержки начинаний советской власти со стороны большинства населения, а также требованием обеспечения безопасности государственной границы. Советскому руководству губернии важно было не только расширить свои возможности в решении стратегических задач за счет ресурсов общественных организаций, но и использовать их авторитет, опыт, связи для создания положительного образа большевистской власти на территории Псковского края, Северо-Западной области, в соседних государствах – Эстонии и Латвии. Автор раскрывает факторы, вызывавшие изменения в системе общественных организаций данной целевой направленности. На основе анализа динамики численности массовых организаций, их внутренней структуры и проведенных мероприятий определяется степень активного участия добровольных обществ в общественно-политической жизни региона. В условиях пограничного положения Псковской губернии ключевую позицию во второй половине 1920-х годов заняло ОСОАВИАХИМ, ставшее проводником вневойсковой подготовки населения. Силами губернской организации МОПР осуществлялась финансовая поддержка революционеров за границей, осуществлялось воспитание трудящихся в духе международной солидарности. Результаты иссследования могут быть использованы для написания обобщающих работ по истории общественных организаций России, истории Псковского края, а также полезны исследователям в области военной истории для анализа военной и идеологической подготовки гражданского населения в предвоенные годы.

Ключевые слова: массовые организации, военно-патриотическая работа, агитационно-пропагандистские кампании, интернациональное воспитание, кружечные сборы.

Отстояв суверенитет и завоевания революции в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции, молодое советское государство нуждалось в концентрации усилий общественности не только в деле военно-патриотического воспитания собственного населения, но и в повышении своего авторитета среди трудящихся за рубежом. Особую актуальность деятельность добровольных обществ подобной целевой направленности приобретала в пограничной Псковской губернии, на территории которой имелись враждебные большевикам элементы (белогвардейские банды из Латвии и Эстонии), отсутствовала идейная поддержка начинаний советской власти со стороны крестьянства и интеллигенции [9; 10, с. 475; 38]. Отсюда, советскому руководству губернии важно было не только расширить свои возможности в решении стратегических задач за счет ресурсов общественных организаций, но и использовать их авторитет, опыт, связи для создания положительного образа большевистской власти на территории Псковского края, Северо-Западной области, в соседних государствах – Эстонии и Латвии.

Вопросы формирования ОСОАВИАХИМа и МОПРа на территории нашей страны являлись самостоятельным предметом исследования отечественных историков. Советская историография рассматриваемых общественных организаций прошла путь от создания популярных очерков и статей агитационно-пропагандистского характера до написания монографий, комплексных исследований, в которых в том числе отражена деятельность МОПРа и ОСО-

© Вишнева О. Г., 2021

АВИАХИМа [1; 2; 4; 13; 15; 16; 25; 39]. Как правило, подобные работы освещали историю зарождения добровольных обществ, основные этапы в их развитии, численность организаций, подводили итоги их деятельности, придавая последней сугубо положительную оценку. Советские историки аккумулировали огромное количество фактического материала, однако ввиду определенной ограниченности источниковой базы, вызванной политико-идеологическими условиями в стране, собранный материал служил подкреплением концепции общественных организаций как атрибута советской демократии, свидетельства народного характера советской власти.

Современный этап историографии общественных организаций 1920-х гг., охватывающий период с 1990-х гг. и по настоящее время, ознаменовался появлением критических исследований, касающихся изучения истории отдельных добровольных обществ или всей совокупности массовых организаций в определенных территориальных и хронологических рамках [3; 5; 14; 26; 34]. Особенно ценным исследованием нам представилась работа И. Н. Ильиной, в которой многогранно рассмотрен процесс становления системы общественных организаций России периода нэпа [11]. Внимание историка обращено к самому понятию «общественные организации», проблеме их классификации, социальному и численному составу организаций, правовому статусу гражданских объединений и партийно-государственному контролю за их деятельностью. Начиная с 2000-х гг. вышел ряд статей по истории МОПРа, ОСОАВИАХИМа в центральных периодических изданиях [6; 12; 22]. Наряду с региональными особенностями становления массовых организаций (более позднее организационное оформление на Дальнем Востоке, в Чувашии; первостепенное значение ОСОАВИАХИМа среди других добровольных обществ на приграничных территориях), выделялись и общие черты, характерные для начального периода деятельности общественных объединений (отсутствие систематической внутренней работы организаций, слабость их внутренней структуры, усиление государственного и партийного контроля за их деятельностью к концу 1920-х гг.). Новый методологический подход, основаный на функциональном принципе, в отношении классификации общественных организаций 1920–1930-х гг. представил орловский историк А. Ю. Саран [37].

Общественные объединения Псковской губернии 1920-х гг. не являлись предметом специального научного исследования в советский и постсоветский период. Единственной работой советской историографии, которая дала общее представление о существовавших в Псковской губернии в 1920-е годы общественных организациях (в том числе об истории МОПРа и ОСОАВИАХИМа), стал информационно-статистический сборник, изданный к 10-летию Октябрьской революции [36]. Он содержал краткие справки о времени возникновения, структуре, численности (на 1 октября 1927 г.) наиболее значительных из действовавших в пределах губернии общественных организациях. Влияние массовых организаций Псковской губернии на обществено-политическую жизнь 1920-х гг. не получило широкого освещения в работах, вышедших в 1990-е гг. В учебном пособии «Псковский край в истории России» сведения о добровольных обществах были фрагментарны. Содержалось упоминание только об обществе «Друзей радио» [36, с. 207]. В 2000-е гг. на страницах историко-краеведческого, научно-практического журнала «Псков» появились две статьи по общественно-политической деятельности комсомола в русле интернационального воспитания, общества «Друзей воздушного флота» [17; 24]. Отсюда представляется возможным ввести в научный оборот ранее не представленный в региональных исследованиях фактический материал по истории МОПРа, ОСОАВИАХИМа, а также переосмыслить их роль в общественно-политической жизни 1920-х гг., опираясь на современные методологические установки.

Первой в СССР массовой общественной организацией, содействовавшей развитию гражданской и военной авиации, стало «Общество друзей воздушного флота» (ОДВФ). Оно было основано в Москве в начале 1923 г. В Псковской губернии ОДВФ возникло 9 июня 1923 г., начав свою работу под лозунгом «Трудовой народ, строй воздушный флот» [8, д. 1685, л. 15]. В этот день состоялось первое общее собрание членов-инициаторов в количестве 70 человек, которые избрали губернский Совет из 17 человек [8, д. 1685, л. 16].

В июне 1924 г. на Псковской земле оформилось еще два добровольных общества, смежных по роду деятельности с ОДВФ. 13 июня 1924 г. Президиум псковского губкома РКП(б) постановил организовать инициативную группу по созданию «Общества друзей химической обороны и химической промышленности» (ДОБРОХИМ) в Псковской губернии [29, д. 150, л. 29]. Первое заседание инициативной группы состоялось 27 июня 1924 г., на нем был зарегистрирован его Устав. Деятельность ДОБРОХИМа была связана в том числе с просвещением

населения по вопросам способов и методов защиты широких масс от химического оружия, поэтому целесообразно относить это общество к добровольным оборонным организациям [22, с. 95]. Одновременно велась работа по созданию «Общества друзей радио» (ОДР), которое ставило своей задачей приобщение населения через радио к культуре и содействие установке радиоприемников [41, с. 210].

Интернациональное воспитание трудящихся на Псковской земле осуществлялось силами местного отделения «Международной организации помощи борцам революции» (МОПР). 30 ноября 1922 г. IV конгресс Коминтерна вынес решение о создании МОПР. Инициаторами организации такого общества (а позднее и его руководителями) были Ю. Мархлевский, Ф. Кон, К. Цеткин. В первой половине 1922 г. был создан руководящий орган МОПР – его Центральное Бюро (позже – Центральный Комитет), на заседании которого 22 декабря 1922 г. было принято «Положение о МОПР». В Псковской губернии отделение МОПР окончательно оформилось только в 1924 г., тогда Председателем городского комитета МОПРа был избран В. Кривихин. Первая губернская конференция МОПРа, состоявшаяся 2 января 1925 г., положила начало образованию общественной организации в губернском масштабе [7, д. 467, л. 173].

На протяжении 1920-х гг. внутренняя структура массовых общественных организаций на Псковщине подвергалась изменению по ряду причин. Общим импульсом для расширения территориального обхвата деятельности добровольных обществ стало проведение административной реформы в марте 1924 г., в результате которой к Псковской губернии были присоединены три уезда соседней Витебской губернии (Себежский, Велижский, Невельский).

Процесс изменения территориальных границ Псковской губернии совпал по времени с проводимым центральными и местными органами власти курсом по укрупнению волостей. 10 января 1924 г. губисполком одобрил предложенный губернской комиссией по районированию план укрупнения волостей и рекомендовал осуществить его до 1 апреля 1924 г. [8, д. 1327, л. 37]. Процесс «районирования» касался и новых территорий, а в губернии с изменившимися границами имелось 155 волисполкомов и 650 сельсоветов [40, с. 53]. После неоднократной корректировки 10 апреля 1924 г. проект был утвержден ВЦИК. Реализация плана должна была завершиться 15 мая 1924 г. В результате проведенного укрупнения число волостей в 1924 г. сократилось до 66, то есть на 57 % [8, д. 1683, л. 379]. Принятое административное решение должно было способствовать концентрации ресурсов добровольных обществ. Однако на деле приводило к распаду уже существующей сети массовых организаций.

Наиболее «слабыми звеньями» в структуре добровольных обществ оставались их местные ячейки, которые часто работали сепаратно, то распадались, то оформлялись вновь. Летом 1924 г. была проведена повторная кампания по созданию уездных отделений ОДВФ и популяризации его задач. Например, в июне 1924 г. была создана Опочецкая организация ОДВФ, в июле – Великолукская и Велижская [5, с. 244]. В Себежском уезде работу по организации общества и созданию уездного отделения пришлось возложить на ячейку ОДВФ Себежского погранотряда [8, д. 1685, л. 17].

Для укрепления всей системы общественных организаций выход как центральным, так и местным руководителям массовых организаций выделся в объединении близких по направлениям деятельности обществ и союзов. 25 марта 1925 г. состоялось совещание представителей ОДВФ, ДОБРОХИМа и ОДР Псковской губернии, на котором был определен план слияния организаций в объединенное общество АВИАРАДИОХИМ [36, с. 225]. Предварительно этот вопрос активно обсуждался на страницах газеты «Псковский набат». Председатель губернского Совета ОДВФ Н. Корчагин подчеркивал, что интеграция стала возможной, благодаря осознанию общности задач ОДВФ, ДОБРОХИМа и ОДР, а именно направленности обществ на «содействие советской власти в создании и усилении обороны пролетарской страны против возможного наступления империалистов, развитию и укреплению промышленности, воздушного транспорта, химической и радио с целью ее широкого применения, вовлечение в эту работу широких трудящихся масс как города, так и деревни, пробуждение их инициативы и самодеятельности и поднятие культурного уровня» [18]. Создавался Президиум АВИАРАДИОХИМа из 9 человек, устанавливались вступительный (в размере 25 копеек) и членский (1 руб. в год) взносы [29, д. 150, л. 52]. Осуществлялось слияние и на уровне уездных отделений и ячеек.

Вместе с тем интеграция усилий общественных организаций была обусловлена необходимостью укрепления вертикальных связей между губернскими и уездными организациями обществ. Основными формами взаимодействия губернского руководства общественных ор-

ганизаций с уездными отделениями являлись заслушивание докладов с мест, а также сбор членских взносов. В случае если губернское руководство общественных организаций и признавало факт отсутствия четкого и налаженного механизма своей работы, то часто возлагало ответственность на уездных активистов. Так, отмечая пассивность и незаинтересованность руководящего состава своих уездных отделений, губернский Совет ОДВФ, сравнивал членов последних с «почетными гостями» в Советах и Президиумах [8, д. 1685, л. 17].

Характерно, что бездеятельность отдельных уездных отделений объяснялась не только некомпетентностью самих губернских органов массовых организаций, иногда несвоевременным характером их работы, но и отсутствием в штате добровольных обществ квалифицированных управленческих кадров, отвечавших за взаимодействие с низовыми органами. Так, губернский Совет ОДВФ координировал работу местных ячеек через членов Совета, направлявшихся в уезды по служебным командировкам своей основной работы. При этом постоянный ответственный работник, который мог бы инструктировать уезды по текущим вопросам их деятельности, в губернском Совете ОДВФ отсутствовал.

Изменению численного состава добровольных обществ способствовали организационные перестройки, происходившие как внутри всей системы общественных организаций Псковской губернии, так и ее отдельных элементов. Кооперирование сил нескольких добровольных обществ формировало почву не только для закрепления положительной динамики развития каждого из них, но и увеличения темпов роста новообразованных обществ.

На протяжении двух лет существования ОДВФ в губернии наблюдалось количественное расширение его рядов: с 1 января 1924 г. до 1 января 1925 г. его численность выросла более чем в 4 раза (с 2172 до 9718 человек соответственно) [8, д. 1685, лл. 16, 20]. Накануне объединения ОДВФ с ДОБРОХИМом и ОДР, последние также демонстрировали тенденцию к росту. Если в июне 1924 г. в Псковской губернии имелась всего 1 ячейка ДОБРОХИМа в Пскове, насчитывавшая 85 человек, то к апрелю 1925 г. в губернском центре было уже 37 ячеек ДОБРОХИМа, объединявших 1807 человек, а в восьми уездах губернии его членами являлись 1892 человека [8, д. 1509, л. 291]. При этом за несколько месяцев существования ОДР его численность возросла более чем в пять раз: к концу 1924 г. оно насчитывало 28 членов, а к марту 1925 г. – 152 члена [17, с. 245].

Новообразованное общество, выдвинувшее следующие лозунги – «АВИАРАДИОХИМ – опора мирного труда, глашатай мировой революции, противогаз и часовой СССР»; «Мы укрепляем авиацию, радио и химию – для обороны от врага и наступления на хозяйственном фронте»; «Авиация, радио и химия – грозное оружие на войне, мощное орудие культурного и хозяйственного строительства СССР», – объединило к лету 1925 г. в своих рядах 13894 члена. На протяжении второго полугодия 1925 г. Псковский губернский АВИАРАДИОХИМ обеспечил почти двухкратный рост своего состава. К 1 января 1926 г. массовая организация насчитывала по губернии 21 627 человек: из них 12 210 рабочих и служащих, 3564 крестьян, 3510 учащихся; остальные члены состояли в воинских частях [20].

На протяжении последующих двух лет в структуре общества вновь произошли перемены. Летом 1926 г. от АВИАРАДИОХИМа отделилось ОДР [36, с. 225]. В начале 1927 г. произошло слияние АВИАХИМА с Обществом содействия обороне [36, с. 225]. Последнее ранее именовалось Военно-научным обществом (ВНО), которое занималось пропагандой военных знаний среди населения и изучало опыт Гражданской войны. Фокус внимания ВНО был направлен в большей степени на издательскую и просветительскую (в форме докладов и лекций) деятельность [12, с. 23–24]. Объединенное ОСОАВИАХИМ имело к 1 апреля 1927 г. по губернии 485 ячеек с 21 865 членами, по г. Пскову в его рядах насчитывалось 2099 членов [31, д. 67, л. 79об.].

Инициативную деятельность на Псковской земле по вовлечению в свои ряды крестьян, беспартийных рабочих, а также воинских частей развернуло МОПР. На 1 января 1925 г. численность Псковской губернской организации составила 24 762 членов. Из 270 ячеек по губернии рабочих ячеек насчитывалось – 48, крестьянских – 23, военных – 15, прочих – 30. Основная доля ячеек (154) была образована при советских учреждениях [21]. Сходная тенденция отмечена в других регионах страны, где преобладало сельское население. Например, количественный рост ячеек МОПРа в Чувашской АССР был ограничен ввиду сложности вовлечения в ряды организации крестьян по причине их высокой занятости на сельскохозяйственных работах [6, с. 49]. К 1927 г. организация МОПР на Псковщине насчитывала 35 103 члена (из них по Пскову – 6317, по губернии – 28 786 человек). Ячеек по г. Пскову было 86, а в каждом из районов имелся комитет МОПРа, объединяющий 3-7 ячеек [36, с. 225].

Ключевое значение в рамках укрепления военно-оборонного потенциала советского государства общественные организации Псковской губернии придавали содействию работе Красной Армии и Красного Флота. Проведение массовых кампаний по сбору средств на нужды воздушного флота стало одной из форм общественно-политической деятельности Псковской губернской организации ОДВФ. Первое из такого рода мероприятий, развернувшееся с лета 1923 г., было нацелено на помощь в постройке гидроплана «Красный псковитянин». Ход кампании освещался в газете «Псковский набат»: печатались списки пожертвований, указывались суммы собранных средств, отмечались наиболее активные участники мероприятия. Страницы местного периодического издания использовались представителями общественности для побуждения других лиц проявить свою гражданскую инициативу. Так, человек, сдавший определенную сумму на нужды воздушного флота, «вызывал» в печати одного или нескольких лиц, часто ему знакомых, на внесение дополнительных средств. Всего к 17 августа 1923 г. в пользу воздушного флота было пожертвовано 553 956 рублей 17 копеек по 1160 спискам поступлений от граждан и организаций, отчислявших однодневные и полудневные заработки [27]. Значительная часть из собранной суммы, а именно 222 458 рублей 31 копейка, была внесена населением в период с 24 июня по 8 июля 1923 г., который знаменовался в Псковской губернии «Неделей воздушного флота». Кроме сбора денежных средств в ходе недели проводились показательные полеты, распространялись знания об авиации [17, с. 244].

Помимо периодических благотворительных акций Псковское губернское ОДВФ вело системный сбор денежных пожертвований. С этой целью устраивались платные концерты, ставились спектакли, распространялись выпущенные ОДВФ марки и открытки. С целью пополнения финансовой базы в добровольное общество привлекались представители других общественных организаций губернии. Так, членов профсоюза работников коммунального хозяйства, получавших жалование с 12 по 17 разряд тарифной сетки или персональные ставки, обязали вступить в члены ОДВФ, внеся причитавшиеся членские и вступительные взносы [7, д. 400, л. 64].

Силами ОДВФ в Псковской губернии проводилась агитационно-пропагандистская работа. 1 декабря 1924 г. при губернском Секретариате ОДВФ была создана агитационная секция, которая участвовала в открытии губернского авиаклуба и авиабиблиотеки, а также готовила агитдоклады [8, д. 1685, л. 25]. На протяжении 1923–1924 гг. в Пскове было совершено 2 агитполета самолетами АВО [8, д. 1685, л. 27]. В рамках празднования дня ОДВФ по Северо-Западной области 10–12 июля 1925 г. губернский АВИАХИМ организовал облет Ленинградской и Псковской губерний на расстояние 1375 верст на одном самолете по маршруту: Ленинград – Гатчина – Гдов – Псков – Остров – Новоржев – Опочка – Себеж – Невель – Великие Луки – Велиж – Торопец – Холм – Дно – Порхов – Псков – Луга – Гатчина – Ленинград [29, д. 150, л. 109]. Для встречи самолета местные общества подготавливали площадки и раскладывали костры [28, д. 425, л. 8].

Спортивная работа в обществе велась менее интенсивно. В Невельском уездном отделении ОДВФ был организован кружок юных моделистов; в Пскове – авиаспортивный кружок, усилиями которого были построены авиасани и планер [8, д. 1685, л. 27].

Распространение химических знаний среди населения, пропаганда применения химии в сельском хозяйстве и промышленности на Псковской земле осуществлялась губернской общественной организацией ДОБРОХИМа. В составе добровольного общества работало четыре секции. Финансовая секция занималась сбором членских взносов, реализацией изделий и литературы ДОБРОХИМа. Одной из задач организационной секции являлась разработка программы для курсов и занятий по ячейкам. Так, с 1 февраля 1925 г. были организованы трехмесячные химические курсы, на которых обучались направленные первичными ячейками 40 членов общества [17, с. 245].

Агитационно-пропагандистская секция готовила доклады о целях и задачах общества, способствовала освещению этих вопросов в местной прессе. По ее инициативе на страницах периодических изданий «Псковский набат» и «Псковский пахарь» рассказывалось о применении химии в сельском хозяйстве и промышленности [29, д. 166, л. 11]. В одной из заметок сообщалось, что в апреле 1925 г. Псковский губернский Совет ДОБРОХИМа арендовал от губотдела местного хозяйства старый мыловаренный завод с отделением для производства колесной мази. С 15 апреля, момента начала выработки, к 1 мая было произведено и реализовано около 700 пудов продукции [23].

Силами производственно-технической секции было проведено обследование химической промышленности губернии и сделаны следующие выводы. Химическая промышлен-

ность в Псковской губернии развита слабо, хотя стимулы к дальнейшему росту имелись. Из минеральных богатств в губернии преобладали: залежи известняка, алебастр и гипс, в Опочецком уезде – залежи красной глины (для красок), в Порховском уезде – серные источники. Из обрабатывающей промышленности в Псковской губернии проводилась сухая перегонка дерева на уголь. По обработке кожсырья имелось два завода: «Пролетарий» в Пскове, в Порхове, на которых до вмешательства ДОБРОХИМа не использовались отбросы – шерсть, мездра. Благодаря помощи ДОБРОХИМа губкож стал получать из отбросов более 10 000 рублей в год [29, д. 150, л. 29].

Развитию информационной инфраструктуры в Псковской губернии способствовала деятельность общества «Друзей радио». На предприятиях стали организовываться ячейки ОДР. Одним из первых решило приобрести радиоприемник Правление клуба кожзавода «Пролетарий» [41, с. 210]. Постепенно в губернии создавалась сеть радиотелефонных установок, причем некоторые из них были смонтированы целиком силами членов общества без привлечения специалистов [41, с. 244–245].

Во второй половине 1920-х гг. самыми значительными агитационно-пропагандистскими мероприятиями объединенного ОСОАВИАХИМа стали проведение «Недели обороны» и сбор средств в фонд «Наш ответ Чемберлену» в первом полугодии 1927 г. Точных сведений об итогах кампаний губернский совет общества собрать не смог. Приблизительно в ходе этих двух мероприятий в ОСОАВИАХИМ было принято от 6 до 7 тысяч человек, организовано около 50 ячеек, около 80 авиахимкоманд, стрелковых, военных, санитарных, авиационных и других кружков, собрано и переслано в фонд «Наш ответ Чемберлену» около 11,5 тысячи рублей [28, д. 1012, л. 50].

После районирования губернии в 1927 г. и образования двух округов работа по линии ОСОАВИАХИМа развернулась по районам. В последних создавались авиахимотряды, работали стрелковые и военные кружки; проводилась неделя обороны, к которой выпускались стенгазеты, устраивались постановки, вербовались новые члены. Однако повсеместной военной грамотности населения достичь не удалось ввиду слабой технической оснащенности имевшихся кружков и уголков ОСОАВИАХИМа, занятости крестьянского населения уездов хозяйственными делами и невозможности посещать занятия в ячейках. Поэтому наиболее доступной формой массовой работы оставалось проведение докладов и бесед («Задачи Общества содействия обороне СССР», «Роль авиации и химии в будущих войнах», «Задачи молодежи в деле ликвидации военной неграмотности населения» и др.) [31, д. 67, л. 81]. Иногда в деревнях организовывались вечера вопросов и ответов, военных воспоминаний о Гражданской войне.

Помимо военно-патриотической работы важное место в общественно-политической активности массовых организаций Псковской губернии занимало интернациональное воспитание взрослых и детей. Практическая реализация принципа международной солидарности трудящихся явилась магистральным направлением деятельности псковской организации МОПР. Сразу же после своего возникновения она декларировала, что «рост реакции, фашизма и белого террора в странах Европы и Америки, рост национально-революционного движения в Китае, усложняют задачи, стоящие перед трудящимися массами СССР в деле строительства социализма и требуют большей активности общественных организаций, направленной на осуществление международной солидарности и помощи борцам революции» [28, д. 451, л. 51]. Поэтому свои задачи члены псковской организации МОПР видели в разъяснении трудящимся текущих событий, заостряя при этом внимание на конкретных примерах насилия капиталистов над трудящимися массами, популяризируя случаи успехов в борьбе рабочих и крестьян с капиталистами, а также в оказании как материальной, так и моральной помощи политзаключенным и их семьям в капиталистических странах [36, с. 225]. При клубах, избах-читальнях организовывались уголки МОПР; читались доклады, лекции; проводилась кружковая работа и отдельные кампании МОПР, связанные с революционными событиями и годовщинами [28, д. 424, л. 127]. Ежегодно 18 марта Общество проводило день Парижской Коммуны, который являлся днем МОПРа [32, д. 844, л. 34]. Основным моментом содержания праздника помимо разъяснения причин поражения Парижской Коммуны было освещение современной международной обстановки, места и роли МОПРа в строительстве социализма в СССР как базы мировой пролетарской революции [28, д. 451, л. 64]. 5 сентября каждого года проходило празднование Международного юношеского дня под лозунгом интернационального воспитания детей и молодежи [33, д. 221, л. 163]. Концертами, митингами сопровождалось празднование дня Коминтерна 17 ноября.

Имелись случаи прибытия на Псковскую землю политэмигрантов из других стран. Так, в мае 1925 г. в Псков прибыл болгарский крестьянин, бежавший от «Цанковского ига» [19]. (В 1923–1926 гг. Александр Цанков занимал пост председателя Совета министров Болгарии. В 1923 г. правительство под его руководством жесткими методами подавило Сентябрьское восстание, подготовленное Болгарской коммунистической партией и Коминтерном. После совершенного в апреле 1925 г. членами военной организации Болгарской компартии крупного террористического акта в соборе Святой Недели, направленного против членов правительства, в стране начались массовые репрессии [42]). Основной формой активности мопровских ячеек на Псковщине оставалось устройство кружечных сборов в пользу политзаключенных подшефных тюрем [30, д. 294, л. 38].

На протяжении 1920-х гг. претерпела существенные изменения система добровольных обществ оборонной направленности Псковской губернии. На смену отдельным организациям, содействовавшим укреплению обороноспособности страны, авиационному и химическому строительству, радиофикации территорий, было образовано единое общество, комплексно решавшее обозначенные выше задачи. Данный факт создал условия для повышения качества оборонно-массовой работы среди населения, формирования у него необходимых морально-боевых качеств, военно-технических знаний и умений. Многофункциональность, проявившаяся в деятельности ОСОАВИАХИМа, позволила современным историкам уточнить место данного добровольного общества в системе массовых организаций 1920-х гг. Рассмотрение ОСОАВИАХИМа в ряду оборонно-спортивных организаций уступает место представлению о нем как об обществе, занимавшимся решением как проблем взаимоотношения общества и природы, так и взаимодействия различных частей самого общества [37, с. 200]. В условиях пограничного положения Псковской губернии ОСОАВИАХИМ занимал ключевую позицию среди добровольных обществ, решая и специфическую задачу вневойсковой подготовки населения.

Силами губернской организации МОПР осуществлялась поддержка революционеров, проводилось воспитание трудящихся в духе международной солидарности. Однако интернациональных кружков МОПР на Псковской земле так и не было создано. Ввиду более позднего организационного оформления МОПРа на Псковской земле (на два года позже образования Центрального Комитета МОПРа) в рассматриваемый период 1925–1927 гг. основным содержанием его деятельности стала агитационно-пропагандистская работа (проведение массовых кампаний, приуроченных к знаменательным датам МОПРовского движения, устройство МОПРовских уголков), а также забота о политзаключенных (в форме моральной и материальной помощи, а также приема и размещения политэмигрантов). Интернациональные связи налаживались медленно и были еще слабыми. Координируя свою активность совместно с комсомольской и пионерской организациями Псковской губернии, активистам МОПРа (ряд которых являлись и комсомольцами) удалось добиться принятия резолюции на пленуме Псковского губкома ВЛКСМ о проведении взаимной переписки губернского союза молодежи и представителей комсомола Эстонии только с середины 1926 г. С марта 1925 г. псковская губернская пионерская организация была прикреплена для переписки к детским коммунистическим группам Эстонии [33, д. 114, л. 20].

В процессе проводимых организационных перестроек в структуре общественных организаций, вызванных как административными решениями, так и инициативами самих объединений, ОСОАВИАХИМу и МОПРу удалось стать наиболее многочисленными добровольными обществами Псковской губернии периода нэпа, насчитывавшими десятки тысяч человек. Однако бурный численный рост рядов общественных организаций в период своего становления не был подкреплен созданием надежной материальной базы работы, а также наличием необходимого количества квалифицированных кадров, проводящих в жизнь уставные цели обществ. Таким образом, несмотря на определенные издержки в деятельности массовых организаций Псковской губернии, осуществлявших патриотическое и интернациональное воспитание, нельзя отрицать их значительную пропагандистскую направленность, а также высокий мобилизирующий потенциал.

Список литературы

1. *Аврус А. И.* МОПР в борьбе против террора и фашизма. 1922–1939. Саратов, 1976. 272 с.

2. *Аврус А. И.* Верность пролетарскому интернационализму. Саратов, 1983. 150 с.

3. *Алиева Н. Б.* Образование и деятельность организации МОПР на Северном Кавказе (1923–1929 гг.) : дис. … канд. ист. наук. СПб., 1993. 191 с.

4. *Бернар Л.* 10 лет МОПР. Москва, 1932. 40 с.
5. Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. Москва, 1993. 160 с.
6. *Галошева О. Н., Соколова В. И.* К вопросу о формировании и деятельности Чувашского Комитета МОПРа в 1923–1928 годах // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 46–52.
7. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф.Р-550. Оп. 1.
8. ГАПО. Ф.Р-590. Оп. 1.
9. *Гребень Е. Н.* Общественно-политические настроения Псковской интеллигенции в 1920-е гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2013. № 38. С. 134–140.
10. Из информационной сводки Псковского губотдела ГПУ о политическом состоянии деревни. Январь 1924 г. // Сборник документов и материалов по истории Псковского края (IX–XX вв.) : учебное пособие. Псков, 2000. 628 с.
11. *Ильина И. Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. Москва, 2000. 216 с.
12. *Касьян И. Н.* Исторические аспекты создания и функционирования ОСОАВИАХИМа в 20–30 годы XX столетия // Инновации в науке. 2017. № 6 (67). С. 23–28.
13. *Каттель Б.* XV лет МОПР. Москва, 1937. 132 с.
14. *Киселева Н. В.* Возникновение советского феномена массовых добровольных обществ. Ростов-на-Дону, 1998. 210 с.
15. *Кобелев П. П.* XX лет Осоавиахима. Москва, 1947. 208 с.
16. *Коржихина Т. П.* Общественные организации СССР в 1917–1936 гг. Москва, 1981. 98 с.
17. *Королькова С. О.* Оборонно-массовая работа на Псковщине в 1920-е гг. // Псков. 2000. № 12. С. 243–246.
18. *Корчагин Н.* Чем скорее объединимся, тем больше будет пользы // Псковский набат. 1925. 17 февраля.
19. *Кр-в Н.* Болгарский политэмигрант в Пскове // Псковский набат. 1925. 5 мая.
20. *Кривихин В.* Еще раз о работе общества Аэрорадиохима и ревизионных комиссий // Псковский набат. 1926. 20 февраля.
21. *Крузе Я.* Что говорят цифры о задачах комитета МОПРа // Псковский набат. 1925. 28 февраля.
22. *Кулабухов Н. С., Исаев А. А., Федирко О. П.* Добровольные оборонные организации на Дальнем Востоке СССР как форма организации политико-идеологической работы среди населения в 1920–1930-е гг. // Манускрипт. История и археология. 2017. № 6-1 (80). С. 94–97.
23. *Лебедев В.* Промышленность «Доброхима» // Псковский набат. 1925. 12 мая.
24. *Лещиков В. Н.* Из истории интернациональных связей молодежи Псковской губернии в 1920-е годы // Псков : научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2005. № 23. С. 145–147.
25. *Марковин Н.* Осоавиахим – могучий резерв Красной Армии и Военно-морского флота. Москва, 1939. 48 с.
26. *Минаков А. С.* Становление и развитие оборонно-спортивных общественных организаций Воронежского края (1920-е – начало 1940-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2014. 200 с.
27. «Общество друзей воздушного флота» // Псковский набат. 1923. 5 апреля.
28. Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО). Ф. 1. Оп. 1.
29. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1. Оп. 4.
30. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 3. Оп. 1.
31. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5. Оп. 1.
32. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 9. Оп. 1.
33. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 2496. Оп. 1.
34. *Павликов Н. Н.* Создание и деятельность Калужского отделения МОПР. 20-е годы: помощь узникам зарубежья : дис. … канд. ист. наук. М., 1994. 204 с.
35. Псковский край в истории России. Псков, 2001. 286 с.
36. Псковский край. Краеведный сборник. Псков, 1927. 260 с.
37. *Саран А. Ю.* Классификация общественных организаций в СССР в 1920–1930-х гг. (на материалах Центрально-Черноземной области) // Власть. 2017. № 5. С. 199–200.
38. *Седунов А. В.* «Белые террористы» на Северо-Западе России в 1920–1930-е годы // Псков : научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2012. № 36. С. 157–171.
39. *Стасова Е.* Пять лет МОПР и современные его задачи. Москва, 1928. 29 с.
40. *Филимонов А. В.* Процесс «районирования» в Псковском крае (1918–1930 гг.) // Вестник ПГПУ. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. Псков : Изд-во Пск. гос. пед. ун-та, 2009. № 9. С. 43–60.
41. *Филимонов А. В.* Псков в 1920–1930-е гг.: очерки социально-культурной жизни. Псков : Псковская областная типография, 2005. 303 с.
42. Хронос. Всемирная история в интернете. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_c/cankov.phpx (дата обращения: 27.07.2019).

Initiatives of voluntary societies of the Pskov province to strengthen the military-defense potential of the Soviet state and the international education of workers in 1923–1927

O. G. Vishneva
history teacher, Humanitarian lyceum. Russia, Pskov. E-mail: olja1502@yandex.ru

Abstract. In the conditions of external pressure on the Russian state, the historical experience of the participation of public organizations in ensuring the national security of the country and strengthening its authority abroad becomes particularly relevant. The article is devoted to the formation of voluntary societies that carried out mass defense work and carried out international education of workers in the Pskov province in the 1920s. The need to involve mass organizations of the region as a subject of political power in the implementation of the above-mentioned policy directions was due to the presence of elements hostile to the Bolsheviks on the territory of the Pskov land, the lack of ideological support for the initiatives of the Soviet government from the majority of the population, as well as the requirement to ensure the security of the state border. It was important for the Soviet leadership of the province not only to expand its capabilities in solving strategic tasks at the expense of the resources of public organizations, but also to use their authority, experience, and connections to create a positive image of the Bolshevik government on the territory of the Pskov Region, the North-Western Region, in neighboring states – Estonia and Latvia. The author reveals the factors that cause changes in the system of public organizations of this target orientation. Based on the analysis of the dynamics of the number of mass organizations, their internal structure and the activities carried out, the degree of active participation of voluntary societies in the socio-political life of the region is determined. In the conditions of the border situation of the Pskov province, Society for the Promotion of Defense, Aviation and Chemical Construction took a key position in the second half of the 1920s, which became a conductor of non-military training of the population. The forces of the provincial organization of the International Organization for Assistance to Revolutionaries carried out financial support for revolutionaries abroad, and the education of workers in the spirit of international solidarity was carried out. The results of the research can be used to write generalizing works on the history of public organizations in Russia, the history of the Pskov Region, and are also useful for researchers in the field of military history to analyze the military and ideological training of the civilian population in the pre-war years.

Keywords: mass organizations, military-patriotic work, agitation and propaganda campaigns, international education, club gatherings.

References

1. *Avrus A. I. MOPR v bor'be protiv terrora i fashizma. 1922–1939* [International Organization of Assistance to the Fighters of the Revolution in the fight against terror and fascism. 1922–1939]. Saratov. 1976. 272 p.
2. *Avrus A. I. Vernost' proletarskomu internacionalizmu* [Loyalty to proletarian internationalism]. Saratov. 1983. 150 p.
3. *Alieva N. B. Obrazovanie i deyatel'nost' organizacii MOPR na Severnom Kavkaze (1923–1929 gg.) : dis. ... kand. ist. nauk* [Formation and activity of the organization of the International Organization of Assistance to the Fighters of the Revolution in the North Caucasus (1923–1929) : dis. ... PhD in Historical Sciences]. SPb. 1993. 191 p.
4. *Bernard L. 10 let MOPR* [10 years of the International Organization of Assistance to the Fighters of the Revolution]. M. 1932. 40 p.
5. *Vlast' i obshchestvennye organizacii v Rossii v pervoj treti XX stoletiya* – The government and public organizations in Russia in the first third of the XX century. M. 1993. 160 p.
6. *Galosheva O. N., Sokolova V. I. K voprosu o formirovanii i deyatel'nosti Chuvashskogo Komiteta MOPRa v 1923–1928 godah* [On the question of the formation and activity of the Chuvash Committee of the International Organization of Assistance to the Fighters of the Revolution in 1923–1928] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta* – Herald of the Chuvash University. 2016. No. 4. Pp. 46–52.
7. State archive of the Pskov region (SAPR). F. R-550. Inv. 1.
8. SAPR. F. P-590. Inv. 1.
9. *Greben' E. N. Obshchestvenno-politicheskie nastroeniya Pskovskoj intelligencii v 1920-e gg.* [Social and political attitudes of Pskov intelligentsia in the 1920s] // *Pskov. Nauchno-prakticheskij, istoriko-kraevedcheskij zhurnal* – Pskov. Scientific and practical, historical and local history journal. 2013. No. 38. Pp. 134–140.
10. *Iz informacionnoj svodki Pskovskogo gubotdela GPU o politicheskom sostoyanii derevni. Yanvar' 1924 g.* – From the information summary of the Pskov gubotdel of the SPU about the political state of the village. January 1924 // *Sbornik dokumentov i materialov po istorii Pskovskogo kraya (IX–XX vv.) : uchebnoe posobie* – Collection of documents and materials on the history of the Pskov region (IX–XX centuries) : textbook. Pskov. 2000. 628 p.
11. *Il'ina I. N. Obshchestvennye organizacii Rossii v 1920-e gody* [Public organizations of Russia in the 1920s]. M. 2000. 216 p.

12. *Kas'yan I. N. Istoricheskie aspekty sozdaniya i funkcionirovaniya OSOAVIAHIMa v 20–30 gody XX stoletiya* [Historical aspects of the creation and functioning of Society for the Promotion of Defense, Aviation and Chemical Construction in the 20–30 years of the twentieth century] // *Innovacii v nauke* – Innovations in science. 2017. No. 6 (67). Pp. 23–28.

13. *Kattel' B. XV let MOPR* [XV years of the International Organization of Assistance to the Fighters of the Revolution]. M. 1937. 132 p.

14. *Kiseleva N. V. Vozniknovenie sovetskogo fenomena massovyh dobrovol'nyh obshchestv* [The emergence of the Soviet phenomenon of mass voluntary societies]. Rostov-na-Donu. 1998. 210 p.

15. *Kobelev P. P. XX let Osoaviahima* [XX years of Society for the Promotion of Defense, Aviation and Chemical Construction]. M. 1947. 208 p.

16. *Korzhihina T. P. Obshchestvennye organizacii SSSR v 1917–1936 gg.* [Public organizations of the USSR in 1917–1936]. M. 1981. 98 p.

17. *Korol'kova S. O. Oboronno-massovaya rabota na Pskovshchine v 1920-e gg.* [Defence-mass work in the Pskov region in the 1920s] // *Pskov* – Pskov. 2000. No. 12. Pp. 243–246.

18. *Korchagin N. CHem skoree ob"edinimsya, tem bol'she budet pol'zy* [The sooner we unite, the more useful it will be] // *Pskovskij nabat* – Pskov alarm. 1925. February 17.

19. *Kr-v N. Bolgarskij politemigrant v Pskove* [Bulgarian political emigrant in Pskov] // *Pskovskij nabat* – Pskov alarm. 1925. May 5.

20. *Krivihin V. Eshche raz o rabote obshchestva Aeroradiohima i revizionnyh komissij* [Once again about the work of the Aeroradiochim Society and the audit commissions] // *Pskovskij nabat* – Pskov alarm. 1926. February 20.

21. *Kruze Ya. Chto govoryat cifry o zadachah komiteta MOPRa* [What the figures say about the tasks of the International Organization of Assistance to the Fighters of the Revolution Committee] // *Pskovskij nabat* – Pskov alarm. 1925. February 28.

22. *Kulabuhov N. S., Isaev A. A., Fedirko O. P. Dobrovol'nye oboronnye organizacii na Dal'nem Vostoke SSSR kak forma organizacii politiko-ideologicheskoj raboty sredi naseleniya v 1920–1930-e gg.* [Voluntary defense organizations in the Far East of the USSR as a form of organizing political and ideological work among the population in the 1920s–1930s.] // *Manuskript. Istoriya i arheologiya* – Manuscript. History and archeology. 2017. No. 6-1 (80). Pp. 94–97.

23. *Lebedev V. Promyshlennost' "Dobrohima"* [Industry of "Dobrokhim"] // *Pskovskij nabat* – Pskov alarm. 1925. May 12.

24. *Leshchikov V. N. Iz istorii internacional'nyh svyazej molodezhi Pskovskoj gubernii v 1920-e gody* [From the history of international relations of the youth of the Pskov province in the 1920s] // *Pskov : nauchno-prakticheskij, istoriko-kraevedcheskij zhurnal* – Pskov: scientific and practical, historical and local history journal. 2005. No. 23. Pp. 145–147.

25. *Markovin N. Osoaviahim – moguchij rezerv Krasnoj Armii i Voenno-morskogo flota* [Society for the Promotion of Defense, Aviation and Chemical Construction – the mighty reserve of the Red Army and Navy]. M. 1939. 48 p.

26. *Minakov A. S. Stanovlenie i razvitie oboronno-sportivnyh obshchestvennyh organizacij Voronezhskogo kraya (1920-e – nachalo 1940-h gg.) : dis. ... kand. ist. nauk* [Formation and development of military-sports public organizations of the Voronezh Region (1920s–early 1940s) : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Belgorod. 2014. 200 p.

27. *"Obshchestvo druzej vozdushnogo flota"* – "Society of friends of the Air fleet" // *Pskovskij nabat* – Pskov alarm. 1923. April 5.

28. *Otdelenie dokumentov novejshej istorii i po lichnomu sostavu Gosudarstvennogo arhiva Pskovskoj oblasti (ODNILS GAPO)* – Department of documents of contemporary history and personnel of the State archive of the Pskov region (DDCHP of SAPR). F. 1. Op. 1.

29. DDCHP of SAPR. F. 1. Inv. 4.

30. DDCHP of SAPR. F. 3. Inv. 1.

31. DDCHP of SAPR. F. 5. Inv. 1.

32. DDCHP of SAPR. F. 9. Inv. 1.

33. DDCHP of SAPR. F. 2496. Inv. 1.

34. *Pavlikov N. N. Sozdanie i deyatel'nost' Kaluzhskogo otdeleniya MOPR. 20-e gody: pomoshch' uznikam zarubezh'ya : dis. ... kand. ist. nauk* [The establishment and activities of the Kaluga branch of International Organization of Assistance to the Fighters of the Revolution. The 20s: assistance to prisoners abroad : dis. ... PhD in Historical Sciences]. M. 1994. 204 p.

35. *Pskovskij kraj v istorii Rossii* – Pskov Region in the history of Russia. Pskov. 2001. 286 p.

36. *Pskovskij kraj. Kraevednyj sbornik* – Pskov Region. Local history collection. Pskov. 1927. 260 p.

37. *Saran A. Yu. Klassifikaciya obshchestvennyh organizacij v SSSR v 1920–1930-h gg. (na materialah Central'no-Chernozemnoj oblasti)* [Classification of public organizations in the USSR in the 1920s–1930s (based on the materials of the Central Chernozem region)] // *Vlast'* – Power. 2017. No. 5. Pp. 199–200.

38. *Sedunov A. V. "Belye terroristy" na Severo-Zapade Rossii v 1920–1930-e gody* ["White terrorists" in the North-West of Russia in the 1920s–1930s] // *Pskov : nauchno-prakticheskij, istoriko-kraevedcheskij zhurnal* – Pskov : scientific and practical, historical and local history journal. 2012. No. 36. Pp. 157–171.

39. *Stasova E. Pyat' let MOPR i sovremennye ego zadachi* [Five years of the PRI and its modern tasks]. M. 1928. 29 p.

40. *Filimonov A. V. Process "rajonirovaniya" v Pskovskom krae (1918–1930 gg.)* [The process of "zoning" in the Pskov Region (1918-1930)] // *Vestnik PGPU. Seriya: Social'no-gumanitarnye i psihologo-pedagogicheskie nauki* – Herald of PSPU. Series: Social-humanitarian and psychological-pedagogical sciences. Pskov. Pskov State Pedagogical University. 2009. No. 9. Pp. 43–60.

41. *Filimonov A. V. Pskov v 1920–1930-e gg. : ocherki social'no-kul'turnoj zhizni* [Pskov in the 1920s–1930s : essays on socio-cultural life]. Pskov. Pskov regional printing house. 2005. 303 p.

42. *Hronos. Vsemirnaya istoriya v internete* – Chronos. World history on the Internet. Available at: http://www.hrono.info/biograf/bio_c/cankov.phpx (date accessed: 27.07.2019).

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УДК 339.92+378(547) DOI: 10.25730/VSU.2070.21.019

Сотрудничество Казахстана и Европейского союза (исторический анализ)

Е. В. Шукушева
аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-1283-9861. E-mail: sh_yelena82@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована история развития отношений между Казахстаном и Европейским союзом. Исследованы важные вехи их сотрудничества, начиная с установления официальных контактов сторон, заканчивая построением отношений в плоскости стратегического партнерства и переходом на новый уровень двустороннего сотрудничества. Отмечена значимость долгосрочного сотрудничества Казахстана с Европейским союзом, способствующего ускорению процесса включения Казахстана в число развитых стран мира. Обозначена важность исследования отношений Казахстана в европейском направлении как приоритетного направления внешней политики Республики Казахстана. Уделено внимание становлению двусторонних связей в приоритетных сферах взаимодействия. На фоне интеграции в мировое сообщество анализируется заинтересованность Казахстана в развитии конструктивного сотрудничества с Европейским союзом как крупным торговым союзником и серьезным иностранным инвестором казахстанской экономики. Прослежена заинтересованность Казахстана к опыту Европейского союза в его законодательно-правовом и научном развитии, продвижении демократии и улучшении качества жизни граждан, а также модернизации законодательной системы и деятельности органов государственной власти в соответствии с общепризнанными европейскими стандартами. В свою очередь, со стороны Европейского союза проявлен интерес к Казахстану, занимающему обширное географическое расположение в самом центре Евразии на стыке двух крупных держав России и Китая. Подводятся итоги о взаимном стремлении Казахстана и Европейского союза к сотрудничеству, предопределившему не только высокую динамику двусторонних отношений, но и прочные позиции Европейского союза в Казахстане. Вместе с тем, возможности Европейского союза по углублению взаимоотношений сторон на сегодняшний день пока еще остаются ограниченными. В этой связи цель статьи – оценить накопленный опыт и дальнейшие перспективы сотрудничества Казахстана и Европейского союза.

Ключевые слова: двустороннее сотрудничество, многовекторная внешняя политика, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, стратегическое партнерство, «Путь в Европу».

С момента обретения независимости Республика Казахстан поэтапно выстраивала многовекторную политику с мировыми державами, в том числе и европейским регионом. В 1992 г. Н. А. Назарбаевым была разработана Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства, явившаяся первой попыткой осмысления развития Казахстана в столь не простой период. Это был программный документ, в котором Президентом Казахстана были определены ориентиры международного курса страны, заявлено намерение осуществления дружественной политики по отношению к другим государствам, налаживание и развитие паритетных и взаимовыгодных взаимоотношений, выражающих заинтересованность к партнерству с Казахстаном. «В стратегии 1992 г. мы предвидели, как геополитическое положение страны определит ее судьбу. Занимая срединное положение между Европой и Азией, древний Казахстан был ареной оживленных торговых и политических связей» [26, с. 90]. Многовекторная внешняя политика Казахстана – это не субъективное желание или «доктрина» Н. А. Назарбаева, а скорее следствие географического расположения молодого не-

© Шукушева Е. В., 2021

зависимого государства, появления новой геополитической реальности в мировой политике в Центральноазиатском регионе [35, с. 3].

Важное место в документе отводилось стратегическому партнерству Казахстана с США, Японией и Западной Европой как «главными центрами рыночной системы» [26, с. 49–50]. Среди важных векторов внешней политики Казахстана в постсоветский период были отношения с Европейским Союзом и его странами-членами. В Казахстане расположены крупные месторождения нефти, и его территория имеет чрезвычайно важное транзитное значение для строительства международных транспортных коридоров. Эти стимулы во многом стали определяющими факторами заинтересованности ЕС в развитии связей с Республикой Казахстан (РК). Казахстан был заинтересован как в безвозмездной помощи ЕС, так и в инвестициях в его экономику [36, с. 159].

Эволюция складывания сотрудничества между Казахстаном и ЕС включает важные исторические вехи развития двусторонних взаимоотношений. Первый период (1992–1995 гг.) явился началом в становлении и упрочнении двусторонних контактов, на данном этапе между сторонами были установлены дипломатические отношения, сформирована договорно-правовая база, проведены активные обмены официальными делегациями, отмечено развитие приоритетных сфер сотрудничества между сторонами.

Нужно сказать, что до установления дипломатических отношений между Казахстаном и ЕС проводилась работа по налаживанию двустороннего диалога. Так, 2 марта 1992 г. Президент Республики Казахстан принял делегацию Комиссии Европейских сообществ во главе с Вице-президентом Ф. Андрияссеном, где Н. А. Назарбаев проинформировал представителей ЕС о ходе внедрения в республике рыночных отношений, возникающих на этом пути проблемах и трудностях. В частности, отмечалось, что действенная помощь ЕС позволила бы существенно повысить темпы перевода Казахстана на качественно новый уровень развития, избежать многих недостатков и упущений в практической реализации реформ. Прежде всего речь шла о содействии в сфере подготовки и переподготовки кадров. Ф. Андрияссен выразил стремление ЕС к налаживанию прямых контактов с Казахстаном и другими государствами СНГ и пригласил Н. А. Назарбаева совершить визит в штаб-квартиру сообщества в г. Брюсселе для решения соответствующего круга вопросов, представляющих обоюдный интерес [29, с. 53].

С целью решения вопроса дефицита квалифицированных кадров и ряда вопросов, связанных с социальными, экономическими, политическими преобразованиями в стране, Правительство РК и Комиссия ЕС в 1992 г. подписали Меморандум о финансировании, с целью выделения денежных ассигнований в рамках европейской программы TACIS. Данная программа осуществлялась вплоть до 2006 г. и была направлена на оказание технической помощи в отдельных приоритетных секторах, таких как: подготовка кадров в государственном и частном секторах; энергетика; транспорт; финансовые услуги; распределение продовольствия [54, p. 6].

Основные внешнеполитические события Казахстана также были связаны с его взаимодействием в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) по вопросам обеспечения региональной безопасности. Вступление в 1992 г. Казахстана в организацию существенно укрепило политические отношения с Европейским союзом. Казахстан как член организации участвовал в становлении и дальнейшем реформировании в региональную организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1994 г., а также заседал в работе саммитов организации в Хельсинки (09.07.1992) [49], Будапеште (05.12.1994) [47], Лиссабоне (02.12.1996) [52] и Стамбуле (18.11.1999) [51].

2 февраля 1993 г. в ходе официального визита в Королевство Бельгия глава Казахстана в г. Брюсселе провел встречу с Председателем Комиссии европейских сообществ Ж. Делором. В ходе переговоров подчеркивалось, что и ЕС, и Казахстан выступают за сохранение единого экономического пространства на территории бывшего СССР и усиление интеграционных процессов в странах СНГ. В этом обе стороны видели одну из главных предпосылок преодоления трудностей, с которыми столкнулись новые независимые государства в переходный период [29, с. 90]. Казахстан и ЕС обсудили вопросы, связанные с заключением двустороннего соглашения о партнерстве и сотрудничестве. В связи с этим стороны наметили переговоры по работе заключения соглашения [13]. Итогом состоявшейся встречи являлось подписание соглашения об открытии дипломатических представительств, что ознаменовало установление официальных отношений между Казахстаном и ЕС.

В декабре 1993 г. было открыто Представительство РК в г. Брюсселе, годом позже Н. А. Назарбаев подписал Указ «О Представительстве Республики Казахстан при Европейском

союзе» № 1510 от 19 января 1994 г. [40]. В 1994 г. в г. Алматы стало действовать Представительство Европейской Комиссии. После ратификации и вступления в силу Лиссабонского договора в 2009 г. [55] Представительство стало действовать как Представительство ЕС в Республике Казахстан, располагающееся в г. Нур-Султане.

16 декабря 1994 г. Президент РК принял верительную грамоту от новоназначенного Постоянного представителя Комиссии ЕС в Республике Казахстан Р. Кремера. В ходе состоявшейся беседы были обсуждены вопросы расширения и развития сотрудничества между Казахстаном и ЕС в различных отраслях экономики, торговле и гуманитарной сфере. Президент отметил, что открытие представительства Европейского союза в г. Алматы послужит расширению экономических и политических контактов между Казахстаном и Европой, окажет существенную помощь в развитии торговых и деловых связей с европейскими партнерами [30, с. 137].

Для поддержания и стимулирования долгосрочного энергетического и промышленного сотрудничества и вопросов, связанных с ядерной безопасностью Правительством РК в декабре 1994 г. был парафирован Договор по Европейской энергетической хартии и Протокол к договору по вопросам энергетической эффективности и сопутствующим экологическим аспектам. В 1995 г. Президентом РК Н. Назарбаевым был издан Указ № 2537 «О ратификации Договора к Энергетической Хартии и Протокола к Энергетической Хартии по вопросам энергетической эффективности и сопутствующим экологическим аспектам» [41].

Тем самым, Казахстан стал участником межправительственной организации Конференция по энергетической хартии в рамках Договора по Европейской энергетической хартии. Целями, которой явились: развитие торговли в области энергетики в соответствии с нормами ВТО; координация энергетической политики; энергетическая эффективность и охрана окружающей среды.

В январе 1995 г. Н. А. Назарбаев посетил с официальным визитом г. Брюссель, где прошла встреча главы Казахстана и Председателя Совета ЕС А. Жюппе. По итогам состоявшихся переговоров сторонами было заключено Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Республикой Казахстан с одной стороны и Европейскими сообществами и их государствами-членами с другой стороны [10] и временный договор о торговле, цель которого заключалась в немедленной активизации торгово-экономической части Соглашения. Как отмечал Президент РК, соглашение предусматривало для обеих сторон режим взаимного содействия в торговой сфере, открытости к мировому морскому рынку, беспрепятственному передвижению капиталов, связанных с инвестициями, репатриация этих инвестиций и прибылей [30, с. 152]. Документ включал основные положения и статьи, направленные на формирование двусторонних контактов в политической, экономической, социальной, культурной областях сторон. Что, в свою очередь, явилось формированием прочного фундамента двусторонних отношений.

Уже на момент подписания СПС стороны четко осознали, что по ряду причин ратификация СПС может быть отложена. Эти причины включали тот факт, что Соглашение должно было быть ратифицировано в дополнение к ЕС каждой из его стран-участниц (а в 1995 году, в связи с присоединением Австрии, Швеции и Финляндии к ЕС, их было 15) и с определенной политической дестабилизацией, которая произошла в Казахстане в 1995 году в связи с роспуском Парламента [17, с. 44]. В целом процесс ратификации документа занял более четырех лет и вступил в силу 1 июля 1999 г. Дальнейшие взаимоотношения между Казахстаном и Европейским союзом регулировались принятым документом.

Следующий период отношений (1996–2000 гг.) сохранял позитивный тренд двустороннего сотрудничества, стороны продолжали динамично развивать связи в приоритетных направлениях взаимодействия, таких как нефтегазовая, энергетическая отрасли, транспорт, торговля и инвестиции. Для сохранения и поддержания устойчивых отношений Казахстана и ЕС, в 1996 г. был создан Комитет парламентского сотрудничества для продвижения инициатив сторон по различным направлениям. Президент РК Н. А. Назарбаев отмечал, что в перспективе комитет послужит действенным инструментом для проведения внешней политики РК [31, с. 354]. Что также усилит взаимоотношения между сторонами и будет способствовать усилению межпарламентского диалога РК и ЕС. Во время работы Комитета сторонами поднимались вопросы двустороннего партнерства, и до 1999 г. Комитет провел три заседания: в июне 1996 г. (г. Брюссель), в мае 1997 г. (г. Алматы) и в мае 1998 г. (г. Брюссель).

В 1996 г. Казахстан принял участие в ряде европейских инфраструктурных программ по линии программы TACIS: INOGATE и TRACECA. Программа INOGATE включала реализацию пя-

ти ее сфер: энергетические рынки; тарифы за энергию; энергетическая статистика; энергоэффективность; энергетические стандарты. В рамках данной программы РК принял участие в 41 проекте [50].

С целью развития транспортной отрасли Казахстана и ориентации казахстанских транспортных маршрутов в европейском направлении, 8 сентября 1998 г. в г. Баку Казахстан парафировал основное многостороннее соглашение о международном транспорте по развитию коридора Европа – Кавказ – Азия [11], где выступил одним из участников европейской программы TRACECA. Кроме Казахстана, участниками данного соглашения выступило еще 12 стран. Нужно отметить, что программа TRACECA была инициирована как один из компонентов межправительственной программы TACIS [24], как было выше отмечено. Программа была ориентирована на становление экономических, торговых контактов и транспортной инфраструктуры как маршрута, обеспечивающего альтернативный выход в Европу.

В 1997 г. в Казахстане прошла встреча с европейской стороной по обсуждению правового аспекта взаимодействия сторон, где ЕС инициировал создание Консультативного центра.

В 1999 г. в силу вступило Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РК и ЕС, подписанное в 1995 г., оформившее официальное политическое партнерство сторон. В соответствии с ним был учрежден Совет сотрудничества, состоявший из руководящего состава центральных исполнительных органов, который координировал действия Казахстана и ЕС по вопросам регионального сотрудничества и обсуждения международных проблем. Комитет парламентского сотрудничества был диалоговой площадкой между Парламентами РК и ЕС. В его состав вошли 15 депутатов нижней и верхней палаты парламента РК, а с европейской стороны – 19 членов Европейского Парламента [1, с. 21].

Большое значение ЕС придавал статусу Казахстана как безъядерной страны. В 1999 г. во время заседания Совета сотрудничества сторон в Брюсселе стороны подписали Соглашение о сотрудничестве между Республикой Казахстан и Европейским Сообществом по атомной энергии в области ядерной безопасности» [42] с целью дальнейшего укрепления двусторонних связей по поддержанию ядерной и радиационной безопасности.

Стоит отметить, что для Казахстана Европейский союз являлся основным рынком экспорта, в 2000 г. на долю ЕС пришлось 21,7 % внешней торговли РК и 23 % от объема зарубежных инвестиций в экономику страны [21, с. 31].

Для разрешения вопроса квотирования Европейской Комиссии на экспорт стальной продукции Казахстана, 16 декабря 1999 г. стороны подписали двустороннее Соглашение о торговле изделиями из стали, вступившее в действие 1 января 2000 г. Документ устанавливал количественные лимиты на экспорт этой категории товаров из Казахстана в ЕС. Соглашение ориентировало Казахстан на приближение его стандартов, касающихся конкуренции, защиты окружающей среды и государственной помощи предприятиям, к нормам ЕС, что позволило подготовить условия для полной либерализации торговли стальными изделиями [5, с. 21].

В 2001 г. стороны подписали соглашение в виде обмена письмами о продлении действия системы двойного контроля за экспортом в ЕС 11 видов изделий из стали, не охваченных количественными ограничениями в рамках общего соглашения по стали. Оно было подписано в связи с тем, что срок действия предыдущего трехлетнего соглашения по стали закончился 31 декабря 2001 г., а новое соглашение, охватывающее торговлю всеми видами стальных изделий, в первую очередь тех, что подпадают под количественные ограничения, подписать не удалось [6].

Данный период (2001–2006 гг.) обозначен дальнейшим расширением взаимоотношений Казахстана и ЕС по основным направлениям сотрудничества. Необходимо отметить, что на данном этапе политика ЕС с Казахстаном была ориентирована на вопрос сохранения безопасности в Центральной Азии и граничащих с ним странами. Связано это было с террористическими событиями, произошедшими в США 11 сентября 2001 г., которые изменили геополитическую ситуацию в мире. Вопрос гарантии безопасности для мира стал важным вопросом. Эти события явились своеобразным катализатором для пересмотра политики в отношении центральноазиатских государств и стран, находящихся в непосредственной близости к Афганистану [32, с. 164].

В октябре 2002 г. была принята «Стратегия ЕС в отношении Центральной Азии на 2002–2006 годы». В ней отмечалась важность обеспечения безопасности и предотвращения конфликтов, устранения источников политической и социальной нестабильности, улучшения инвестиционного климата в странах Центральной Азии (программы ТАСИС и ТЕМПУС). Доку-

мент был направлен на создание добрососедских отношений и сотрудничество между странами ЦА, используя прагматичный формат «изменяемой геометрии» там, в котором ЕС имел стратегические интересы. Имелось в виду создание транспортных и энергетических сетей, устойчивое использование природных ресурсов, внедрение международных экологических, юридических и внутриполитических стандартов [20, с. 90].

РК и ЕС продолжали последовательное укрепление двустороннего взаимодействия в области торговли, нефтегазовой, энергетической сферах и инвестиционного сотрудничества. Для поддержания и дальнейшего развития сотрудничества в области ядерной безопасности в 2002 г. Казахстан и ЕС заключили Соглашение о сотрудничестве между Правительством Республики Казахстан и Европейским сообществом по Атомной энергии в области управляемого ядерного синтеза [33].

Европейский союз для РК рассматривался как важный и основной иностранный инвестор, только на 2002 г. ЕС было инвестировано около 40 % вложений в проекты Казахстана. Европейские страны были заинтересованы вложением денежных ассигнований в масштабные промышленные компании Казахстана на основе передачи правления данных предприятий. Так, в 2003 г. в РК официально действовало порядка 1355 компаний при участии иностранных инвесторов из крупных европейских стран. Известными европейскими компаниями, ведущих бизнес в Казахстане, явились – Heidelberg Cement, KNAUF, Alstom, Italcementi Group, BASF, Polpharma, METRO Cash & Carry, Fosfa, Iveco, Danone, Lactalis, Linde, Carrefour, Tikkurila. В то же время можно отметить, что большинство примеров успешного внедрения европейского бизнеса на казахстанский рынок ограничивались двумя-тремя секторами – производством строительных материалов, пищевой промышленностью, розничной торговлей, тогда как присутствие в приоритетных для Казахстана видах обрабатывающей промышленности имеет очень ограниченный (Alstom с производством тепловозов) или даже номинальный характер (Eurocopter). Доминирующей же сферой вложения европейских инвестиций в Казахстане осталась нефтегазовая промышленность [3, с. 56–57].

Поэтому активная динамика отношений Казахстана и ЕС прослеживалась в нефтегазовом и энергетическом сотрудничестве. Значительный экспорт минеральных ресурсов поступал в страны ЕС. А также поставлялся углеводород из Казахстана в ЕС для последующей его переработки. Европейские ведущие компании, такие как Shell, TotalFinaElf, Schlumberger, British Petroleum и др., принимали участие в нефтяной и газовой добыче в Каспийско-Центральноазиатском регионе. Обусловленная важность в данных сферах была отмечена на одной из официальных встреч с ЕС, проходившей в Казахстане в 2004 г.

Еще одним направлением двустороннего взаимодействия стало сотрудничество в области торговли текстильной продукцией. В связи с этим еще в апреле 2004 г. в Брюсселе Постоянный представитель РК при ЕС К. Жигалов и Постоянный представитель Ирландии А. Андерсон подписали казахстанско-европейское межправительственное соглашение о торговле текстильной продукцией, согласно которому Казахстан смог экспортировать в страны ЕС более 150 видов текстильных изделий. Экспорт казахстанского текстиля в страны ЕС (Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Италия) в 2004 г. составил 8,4 млн долл., импорт (Великобритания, Германия, Италия, Франция, Нидерланды) – 29,6 млн долл. [15, с. 194–195].

В целом за период сотрудничества РК и ЕС структура товарооборота не претерпела существенных изменений, основное место в экспорте казахстанских предприятий занимали металлы, углеводородное сырье и минеральные продукты. В структуре импорта Казахстана преобладали электрооборудование, средства наземного, воздушного и водного транспорта, их комплектующие, продукция химической и металлургической промышленности. С учетом присоединения к ЕС с 1 мая 2004 г. десяти новых государств-членов, а также с 1 января 2007 г. – Болгарии и Румынии, был подписан Протокол к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве между РК и ЕС, адаптирующий действие Соглашения к условиям расширенного Европейского союза [15, с. 195].

Событие ознаменовало издание Указа Президента РК «О подписании протокола к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Республикой Казахстан с одной стороны и Европейскими сообществами и их государствами-членами с другой стороны о присоединении Республики Болгария и Румынии к СПС» [43].

В 2006 г. состоялся визит в РК официальных представителей ЕС по энергетике и нефтегазового направления во главе г-на А. Пиебалгс для рассмотрения вопроса углубления двустороннего сотрудничества. Как известно, Казахстан обладает крупнейшими запасами нефти

в Каспийском регионе и является основным партнером ЕС среди остальных стран ЦА. Двусторонние взаимоотношения в области энергетики значительно укрепились [7, с. 46].

Одним из значимых сфер сотрудничества РК и ЕС являлся энергетический диалог в области атомной энергетики и урановой промышленности. Так, 6 декабря 2006 г. Глава государства Н. А. Назарбаев встретился в Брюсселе с Генеральным секретарем Совета Европейского союза Хавьером Соланой, где были обсуждены темы по усилению взаимоотношений в энергетической, торгово-экономической областях. Что имело значение для Казахстана в свете вхождения его в ВТО на тот момент. Особую важность представляли документы, подписанные сторонами по итогам встречи, –Меморандум о взаимопонимании и Соглашение о сотрудничестве в области использования ядерной энергии в мирных целях [2]. Согласно ст. 2, отмечалось, что «целью настоящего Соглашения является создание основы для сотрудничества Сторон в мирном использовании ими атомной энергии, для укрепления всестороннего сотрудничества между Республикой Казахстан и Сообществом на основе взаимной выгоды, без ущемления прав каждой Стороны» [34].

Четвертый период (2007–2015 гг.) отмечен выстраиванием отношений Казахстана и ЕС в плоскости стратегического партнерства и переходом на новый уровень двустороннего сотрудничества. Нужно отметить, что стороны в лице Р. Проди и Н. А. Назарбаева продвигали инициативу формирования единой доктрины по развитию Центральноазиатского региона [16, с. 27].

Безусловно, Казахстан как страна Центральной Азии, особое внимание уделял расширению партнерства Евросоюза с остальными государствами данного региона.

Большинство вопросов двустороннего сотрудничества экстраполированы на межрегиональный уровень. РК оказал значительное влияние на принятие следующей Стратегии ЕС для Центральной Азии (2007–2013 гг.) Что в последствие повлияло на укрепление политических и экономических отношений между ЕС со странами Центрально-Азиатского региона [4].

В 2007 г. в Люксембурге рассматривался проект по принятию новой стратегии в отношении со странами Центральной Азии на уровне Совета министров иностранных дел ЕС и государств центральноазиатского региона. На уровне руководителей министерств иностранных дел ЕС были озвучены приоритетные направления взаимодействия сторон. В первую очередь это касалось проведения демократических реформ, соблюдения принципа законности и прав человека, сотрудничества в экономической, транспортной и энергетической сферах, вопросов охраны окружающей среды, а также борьбы с незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью.

Во время заседания Совета Европы 21–22 июня 2007 г. (Брюссель) государствами-членами ЕС была принята Стратегия для Центральной Азии, которая содержала региональное и двустороннее сотрудничество. Документ был направлен на углубление политического диалога, в том числе проведение ежегодных встреч на министерском уровне [9, с. 680].

В рамках стратегии сотрудничество ЕС в отношении Казахстана предусматривало важным вопросом оказание содействия в расширении и углублении экономических связей, призыв общества в политический процесс и повышения транспарентности государственных формирований на национальном и местном уровнях [48, с. 28].

Надо сказать, что в стратегии был намечен широкий круг целей. Это касалось достижения устойчивости и процветания Центральноазиатского региона. В документ включены направления, связанные с решением проблем безопасности (миграция, организованная преступность, терроризм, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми). Залогом плодотворного партнерства между ЕС и странами Центральной Азии стало решение поставленных в стратегии задач, соблюдение международных норм, укрепление стабильного, справедливого и открытого общества.

В то же время в документе признавалась зависимость ЕС от потребности в энергоресурсах региона. И в этом отношении ЕС был полон решимости развивать сотрудничество. Стратегия также содержала положения, связанные с выполнением обязательств со стороны стран Центральной Азии в отношении укрепления политического диалога, реализации политики уважения прав человека, инициатив в образовательном сегменте, соблюдения верховенства закона, реализация экологических и энергетических проектов. Немаловажное значение придавалось межкультурному диалогу между ЕС и Центральной Азией. Для решения всех поставленных задач Европейской комиссией предполагалось использование Инструмента сотрудничества в области развития (ИСР) [19, с. 16]. В период с 2007 до 2013 гг. были осуществлены

двусторонние проекты на общую сумму в 74 млн евро, выделенных в рамках Инструмента сотрудничества в целях развития (DCI) [46].

Казахстан, продвигая свои инициативы в подготовке Стратегии ЕС, в 2008 г. принял программу «Путь в Европу» (2009–2011 гг.). Ее актуальность состояла в решении первостепенных задач внутреннего развития страны, разработки национальных приоритетов на европейском направлении, укрепления исторически сложившихся связей, приобщения к опыту европейской интеграции и институционально-правовых реформ, углубления технологического, энергетического, транспортного, торгового, гуманитарного [44] и инвестиционного сотрудничества и подготовкой РК к председательствованию в ОБСЕ в 2010 г.

Целью документа являлось повышение казахстанского товарооборота в европейском регионе и приведение национального законодательства с европейскими требованиями [53, p. 62].

Реализация программы способствовала развитию отношений между Казахстаном и ЕС. Программа внесла новый виток в развитии плодотворного сотрудничества между РК и ЕС. Казахстан подписал ряд важных документов со странами ЕС, договора о стратегическом партнерстве с Францией, Италией и Испанией, межправительственную программу действий с Германией. Стороны добились новых достижений в увеличении товарооборота между РК с ЕС на 10 %. Показатели товарооборота ежегодно увеличивались, в 2009 г. показатель составил – 28,8 млн долл., в 2010 г. на 9,2 млн долл. превысил показатель с прошлым годом, а в 2011 г. увеличился до 50 млрд долл.

С целью расширения полномочий Парламента РК были внесены изменения в законодательные акты, разработаны, усовершенствованы и приняты 30 законов и других нормативных правовых актов. Принято 82 технических регламента, разработано 1847 стандартов с учетом опыта ЕС. Это были достижения трехлетнего периода [22, с. 113].

Казахстан и ЕС продолжали динамично развивать инвестиционное сотрудничество и торгово-экономические отношения. 10 октября 2007 г. в Казахстане состоялась официальная встреча Главы РК и Генсекретаря Совета ЕС, Верховного представителя ЕС по вопросам общей внешней политики и политики в области безопасности Х. Солану. В ходе беседы были обсуждены вопросы развития отношений между Казахстаном и ЕС в области экономики, энергетики и региональной политики.

Казахстан продолжал оставаться крупнейшим торговым и инвестиционным партнером ЕС в Центральной Азии. В первом полугодии 2007 г. объем взаимной торговли составил 12,5 млрд долл., за весь 2007 г. – 27,5 млрд долл., за 2008 г. – 39,1 млрд долл., где ЕС занимал значительную долю в объеме казахстанского экспорта. За годы сотрудничества ЕС вложил в экономику Казахстана более 35 млрд долл. Стороны обсудили ряд вопросов в рамках региональной политики, ситуацию в Афганистане, Иране, обменялись мнениями о принятой Стратегии ЕС для Центральной Азии (2007 г.), стороны акцентировали внимание на дальнейшем усилении тесного сотрудничества [37].

В отношениях РК и ЕС отмечена положительная тенденция роста притока прямых иностранных инвестиций из ЕС. Только в 2007 г. он достиг 8 млрд долл., в первом квартале 2008 г. – 1,5 млрд долл. Основными инвесторами выступили компании из Нидерландов, Великобритании, Италии и Франции [18, с. 54].

К 2009 г. срок действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Казахстаном и ЕС подошел к концу, и возникла необходимость в разработке нового соглашения. В 2011 г. стороны начали переговоры о заключении расширенного двустороннего соглашения. Это открыло новые возможности для диверсификации торговых и инвестиционных связей Казахстана, а также продвижения демократических реформ и преобразования в современное, стабильное государство [45, с. 1].

Обоснованием заключения нового соглашения между РК и ЕС стали изменения, произошедшие за период двустороннего сотрудничества в регионах. Для ЕС изменения касались расширения членского состава Союза, в 2008 г. количество стран-членов ЕС составило 27 государств. Экономический и валютный союзы укрепили свои позиции, ЕС построил механизм для общей внешней политики и общей политики безопасности и обороны, и реструктуризация политического, социально-экономического и культурного пространства ЕС была успешно осуществлена. И Казахстан ознаменовался рядом положительных преобразований, которые произошли в государстве. Преобразования РК касались продолжающейся политической либерализации и диверсификации национальной экономики где отводилось внимание на индустриально-инновационное развитие. Казахстан продолжал укреплять отношения с ЕС в во-

просе поддержания региональной и глобальной безопасности. Стоит отметить, что авторитет РК на международной арене значительно укрепился и вырос. Это подтвердило председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 г. [23, с. 34].

В марте 2012 г. ЕС представлен был проект Соглашения о продвинутом партнерстве и сотрудничестве с РК. 9 октября 2014 г. в Брюсселе завершились переговоров по проекту документа Президента РК Н. Назарбаева и Председателя Европейской комиссии Ж. М. Баррозу [23, с. 40–41].

Одним из значительных достижений во внешней политике РК стало подписание Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве (СРПС) между Казахстаном и Европейским союзом во время визита в Астану Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини в 2015 г. Подписание документа ознаменовало новый уровень казахстанско-европейских отношений. СРПС значительно расширил горизонты взаимодействия, открыл новые возможности для двустороннего партнерства в торгово-экономической и инвестиционной сферах. В том числе с учетом вступления Казахстана в ВТО и развития Евразийского экономического союза [27, с. 222]. 25 марта 2016 г. на законодательном уровне Казахстаном было ратифицировано Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Республикой Казахстан с одной стороны и Европейским Союзом и его государствами-членами с другой стороны» [12].

Казахстан был первой страной в Центральной Азии заключившей это соглашение. СРСП имело эффективный инструмент для продвижения в упрочнении отношений между ЕС и Казахстаном, обеспечивая широкую основу рамки для укрепления политического диалога, системного сотрудничества в различных областях и содействия взаимной торговле и инвестициям. Документ предусматривал сотрудничество по 29 основным направлениях: юстиция и внутренние дела; экономическое и финансовое сотрудничество; энергетика и транспорт; окружающая среда и изменение климата; занятость и социальная политика; культура, образование и научные исследования [28].

Отмечая концептуальную значимость нового соглашения, подписанного между ЕС и Казахстаном, следует отметить, что Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1995 г. было типовым документом для постсоветских стран, подписавших его с ЕС. В соглашении о расширенном партнерстве и сотрудничестве были учтены обязательства РК как в рамках ВТО, так и Евразийского экономического союза.

В новом соглашении наиболее объемной составляющей стала его торгово-экономическая часть. Важно, что в соглашении 1995 г. большая часть вопросов торгово-экономического сотрудничества рассматривалась без детальной проработки. В частности, это касалось различных аспектов конкуренции, государственных закупок, интеллектуальной собственности, санитарных и фитосанитарных норм. В то же время новое соглашение заложило правовые основы сотрудничества и в других областях, не предусмотренных соглашением 1995 г. К ним относятся космическая безопасность, изменение климата, борьба с терроризмом, распространение оружия массового уничтожения, сотрудничество в сфере государственного управления, здравоохранения, управления государственными финансами, налогообложения и другие. Значительным достижением стала достигнутая договоренность о подготовке соглашения об облегчении визового режима для граждан РК и ЕС, одновременно с соглашением о реадмиссии между сторонами. В соглашении большое значение придавалось сотрудничеству в области обеспечения прав и свобод человека, демократизации и верховенства закона, устойчивого развития и укрепления роли гражданского общества [38]. Соглашение вступило в силу с 1 марта 2020 г.

Резюмируя все вышеизложенное, необходимо отметить, что за более чем двадцатилетний период сотрудничества между РК и ЕС сложились прочные и стабильные взаимоотношения. Эволюция становления двусторонних отношений обозначена проведением огромной и плодотворной работы обеих сторон. Были установлены официальные двусторонние контакты, создана нормативно-правовая база, налажено взаимовыгодное сотрудничество по всем перспективным направлениям взаимодействия. Весьма важным явился накопленный огромный опыт сторон в деятельности на международном уровне, в работе по продвижению миротворческих и антиядерных инициатив, в том числе в деле по укреплению региональной безопасности. РК и ЕС достигли высокого уровня политических отношений, наработали положительные позиции в деле сотрудничества в экономической, социальной, гуманитарной, торговой и инвестиционной областях. Стороны упрочнили свои взаимоотношения по вопро-

сам безопасности в рамках ОБСЕ. Подписание соглашения между РК и ЕС в 2015 г. предопределило новый уровень взаимовыгодных и эффективных партнерских отношений на долгосрочную перспективу на сегодняшний день.

Список литературы

1. Влияние Европейского Союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз. Алматы : Фонд им. Фридриха Эберта, 2017. 119 с. URL: https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/13414-20170614.pdf (дата обращения: 25.02.2021).

2. Глава государства Нурсултан Назарбаев встретился в Брюсселе с Генеральным секретарем Совета Европейского Союза Хавьером Соланой. 6 декабря 2006 г. // Официальный сайт Президента РК. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/glava-gosudarstva-nursultan-nazarbaev-vstretilsya-v-bryussele-s-generalnym-sekretarem-soveta-evropeiskogo-soyuza-haverom-solanoi (дата обращения: 25.02.2021).

3. *Додонов В. Ю.* Международное инвестиционное сотрудничество Казахстана: тенденции, факторы, перспективы : монография. Нур-Султан : КИСИ при Президенте РК, 2019. 192 с. URL: http://www.kisi.kz/index.php/en/library/publications/4751-dodonov-v-yu-mezhdunarodnoe-investitsionnoe-sotrudnichestvo-kazakhstana-tendentsii-faktory-perspektivy-monografiya-nur-sultan-kisi-pri-prezidente-rk-2019-192-s (дата обращения: 25.03.2021).

4. Казахстанская правда – Ответственный и надежный партнер Европы. 12.04.2008. URL: https://www.parlam.kz/ru/blogs/diyachenko/Details/4/4444 (дата обращения: 25.02.2021).

5. Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 19: декабрь 1999 г. – февраль 2000 г. Москва, март 2000. 31 с. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_19/#3 (дата обращения: 25.02.2021).

6. Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 27: декабрь 2001 г. – февраль 2002 г. Москва, март 2002. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_27/#3 (дата обращения: 25.02.2021).

7. Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 45: июнь-август 2006 г. Москва, сентябрь 2006. 52 с. URL: http://aevis.ru/upload/ckeditor/files/magazine/vipusk_45.pdf (дата обращения: 25.02.2021).

8. Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 48: апрель – июнь 2007 г. Москва, июль 2007. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_48/#4 (дата обращения: 25.02.2021).

9. Европейская интеграция : учебник / Под. ред. О. В. Буториной. М. : Деловая литература, 2011. 720 с.

10. Закон РК от 26 мая 1997 г. № 113-I «О ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Республикой Казахстан с одной стороны и Европейскими сообществами и их государствами-членами с другой сторон». Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000113 (дата обращения: 25.02.2021).

11. Закон РК от 7 мая 2001 г. № 196-II «О ратификации Основного многостороннего соглашения о международном транспорте по развитию коридора Европа – Кавказ – Азия». URL: https://online.zakon.kz/document (дата обращения: 25.02.2021).

12. Закон РК от 25 марта 2016 г. № 475-V ЗРК «О ратификации Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Республикой Казахстан с одной стороны и Европейским Союзом и его государствами-членами с другой стороны». Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000475 (дата обращения: 25.02.2021).

13. Итоги зарубежного турне Назарбаева. В Казахстане будет открыто представительство ЕС. Газета «Коммерсантъ» № 20 от 05.02.1993. URL: https://www.kommersant.ru/daily/1993-02-05 (дата обращения: 25.02.2021).

14. *Казанцев А. А.* Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия/ Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО(У) МИД России; Центр Евро-атлантической безопасности. М. : МГИМО-Университет, 2009. 186 с.

15. Казахстан сегодня : монография / Под общ. ред. Б. К. Султанова. Алматы : КИСИ при Президенте РК, 2009. 416 с. URL: http://kisi.kz/index.php/ru/2009-god/918-15-kazakhstan-segodnya-monografiya-pod-obshch-red-b-k-sultanova-almaty-kisi-pri-prezidente-rk-2009-416-s (дата обращения: 25.03.2021).

16. Казахстан и Еврокомиссия подписали меморандум о взаимопонимании в области энергетики. Информационное агентство Kazakhstan Today. URL: https://www.kt.kz/rus/politics/kazahstan_i_evrokomissija_ podpisali_memorandum_o_vzaimoponimanii_v_oblasti_energetiki_1153404888.html (дата обращения: 25.02.2021).

17. *Кембаев Ж.* Правовые основы партнерства между республикой Казахстан и Европейским союзом // Юрист. 2013. № 7. С. 44–49. URL: https://www.researchgate.net/publication/276279549_Pravovye_osnovy_partnerstva_mezdu_Respublikoj_Kazahstan_i_Evropejskim_Souzom (дата обращения: 25.03.2021).

18. *Комилова Х.* Центральная Азия и Европейский Союз: новые реалии // Современная Европа. 2009. № 2 (38). С. 53–63. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-aziya-i-evropeyskiy-soyuz-novye-realii (дата обращения: 26.02.2021).

19. *Кочладзе М.* Европейский инструмент для развития Руководство для гражданского общества. 2011. 24 с. URL: https://bankwatch.org/sites/default/files/DCI-tookit-ru-web.pdf (дата обращения: 25.02.2021).

20. *Курмангужин Р. С.* О вкладе Казахстана в создание Стратегии нового партнерства Европейского Союза со странами Центральной Азии на 2007–2013 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 90–93. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vklade-kazahstana-v-sozdanie-strategii-novogo-partnerstva-evropeyskogo-soyuza-so-stranami-tsentralnoy-azii-na-2007-2013-gg (дата обращения: 25.03.2021).

21. *Курмангужин Р. С.* Республика Казахстан – Европейский Союз: казахстанские инициативы по сотрудничеству с Евросоюзом (2000–2010 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Москва, 2015. 158 с. URL: https://mgimo.ru/files2/y03_2015/267614/diss_Kurmanguzhin.pdf (дата обращения: 25.02.2021).

22. *Курмангужин Р. С.* Казахстан и ЕС: от стратегии сотрудничества к новому соглашению о продвинутом партнерстве // Сравнительная политика. 2016. № 1 (22). С. 106–115. URL: https://www.comparativepolitics.org/jour/article/view/390 (дата обращения: 26.02.2021).

23. *Курмангужин Р. С.* К Соглашению о партнерстве и сотрудничестве между Казахстаном и ЕС // Россия и новые государства Евразии. 2015. № 4. С. 33–43. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25296415 (дата обращения: 26.02.2021).

24. Логистические процессы и морские магистрали II. Казахстан. Октябрь 2013 г. 45 с.

25. *Назарбаев Н. А.* Эра независимости. Астана, 2017. 508 с.

26. *Назарбаев Н. А.* Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. РГЖИ «Дәуір» Алма-Ата, 1992. 56 с.

27. *Нурсултанова Л. Н.* Казахстан и Восточноевропейские страны: становление и развитие // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия историческая. № 1 (88). 2018. С. 221–227. URL: https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/202/209 (дата обращения: 26.02.2021).

28. Отношения между ЕС и Казахстаном. Европейская служба внешних связей. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eeas-ca_ministerial_factsheets-2020-kazak-ru-lr.pdf (дата обращения: 26.02.2021).

29. Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроника деятельности. 1992–1993 годы. Астана : Деловой мир Астана, 2010. 636 с.

30. Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроника деятельности. 1994–1995 годы. Астана : Деловой мир Астана, 2011. 576 с.

31. Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроника деятельности. 1996–1997 годы. Астана : Деловой мир Астана, 2010. 548 с.

32. *Турсунмуратов Т. М.* Политико-правовые основы внешнеполитической деятельности Европейского союза в регионе Центральной Азии // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. № 4. С. 162–168. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-pravovye-osnovy-vneshnepoliticheskoy-deyatelnosti-evropeyskogo-soyuza-v-regione-tsentralnoy-azii (дата обращения: 25.02.2021).

33. Постановление Правительства РК от 8 ноября 2002 г. № 1181 «О заключении Соглашения о сотрудничестве между Правительством Республики Казахстан и Европейским Сообществом по Атомной Энергии в области управляемого ядерного синтеза». Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P020001181 (дата обращения: 25.02.2021).

34. Постановление Правительства РК от 8 мая 2008 г. № 434 «Об утверждении Соглашения о сотрудничестве между Правительством Республики Казахстан и Европейским сообществом по атомной энергии (Евратом) в области мирного использования атомной энергии». Информационно-правовая системанормативных правовых актов РК. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P080000434 (дата обращения: 25.02.2021).

35. Республика Казахстан в системе мировой политики / Под ред. акад. НАН РК А. М. Газалиева. 2-е изд. Караганда, 2011. 100 с.

36. *Смирнова В. А.* Деятельность программы ТАСИС в сфере высшего образования в Республике Казахстан // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. № 11. С. 159–163. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12802206 (дата обращения: 25.02.2021).

37. Рабочий график Главы государства. Нурсултан Назарбаев принял Бахытжана Сагинтаева, Аскара Жумагалиева и Хавьера Солану. 11.10.2007. Политика и общество. URL: https://nomad.su/?a=3-200710110320 (дата обращения: 26.02.2021).

38. Сотрудничество РК – ЕС: выход на новый уровень. Елена Иванова. 21 Декабря 2017. АО «Республиканская газета "Казахстанская правда"». URL: https://kazpravda.kz/articles/view/sotrudnichestvo-rk--es-vihod-na-novii-uroven (дата обращения: 26.02.2021).

39. Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии на 2007–2013 гг.: предварительные итоги : монография / Под общ. ред. А. Е. Чеботарёва. Алматы: Центр актуальных исследований «Альтернатива» ; Центр германских исследований КазНУ им. аль-Фараби ; Фонд им. Фридриха Эберта в Казахстане. 2013. 184 с.

40. Указ Президента РК от 19 января 1994 г. №1510 «О Представительстве Республики Казахстан при Европейском союзе».

41. Указ Президента РК от 18 октября 1995 г. № 2537 «О ратификации Договора к Энергетической Хартии и Протокола к Энергетической Хартии по вопросам энергетической эффективности и сопутствующим экологическим аспектам». Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002537_/links (дата обращения: 26.02.2021).

42. Указ Президента РК от 16 июля 1999 г. № 172 «О подписании Соглашения о сотрудничестве между Республикой Казахстан и Европейским Сообществом по атомной энергии в области ядерной безопасности». Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U990000172 (дата обращения: 26.02.2021).

43. Указ Президента РК от 29 мая 2007 г. № 335 «О подписании протокола к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Республикой Казахстан с одной стороны и Европейскими сообществами и их государствами-членами с другой стороны о присоединении Республики Болгария и Румынии к СПС». Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U070000335 (дата обращения: 26.02.2021).

44. Указ Президента Республики Казахстан от 29 августа 2008 года № 653 О Государственной программе «Путь в Европу» на 2009-2011 гг. Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U080000653 (дата обращения: 26.02.2021).

45. *Церцвадзе Т., Аксенова В.* Казахстан и Европейский союз: Торговля ценностями // Брифинг EUCAM. № 32. Октябрь 2013. С. 1–4.

46. British Council. Kazakhstan. European Union – WeAlmaty project donor. URL: https://www.britishcouncil.kz/ru/european-union-welamaty-donor (data accessed: 25.02.2021).

47. Budapest Summit marks change from CSCE to OSCE. Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: https://www.osce.org/event/summit_1994 (data accessed: 25.02.2021).

48. *Burkhanov A.* The EU strategy in Central Asia: successes and failures // Central Asia and the Caucasus. 2007. № 3 (45). Pp. 18–29. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/the-eu-strategy-in-central-asia-successes-and-failures (data accessed: 25.02.2021).

49. Helsinki Summit. Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: https://www.osce.org/event/summit_1992 (data accessed: 25.02.2021).

50. INOGATE and Kazakhstan. URL: http://www.inogate.org/countries (data accessed: 25.02.2021).

51. Istanbul Summit. Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: https://www.osce.org/event/summit_1999 (data accessed: 25.02.2021).

52. Lisbon Summit. Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: https://www.osce.org/event/summit_1996 (data accessed: 25.02.2021).

53. *Mantel R.* EU–Central Asia relations in the energy sector with a special focus on Kazakhstan // Dans L'Europe en Formation 2015/1 (n° 375). Pp. 55–71. URL: https://www.cairn.info/revue-l-europe-en-formation-2015-1-page-55.htm (data accessed: 25.02.2021).

54. TACIS (Technical Assistance Programme to the former republics of the Soviet Union) ANNUAL REPORT FROM THE COMMISSION 1991 and 1992. COM(93) 362 final. Brussels, 28 July 1993. P. 79. URL: http://aei.pitt.edu/id/eprint/5630 (data accessed: 25.02.2021).

55. The treaty of Lisbon Fact Sheets on the European Union – 2020. URL: europarl.europa.eu›ftu/pdf/en/FTU_1.1.5.pdf (data accessed: 25.02.2021).

Cooperation between Kazakhstan and the European Union (historical analysis)

Y. V. Shukusheva
postgraduate student, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin.
Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-1283-9861.
E-mail: sh_yelena82@mail.ru

Abstract. The article analyzes the history of the development of relations between Kazakhstan and the European Union. The important milestones of their cooperation are studied, starting from the establishment of official contacts between the parties, to the construction of relations in the plane of strategic partnership and the transition to a new level of bilateral cooperation. The importance of long-term cooperation between Kazakhstan and the European Union, which contributes to the acceleration of the process of including Kazakhstan among the developed countries of the world, was noted. The importance of the study of Kazakhstan's relations in the European direction as a priority direction of the foreign policy of the Republic of Kazakhstan is indicated. Attention is paid to the formation of bilateral ties in priority areas of interaction. Against the background of integration into the world community, Kazakhstan's interest in developing constructive cooperation with the European Union as a major trade ally and a serious foreign investor in the Kazakh economy is analyzed. Kazakhstan's interest in the experience of the European Union in its legislative, legal and scientific development, promotion of democracy and improvement of the quality of life of citizens, as well as modernization of the legislative system and the activities of state authorities in accordance with generally recognized European standards is traced. In turn, the European Union has shown interest in Kazakhstan, which occupies an extensive geographical location in the very center of Eurasia at the junction of two major powers, Russia and China. The

results are summed up about the mutual desire of Kazakhstan and the European Union for cooperation, which predetermined not only the high dynamics of bilateral relations, but also the strong positions of the European Union in Kazakhstan. At the same time, the possibilities of the European Union to deepen the relations between the parties are still limited today. In this regard, the purpose of the article is to evaluate the accumulated experience and further prospects of cooperation between Kazakhstan and the European Union.

Keywords: bilateral cooperation, multi-vector foreign policy, Partnership and Cooperation Agreement, strategic partnership, "The Way to Europe".

References

1. *Vliyanie Evropejskogo Soyuza na Central'nuyu Aziyu: obzor, analiz i prognoz* – The impact of the European Union on Central Asia: overview, analysis and forecast. Almaty. Friedrich Ebert Foundation. 2017. 119 p. Available at: https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/13414-20170614.pdf (date accessed: 25.02.2021).

2. *Glava gosudarstva Nursultan Nazarbaev vstretilsya v Bryussele s General'nym sekretarem Soveta Evropejskogo Soyuza Hav'erom Solanoj. 6 dekabrya 2006 g.* – Head of State Nursultan Nazarbayev met with Secretary General of the Council of the European Union Javier Solana in Brussels. December 6, 2006 // *Oficial'nyj sajt Prezidenta RK* – Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. Available at: http://www.akorda.kz/ru/events/glava-gosudarstva-nursultan-nazarbaev-vstretilsya-v-bryussele-s-generalnym-sekretarem-soveta-evropeiskogo-soyuza-haverom-solanoi (date accessed: 25.02.2021).

3. *Dodonov V. Yu. Mezhdunarodnoe investicionnoe sotrudnichestvo Kazahstana: tendencii, faktory, perspektivy : monografiya* [International investment cooperation of Kazakhstan: trends, factors, prospects : monograph]. Nur-Sultan. KISI under the President of the Republic of Kazakhstan, 2019. 192 p. Available at: http://www.kisi.kz/index.php/en/library/publications/4751-dodonov-v-yu-mezhdunarodnoe-investitsionnoe-sotrudnichestvo-kazakhstana-tendentsii-faktory-perspektivy-monografiya-nur-sultan-kisi-pri-prezidente-rk-2019-192-s (date accessed: 25.03.2021).

4. *Kazahstanskaya pravda – Otvetstvennyj i nadezhnyj partner Evropy* – Kazakhstanskaya Pravda is a responsible and reliable partner of Europe. 12.04.2008. Available at: https://www.parlam.kz/ru/blogs/diyachenko/Details/4/4444 (date accessed: 25.02.2021).

5. *Evropejskij soyuz: fakty i kommentarii. Vypusk 19: dekabr' 1999 g. – fevral' 2000 g. Moskva, mart 2000* – The European Union: facts and comments. Issue 19: December 1999 – February 2000. Moscow, March 2000. 31 c. Available at: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_19/#3 (date accessed: 25.02.2021).

6. *Evropejskij soyuz: fakty i kommentarii. Vypusk 27: dekabr' 2001 g. – fevral' 2002 g. Moskva, mart 2002* – The European Union: facts and comments. Issue 27: December 2001 – February 2002. Moscow, March 2002. Available at: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_27/#3 (date accessed: 25.02.2021).

7. *Evropejskij soyuz: fakty i kommentarii. Vypusk 45: iyun' – avgust 2006 g. Moskva, sentyabr' 2006* – The European Union: facts and comments. Issue 45: June–August 2006. Moscow, September 2006. 52 p. Available at: http://aevis.ru/upload/ckeditor/files/magazine/vipusk_45.pdf (date accessed: 25.02.2021).

8. *Evropejskij soyuz: fakty i kommentarii. Vypusk 48: aprel' – iyun' 2007 g. Moskva, iyul' 2007* – The European Union: facts and comments. Issue 48: April–June 2007. Moscow, July 2007. Available at: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_48/#4 (date accessed: 25.02.2021).

9. *Evropejskaya integraciya : uchebnik* – European integration : textbook / Ed. by O. V. Butorina. M. Business literature. 2011. 720 p.

10. *Zakon RK ot 26 maya 1997 g. № 113-I "O ratifikacii Soglasheniya o partnerstve i sotrudnichestve mezhdu Respublikoj Kazahstan s odnoj storony i Evropejskimi soobshchestvami i ih gosudarstvami-chlenami s drugoj storon". Informacionno-pravovaya sistema normativnyh pravovyh aktov RK* – Law of the Republic of Kazakhstan dated May 26, 1997 No. 113-I "On ratification of the Partnership and Cooperation Agreement between the Republic of Kazakhstan on the one hand and the European Communities and their Member States on the other hand". Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000113 (date accessed: 25.02.2021).

11. *Zakon RK ot 7 maya 2001 g. № 196-II "O ratifikacii Osnovnogo mnogostoronnego soglasheniya o mezhdunarodnom transporte po razvitiyu koridora Evropa – Kavkaz – Aziya"* – Law of the Republic of Kazakhstan No. 196-II dated May 7, 2001 "On ratification of the Main Multilateral Agreement on International Transport for the Development of the Europe – Caucasus – Asia Corridor". Available at: https://online.zakon.kz/document (date accessed: 25.02.2021).

12. *Zakon RK ot 25 marta 2016 g. № 475-V ZRK "O ratifikacii Soglasheniya o rasshirennom partnerstve i sotrudnichestve mezhdu Respublikoj Kazahstan s odnoj storony i Evropejskim Soyuzom i ego gosudarstvami-chlenami s drugoj storony". Informacionno-pravovaya sistema normativnyh pravovyh aktov RK* – Law of the Republic of Kazakhstan dated March 25, 2016 No. 475-V of the SAM "On ratification of the Agreement on Expanded Partnership and Cooperation between the Republic of Kazakhstan on the one hand and the European Union and its member States on the other hand". Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000475 (date accessed: 25.02.2021).

13. *Itogi zarubezhnogo turne Nazarbaeva. V Kazahstane budet otkryto predstavitel'stvo ES* – Results of Nazarbayev's foreign tour. An EU representative office will be opened in Kazakhstan. Kommersant newspaper No. 20 dated 05.02.1993. Available at: https://www.kommersant.ru/daily/1993-02-05 (date accessed: 25.02.2021).

14. *Kazancev A. A. Politika stran Zapada v Central'noj Azii: klyuchevye harakteristiki, dilemmy i protivorechiya* [The policy of Western countries in Central Asia: key characteristics, dilemmas and contradictions] / *Nauchno-koordinacionnyj sovet po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO(U) MID Rossii; Centr Evro-atlanticheskoj bezopasnosti* – Scientific Coordination Council for International Studies of MGIMO(U) MFA of Russia; Center for Euro-Atlantic Security. M. MGIMO-University. 2009. 186 p.

15. *Kazahstan segodnya : monografiya* – Kazakhstan today : monograph / Under the general editorship of B. K. Sultanov. Almaty. KISI under the President of the Republic of Kazakhstan, 2009. 416 p. Available at: http://kisi.kz/index.php/ru/2009-god/918-15-kazakhstan-segodnya-monografiya-pod-obshch-red-b-k-sultanova-almaty-kisi-pri-prezidente-rk-2009-416-s (date accessed: 25.03.2021).

16. *Kazahstan i Evrokomissiya podpisali memorandum o vzaimoponimanii v oblasti energetiki. Informacionnoe agentstvo Kazakhstan Today* – Kazakhstan and the European Commission signed a memorandum of understanding in the field of energy. Kazakhstan Today News Agency. Available at: https://www.kt.kz/rus/politics/kazahstan_i_evrokomissija_podpisali_memorandum_o_vzaimoponimanii_v_oblasti_energetiki_1153404888.html (date accessed: 25.02.2021).

17. *Kembaev Zh. Pravovye osnovy partnerstva mezhdu respublikoj Kazahstan i Evropejskim soyuzom* [Legal bases of partnership between the Republic of Kazakhstan and the European Union] // *Jurist* – Lawer. 2013. No. 7. Pp. 44–49. Available at: https://www.researchgate.net/publication/276279549_Pravovye_osnovy_partnerstva_mezdu_Respublikoj_Kazahstan_i_Evropejskim_Souzom (date accessed: 25.03.2021).

18. *Komilova H. Central'naya Aziya i Evropejskij Soyuz: novye realii* [Central Asia and the European Union: new realities] // *Sovremennaya Evropa* – Modern Europe. 2009. No. 2 (38). Pp. 53–63. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-aziya-i-evropeyskiy-soyuz-novye-realii (date accessed: 26.02.2021).

19. *Kochladze M. Evropejskij instrument dlya razvitiya Rukovodstvo dlya grazhdanskogo obshchestva* [European tool for Development Guide for Civil Society]. 2011. 24 p. Available at: https://bankwatch.org/sites/default/files/DCI-tookit-ru-web.pdf (date accessed: 25.02.2021).

20. *Kurmanguzhin R. S. O vklade Kazahstana v sozdanie Strategii novogo partnerstva Evropejskogo Soyuza so stranami Central'noj Azii na 2007–2013 gg.* [On the contribution of Kazakhstan to the creation of the Strategy of the New Partnership of the European Union with the countries of Central Asia for 2007–2013] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2012. No. 360. Pp. 90–93. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vklade-kazahstana-v-sozdanie-strategii-novogo-partnerstva-evropeyskogo-soyuza-so-stranami-tsentralnoy-azii-na-2007-2013-gg (date accessed: 25.03.2021).

21. *Kurmanguzhin R. S. Respublika Kazahstan – Evropejskij Soyuz: kazahstanskie iniciativy po sotrudnichestvu s Evrosoyuzom (2000–2010 gg.) : dis. … kand. ist. nauk* [The Republic of Kazakhstan – the European Union: Kazakhstan's initiatives for cooperation with the European Union (2000–2010) : dis. ... PhD in Historical Sciences]. M. 2015. 158 p. Available at: https://mgimo.ru/files2/y03_2015/267614/diss_Kurmanguzhin.pdf (date accessed: 25.02.2021).

22. *Kurmanguzhin R. S. Kazahstan i ES: ot strategii sotrudnichestva k novomu soglasheniyu o prodvinutom partnerstve* [Kazakhstan and the EU: from a cooperation strategy to a new agreement on advanced partnership] // *Sravnitel'naya politika* – Comparative Politics. 2016. No. 1 (22). Pp. 106–115. Available at: https://www.comparativepolitics.org/jour/article/view/390 (date accessed: 26.02.2021).

23. *Kurmanguzhin R. S. K Soglasheniyu o partnerstve i sotrudnichestve mezhdu Kazahstanom i ES* [To the Agreement on partnership and cooperation between Kazakhstan and the EU] // *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii* – Russia and the new states of Eurasia. 2015. No. 4. Pp. 33–43. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25296415 (date accessed: 26.02.2021).

24. *Logisticheskie processy i morskie magistrali II* – Logistics processes and sea routes II. Kazakhstan. October 2013. 45 p.

25. *Nazarbaev N. A. Era nezavisimosti* [The era of independence]. Astana. 2017. 508 p.

26. *Nazarbaev N. A. Strategiya stanovleniya i razvitiya Kazahstana kak suverennogo gosudarstva* [Strategy of formation and development of Kazakhstan as a sovereign state]. RGZHI "Dauir" Alma-Ata. 1992. 56 p.

27. *Nursultanova L. N. Kazahstan i Vostochnoevropejskie strany: stanovlenie i razvitie* [Kazakhstan and Eastern European countries: formation and development] // *Vestnik KazNU im. al'-Farabi. Seriya istoricheskaya* – Herald of Al-Farabi Kazakh National University. The series is historical. No. 1 (88). 2018. Pp. 221–227. Available at: https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/202/209 (date accessed: 26.02.2021).

28. *Otnosheniya mezhdu ES i Kazahstanom. Evropejskaya sluzhba vneshnih svyazej* – Relations between the EU and Kazakhstan. European External Relations Service. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eeas-ca_ministerial_factsheets-2020-kazak-ru-lr.pdf (date accessed: 26.02.2021).

29. *Pervyj Prezident Respubliki Kazahstan Nursultan Nazarbaev. Hronika deyatel'nosti. 1992–1993 gody* – The first President of the Republic of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev. Chronicle of activity. 1992–1993. Astana. Business World Astana. 2010. 636 p.

30. *Pervyj Prezident Respubliki Kazahstan Nursultan Nazarbaev. Hronika deyatel'nosti. 1994–1995 gody* – The first President of the Republic of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev. Chronicle of activity. 1994–1995. Astana. Business World Astana. 2011. 576 p.

31. *Pervyj Prezident Respubliki Kazahstan Nursultan Nazarbaev. Hronika deyatel'nosti. 1996–1997 gody* – The first President of the Republic of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev. Chronicle of activity. 1996–1997. Astana. Business World Astana. 2010. 548 p.

32. *Tursunmuratov T. M. Politiko-pravovye osnovy vneshnepoliticheskoj deyatel'nosti Evropejskogo soyuza v regione Central'noj Azii* [Political and legal bases of the European Union's foreign policy activity in the Central Asian region] // *Vestnik VolGU. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* – Herald of VolGU. Series 4: History. Regional studies. International relations. 2017. No. 4. Pp. 162–168. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-pravovye-osnovy-vneshnepoliticheskoy-deyatelnosti-evropeyskogo-soyuza-v-regione-tsentralnoy-azii (date accessed: 25.02.2021).

33. *Postanovlenie Pravitel'stva RK ot 8 noyabrya 2002 g. № 1181 "O zaklyuchenii Soglasheniya o sotrudnichestve mezhdu Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan i Evropejskim Soobshchestvom po Atomnoj Energii v oblasti upravlyaemogo yadernogo sinteza". Informacionno-pravovaya sistema normativnyh pravovyh aktov RK* – Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated November 8, 2002 No. 1181 "On the conclusion of an agreement on cooperation between the Government of the Republic of Kazakhstan and the European Atomic Energy Community in the field of controlled nuclear fusion". Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P020001181 (date accessed: 25.02.2021).

34. *Postanovlenie Pravitel'stva RK ot 8 maya 2008 g. № 434 "Ob utverzhdenii Soglasheniya o sotrudnichestve mezhdu Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan i Evropejskim soobshchestvom po atomnoj energii (Evratom) v oblasti mirnogo ispol'zovaniya atomnoj energii". Informacionno-pravovaya sistemanormativnyh pravovyh aktov RK* – Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated May 8, 2008 No. 434 "On approval of the Agreement on Cooperation between the Government of the Republic of Kazakhstan and the European Atomic Energy Community (Euratom) in the Field of peaceful Use of Atomic Energy". Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P080000434 (date accessed: 25.02.2021).

35. *Respublika Kazahstan v sisteme mirovoj politiki* – The Republic of Kazakhstan in the system of world politics / Ed. akad. NAS RK A.M. Gazalieva. 2nd ed. Karaganda. 2011. 100 p.

36. *Smirnova V. A. Deyatel'nost' programmy TASIS v sfere vysshego obrazovaniya v Respublike Kazahstan* [Activity of the TACIS program in the field of higher education in the Republic of Kazakhstan] // *Vestnik VolGU. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* – Herald of the Volga. Series 4: History. Regional studies. International relations. 2006. No. 11. Pp. 159–163. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12802206 (date accessed: 25.02.2021).

37. *Rabochij grafik Glavy gosudarstva. Nursultan Nazarbaev prinyal Bahytzhana Sagintaeva, Askara Zhumagalieva i Hav'era Solanu. 11.10.2007. Politika i obshchestvo* – Working schedule of the Head of State. Nursultan Nazarbayev received Bakhytzhan Sagintayev, Askar Zhumagaliyev and Javier Solana. 11.10.2007. Politics and society. Available at: https://nomad.su/?a=3-200710110320 (date accessed: 26.02.2021).

38. *Sotrudnichestvo RK – ES: vyhod na novyj uroven'. Elena Ivanova* – Kazakhstan – EU cooperation: reaching a new level. Elena Ivanova. December 21, 2017. JSC "Republican newspaper "Kazakhstanskaya Pravda". Available at: https://kazpravda.kz/articles/view/sotrudnichestvo-rk--es-vihod-na-novii-uroven (date accessed: 26.02.2021).

39. *Strategiya Evropejskogo Soyuza v Central'noj Azii na 2007–2013 gg.: predvaritel'nye itogi : monografiya* – The Strategy of the European Union in Central Asia for 2007–2013: preliminary results : monograph / Under the general editorship of A. E. Chebotarev. Almaty: Center for Topical Studies "Alternative"; Center for German Studies of Al-Farabi Kazakh National University; Foundation named after Friedrich Ebert in Kazakhstan. 2013. 184 p.

40. *Ukaz Prezidenta RK ot 19 yanvarya 1994 g. №1510 "O Predstavitel'stve Respubliki Kazahstan pri Evropejskom soyuze"* – Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated January 19, 1994 No. 1510 "On the Representation of the Republic of Kazakhstan to the European Union".

41. *Ukaz Prezidenta RK ot 18 oktyabrya 1995 g. № 2537 "O ratifikacii Dogovora k Energeticheskoj Hartii i Protokola k Energeticheskoj Hartii po voprosam energeticheskoj effektivnosti i soputstvuyushchim ekologicheskim aspektam". Informacionno-pravovaya sistema normativnyh pravovyh aktov RK* – Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated October 18, 1995 No. 2537 "On ratification of the Energy Charter Treaty and the Energy Charter Protocol on Energy Efficiency and Related Environmental Aspects". Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002537_/links (date accessed: 26.02.2021).

42. *Ukaz Prezidenta RK ot 16 iyulya 1999 g. № 172 "O podpisanii Soglasheniya o sotrudnichestve mezhdu Respublikoj Kazahstan i Evropejskim Soobshchestvom po atomnoj energii v oblasti yadernoj bezopasnosti". Informacionno-pravovaya sistema normativnyh pravovyh aktov RK* – Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated July 16, 1999 No. 172 "On signing the Agreement on Cooperation between the Republic of Kazakhstan and the European Atomic Energy Community in the field of nuclear Safety". Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U990000172 (date accessed: 26.02.2021).

43. *Ukaz Prezidenta RK ot 29 maya 2007 g. № 335 "O podpisanii protokola k Soglasheniyu o partnerstve i sotrudnichestve (SPS) mezhdu Respublikoj Kazahstan s odnoj storony i Evropejskimi soobshchestvami i ih gosudarstvami-chlenami s drugoj storony o prisoedinenii Respubliki Bolgariya i Rumynii k SPS". Informacionno-pravovaya sistema normativnyh pravovyh aktov RK* – Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated May 29,

2007 No. 335 "On signing the Protocol to the Partnership and Cooperation Agreement (PCA) between the Republic of Kazakhstan on the one hand and the European Communities and their Member States on the other hand on the accession of the Republic of Bulgaria and Romania to the PCA". Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U070000335 (date accessed: 26.02.2021).

44. *Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 29 avgusta 2008 goda № 653 "O Gosudarstvennoj programme "Put' v Evropu" na 2009-2011 gg". Informacionno-pravovaya sistema normativnyh pravovyh aktov RK* – Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 653 of August 29, 2008 on the State program "The Way to Europe" for 2009–2011. Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U080000653 (date accessed: 26.02.2021).

45. *Cercvadze T., Aksenova V. Kazahstan i Evropejskij soyuz: Torgovlya cennostyami* [Kazakhstan and the European Union: Trade in values] // *Brifing EUCAM* – Briefing EUCAM. No. 32. October 2013. Pp. 1–4.

46. British Council. Kazakhstan. European Union – WeAlmaty project donor. Available at: https://www.britishcouncil.kz/ru/european-union-welamaty-donor (data accessed: 25.02.2021).

47. Budapest Summit marks change from CSCE to OSCE. Organization for Security and Co-operation in Europe. Available at: https://www.osce.org/event/summit_1994 (date accessed: 25.02.2021).

48. *Burkhanov A.* The EU strategy in Central Asia: successes and failures // Central Asia and the Caucasus. 2007. No. 3 (45). Pp. 18–29. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/the-eu-strategy-in-central-asia-successes-and-failures (date accessed: 25.02.2021).

49. Helsinki Summit. Organization for Security and Co-operation in Europe. Available at: https://www.osce.org/event/summit_1992 (date accessed: 25.02.2021).

50. INOGATE and Kazakhstan. Available at: http://www.inogate.org/countries (date accessed: 25.02.2021).

51. Istanbul Summit. Organization for Security and Co-operation in Europe. Available at: https://www.osce.org/event/summit_1999 (date accessed: 25.02.2021).

52. Lisbon Summit. Organization for Security and Co-operation in Europe. Available at: https://www.osce.org/event/summit_1996 (date accessed: 25.02.2021).

53. *Mantel R.* EU–Central Asia relations in the energy sector with a special focus on Kazakhstan // Dans L'Europe en Formation 2015/1 (n° 375). Pp. 55–71. Available at: https://www.cairn.info/revue-l-europe-en-formation-2015-1-page-55.htm (date accessed: 25.02.2021).

54. TACIS (Technical Assistance Programme to the former republics of the Soviet Union) ANNUAL REPORT FROM THE COMMISSION 1991 and 1992. COM(93) 362 final. Brussels, 28 July 1993. P. 79. Available at: http://aei.pitt.edu/id/eprint/5630 (date accessed: 25.02.2021).

55. The treaty of Lisbon Fact Sheets on the European Union – 2020. Available at: europarl.europa.eu›ftu/pdf/en/FTU_1.1.5.pdf (date accessed: 25.02.2021).

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(73).092 DOI: 10.25730/VSU.2070.21.020

Основание Китайской Народной Республики в оценках американской прессы*

Я. А. Левин[1], С. О. Буранок[2], П. Д. Токмакова[3]
[1]кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет. Россия, г. Самара. E-mail: yaroslavlevin1992@mail.ru
[2]доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет. Россия, г. Самара. E-mail: witch-king-1@mail.ru
[3]студент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет. Россия, г. Самара. E-mail: tokmakovapolya@mail.ru

Аннотация. 1 октября 1949 г. во многом является переломной датой в истории Холодной войны и международных отношений второй половины XX века. День основания нового коммунистического государства стал одним из первых действительно громких провалов для внешней политики США. В рамках данного исследования прослежена реакция американской периодической печати на столь важное событие. На основе приведенных в статье фактов и материалов можно сделать несколько важных выводов: прежде всего, пресса пыталась всячески нивелировать эффект для собственных граждан от появления на карте нового, явно недружественного Вашингтону государственного образования. Вместе с тем появление еще одного коммунистического режима активно укладывается в «дуальную логику» противостояния с СССР, чья роль видится журналистам решающей, а перемены, связанные с изменением политической карты мира, прежде всего оцениваются с точки зрения «усиления» главного противника Соединенных Штатов. Интересными моментами также представляется проявляющееся в прессе скептичное, если не сказать откровенно недоброжелательное, отношение к ООН, в которой новое государство должно будет занять определенное место. Также материал газетных статей позволяет сделать выводы о качестве существующего в США понимания ситуации в Китае, которое, несмотря на все усилия американской дипломатии на уровне СМИ, было крайне низким. Кроме того, открыто проявляется изменение оценок партии Гоминьдан и в целом руководства Китайской Республики, они становятся сравнительно редкими и всегда с явным оттенком разочарования. Таким образом, можно сделать выводы о том, что оценки американской прессы, активно влияющей на общественное мнение, а значит, и на механизмы принятия решений в США, всерьез повлияли на общее восприятие КНР и те стереотипы, которые будут господствовать в массовом сознании на протяжении долгого периода.

Ключевые слова: пресса США, общественное мнение, КНР, гражданская война в Китае, Мао Цзэдун, СССР.

Долгая и сложная Гражданская война в Китае (1927–1950) подошла к своему логическому концу с образованием Китайской Народной Республики и «великим исходом» правительства Китайской республики и партии Гоминьдан на Тайвань. Учитывая ту роль, которую США играли в мире после Второй мировой войны и тот уровень покровительства, который оказывал Белый дом гоминьдановцам, представляется полезным для общего понимания контекста Холодной войны и американо-китайских отношений рассмотреть реакцию прессы в Соединенных Штатах на образование Китайской Народной Республики.

Тема Гражданской войны в Китае и образования КНР как одного из значимых эпизодов этого конфликта довольно подробно рассмотрена в отечественной историографии. Такие авторы, как О. Е. Непомнин, С. Л. Тихвинский, О. Д. Барлукова, М. А. Гуляева, и многие другие рас-

© Левин Я. А., Буранок С. О., Токмакова П. Д., 2021
* Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ «“Сражающийся Китай” 1931–1949 гг. в оценках периодической печати США» (№ 20-39-70003).

сматривали образование государства китайских коммунистов в основном как финальную стадию активного противостояния Гоминьдана и Коммунистической партии Китая. Отечественная историография также уделила значительное внимание столкновению интересов СССР и США, однако, в большей степени советские и российские ученые анализировали общий геополитический контекст, сосредоточиваясь на влиянии итогов войны на расстановку и силы основных сторон Холодной войны. Также значительное внимание в отечественной историографии уделяется развитию советско-китайских отношений во всей их сложности и многообразии. В ряде специальных работ, таких как, например, исследование М. Н. Алексеева, проанализированы специфичные вопросы отношений СССР и Китая, в частности деятельность советской разведки в годы Гражданской войны. Можно сделать вывод, что труды отечественных ученых внесли заметный вклад в развитие исследований по теме Гражданской войны в Китае, однако, рассмотрению отношений Гоминьдана и США и в целом влиянию этого конфликта на главного оппонента Советского союза уделено значительно меньше внимания. В силу этого мало внимания уделено и реакции США на основание КНР.

Зарубежная историография более тщательно рассмотрела вопросы, связанные с местом Соединенных Штатов в конфронтации двух политических течений Китая. В работах таких специалистов, как Б. Барноуин, Ф. Клодин, Б. Хэйвз, П. Лескот, Р. Ньюман, и других рассматриваются самые различные темы, связанные с участием США в китайской Гражданской войне. Значительное место так же, как и в трудах советских и российских ученых, уделено общему геополитическому контексту, рассмотрены различные частные темы, такие как экономическая помощь, биографии отдельных государственных деятелей, как Гоминьдана, так и КПК и т. д. Тем не менее зарубежная историография также не рассматривает реакцию общества и СМИ на создание китайского коммунистического государства, воспринимая это событие как своеобразный финальный аккорд долго противостояния. Вместе с тем зарубежная историография накопила богатый фактический материал для более многофакторного анализа Гражданской войны в Китае и основания КНР в контексте изучения общественного мнения и его связи с политической историей.

Из крупных газет наиболее оперативно среагировала «New York Times». Уже 1 октября 1949 г. на первой странице издания вышла небольшая, но информативная заметка о создании нового государства в Азии. Под заголовком «Мао возглавляет пекинский режим. Программа поддержки Москвы» и не менее красноречивым подзаголовком «Красное» правительство запущено! Чжоу (написано с ошибкой как Чу. – *Я. Л.*) наиболее вероятный премьер. Красный флаг над Китаем, Мао – глава режима «красных» в Китае. Сразу обращает на себя внимание несколько особенностей заголовка и подзаголовка, во-первых, в заголовке акцент сделан на Мао Цзэдуне и Москве, которая его поддерживает. То есть основное внимание читателя должно сфокусироваться на фигуре нового лидера Китая и его «однозначной» связи с Советским союзом. Во-вторых, и в заголовке, и в подзаголовке, и в статье старательно опускаются любые прямые фразы о появлении нового государства. Тем самым перед лицом очевидного геополитического поражения США пресса пытается «сгладить углы» для наименее просвещенных читателей, преподнося события 1 октября не как появление нового государства, а, скорее, как очень досадное поражение демократических сил. В-третьих, обращает на себя внимание в целом уровень статей [13]. Даже в крупных изданиях часто китайские имена даже крупных деятелей транскрибировались с ошибками не по правилам английской грамматики, а «на слух». Это, наверное, самое яркое проявление того, что многие эксперты сочтут одной из основных причин поражения США активно поддерживающих лидера Китайской Республики Чан Кайши. Хотя американцы долгие годы занимались китайским вопросом и имели ряд действительно квалифицированных экспертов, в целом, Китай и состояние дел в нем так и остались для широкого круга американских журналистов и ряда государственных деятелей, в том числе и высокого ранга, непонятными [12, p. 123–141].

Насколько все плохо с уровнем журналистов, которые занимались Китаем, показывает биография автора рассмотренной статьи – Уолтера Салливана. Он специализировался на научных сюжетах, с середины 50-х готовил для NYT статьи о ракетных запусках, полярных экспедициях, открытиях в области химии, физики и геологии. В начале своей карьеры имея журналистское и естественно-научное образование, был послан на двухгодичную командировку в Китай в качестве специального корреспондента [17, p. 1–4]. То есть новостные сводки из этой страны готовил человек далекий от китайской специфики и вообще вопросов политики и экономики.

Также в рассматриваемой статье обращает на себя внимание двухкратное употребление эпитета «красный(е)», что должно по смыслу и символически подчеркнуть агрессивность коммунистической экспансии.

Обращает на себя и фотография Мао Цзэдуна, использованная в статье, – немного нечеткое изображение молодого Мао в форме, судя по виду двадцатых годов. Это тоже подчеркивает для исследователей, насколько Китай был малопонятен и не изучен в Штатах в то время.

Похожим образом выстроена статья и в другом издании общеамериканского значения – «Los Angeles Times». 1 октября 1949 г. на первой полосе вышла статья под заголовком «Красное правительство в Китае! Мао во главе, Чжоу – премьер» и подзаголовком «Новый союзник для Москвы». В целом текст мало чем отличается по смыслу от публикации NYT. Также очень скупо говорится о создании нового правительства. Всячески опускается главный итог произошедшего – появление на карте нового коммунистического государства. Вместо этого после двух абзацев о формировании правительства еще два маленьких абзаца о помощи, оказанной СССР китайским коммунистам, и перспективах сближения двух стран, которые явно видятся американским журналистам неприятными для влияния Вашингтона на дела в азиатско-тихоокеанском регионе. Имеется и фотография Мао Цзэдуна, опять плохого качества и явно старая. Это еще раз подчеркивает плохую осведомленность СМИ США о персоналиях нового государства [10].

Похожим образом выстроена и публикация в американской версии газеты Financial Times, главное издание в области экономики и финансов вышло с заметкой под заголовком «Красное правительство в Пекине». Эта публикация также довольно короткая. Довольно скупо сообщается о прошедшей церемонии, буквально парой предложений охарактеризованы два главных лидера – Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, отсутствуют фотографии. Заметным отличием является большее внимание к экономической помощи от Советского союза, а также выводы о том, что новое правительство долгое время будет в политической зависимости от этих поставок, поскольку необходимо много ресурсов для восстановления страны и ее промышленности. С учетом специфики газеты, подобное внимание неудивительно, однако опять заметно игнорирование самого факта появления на карте нового государства. Ничего не сказано о крахе Китайской республики и начале отступления на Тайвань. Скептическое отношение к новому руководству выражено в таких фразах, как «если новое правительство окажется стойким…» и «если новые лидеры смогут удержать власть», это показывает, что у американских СМИ либо не было полного понимания «потери Китая», либо они намеренно нивелируют успехи КПК, давая понять: коммунистическое государство – временная трудность [6].

Обращает на себя внимание временной разброс статей. Если крупные общефедеральные издания среагировали уже 1 октября, то провинциальная пресса сообщила о появлении нового государства на карте лишь 2–3 октября. Тематически реакцию прессы можно разделить на следующие кейсы: 1) Появление нового государства с минимальным акцентом на самом факте, роль Москвы в его создании; 2) Реакция ближайших союзников/противников или просто других государств на создание Китайской народной республики.

Первый кейс чаще встречается в центральных изданиях или очень крупных локальных СМИ. В качестве примера здесь можно привести публикацию газеты «The Pittsburgh Press» от 1 октября 1949 г. Под большим заголовком «Китайские красные установили народную республику» и не менее выразительным подзаголовком «Совет назвал Чжоу премьером, Мао – президентом» расположена статья, кратко сообщающая, что в Китае прошел гигантский митинг, посвященный основанию нового государства. В торжественной обстановке был поднят флаг Китайской Народной Республики. Было объявлено, что Мао Цзэдун (написано с ошибками) возглавит новое государство, а премьером при нем будет Чжоу Эньлай (также написано с ошибками). Статья является перепечаткой из агентства «United Press», также в ней сообщается возраст нового лидера Китая – 56 лет, а также что он пришел к власти после двадцатиоднолетней борьбы за власть с генералиссимусом Чан Кайши, лидером партии «Гоминьдан». В данном случае авторы статьи прибегли к красивому приему, подчеркнув, что за власть Мао и коммунисты боролись 21 год, а провозглашение нового государства и речь его лидера заняли лишь 4 минуты. Также в статье обращается внимание на то, что конституция КНР была анонсирована за день до провозглашения и в ней четко прослеживается стремление КНР к тесному союзу с СССР и странами «народной демократии». Обращается внимание на то, что это уже третье правительство, встающее у руля после революции 1911 года. Также отмечено,

что новое правительство состоит из 56 человек, среди которых вдова лидера китайской революции Сунь Ятсена [14]. Помимо этого на второй полосе газеты расположено еще несколько статей, тематически связанных с темой основания КНР. Прямо под материалом о событиях в Пекине находится небольшая заметка под заголовком «китайская угроза американским путешественникам», в ней сообщается, что военные корабли националистов обстреляли американский фрейтер у Шанхая. Капитан корабля передал эту информацию в СМИ через А. Паттисона, представителя компании «Исбрандсен Лайн» (Нью-Йорк), который занимался выводом трех грузовых кораблей своей фирмы из портов Шанхая. Два из этих кораблей также подверглись обстрелу. Обращает на себя внимание точное указание пассажиров обоих кораблей – 153 человека экипажа и пассажиров на одном корабле (из них 137 – репатрианты в Корею), три американца и 5 британцев, на втором корабле 12 человек экипажа [14]. Обращает на себя внимание, что огонь по американским кораблям открыли вчерашние союзники – войска Гоминьдана, однако партия не называется, вместо этого звучит наименование «националисты», тем самым американская пресса, подхватившая общую для американского правительства тему с разочарованием в Гоминьдане, с одной стороны подхватывает повестку, а с другой – умело отделяет «хороших» китайцев от «плохих». Хорошие китайцы – члены партии Гоминьдан, а плохие – это коммунисты и националисты, и не важно, что эти условные «националисты» и есть гоминьдановцы. Вместе с тем обращает на себя внимание сам этот эпизод, поскольку еще 27 мая Шанхай был сдан войскам КПК [20, p. 62–77]. В связи с этим возникает вопрос о том, с кем столкнулись американские корабли. Хотя отдельные полубандитские группировки отбившихся от основных войск Гоминьдана солдат действовали и в Шанхае, и в других городах, они не были настолько мощными, чтобы попытаться захватить большие грузовые корабли [4, p. 559]. В данном случае либо журналисты не делают особой разницы между коммунистами и националистами, либо все же имело место столкновение именно с мощной группировкой остатков армии Гоминьдана. Самой интересной является последняя статья по китайской теме в этой газете. Под заголовком «Китайские места в ООН готовятся для красных» и подзаголовком «Россия готовится выгонять националистов» сообщается, что, именно СССР готовится поставить на голосование вопросы об исключении представителей Китайской республики из состава ООН и включении вместо них представителей КНР, кроме того, подчеркивается, что Москва сразу после провозглашения нового государства начала переговоры по обновлению русско-китайского договора и о мире и торговле. По мнению авторов статьи, это грозит серьезным усилением позиции Советского союза в Азии. Кроме того, сообщается, что только американская и британская делегация пытаются заступиться за представителей гоминьдановкого правительства. Однако ООН явно не стремится идти навстречу этим странам. Так, в повестке Генеральной ассамблеи ООН обвинения Китайской республики в адрес СССР стоят на пятом месте, то есть, по мнению журналистов, их рассмотрят в лучшем случае в конце ноября. К тому времени, если руководство Организации Объединенных наций не обратит внимания на позицию США и Англии, представители правительства Чан Кайши будут уже изгнаны [14]. Обращает на себя внимание довольно скептичный, если не сказать враждебный, тон статьи по отношению к ООН. Это не удивительно, поскольку, получив места Китайской республики в Совете безопасности в качестве постоянных членов, КНР, находящаяся в тесных отношениях с Москвой, значительно усилит советское влияние в этом органе и будет иметь право вето. В итоге американские и британские представители будут самыми деятельными противниками включения представителей коммунистического Китая в Совбез вместо Китайской Республики, лишь в 1971 г. Пекин с помощью Москвы и других государств Варшавского договора добьется своего [21, p. 1–2, 13].

«Toledo Blade» (шт. Огайо) продолжает тему с вытеснением Китайской Республики из ООН в статье с заголовком «Красные маневрируют, чтобы усадить китайских коммунистов в ООН». В основном этот материал от новостного агентства «United Press» копирует предыдущий, основное место уделено тому, что вся затея с образованием КНР нужна Москве, чтобы заместить в ООН (а впоследствии и в Совете безопасности этой организации) Китайскую республику. Заметным отличием здесь является внимание еще к двум вопросам, рассматриваемым мировым сообществом в это время. Первый из них о ситуации в Корее, кратко отмечается, что перемены в Китае станут большим подспорьем для корейских коммунистов. Еще один вопрос, на который обратил внимание автор статьи, – ситуация в Северной Африке, а именно вопрос нахождения иностранных войск в бывших колониях Италии. Советская делегация предлагала полностью освободить всю Северную Африку, включая Ливию от военных баз и

войск других стран. Однако эта позиция вызвала сомнения у Британии и, в меньшей степени, у США. Решение этого вопроса войдет в более активную стадию после выступления в ООН графа Сфорцы – министра иностранных дел Италии [18]. Общий тон статьи и интерес к другим проблемам международной жизни, в которых СССР заметно заявил свою позицию, должны создать у читателя довольно простую картину: «Русские вытесняют силы демократии по всему миру, в Китае, в ООН, в Корее, а теперь еще и продвигаются в Африку».

Короткая заметка на первой полосе мичиганской «Ludington Daily News» несколько выбивается из общего ряда публикаций 1 октября 1949 г. Под заголовком «Китайские препирательства объединяют "красных"» говорится о кризисе власти в Китайской республики, так действующий президент Ли Цзуньжэнь наложил вето на принятое парламентом решение о назначении генерала Танга Энпо губернатором г. Фукиен. Генерал проиграл множество боев, в том числе считается одним из ответственных за потерю Шанхая, но является близким и верным соратником Чан Кайши, а потому парламент, «почти полностью переметнувшийся к прежнему лидеру», собирается голосовать вновь для преодоления вето. В конце заметки говорится, что армия Китайской республики вытеснена почти из всех наиболее важных районов Китая, и только на севере провинции Квантун насчитывается до 30 000 солдат противника [11]. Хотя в статье ничего не говорится об основании КНР, факты о кризисе власти в гоминьдановском правительстве в общем контексте даты, когда о них написала пресса, явно подчеркивали провальность американской поддержки режима Чан Кайши.

Более предметно реагирует на появление КНР «St. Petersburg Times». В статье под заголовком «Китайские красные официально запустили новое правительство» сообщается о том, что днем ранее китайцы заявили о формировании нового правительства, во главе которого встал Чжоу Эньлай, а страну возглавил Мао Цзэдун. Отдельно акцентируется внимание на заявлении Мао на митинге о том, что его цель – всестороннее признание его правительства «единственным законным правительством Китая». Далее сообщается, что во время митинга Мао объявил о создании центрального народного правительства КНР. Отдельно в статье останавливаются на том, что трансляция митинга и всей церемонии велась «Associated Press» на их офис в Сан-Франциско. В самом конце заметки также останавливаются подробнее на фигуре Чжоу Эньлая, который назван «переговорщиком коммунистов № 1» во время миссии генерала Маршалла, стремившегося добиться совместной работы обеих главных партий Китая на восстановление страны в конце Второй мировой войны [16]. Также в этой газете повторяется история с американскими кораблями, атакованными «войсками националистов» [16].

Обращает на себя внимание интерес в этой статье к фигуре Чжоу Эньлая. Тот действительно был чуть больше знаком американскому правительству и дипломатам, в конце войны и в первые послевоенные годы он выступал представителем от КПК на переговорах с Китайской республикой, при участии США. Вместе с тем, когда появились разговоры о плане Маршалла, несмотря на его откровенно антикоммунистическую окраску, Чжоу Эньлай пытался добиться распространения этой программы на весь Китай. Впрочем, совершенно безуспешно [7, p. 90]. Тем не менее усилия Чжоу Эньлая не совсем прошли даром, и он стал «привычной и понятной» для США фигурой, в противовес окутанному долгое время ореолом различных легенд и слухов Мао. Стоит отметить, что подобное отношение не ускользнуло от «Великого Кормчего» и с течением времени стало одной из причин для разногласий и подозрительности в сложных отношениях двух лидеров коммунистического Китая [2, p. 52–56, 151–160, 258–263].

Практически идентичная, даже более короткая публикация по теме встречается в издании «Herald-Journal» от 2 октября. Коротенькая заметка под заголовком «Китайские красные объявили новое правительство». Находится заметка на первой полосе, повторяются пассажи о Чжоу Эньлае и Мао Цзэдуне. В данном случае эффект достигается общим настроением первой полосы. Дело в том, что вся она занята статьями, так или иначе показывающими нестабильность СССР и всего региона, считающегося его зоной влияния. Наибольшее место уделено на первой полосе статье о разногласиях с Югославией. Чуть меньше места занимает статья о конфликтах правительства Италии со своими коммунистами. Все вместе создает у читателя ощущение напряженности, но не безнадежности. Советский блок в этой газете видится, скорее, разрываемым на части конфликтами, нежели монолитным формированием [8]. Таким образом, мы видим, что пресса, стремясь преуменьшить негативный фон от появления нового недружественного США государства, сосредоточилась на конфликтах СССР со своими союзниками и в целом противостоянию коммунизму, однако, журналисты, делая акцент на отсутствии единства, во многом предугадали реальность. И если ситуация с Европой была для США

всегда понятнее, то вопрос отношений Москвы и Пекина долгое время был «темным лесом» для многих специалистов Госдепартамента. Так, лишь информация двойного агента Морриса Чайлдса о конфликтах двух «красных гигантов» способствовала сдвигам в позиции США в отношении КНР и, по мнению ряда экспертов, даже предопределила направления «политики разрядки» президента Ричарда Никсона, игравшего на противоречиях двух стран для достижения условного «мира» [1, с. 333–338].

Более подробную информацию о новом руководстве Китая мы можем встретить на страницах орегонской «Eugene Register-Guard». На первой полосе находится большая статья под заголовком «Красные объявили о китайском государстве» и подзаголовками «Новый режим ищет иностранного признания», «Премьер был назван на митинге». Внимание привлекает более акцентированное описание Чжоу Эньлая, которое находится под говорящим заглавием «Хорошо известный американцам». Заметным отличием этой публикации является указание на других членов правительства нового китайского государства – в частности, Ли Лисаня, который будет в разное время занимать в КПК посты заместителя председателя Всекитайской федерации профсоюзов, а позднее министра труда. В статье отмечается, что Ли Лисань «натренирован Москвой», имеет большой вес в партии и считается конкурентом и врагом Мао Цзэдуна [5].

Стоит отметить, что американская пресса во многом оказалась права, Ли Лисань действительно был крайне тесно связан с Советским союзом, в котором прожил почти 15 лет, получил образование и даже женат был на русской, был одним из основателей Коммунистической партии в Китае, являлся опытным специалистом в области пропаганды и идеологии, однако действительно несколько раз конфликтовал с Мао. Кроме того, «великий кормчий» в целом опасался всех «старых коммунистов» и их влияния. В годы Корейской войны подрывной опыт, полученный Ли Лисанем в 20–30-х и годы жизни в СССР, пригодился при поддержке Китаем Северной Кореи, в этот период он занимал пост генерального секретаря совета по противовоздушной обороне Китая. Уже в конце 50-х вновь вступил в конфликт с Мао на почве вопроса о статусе профсоюзов, которые Ли Лисань видел свободными организациями, а глава Китая считал частью государственной машины. Кроме того, в 1960 г. стал секретарем Северокитайского ЦК КПК. Всё это привело к началу травли Ли Лисаня хунвэйбинами в годы Культурной революции и его самоубийству [9, p. 3–45].

Кроме Ли Лисаня, также встречается упоминание Чжу Дэ, который назван наиболее близким соратником Мао Цзэдуна, указывается, что он возглавил армию новой республики, а также что он опытный военный и фактически вернулся к тому, чем занимался в годы Гражданской войны и борьбы с Японией. В конце статьи вновь подчеркивается указанное во время церемонии 1 октября стремление КПК стать единственным законным правительством в Китае [5].

Довольно похожей выглядит публикация в газете «Youngstown Vindicator» (шт. Огайо) под заголовком «Красные объявили республику на китайских территориях». Во многом текст похож на предыдущую рассмотренную публикацию. Также акцент делается на Чжоу Эньлае, Ли Лисане и Чжу Дэ. Определенные отличия имеются в конце статьи под заглавием «русские во главе», где подчеркивается, что СССР активно помогал китайским коммунистам. С самого начала стремился к срыву договоренностей между Гоминьданом и КПК и в целом подрывал стабильность Китая. По мнению авторов, тем самым ослабленный Китай с новым правительством на долгое время окажутся в сильной зависимости от поставок продовольствия и других материалов из Москвы [22].

Эта информация показывает, что при обилии проблем с пониманием ситуации в Китае отдельные авторы крупнейших информационных агентств имели определенное представление о расстановке сил и особенностях нового китайского правительства. Это видно из достаточно верной и местами детальной информации о лидерах КПК.

Второй кейс больше распространен в более мелких газетах провинциального толка. Например, газета «Reading Eagle» округа Берк (шт. Пенсильвания) сообщила о создании КНР лишь 3 октября 1949. На первой полосе расположена заметка под заголовком «Китайские красные могут получить признание от британцев» и подзаголовком «Признание нового коммунистического режима зависит от позиции США». Статья является перепечаткой материала агентства «United Press». Сам текст статьи сообщает, что Британия пока не приняла окончательного решения по вопросу признания КНР. Источник автора статьи в Форин-офисе сообщает, что Великобритания выжидает реакции США, чтобы на основе этого выработать свою ли-

нию поведения. Кроме того, подчеркивается, что, кроме Америки, британское правительство интересует реакция и других стран-союзников по Атлантическому договору. В конце статьи сообщается, что Кремль признал КНР буквально на следующий день и то же самое следует ожидать от стран Восточной Европы [15]. В середине текста статьи находится вставка, озаглавленная «Националисты разрывают отношения с Советами». В тексте вставки сообщается, что признание КНР и начало переговоров между правительством КНР и СССР расценивается националистами как акт агрессии, поэтому с Советским союзом разорваны все отношения [15].

Обращают на себя внимание сразу несколько моментов: во-первых, акцент на том, что Лондон ждет реакции Вашингтона. То есть «Великая держава» Англия не смеет ступить и шагу без оглядки на решения Вашингтона. Такой акцент должен был подчеркнуть главенствующую роль Соединенных Штатов в новом, послевоенном мире и сгладить неприятные ощущения читателей от появления нового потенциального противника. Во-вторых, дважды в тексте статьи даются указания на Атлантический договор, то есть журналисты всячески подчеркивают важность новорожденного НАТО как союза демократий во главе с США. В-третьих, НАТО противопоставляется Коминформу, в который входят Советский союз и страны Восточной Европы, оказавшиеся в сфере влияние СССР. То есть для простого читателя создается очень простая дуалистичная картина мира, лежащая в логике разгорающейся Холодной войны: есть «плохие» (Коминформ во главе с СССР) и «хорошие» (НАТО во главе с США). В полку «плохих» прибыло, и «хорошие» думают, что делать дальше.

Из этой простой формулы несколько выбивается информация о реакции правительства Китайской Республики, которое по мере все более усиливающегося разочарования Штатов активно критиковали в прессе. Даже именование «националисты» вместо «Гоминьдан» или просто «правительство Китайской Республики» с учетом свежей в обществе памяти об опасности крайних проявлений национализма явно подчеркивало, что Китайская Республика плохие союзники, не оправдавшие доверия Америки. Впрочем, такая реакция лежит в рамках тренда, сложившегося на последних этапах Гражданской войны в Китае.

В целом всё вышесказанное прекрасно подтверждается исследованиями американо-китайских отношений. Образование НАТО потребовало от США активнее напомнить обществу о реалиях Холодной войны и той цели, с которой была создана новая организация. Поэтому «дуальная логика» противостояния с СССР, и без того сильная в американском обществе и СМИ, получила новый импульс [3, p. 86–91]. Обращение к исследованиям истории Китайской республики и отношений США с ней показывают, что октябрь 1949 г. стал, по сути, низшей точкой в отношениях двух государств, глубокое разочарование Вашингтона в «союзниках», в помощь которым было вложено много сил и средств, граничило с таким же неприятием, которое сразу установилось в отношении КНР [19, p. 13–31].

Подводя итоги, можно сказать, что за период с 1 по 3 октября 1949 года реакция, тематика и общий тон статей американской прессы о создании КНР несколько раз менялись. Наиболее оперативно среагировали крупные издания преимущественно общефедерального значения. Поскольку основание нового китайского государства пришлось на субботу, а также из-за разницы во времени больше всего статей пришлось на понедельник (3 октября). В статьях от 1 октября заметен акцент на роли Советского союза и личности Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, которому уделено явно больше внимания, при этом сам факт появления недружественного коммунистического государства всячески нивелируется и преуменьшается, больше сообщается о роли Москвы в помощи китайским коммунистам. Заметны первые робкие попытки осмыслить происходящее с точки зрения геополитических интересов США в регионе. В статьях этого дня бросается в глаза явный недостаток информации о лидерах коммунистов, используются старые фотографии Мао плохого качества.

Многие из тех стереотипов восприятия и трендов в освящении китайской темы станут на долгое время системообразующими в выстраивании образа КНР, а потому, к примеру, не позволят долгое время понять самостоятельность позиции и взглядов нового Китая в отношениях с СССР и остальным миром.

Список литературы

1. *Левин Я. А.* Операция «Соло» в архивах ФБР // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность : материалы XX Всероссийской научной конференции. 2017.

2. *Barnouin B., Yu C.* Zhou Enlai: A Political Life. Hong Kong, 2007.

3. *Bernhard N.* U. S. Television News and Cold War Propaganda, 1947–1960. Cambridge (UK), 1999.

4. *Claudín F.* The Communist movement: from Comintern to Cominform. N. Y., 1975.
5. Eugene Register-Guard. 1949.10.02. P. 1.
6. Financial Times. 1949.10.01. P.2.
7. *Hawes G.* The Marshall Plan for China: Economic Cooperation Administration 1948–1949. N. Y., 1976.
8. Herald-Journal. 1949.10.02. P. 1.
9. *Lescot P.* Before Mao: The Untold Story of Li Lisan and the Creation of Communist China. N. Y., 2004.
10. The Los Angeles Times. 1949.10.01. P. 1.
11. Ludington Daily News. 1949.10.01. P. 1.
12. *Newman R. P.* Owen Lattimore and the "Loss" of China. Berkeley (CA), 1992.
13. The New York Times. 1949.10.01. P. 1.
14. The Pittsburgh Press. 1949.10.01. P. 2.
15. Reading Eagle. 1949.10.03. P. 1.
16. St. Petersburg Times. 1949.10.02. P. 3.
17. *Sullivan W. S.* Continents in Motion. N. Y., 1974.
18. The Toledo Blade. 1949.10.01. P. 2.
19. The United States and the Republic of China: Democratic Friends, Strategic Allies, and Economic Partners / Ed. by Mosher S. W. New Brunswick (NJ), 2007.
20. *Wasserstrom J. N.* Global Shanghai, 1850–2010: A History in Fragments. N. Y., 2009.
21. *Wuthnow J.* Chinese Diplomacy and the UN Security Council: Beyond the Veto. N. Y., 2013.
22. Youngstown Vindicator. 1949.10.02. P. 2.

The founding of the People's Republic of China in the assessments of the American press

Ya. A. Levin[1], S. O. Buranok[2], P. D. Tokmakova[3]
[1]PhD in Historical Sciences, junior researcher of the Department of General History, Law and Teaching Methods, Samara State Socio-Pedagogical University. Russia, Samara. E-mail: yaroslavlevin1992@mail.ru
[2]Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of General History, Law and Teaching Methods, Samara State Socio-Pedagogical University. Russia, Samara. E-mail: witch-king-1@mail.ru
[3]student of the Department of General History, Law and Teaching Methods, Samara State Socio-Pedagogical University. Russia, Samara. E-mail: tokmakovapolya@mail.ru

Abstract: October 1, 1949 is in many ways a turning point in the history of the Cold War and international relations of the second half of the XX century. The day of the foundation of the new communist state was one of the first really high-profile failures for US foreign policy. Within the framework of this study, the reaction of the American periodical press to such an important event is traced. Based on the facts and materials presented in the article, several important conclusions can be drawn: first of all, the press tried in every possible way to neutralize the effect for its own citizens from the appearance on the map of a new, clearly unfriendly state entity. At the same time, the appearance of another communist regime actively fits into the "dual logic" of the confrontation with the USSR, whose role is seen by journalists as decisive, and the changes associated with the change of the political map of the world are primarily evaluated from the point of view of "strengthening" the main enemy of the United States. Interesting points also seem to be the skeptical, if not frankly unfriendly attitude shown in the press towards the UN, in which the new state will have to take a certain place. Also, the material of newspaper articles allows us to draw conclusions about the quality of the existing understanding of the situation in China in the United States, which, despite all the efforts of American diplomacy at the media level, was extremely low. In addition, the change in the assessments of the Kuomintang Party and the leadership of the Republic of China in general is openly manifested, they become relatively rare and always with a clear tinge of disappointment. Thus, it can be concluded that the assessments of the American press, which actively influences public opinion, and therefore the decision-making mechanisms in the United States, have seriously affected the general perception of the PRC and those stereotypes that will prevail in the mass consciousness for a long period of time.

Keywords: US press, public opinion, China, the civil war in China, Mao Zedong, the USSR.

References

1. *Levin Ya. A. Operation "Solo" in the archives of the FBI* [Operation "Solo" in the archives of the FBI] // *Historical readings on the Lubyanka. Domestic security agencies: history and modernity : materials of the XX All-Russian Scientific Conference* – Historical readings on the Lubyanka. Domestic security agencies: history and modernity : materials of the XX All-Russian Scientific Conference. 2017.
2. *Barnouin B., Yu C.* Zhou Enlai: A Political Life. Hong Kong. 2007.

3. *Bernhard N.* U. S. Television News and Cold War Propaganda. 1947–1960. Cambridge (UK), 1999.
4. *Claudín F.* The Communist movement: from Comintern to Cominform. N. Y., 1975.
5. Eugene Register-Guard. 1949.10.02. P. 1.
6. Financial Times. 1949.10.01. P. 2.
7. *Hawes G.* The Marshall Plan for China: Economic Cooperation Administration 1948–1949. N. Y., 1976.
8. Herald-Journal. 1949.10.02. P. 1.
9. *Lescot P.* Before Mao: The Untold Story of Li Lisan and the Creation of Communist China. N. Y., 2004.
10. The Los Angeles Times. 1949.10.01. P. 1.
11. Ludington Daily News. 1949.10.01. P. 1.
12. *Newman R. P.* Owen Lattimore and the "Loss" of China. Berkeley (CA), 1992.
13. The New York Times. 1949.10.01. P. 1.
14. The Pittsburgh Press. 1949.10.01. P. 2.
15. Reading Eagle. 1949.10.03. P. 1.
16. St. Petersburg Times. 1949.10.02. P. 3.
17. *Sullivan W. S.* Continents in Motion. N. Y., 1974.
18. The Toledo Blade. 1949.10.01. P. 2.
19. The United States and the Republic of China: Democratic Friends, Strategic Allies, and Economic Partners / Ed. by Mosher S. W. New Brunswick (NJ), 2007.
20. *Wasserstrom J. N.* Global Shanghai, 1850–2010: A History in Fragments. N. Y., 2009.
21. *Wuthnow J.* Chinese Diplomacy and the UN Security Council: Beyond the Veto. N. Y., 2013.
22. Youngstown Vindicator. 1949.10.02. P. 2.

УДК93/99(4/9) DOI: 10.25730/VSU.2070.21.021

Стратегия «распространения демократии» во внешней политике США второй половины XX века: научные подходы, течения, оценки

С. Н. Белевцева
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Курский государственный университет.
Россия, г. Курск. ORCID: 0000-0002-1939-4623. E-mail: SNBelevtseva@yandex.ru

Аннотация. Настоящее исследование актуально ввиду того, что во внешней политике США до настоящего времени активно эксплуатируется стратегия «распространения демократии». Цель статьи – проследить в исторической ретроспективе второй половины XX века процессы развития научных подходов, течений, оценок американской стратегии «распространения демократии».

В статье рассматриваются вопросы: развития теории демократии, обоснования необходимости ее распространения в недемократические государства и сообщества, изменения подходов к практическому применению указанной стратегии. Для раскрытия темы исследовались соответствующие научные разработки американских (Х. Арендт, Г. Моргентау, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Ф. Закария, М. Хант, Б. Майров и др.) и, частично, российских (Э. Баталов, В. Согрин) ученых. Показано их влияние на истеблишмент и общественное мнение США. Особое внимание уделено: вопросам трансформации американских подходов к «распространению демократии» после Второй мировой войны; развитию теории и продвижению либеральной демократии в 1980–1990-е гг., ее трансформации из теории противостояния идеологий в проблематику столкновения цивилизаций; теории насильственного продвижения американской демократии и образа жизни в целом в другие страны и регионы мира. В качестве вывода по теме рассмотрен вопрос востребованности научных исследований и обоснований для реальной внешней политики Соединенных Штатов.

Статья может представлять интерес как для ученых-американистов, так и для преподавателей, студентов и других лиц, изучающих демократические процессы.

Ключевые слова: американская демократия, трансформация теории «распространения демократии», изучение демократических процессов, либеральная демократия, делиберативная демократия.

Американский ученый с мировым именем Сэмюэл Хантингтон справедливо отмечал, что «политические системы с демократическими характеристиками не являются исключительно приметой нашего времени» [13, с. 23], а имеют глубокие исторические корни.

Демократия для Соединенных Штатов Америки являлась и является системообразующим фактором построения государства и его поведения на международной арене. Еще Авраам Линкольн в своем «Геттисбергском обращении» 1863 года весьма точно определил основы демократического государственного управления на примере Америки. Американский политолог Роберт Даль в своей работе «Демократия и ее критики» указывает, что Линкольн был убежден, демократия «даст новое рождение свободе и правление, принадлежащее народу, осуществляемое народом и служащее народу, никогда не исчезнет с лица Земли» [6, с. 358].

Однако со времен образования США, теория демократии, ставшая стержнем американской государственности, претерпела изменения как в плане ее теоретического осмысления, так и в практике применения во внутригосударственных отношениях и, особенно, в американской внешней политике.

Американская борьба за демократию после окончания Второй мировой войны. Американская научная мысль еще в конце 1940-х гг. трансформировала теорию классовой борьбы капитализма и социализма в противостояние коммунистического и демократического образов жизни. При этом коммунистическая идеология обосновывалась американскими исследователями как тоталитарный режим. И главной стратегией США вплоть до середины 1980-х гг. была стратегия сдерживания коммунизма.

Отождествление коммунизма с тоталитаризмом получило свое обоснование в ряде работ американских ученых, среди которых выделяется книга Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма» [14]. Допуская, в каких-то смыслах, уравнивание тоталитарных режимов Гитлера и Сталина,

© Белевцева С. Н., 2021

Х. Арендт выступала за отрицание тоталитаризма как идеологии и формы государственного устройства вообще. В предисловии к первому изданию своей книги она писала: «Антисемитизм (не просто ненависть к евреям), империализм (не просто завоевание), тоталитаризм (не просто диктатура) один за другим, каждая идеология более варварская, чем предыдущая, продемонстрировали, что человеческое достоинство нуждается в новых гарантиях…» [1, с. 31].

Поиски нового «политического принципа» привели американских исследователей второй половины XX века к стратегии «распространения демократии». Но в 1950–1960-е гг. журналисты, политические обозреватели провозглашали необходимость переустройства мира по американскому образцу, не оставляя без внимания темы «американизма», миссионизма США и их глобальной роли во внешней политике. В первые годы «холодной войны» многие из них старались всячески подталкивать американское руководство к более активному противодействию коммунизму и противоборству с СССР, в котором видели противника демократических добродетелей. Так, в 1951 году ряд статей, предварительно публиковавшихся в чикагском журнале «Fortune», вошли в изданный в Нью-Йорке сборник «США: перманентная революция». Последняя глава этого издания была посвящена внешней политике. В вопросах ее формирования у США усматривался один главный не процедурный, а принципиальный вопрос – вопрос сосуществования. При этом именно возможность сосуществования двух различных общественно-политических систем и ставилась под сомнение. На собственно инициированный вопрос: «Должны ли мы рассматривать возможность того, что США и Советская Россия когда-либо смогут ужиться в одном мире?» [20, p. 239] – авторы памфлета давали более чем исчерпывающий ответ: «Единственная надежда выжить против такого врага – принять равносильное и встречно направленное решение против его существования» [20, p. 240]. При этом сразу же был выведен и смертельный враг Америки – международный коммунизм в виде слияния теоретической догмы и практической силы. И безапелляционно утверждалось: «Как они полны решимости уничтожить его [свободный мир], так и он [свободный мир] должен принять решение избавиться от них» [20, p. 240].

Так в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны подогревалась «холодная война».

Трансформация подходов к «распространению демократии» в 1960–1970 гг. Два десятилетия спустя после окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты не прекращали подготовку к новой войне, войне с СССР. Но постепенно реалии стали брать верх над амбициями. В США сформировалась школа «политического реализма». Ее признанный лидер Ганс Моргентау в своей работе «Новая внешняя политика для Соединенных Штатов» (1969) писал: «Перспектива ядерного распространения, включающая вовлечение крупных ядерных держав в ядерную войну против их воли, требует самых строгих правовых и политических защитных мер» [19, p. 7].

При этом Моргентау считал, что на рубеже 1960–1970-х гг. США растратили атакующий внешнеполитический потенциал, заложенный сразу после окончания Второй мировой войны. Он, в частности, указывал: «американская внешняя политика… в течение последнего десятилетия, или около того, базировалась на интеллектуальном капитале, который был накоплен в знаменитые пятнадцать недель весны 1947 года, когда стратегия сдерживания, доктрина Трумэна и план Маршалла сформировали новую американскую внешнюю политику, но этот капитал теперь почти исчерпан» [19, p. 1]. Требовался новый анализ проблем и путей их решения. Новая внешняя политика США, по мнению Моргентау, должна была иметь прежнюю направленность – против коммунизма во всех его проявлениях. Особое беспокойство американского политолога вызывала деятельность Советского Союза в третьем мире, где США, по его мнению, не уделяли достаточного внимания противодействию коммунистической идеологии. Моргентау ориентировал политический истеблишмент США на завоевание ведущих позиций во всем мире. «Вильсоновский глобализм, – как указывал Моргентау, – стремился донести добродетель американской демократии до остального мира. Современный глобализм пытается защитить добродетель “свободного мира” от заражения коммунизмом и создать мировой порядок, в котором эта добродетель имеет шанс процветать» [19, p. 16]. Г. Моргентау выражал уверенность, что Америка не станет искать для себя территориальных или иных преимуществ, а будет действовать, «проливая свою кровь и тратя свои богатства, для того, чтобы сделать мир безопасным для демократии, то есть позволить миру подражать Америке» [19, p. 82].

Указанное предположение Г. Моргентау о роли США в создании «мира безопасного для демократии» не вылилось в проливание крови за демократию. Что же касается «подражания Америке», то со второй половины 1980-х гг. двигаться в этом направлении остальному миру было не только позволено, но и однозначно рекомендовано самими США.

Либеральная демократия и внешняя политика США в конце XX века. Анализируя внешнюю политику Соединенных Штатов, ее установки на продвижение либеральной демократии, американский историк, профессор М. Х. Хант обращался к историческим корням этого процесса. В вышедшей в 1987 году книге «Идеология и внешняя политика США» М. Х. Хант указывал (и в этом он не был первым) на исключительность американской нации. Соглашаясь с утверждениями, что «анналы истории были наполнены теми, кто достиг величия и тем самым потерял свободу» [15, p. 42], профессор Хант противопоставляет всем этим историческим фактам особый статус и предназначение Америки и американцев. По его мнению, «одни и те же законы истории не могут управлять американцами, особым народом с уникальной судьбой» [15, p. 42].

Таким образом в начальный период «холодной войны» американские ученые стремились помочь своим политическим деятелям выработать подходы к оценке собственной демократической системы и распространению ее преимуществ, в коих эти исследователи не сомневались, во все уголки мира.

В конце XX века развитию собственно теории демократии посвящали свои труды многие историки и политологи. Наиболее активны в этом были американские исследователи. По мнению доктора исторических наук, профессора В. В. Согрина, для большого количества исследователей «тема американской демократии была, есть и будет классической и актуальной темой № 1» [9, с. 6]. При этом профессор Согрин уточняет, что «не все американские политологи считают США образцовой демократией…» [9, с. 6]. Согласно взглядам Согрина, в Соединенных Штатах «существуют четыре основные точки зрения на политическое управление и политический режим в США» [9, с. 6]:

- США – это образцовая демократия;
- политическое управление в США является олигархическим;
- политическое управление есть система политического плюрализма;
- демократия в США – это демократический элитизм.

Исследования американского научного сообщества сосредоточены более на трех последних вариантах, при том что первая точка зрения возведена в ранг национальной идеи. И хотя, по мнению В. В. Согрина, «среди серьезных политологов ее разделяют не многие» [9, с. 7], эта точка зрения востребована американской политической элитой, существует запрос на ее теоретическое обоснование и она является основой американской стратегии «распространения демократии». В конце XX века в связи с нарастанием третьей волны демократизации запрос на теоретическое обоснование преимуществ демократии американского типа только увеличился. И научное сообщество отвечало на него.

Вместе с тем в качестве примера альтернативных точек зрения на демократию по-американски, можно привести мнение американского профессора политологии Брюса Майрофа, который в 1993 году (год выхода американского издания) в своей книге «Лики демократии» акцентировал внимание общественности на олигархических и элитистских проявлениях в американском демократическом процессе. Он отмечал, что американское руководство относится к общественности (народу) «как к ничего не понимающей и переполненной эмоциями силе, которой надо управлять и манипулировать» [8, с. 419]. При этом профессор Майроф предупреждал: «Подбирая себе лидеров, американцы должны опасаться тех, кто приравнивает руководство к силе, господству и действенности. Приветствуя приход к власти сильных лидеров…, мы часто пренебрегаем теми компенсирующими качествами, которые должны уравновешивать силу. А ведь подобный баланс совершенно необходим, если мы добиваемся от руководства демократического эффекта» [8, с. 419]. Указанное в цитируемой мысли Майрофа «если» говорит о необязательности стремлений граждан США к преобразованию демократии в своей стране. Но при этом большинство американцев уверены, что их демократический пример нужен всему миру.

Вообще, как отмечал российский ученый-американист, доктор политических наук, профессор Э. Я. Баталов, для американца «демократия в сочетании с материальным благополучием и безопасностью – символ и воплощение счастья» [2, с. 371]. При этом «“человек с улицы”, – по

заключению Баталова, – мог и не объяснить, что такое демократия; он даже мог быть недоволен конкретным воплощением демократии в Соединенных Штатах; но он был твердо убежден (ему это внушили с младых ногтей), что демократия как таковая – благо…» [2, с. 372].

Вместе с тем большинство истеблишмента США всегда понимало неидеальность американской демократии. А в научном сообществе, по мнению профессора Э. Я. Баталова, «продолжают искать пути преодоления недугов, одолевающих современную американскую демократию и компенсации слабых сторон процедурной демократии посредством развития и внедрения в политическую практику так называемой *делиберативной демократии*, предлагающей *альтернативные представления о сути и назначении демократии, ее формах, механизмах реализации и целях*» [2, с. 266]. Подобный подход подтверждает и мнение В. В. Согрина о наличии в американской научной среде сторонников политического плюрализма.

Не ставя целью исследования оценку делиберативной (совещательной, дискурсивной) демократии, отметим лишь, что «лидирующую роль в развитии делиберативной демократии играют и ведущие позиции в ней занимают два направления, одно из которых опирается на видного американского философа Джана Ролза, автора “теории справедливости”, изложенной в одноименной книге…, а второе – на Юргена Хабермаса с его “теорией коммуникативного действия”» [2, с. 269]. Теоретики делиберативной демократии рассматривают процедуру делиберации (совещательности) как источник легитимности, в основе которого – плюрализм мнений.

Разработка теории демократии в конце XX века. Среди работ по теории демократии конца XX века выделяются труды уже упоминавшегося профессора С. Хантингтона, который внес значительный вклад в развитие общетеоретических основ демократии. Другой влиятельный американский политический аналитик, специалист по международным делам, доктор философии Фарид Закария определяет «широкое и идеалистическое значение демократии» (как и многие другие исследователи) как демократию либеральную. Но при этом Ф. Закария указывает, что либеральная демократия не есть единое целое: либерализм и демократизм – понятия разные. Они могут существовать как единые параметры общественного (государственного) устройства, так и обходиться друг без друга. По Ф. Закария, западная либеральная демократия – «это политическая система, которой присущи не только проведение свободных и справедливых выборов, но также верховенство закона, разделение ветвей власти и обеспечение базовых свобод… Однако, – по мнению Закария, – подобный “пучок” свобод – его можно назвать “конституционным либерализмом” – по сути дела не имеет ничего общего с демократией» [7, с. 6]. Конечно, в этом заключении речь идет о более общем определении демократии, как, к примеру, приведенное в начале статьи высказывание Авраама Линкольна. Демократия же американская, образца конца XX века, – суть демократия либеральная, которая составляет предмет гордости американцев и обязательной рекомендательности для других народов.

Особенности американской демократии исследовали как американские ученые [3], так и их коллеги за пределами Америки [5], в том числе в СССР и России [4].

Следует отметить, что во второй половине XX века сложилось целое направление научных исследований – демократология, которое в различных вариантах интерпретировало представление о демократии и обосновывало необходимость ее продвижения во все регионы мира. В этой связи профессор Баталов отмечал: «На протяжении XX века и особенно второй его половины происходило *расширение круга проблем*, исследуемых американскими демократологами, и *распространение сферы их интереса за пределы Соединенных Штатов*. Это было связано как с желанием американцев понять, что происходит в остальном мире, так и со стремлением осуществить миссию, которой они наделили самих себя: демократизировать недемократический мир» [2, с. 371].

Трудности с функционированием демократических принципов и институтов в собственной стране не останавливали США в деле исполнения той самой миссии по «распространению демократии» своего, американского, образца во все уголки мира.

В современном научном обороте (конца XX – начала XXI вв.) почти нет работ, в которых бы рассматривались варианты построения демократического общества, имея в виду осуществление демократии как власти народа. В большинстве работ рассматриваются варианты государственного демократического устройства по образцу стран западного мира и, в первую очередь, Соединенных Штатов Америки. Иными словами мировому сообществу в качестве

образца предлагается либеральная демократия, «победившая», по утверждению Фрэнсиса Фукуямы [10; 11], на рубеже 1980–1990-х гг.

Эта победа либеральной демократии была одержана в борьбе с главным соперником – коммунистической идеологией. Борьба этих двух систем-идеологий приобрела свои характерные черты с началом «холодной войны» и продолжалась до ее завершения. Отход СССР от коммунистической идеологии (идеологии социализма) позволил Ф. Фукуяме возвестить о конце истории, в том смысле, что у либеральной демократии не осталось врагов-конкурентов. Таким образом, со второй половины 1980-х гг. стратегия «распространения демократии» стала одним из ведущих направлений и обоснований американской внешней политики. Политики прагматичной, направленной на поддержание гегемонистских устремлений Соединенных Штатов.

Стратегия «распространения демократии» как обоснование агрессивной внешней политики США. На то, что американская политика «распространения демократии» прагматична и призвана на протяжении всего периода существования обслуживать национальные интересы США, указывал профессор М. Хант. О прагматичности американской стратегии «распространения демократии» говорят факты того, что сама стратегия постоянно подстраивалась под потребности международной деятельности. В частности, американской внешнеполитической элитой была сформулирована концепция «большого цикла». В соответствии с ней после Первой мировой войны «Соединенные Штаты продвигались к зрелой, напористой внешней политике в соответствии с национальными идеалами и растущей национальной силой» [15, p. 151]. Однако добровольный изоляционистский откат не позволил США укрепиться на лидирующей позиции в международных делах. Что в свою очередь способствовало развязыванию Второй мировой войны. Таким образом «теория большого цикла, вошедшая в моду, так же как американская политика, прошла через еще один пик военного времени и стала предостерегающей историей, указывающей на опасность еще одного провала. Отступление к изоляционизму после Второй мировой войны наверняка спровоцирует еще один глобальный конфликт» [15, p. 151], – писал Хант.

Но из Второй мировой войны США вышли не просто победителями, а государством с самой мощной экономикой, проверенными в боях вооруженными силами и ядерной бомбой. Теперь американская демократия преподносилась как образец для подражания. Американский истеблишмент уверовал сам и убеждал других, что агрессивность государств зависит от их политического устройства. Американской демократии присуще миролюбие, а недемократическим государствам (например, коммунистическим) – агрессивность. В частности, профессор Майкл Хант полагал: «Возможности установления мирного и свободного международного порядка зависят от внутреннего устройства государств, составляющих мировое сообщество. С одной стороны, такие демократии, как Соединенные Штаты, изначально миролюбивы, хотя и допускают ошибки… С другой стороны, недемократические государства, будь то коммунистические, фашистские или нацистские, могут быть проводниками курса на вражду и экспансию за рубежом, точно так же как они будут следовать репрессивной политике внутри страны» [15, p. 152]. Вывод Ханта был очевиден, требуется создание союза демократий, а недемократическим государствам следует изменять свой строй на демократический.

Концепция «распространения демократии» в новых политических условиях конца XX века использовалась для обоснования американской политики вмешательства в дела других государств, включая военные интервенции. Свое развитие концепция получила и в рамках геополитических устремлений США.

Геополитическая картина мира, по мнению профессора Ханта, напоминает шахматную доску: чем большую территорию контролирует какое-либо государство, тем надежнее его безопасность и тем слабее противник. Из чего Майкл Хант, оценивая ситуацию середины 1980-х гг., делает вывод: «В этом мире политики чистой силы завоевание всего земного шара представляется, наконец, реальной возможностью» [15, p. 152].

Начав свою книгу с исторического исследования внешней политики США и демократической идеологии, Майкл Хант заканчивает ее одобрением внешней политики президента Р. Рейгана, которая вела «к восстановлению американской власти и престижа и призывала страну уверенно противостоять коммунистическому противнику» [15, p. 187].

Профессор Хант уже в 1987 году предсказал: «Перевооружаясь массово, применяя экономическое и дипломатическое давление и активно вмешиваясь для оказания помощи “борцам за

свободу" во всем мире, Соединенные Штаты могут в конечном счете привести к краху неработоспособную, нестабильную и изначально ущербную коммунистическую систему» [15, p. 187].

Идеи Ханта были развиты американскими учеными и политиками, такими как З. Бжезинский, С. Хантингтон, Э. Лейк, и были востребованы при осуществлении реальной внешней политики Соединенных Штатов в 1980-х–1990-х гг. По мнению российского ученого-американиста Э. Я. Баталова, в этот период произошел всплеск процесса демократизации мирового сообщества по американскому образцу и под руководством США. В своей монографии «Проблема демократии в американской политической мысли XX века» он констатирует, что «в последнюю четверть века, когда на повестку дня был поставлен вопрос о глобальной демократизации, США стали еще активнее, чем прежде, позиционировать себя как образец для подражания, оплот мировой демократии» [2, с. 337].

Перестройка в СССР позволила Соединенным Штатам сосредоточить свои усилия на главном противнике – Советском Союзе, который под натиском американской стратегии «распространения демократии» постепенно сдавал свои коммунистические позиции.

Путь либеральной демократии от идеологического противоборства к столкновению цивилизаций. Сэмюэл Хантингтон, присоединивший в 1991 году свой голос к парадигме о том, что западная «демократическая волна приобрела глобальный масштаб» [18, p. 5], модернизировал эту теорию и выдвинул новую концепцию «Столкновения цивилизаций». По его мнению, «с окончанием "холодной войны" центральной осью становится взаимодействие западной и незападных цивилизаций. Столкновение цивилизаций – вот что будет определять в перспективе мировую политику» [17, pp. 22–23].

Ведущее место в своей цивилизационной концепции политолог отводил проблеме прав человека. В своей работе он противопоставлял Западную и иные цивилизации, сопоставляя их отношение к защите прав человека. По мнению С. Хантингтона, Запад и Япония весьма оберегают права человека; Латинская Америка, часть Африки, Россия, Индия защищают лишь некоторые из этих прав; Китай, многие азиатские страны и большинство мусульманских обществ в меньшей мере оберегают права человека [16, p. 186–188]. Знание цивилизационных различий, их учет в построении международных отношений могут позволить преодолевать возникающие барьеры, если использовать для этого универсальные межцивилизационные средства, одним из которых считалась универсалия демократического развития.

Поскольку именно США заявляют, что их главной целью на международной арене является защита и распространение ценностей демократии, такой подход, в сущности, создает основы для американизации всего остального мира. О возможности «распространения демократии» в государства с различными общественными системами утверждал немецкий философ и социолог профессор Хабермас. В своих работах он утверждал, что любое, даже «сложное общество также открыто такому фундаментальному демократизированию» [12, с. 51]. При этом Юрген Хабермас большое значение придавал теоретическому обоснованию демократических процессов и утверждал, что дефицит теории приводит к ситуации апории, когда логически верно выстроенные суждения, не будучи подкрепленными описывающей их теорией, не соответствуют реальным фактам и воплощениям.

Крупные американские ученые Фукуяма и Хантингтон, как и многие другие, при различиях в прогнозировании хода дальнейшего цивилизационного развития, в своих трудах однозначно представляли мир под руководством Соединенных Штатов. В подобных исследованиях, по мнению Э. Я. Баталова, «отдельные черты "текущего момента" (к тому же тенденциозно истолкованные) возводятся в ранг устойчивых стратегических тенденций, будто бы генерирующих новый мировой порядок и определяющих его долгосрочные характеристики» [2, с. 353]. Кроме того, без всяких оснований отбрасывались прежние научные концепции, свидетельствовавшие о том, «что время классических миросистемных структур, классических глобальных идеологий если и не миновало, то неотвратимо приближается к концу, – и, по утверждению Баталова, наступает эпоха *неклассических релятивистских миросистем и идеологий и соответствующих им миропорядков*, которые не укладываются в привычные идентификационные схемы…» [2, с. 354]. При этом в XXI веке, по мнению Э. Я. Баталова, система либеральных или неолиберальных ценностей будет утрачивать свое ведущее значение.

Кроме того, весьма существенной уже в конце XX века стала проблема отката демократический преобразований. По замечанию Фарида Закария, «…демократия в недавно обретших ее странах слишком часто превращается в бутафорию, вызывающую разочарования, беспорядки, насилие и новые формы тирании» [7, с. 7].

Образцова ли американская демократия? Не вызывает сомнения, что любая американская администрация второй половины XX века имела обоснование и поддержку своих действий по «распространению демократии» со стороны научного сообщества США. В полной ли мере использовались разработки отдельных ученых и целых «мозговых центров»? Ответ – не всегда. Американские президенты и члены их администраций использовали, как правило, те научные обоснования, которые подтверждали правильность уже принятых или вызревших решений. Такой подход порождал и особую группу исследований – по заказу правительственных кругов США. А в заказных исследованиях часто уже предполагался необходимый результат.

Разработки ученых по теории «распространения демократии» использовались не только для принятия решений американской администрацией, но и для формирования общественного мнения, как в самих США, так и за их пределами.

В концептуальных разработках стратегии «распространения демократии» теоретики США обосновывали правильность мироустройства лишь по американскому образцу. По их мнению, только Соединенные Штаты могли (и могут) указать миру путь развития. А суверенитет и самоопределение без учета американского опыта, вразрез со стратегическими устремлениями США, признавались шагами ошибочными. В сущности, таким образом обосновывалось право США на агрессивную внешнюю политику в соответствии со своими национальными интересами.

Не трудно заметить, что, когда мы слышим, к примеру, от американских политических деятелей, что в такой-то стране произошел откат демократии, иная страна лишь на пути к демократии, а где-то, несмотря на всеобщие выборы и разделение властей, демократии вообще нет, – это лишь означает, что в данном обществе, в данном государстве не скопирована американская модель либеральной демократии.

Вместе с тем события последних лет в самой Америке не позволяют согласиться с утверждением М. Ханта о том, что демократизация, именно по американскому образцу, избавляет от курса на враждебность и экспансии за рубежом, а также репрессий внутри своей страны. Современные внешняя и внутренняя политика США говорят об обратном.

Список литературы

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с.

2. *Баталов Э. Я.* Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). М. : Прогресс-Традиция, 2010. 376 с.

3. *Белевцева С. Н.* Американская историография о «распространении демократии»: цель и средство во внешней политике США 1980–1990-х гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2018. № 2 (46). URL: http://www.scientific-notes.ru/pdf/051-018.pdf.

4. *Белевцева С. Н.* США, Россия и либеральная демократия: российская историография 1992–1996 гг. // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 11. Курск : Курск. гос. ун-т, 2019. С. 293–304.

5. *Белевцева С. Н*. Развитие теории демократии в конце XX века: зарубежная историография // Вестник гуманитарного образования. Научный журнал. Киров, 2018. № 1. С. 53–63. URL: http://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/ВГО%202018/ВГО%201_2018/belevcevasn.pdf. DOI: 10.25730/VSU.2070.18.007.

6. *Даль Р*. Демократия и ее критики. М. : РОССПЭН, 2003. 576 с.

7. *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М. : Ладомир, 2004. 383 с.

8. *Майроф Б.* Лики демократии. Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы. М. : Весь мир, 2000. 480 с.

9. *Согрин В. В.* Новый взгляд на американских политических лидеров // Лики демократии. Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы / Б. Майроф. М. : Весь мир, 2000. С. 5–13.

10. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии, 1990. № 3. С. 84–118.

11. *Фукуяма Ф*. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2010. 588 с.

12. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М. : Academia, 1995. 256 с.

13. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.

14. *Arendt H*. The origins of totalitarianism. N. Y., 1951. 526 p.

15. *Hunt M. H.* Ideology and U.S. foreign policy. New Haven and London: Yale University Press, 2009. XIV, 237 p.

16. *Huntington S.* If not Civilizations, What? Paradigms of the Post-Cold War World // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 5. Pp. 186–194.

17. *Huntington S. P*. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. N. Y., 1993. Vol. 72. № 3. Pp. 22–49.
18. *Huntington S.* The third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman; L. University of Oklahoma Press, 1991. XVII, 366 p.
19. *Morgenthau H. J.* A new foreign policy for the United States. N. Y. : Frederick A. Praeger, 1969. 252 p.
20. USA: The Permanent Revolution / By the Editors of Fortune in collaboration with Russell W. Davenport. N. Y. : Prentice-Hall, 1951. XVII. 267 p.

The strategy of "spreading democracy" in the US foreign policy of the second half of the twentieth century: scientific approaches, trends, assessments

S. N. Belevtseva
PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of General History, Kursk State University.
Russia, Kursk. ORCID: 0000-0002-1939-4623. E-mail: SNBelevtseva@yandex.ru

Abstract. This study is relevant due to the fact that the strategy of "spreading democracy" has been actively exploited in US foreign policy to date. The purpose of the article is to trace in the historical retrospect of the second half of the XX century the processes of development of scientific approaches, trends, assessments of the American strategy of "spreading democracy".

The article deals with the following issues: the development of the theory of democracy, the justification of the need for its dissemination in non-democratic states and communities, changes in approaches to the practical application of this strategy. To reveal the topic, the corresponding scientific developments of the American (H. Arendt, G. Morgenthau, S. Huntington, F. Fukuyama, F. Zakaria, M. Hunt, B. Mayrov, etc.) and, in part, Russian (E. Batalov, V. Sogrin) scientists were studied. Their influence on the US establishment and public opinion is shown. Special attention is paid to: the transformation of American approaches to the "spread of democracy" after the Second World War; the development of the theory and promotion of liberal democracy in the 1980s and 1990s, its transformation from the theory of the confrontation of ideologies into the problems of the clash of civilizations; the theory of the violent promotion of American democracy and the way of life in general to other countries and regions of the world. As a conclusion on the topic, the question of the relevance of scientific research and justifications for the real foreign policy of the United States is considered.

The article may be of interest both for American scientists, as well as for teachers, students and other persons studying democratic processes.

Keywords: American democracy, transformation of the theory of "spreading democracy", study of democratic processes, liberal democracy, deliberative democracy.

References

1. *Arendt H. Istoki totalitarizma* [The origins of totalitarianism]. M. Tsentrkom. 1996. 672 p.
2. *Batalov E. Ya. Problema demokratii v amerikanskoj politicheskoj mysli XX veka (iz istorii politicheskoj filosofii sovremennosti)* [The problem of democracy in American political thought of the twentieth century (from the history of political philosophy of modernity)]. M. Progress-Tradiciya. 2010. 376 p.
3. *Belevtseva S. N. Amerikanskaya istoriografiya o "rasprostranenii demokratii": cel' i sredstvo vo vneshnej politike SShA 1980–1990-h gg.* [American historiography about the "spread of democracy": the goal and the means in the US foreign policy of the 1980s–1990s] // *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University. Kursk. 2018. No. 2 (46). Available at: http://www.scientific-notes.ru/pdf/051-018.pdf.
4. *Belevtseva S. N. SShA, Rossiya i liberal'naya demokratiya: rossijskaya istoriografiya 1992–1996 gg.* [USA, Russia and liberal democracy: Russian historiography 1992–1996] // *Amerikanistika: Aktual'nye podhody i sovremennye issledovaniya : mezhvuz. sb. nauch. tr.* – American Studies: Actual approaches and modern research : inter-university collection of scientific tr. Is. 11. Kursk. Kursk State University. 2019. Pp. 293–304.
5. *Belevtseva S. N. Razvitie teorii demokratii v konce XX veka: zarubezhnaya istoriografiya* [Development of the theory of democracy at the end of the twentieth century: foreign historiography] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. Nauchnyj zhurnal* – Herald of Humanitarian Education. Scientific journal. Kirov. 2018. No. 1. Pp. 53–63. Available at: http://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/ВГО%202018/ВГО%201_2018/belevcevasn.pdf. DOI: 10.25730/VSU. 2070.18.007.
6. *Dal' R. Demokratiya i ee kritiki* [Democracy and its critics]. M. ROSSPEN. 2003. 576 p.
7. *Zakariya F. Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SShA i za ih predelami* [The future of freedom: illiberal democracy in the USA and beyond]. M. Ladomir. 2004. 383 p.
8. *Mayrof B. Liki demokratii. Amerikanskie lidery: geroi, aristokraty, dissidenty, demokraty* [Faces of Democracy. American leaders: heroes, aristocrats, dissidents, democrats]. M. The Whole World. 2000. 480 p.

9. *Sogrin V. V. Novyj vzglyad na amerikanskih politicheskih liderov* [A new look at American political leaders] // *Liki demokratii. Amerikanskie lidery: geroi, aristokraty, dissidenty, demokraty* – Faces of Democracy. American leaders: heroes, aristocrats, dissidents, democrats / B. Mayrof. M. The Whole World. 2000. Pp. 5–13.

10. *Fukuyama F. Konec istorii?* [The end of history?] // *Voprosy filosofii* – Questions of Philosophy. 1990. No. 3. Pp. 84–118.

11. *Fukuyama F. Konec istorii i poslednij chelovek* [The end of history and the last man]. M. AST. 2010. 588 p.

12. *Habermas Yu. Demokratiya. Razum. Nravstvennost'. Moskovskie lekcii i interv'yu* [Democracy. The mind. Morality. Moscow lectures and interviews]. M. Academia. 1995. 256 p.

13. *Hantington S. Tret'ya volna. Demokratizaciya v konce XX veka* [The Third Wave. Democratization at the end of the XX century]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2003. 368 p.

14. *Arendt H*. The origins of totalitarianism. N. Y., 1951. 526 p.

15. *Hunt M. H.* Ideology and U. S. foreign policy. New Haven and London: Yale University Press, 2009. XIV, 237 p.

16. *Huntington S.* If not Civilizations, What? Paradigms of the Post-Cold War World // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 5. Pp. 186–194.

17. *Huntington S. P*. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. N. Y., 1993. Vol. 72. No. 3. Pp. 22–49.

18. *Huntington S.* The third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman; L. University of Oklahoma Press, 1991. XVII, 366 p.

19. *Morgenthau H. J.* A new foreign policy for the United States. N. Y. : Frederick A. Praeger, 1969. 252 p.

20. USA: The Permanent Revolution / By the Editors of Fortune in collaboration with Russell W. Davenport. N. Y. : Prentice-Hall, 1951. XVII. 267 p.

УДК940.53./54 DOI: 10.25730/VSU.2070.21.022

Адъютант коменданта Аушвица: неизвестные страницы из жизни оберштурмфюрера СС Карла Хекера

С. С. Ходячих
кандидат исторических наук.
Россия, г. Химки. ORCID: 0000-0002-8823-886X. E-mail: khodyachikh@gmail.com

Аннотация. В начале 2007 г. в распоряжении Мемориального музея Холокоста (г. Вашингтон, США) оказался уникальный документ – альбом с фотографиями, сделанными на территории концентрационного лагеря Аушвиц в период с мая по декабрь 1944 г. Его владельцем оказался оберштурмфюрер СС Карл-Фридрих Хекер, который с мая 1944 г. по январь 1945 г. служил адъютантом последнего коменданта Аушвица Рихарда Баера. В статье анализируется содержимое фотоальбома Карла Хекера, при этом основной упор делается на исследовании деятельности Хекера в концлагере Аушвиц. Привлекаются нарративные, документальные и фотодокументальные источники, на основании которых делается вывод о личности адъютанта Рихарда Баера, его моральных установках и профессиональных качествах. Приводятся выдержки из воспоминаний первого коменданта Аушвица Рудольфа Хесса, в которых описываются функции адъютанта, а также свидетельства коллег Хекера по работе в Аушвице. Проанализирована дальнейшая судьба Карла Хекера, его повторные аресты в 1963 г. и 1989 г. Отмечается, что именно Хекер является одним из самых ярких выразителей нацистской системы ценностей, для которой характерно разделение людей на сверхчеловека и недочеловеков. В целях увековечивания памяти об аушвицких днях Хекер решил создать фотоальбом, который не только зафиксировал безмятежную и наполненную событиями жизнь эсэсовцев в самом страшном немецком нацистском концлагере, но и стал важнейшим источником по истории Второй мировой войны, что позволяет лучше изучить повседневный быт лагерной администрации.

Ключевые слова: Карл Хекер, концентрационный лагерь Аушвиц, Вторая мировая война, история Польши, история Германии.

Исследователи, занимающиеся изучением проблем Холокоста в целом и концентрационных лагерей в частности, неизбежно сталкиваются с источниковедческими трудностями, которые обусловлены несоизмеримостью источников. С одной стороны, в распоряжении историков имеется огромное число доступной документации, содержащей типовые сведения (нарративные, документальные, юридические, статистические источники). С другой стороны, по справедливому замечанию современного немецкого историка Н. Вахсмана, этих данных «все равно недостаточно» [27, p. 19], так как зачастую именно официальные материалы ввиду своей массовости вытесняют в научных работах другие виды исторических источников, к которым, в частности, относятся кинофотодокументы. Именно фотодокументы ввиду своей малочисленности являются довольно редким, а потому особенно ценным видом источников по проблематике концлагерей. При этом они имеют высокую «доказательную» значимость, так как визуально показывают причастность к преступлениям против человечества не только лидеров нацистской партии, членов СС, СА и гестапо, но и простых военнослужащих вермахта, что позволяет говорить об этом виде исторических источников как о «культуроведческом феномене» [3, с. 86].

Фотодокументы являются важнейшим источником по истории лагерной повседневности, однако до наших дней дошли лишь несколько альбомов, чьи авторы (главным образом, эсэсовцы) делали фотографии для личных целей. В XXI в. у историков появилась уникальная возможность полнее и подробнее изучить лагерный быт эсэсовцев, поскольку ученые обнаружили несколько десятков фотографий, сделанных представителями лагерной администрации. Последней на сегодняшний день подобной находкой являются обнародованные в начале 2020 г. немецкими историками альбомы с более чем 360 черно-белыми снимками, принадлежащими заместителю коменданта лагеря смерти Собибор Иоганну Ниману (62 из них были сделаны в Собиборе) [24] и позднее переданными в Мемориальный музей Холокоста (г. Вашингтон, США) его потомками. Пятью годами ранее вашингтонский музей получил коллекцию из 15 фотографий, на которых изображены главный врач Аушвица Эдуард Виртс и его

© Ходячих С. С., 2021

коллеги, в том числе во время их отдыха на близлежащем курорте, а также фотоальбом под названием «Войсковой госпиталь СС, построенный центральным руководством Ваффен-СС и полиции, Аушвиц 1944 г.», созданный с целью документирования строительства войскового госпиталя СС в концлагере Аушвиц-Биркенау [15].

Одним из самых известных альбомов с лагерными фотографиями является т. н. Фотоальбом Карла Хекера [25], который содержит 116 фото, сделанных на территории концентрационного лагеря Аушвиц в период с мая по декабрь 1944 г. оберштурмфюрером СС Карлом-Фридрихом Хекером, адъютантом последнего коменданта Аушвица Рихарда Баера[1]. С 2007 г. фотоальбом хранится в Мемориальном музее Холокоста, куда попал по счастливому стечению обстоятельств. В декабре 2006 г. сотрудница музея Ребекка Эрбелдинг получила письмо, в котором адресант, пожелавший остаться неизвестным, сообщал, что хотел бы «дать музею Холокоста возможность посмотреть некоторые фотографии времен Второй мировой войны» [26, p. 73], находящиеся в его распоряжении. Уже в январе 2007 г. на рабочем столе Эрбелдинг лежал пакет в пузырчатой упаковке, внутри которого находился фотоальбом более чем со ста фотографиями, сделанными на территории концлагеря Аушвиц. Сотрудники музея сразу же оценили важность этой находки и приступили к его детальному изучению.

В ходе исследования фотоальбома прояснилась история его происхождения. По косвенным признакам историкам Мемориального музея Холокоста удалось установить, что альбом принадлежал Карлу-Фридриху Готлибу Хекеру, который в период с мая 1944 г. по январь 1945 г. занимал должность адъютанта коменданта концлагеря Аушвиц Рихарда Баера. Это был личный альбом, и Хекер вел его исключительно для себя, поэтому на его страницах ни разу не встречается фамилия его автора. Альбом оказался в США, по большому счету, случайно. После окончания Второй мировой войны он находился во Франкфурте, где его в одной из заброшенных квартир обнаружил офицер контрразведки американской армии. Вернувшись в США, этот военный получил работу в правительстве и жил с семьей в штате Вирджиния. В 2006 г. при разборе своих вещей отставной подполковник обнаружил забытый фотоальбом и решил передать его в дар вашингтонскому музею Холокоста [28]. Так Фотоальбом Хекера окончательно обрел свое пристанище и стал одной из самых значимых единиц хранения Мемориального музея Холокоста.

За последние полтора десятилетия историки досконально изучили фотоальбом Карла Хекера, по итогам этих изысканий вышло несколько научных статей [10; 11; 12] и коллективных монографий (в них в том числе были представлены фото из коллекции Хекера) [14; 17; 22], в которых главный упор делался именно на фотографиях, тогда как деятельность Хекера во время Второй мировой войны словно выпала из исследовательского дискурса ученых (имеется лишь несколько работ, затрагивающих послевоенную жизнь бывшего адъютанта коменданта Аушвица и его участие в судебных процессах [11; 19, s. 213, 223–224; 20, s. 43–48; 29, p. 131–135, 201–248]). Данная статья призвана заполнить эту лакуну, ее цель – максимально подробно изучить аушвицкий период жизни Хекера на основе различных источников.

Источниковую базу исследования составляет комплекс нарративных документов (опубликованных и неопубликованных) [5–7], также привлекаются показания бывших узников Аушвица на процессах против нацистских преступников [30; 31], воспоминания первого коменданта концлагеря Аушвиц Рудольфа Хесса [18] и материалы Второго Освенцимского процесса [9], содержащие важные сведения о личности Карла Хекера и его деятельности в лагере. Большое значение имеют фотодокументальные материалы, а именно Фотоальбом Карла Хекера [25], позволяющий посмотреть на жизнь Аушвица «изнутри», глазами самих эсэсовцев.

Личность Карла Хекера представляет значительный интерес, причем не столько в контексте изучения его знаменитого фотоальбома, сколько в разрезе занимаемой им лагерной должности, а именно осуществляемых им функций в Аушвице. Карл-Фридрих Хекер родился в семье рабочего-каменщика 11 декабря 1911 г. в небольшом немецком городке Энгерсхаузен (Провинция Вестфалия) и был младшим из шести сыновей. Его отец погиб в бою во время Первой мировой войны, и все семейные тяготы, включая работу на ферме и ведение домашнего хозяйства, легли на мать Карла. Окончив начальную школу в 1926 г., Хекер получил об-

[1] Не менее известным фотоальбомом с изображениями Аушвица, в том числе узников концлагеря, является т. н. фотоальбом Лили Якоб, бывшей заключенной Аушвица, которая обнаружила его в одном из опустевших бараков концлагеря Дора-Миттельбау в 1945 г. В 1980 г. Якоб передала альбом израильскому национальному мемориалу Холокоста Яд Вашем, который хранится там по сей день.

разование банковского кассира и работал в банке в Люббекке, однако осенью 1930 г. был уволен. После прихода Гитлера к власти поддержал политику национал-социалистов, вследствие чего в октябре 1933 г. вступил в СС (удостоверение № 182961), а в мае 1937 г. стал членом НСДАП (партийный билет № 4444757) [5; 8]. В том же году он женился, в 1939 г. у него родилась дочь, а в 1944 г. – сын. В начале Второй мировой войны Хекер вступил в 9-й пехотный полк СС, базировавшийся в Данциге, после чего в 1940 г. получил назначение в концлагерь Нойенгамме, где выполнял функции адъютанта коменданта. На протяжении следующих нескольких лет он занимал административные должности в различных концентрационных лагерях Третьего Рейха. В Нойенгамме Хекер зарекомендовал себя как ответственный и исполнительный управленец, и в 1942 г. комендант лагеря Мартин Готфрид Вайс забрал его сначала в рабочий лагерь Арбайтсдорф, а затем в ноябре 1943 г. – в Майданек, где Хекер продолжил служить адъютантом. В Майданеке Хекер отвечал за доставку в лагерь отравляющего вещества «Циклон Б» из Гамбурга, что впоследствии ему будет вменено в вину [7].

11 мая 1944 г. комендантом концлагеря Аушвиц стал штурмбанфюрер СС Рихард Баер, который назначил себе в адъютанты Карла Хекера. С ноября 1942 г. по май 1944 г. Баер сам служил на аналогичной должности у начальника Главного административно-хозяйственного управления СС обергруппенфюрера СС Освальда Поля, поэтому прекрасно знал основные обязанности адъютанта, его деловые качества и трудовую этику. По всей вероятности, выбор пал на Хекера не случайно: он получил хорошую характеристику от Вайса, который занимал далеко не последнее место в лагерной иерархии Третьего Рейха и к чьему мнению прислушивались. Так 32-летний Карл Хекер стал правой рукой коменданта самого крупного лагеря смерти в истории.

25 мая 1944 г. Хекер приступил к исполнению своих обязанностей в Аушвице. Пригодился накопленный ранее опыт, поэтому проблем на новом месте не возникло. Его главной задачей было следить за тем, чтобы все приказы коменданта лагеря четко исполнялись. Как фактический глава первого отдела лагерной администрации адъютант также отвечал за входящую и исходящую официальную корреспонденцию, включая конфиденциальные и секретные сообщения, подписывал от имени коменданта письма, имеющие отношение к смене лагерного штата СС, ставил подпись на пропусках для поездок по лагерным делам, решал многие другие административные, кадровые и технические вопросы, в том числе распоряжался о награждениях и продвижении по службе, следил за набором персонала в комендатуру. В отсутствие главы судебного отдела лагеря Хекер отвечал за исполнение его внутренних судебных постановлений и постановлений полицейских подразделений [8, p. 159–160], хотя по большому счету эти функции и так были закреплены за адъютантурой. По словам историка С. В. Аристова, «именно адъютант и его подчиненные координировали отправку в РСХА[2] и ИКЛ[3] запросов о наказаниях узников, а после согласования готовили приказы о приведении их в исполнение», он также «должен был заказывать составы, отвозившие заключенных к местам уничтожения, курировал деятельность руководителя крематория» [1, с. 64]. В целом, Хекер плотно работал с комендантом лагеря и был его первым помощником практически во всех делах.

Интересные подробности о функциях адъютанта коменданта концлагеря в своих воспоминаниях дал первый комендант Аушвица Рудольф Хесс. Находясь в краковской тюрьме, Хесс написал объемные мемуары, где упомянул и об организационной структуре концлагерей. Согласно классификации Хесса, в лагерной иерархии адъютант занимал следующую после коменданта должность в комендатуре, или первом отделе, и пользовался особым доверием своего начальника: «Он должен позаботиться о том, чтобы ни одно важное событие в лагере не осталось неизвестным коменданту. Адъютант является начальником всех младших офицеров и сотрудников комендатуры… Он также занимается дисциплинарными вопросами

[2] Главное управление имперской безопасности (от нем. RSHA – Reichssicherheitshauptamt) – руководящий орган политической разведки и полиции безопасности Третьего Рейха. Создано 27 сентября 1939 г. в результате объединения Главного управления полиции безопасности и службы безопасности (СД). Находилось в личном подчинении рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Генриха Гиммлера.

[3] Инспекция концентрационных лагерей и охранных подразделений СС (от нем. IKL – Inspektion der Konzentrationslager und Wachverbaende) – структура в бюрократическом аппарате нацистской Германии, координировавшая концлагерную систему Третьего Рейха. Ее возглавлял обергруппенфюрер СС Теодор Эйке.

и следит за исполнением наказаний. Все конфиденциальные вопросы решаются им лично, и он несет за них ответственность» [18, p. 211]. Также, по словам Хесса, в функции адъютанта входило обучение сотрудников комендатуры, идеологическое просвещение эсэсовцев, контроль за обеспечением комендатуры необходимым оборудованием, в том числе боевым оружием и боеприпасами, подготовка и своевременная подача автомобиля с водителем для коменданта, отслеживание его передвижения [18, p. 212]. Со всеми этими задачами Карл Хекер успешно справлялся, за что получил расположение Баера.

В обязанности Хекера также входил контроль за выполнением узниками своих трудовых обязанностей. Время от времени он навещал т. н. «Канаду» – склады для хранения одежды, располагавшиеся рядом с двумя крематориями, и наблюдал за работой женских групп. По воспоминаниям бывшей узницы Аушвица Антонины Венгерской (лагерный номер 18297), Хекер был «очень строгим начальником и заставлял нас непосильно работать, натравливал на нас свою собаку и бил кнутом» [30, s. 231]. Он отличался скрупулезностью и дотошностью, «проводил очень тщательные обыски с помощью немки-капо, и когда он нашел несколько спрятанных предметов на одном из заключенных, то сделал отчет, в результате которого заключенные отправились в штрафную роту и в бункер» [30, s. 231].

По словам некоторых узников Аушвица, Карл Хекер был жесток и скор на расправу, так как не терпел неисполнения приказов, неповиновения и срыва поставленных сроков. Упомянутая заключенная Антонина Венгерская приводит рассказ своих знакомых, работавших в «Канаде» в ночную смену, которые видели, как Хекер якобы убил какую-то еврейскую женщину за то, что она украла со складов золото. При этом неизвестно, на самом ли деле речь шла о золоте или узница просто хотела добыть себе еду. Также от других заключенных Венгерская узнала, что Хекер застрелил нескольких евреев. По ее словам, адъютант коменданта Аушвица сделал это «за срыв рабочего процесса – например, когда заключенный засыпал от усталости или прятался где-нибудь, чтобы отдохнуть» [30, s. 232]. Любил Хекер и издеваться над уставшими и изнуренными тяжелой работой узниками. Однажды в качестве развлечения он «организовал несколько очень утомительных “спортивных состязаний” для мужчин и женщин-заключенных из “Канады”, заставляя их совершать длительные пробежки и другие упражнения, такие как монотонные “лягушачьи прыжки”» [30, s. 232]. Таким образом, в глазах заключенных Хекер был жестокосердным человеком с четкими принципами, одним из многочисленных винтиков нацистской машины по уничтожению людей, которой чужды человеческие чувства, желания и страдания.

Несмотря на необходимость выполнения служебных обязанностей и большую «загруженность», у офицеров СС находилось достаточно времени для организации и проведения досуга, о чем можно судить по фотоальбому Хекера. Хекер любил отдохнуть с коллегами на природе [25, p. 3], часто играл со своей овчаркой по кличке Фаворит [25, p. 11–12], занимался приготовлением к Рождеству и украшал рождественскую елку [25, p. 7], угощал девушек черникой [25, p. 17], принимал участие в заседании местного общества охотников [25, p. 20–22]. В теплое время года эсэсовцы часто устраивали застолья на свежем воздухе [25, p. 24], а зимой охотились на кроликов [25, p. 25]. Одним словом, жили полноценной жизнью, хотя всего в нескольких километрах каждый день умирали тысячи заключенных Аушвица. Именно сосуществование альтернативных взглядов на реальность, параллельных миров – мира жизни, радости и изобилия и мира смерти, горя и страдания, которые окружали эсэсовцев и Хекера в частности, а также обыденность их действий в ужасающих условиях массового уничтожения людей больше всего поражает исследователей [12, p. 55–56]. В этом плане фотографии из альбома Карла Хекера наглядно показывают, как работало созданное нацистской пропагандой мировоззрение, в основе которого лежало разделение людей на сверхлюдей и недочеловеков: только немец по крови-сверхчеловек достоин жизни, тогда как все остальные осуждены на рабство и истребление [2, с. 94].

21 июня 1944 г. комендант главного лагеря Аушвиц I Рихард Баер и его адъютант Карл Хекер были повышены в звании. Баер стал штурмбанфюрером СС, Хекер – оберштурмфюрером СС. Это событие имело для Хекера большое значение, ведь именно совместная фотография с Баером, сделанная в эту дату, открывает его фотоальбом [25, p. 1]. В форме с новыми знаками различия СС Хекер изображен на второй странице альбома, где находятся два его портретных фото анфас [25, p. 2]. В этом звании он прослужит до конца Второй мировой войны.

В один из летних дней 1944 г. новоиспеченный оберштурмфюрер СС вместе с коллегами и девушками, работавшими в Аушвице стенографистками и машинистками, отправился на

отдых [25, p. 3]. Молодые люди радовались жизни, пели песни, улыбались, то есть вели себя так, как тысячи обычных немцев – их соотечественников. Эсэсовцы вообще любили и умели отдыхать. В фотоальбоме Хекера есть несколько фотографий, на которых изображен руководящий состав концлагерей Третьего Рейха, а также высший административный и медицинский персонал Аушвица во время поездки на небольшой курорт Солахютте [23], всего в 30 км к югу от Аушвица [25, p. 10, 13–16]. Эти фото имеют особую историческую ценность, поскольку показывают одних из главных нацистских преступников (Рудольф Хесс, Йозеф Менгеле, Рихард Баер и др.) вместе. По предположению Ребекки Эрбелдинг, совместная поездка высших эсэсовских чинов в Солахютте состоялась не позднее 29 июля 1944 г. и была посвящена отъезду из Аушвица оберштурмбанфюрера СС Рудольфа Хесса, который к тому моменту занимал должность инспектора концлагерей Третьего Рейха и приехал на несколько дней в свой бывший лагерь [12, p. 58]. Подчиненные хотели порадовать большого начальника, поэтому по случаю посещения Хессом Аушвица организовали ему торжественный прием, который завершился совместным отдыхом на элитном курорте. Любопытно, что право поехать в Солахютте получили в том числе рядовые эсэсовцы, которые исправно несли службу в Аушвице. Подобная практика не была редкостью. В «Хронике Аушвица» Данута Чех приводит пример, как 18 августа 1944 г. «рядовой СС Иоганн Антони и эсэсовец Ганс Картуш из 3-й Гвардейской роты Аушвица получили специальный восьмидневный отпуск в центр отдыха Солахютте в знак признания успешного применения ими в темноте оружия во время побега четверых заключенных» [13, p. 689–690]. Также известно, что в Солахютте любил отдыхать высший медицинский персонал Аушвица во главе с доктором Эдуардом Виртсом [15, p. 23–26].

Большим событием в лагере были различные праздники, особенно Рождество, к которому основательно готовились не только эсэсовцы, но и заключенные. В фотоальбоме Хекера имеется несколько фотографий, на которых он изображен за зажиганием праздничных огней на рождественской елке [25, p. 7]. Подробное описание того, как в Аушвице справляли последние в его истории сочельник и Рождество оставил бывший заключенный Ян Дзиопек (лагерный номер 5635) [31, s. 94–98]. Узники, имевшие доступ к лагерной кухне и зданию главного офиса, украсили свои рабочие комнаты и приготовили праздничный ужин. Дзиопек отмечает, что каждый год за неделю до Рождества в центре лагеря ставили большую рождественскую елку, на которой по вечерам горела дюжина лампочек. В каждом блоке была своя небольшая ель, которую заключенные украшали, исходя из имевшихся игрушек или сладостей. В честь Рождества лагерная администрация объявила о сокращении рабочего дня, поэтому после обеда узники могли заняться своими делами. Более того, лагерфюрер «запретил всем эсэсовцам входить в лагерь, поэтому заключенные делали, что хотели» [31, s. 98]. Многие понимали, что это последнее Рождество в Аушвице, поэтому пожелали друг другу всего хорошего, а после ужина в приподнятом настроении пели рождественские песни.

У администрации лагеря был свой праздник, и, судя по фотографиям из альбома, Карл Хекер принял в нем самое деятельное участие. Помимо украшения елки и зажигания огней, адъютант коменданта Аушвица, облаченный в парадный мундир, пил вино в окружении своих коллег, смеялся и фотографировался, при этом обращает на себя внимание тот факт, что на многих снимках он изображен один, то есть держит некую дистанцию с другими людьми. Поразительно, насколько жизнерадостными и неунывающими оставались нацисты, хотя многие из них осознавали, что до неминуемого конца и поражения Германии в войне осталось всего несколько месяцев. Тем не менее эсэсовцы по-прежнему развлекались и наслаждались происходящим в лагере, пусть Рождество 1944 г. и стало последним крупным праздничным событием в их аушвицкой жизни.

В январе 1945 г. по мере стремительного продвижения Красной Армии по территории Польши и ее приближения к Освенциму руководство Аушвица получило приказ отправить заключенных в другие концлагеря и эвакуироваться самим. Комендант Баер получил назначение в концлагерь Дора-Миттельбау, расположенный в нескольких километрах от тюрингского города Нордхаузен, куда отправился вместе со своим адъютантом. 11 апреля 1945 г. американские войска освободили Дора-Миттельбау, однако Хекера там уже не было – он бежал за несколько дней до прихода союзников в лагерь. Баер и Хекер последовали указанию рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера «спрятаться в армии», о чем позднее в мемуарах написал Рудольф Хесс [18, p. 178], согласно которому офицеры СС должны были внедряться в регулярные войска в надежде быть принятыми за обычных солдат. Последний адъютант коменданта Аушвица присоединился к боевому подразделению, которое было захвачено в северной Гер-

мании английскими войсками. Однако осужден он не был. После полутора лет в лагере для военнопленных Хекера освободили, так как по имевшимся у англичан описаниям он не подходил ни под одного нацистского преступника. Так автор знаменитого аушвицкого фотоальбома оказался на свободе.

В 1946 г. Карл Хекер вернулся в Энгерсхаузен, где воссоединился с семьей и стал работать в банке. Спустя шесть лет, в 1952 г., он обратился в прокуратуру округа Билефельд, где рассказал о своей причастности к службе в СС, вследствие чего был приговорен к девяти месяцам тюремного заключения, которое, впрочем, не отбыл – помог принятый в декабре 1949 г. т. н. «закон о безнаказанности» [16; 28]. Хекер продолжил банковскую службу, став главным кассиром регионального банка в Люббекке, а также занялся садоводством. Однако в начале 1960-х годов он вновь оказался в поле зрения западногерманских властей, вследствие чего прямо на рабочем месте был задержан полицией и доставлен во Франкфурт-на-Майне, где с 20 декабря 1963 г. по 19 августа 1965 г. проходил т. н. Второй Освенцимский процесс по делу бывших сотрудников концлагеря Аушвиц[4]. Хекер обвинялся в причастности к массовым убийствам в Аушвице, но его непосредственное участие в умерщвлении людей доказано не было [19, s. 223–224; 29, p. 225–226], хотя «адъютант не только был осведомлен об уничтожении узников, но и участвовал в подготовке этого процесса» [1, с. 64]. Некоторые историки и вовсе утверждают, что в 1944 г. Хекер лично отвечал за транспортировку венгерских евреев в Аушвиц и в этом качестве «он привел в действие машину по истреблению во время перевозки венгров» [4, p. 462]. В 1965 г. он был приговорен к семи годам заключения «за пособничество и подстрекательство к убийству 1000 человек как минимум в трех случаях» [29, p. 285], однако спустя пять лет досрочно вышел на свободу. После отбывания наказания Хекеру удалось восстановиться в банке в прежней должности, где он продолжил работать до выхода на пенсию.

На Втором Освенцимском процессе следует остановиться подробнее, так как его материалы содержат важные сведения об аушвицком периоде жизни Карла Хекера. По словам обвинителя, Хекер был «специалистом по уничтожению» и в Аушвиц он попал именно потому, что в отличие от Баера имел опыт управления концлагерем. Более того, адъютант коменданта был объявлен «правильным человеком», которого удалось найти в момент, когда вместе с Баером и Хессом нужно было «организовать совершенную машину убийства» [9, s. 175; 28]. И даже несмотря на свидетельские показания выживших узников Аушвица, которые отметили, что лично видели Хекера на аушвицком перроне во время селекции, оберштурмфюреру СС удалось выйти сухим из воды и получить минимальный срок.

В мае 1989 г. 77-летний Хекер вновь был заключен под стражу и приговорен к четырем годам тюрьмы за соучастие в массовых убийствах в концлагере Майданек в 1943 г., а именно за доставку в лагерь отравляющего газа «Циклон Б». После отбывания наказания он вернулся в Люббекке, где прожил до глубокой старости и скончался 30 января 2000 г. в возрасте 88 лет. Символично, что свои последние дни он провел в евангельском доме престарелых, а похоронен был и вовсе не под собственной фамилией, а под номером «259 b», как заключенные Аушвица, где он когда-то работал.

По словам одного из врачей, работавших в концлагере Аушвиц в 1944–1945 гг. и дававших показания на Втором Освенцимском процессе, Карл Хекер был тихим, одиноким и скромным человеком, который предпочитал одиночество и во время приемов пищи часто сидел один [28]. Он не был душой компании, главным злодеем или жестоким убийцей. Возможно, он даже лично не убил ни одного заключенного, однако поражает то, с какой педантичностью он исполнял свои лагерные обязанности и ни разу не усомнился в вышестоящем приказе [21, p. 137]. Именно эта банальность зла шокирует больше всего: сосуществование диаметрально противоположных, взаимоисключающих миров, где невольно переплетались жизнь и смерть, праздник и трагедия, наслаждение и горе, и стало доминантой лагерной жизни Хекера и других эсэсовцев. Вероятно, именно Хекера можно считать одним из самых ярких выразителем нацистской системы ценностей, и на основе его личности исследователи могут проследить паттерны поведения человека, обличенного властью, в экстремальных ситуациях, какой и был концлагерь.

Карл Хекер принадлежал к тому типу людей, которые искренне верили в то, что делали, не задавали лишних вопросов и не обсуждали приказов вышестоящего начальства, какими

[4] Первый Освенцимский процесс по делу бывших сотрудников концлагеря Аушвиц прошел в Кракове с 24 ноября по 22 декабря 1947 г.

бы ужасающими эти приказы не были. Именно преданность идеям национал-социализма, трудовая этика, а также требовательность к окружающим и самому себе позволили ему дослужиться до звания оберштурмфюрера СС и стать правой рукой коменданта Аушвица, самого страшного немецкого нацистского концлагеря. При этом несмотря на весь ужас, смерть и страдания, царившие в лагере, эсэсовцы вели абсолютно нормальную жизнь: отдыхали, охотились, ездили на курорты, наслаждались природой, справляли праздники. Работа в Аушвице и убийства заключенных стали для них нормой, их повседневностью, тем удивительнее, что после окончания Второй мировой войны многие нацистские преступники, в числе которых оказался Хекер, не понесли заслуженного наказания. Никто из них не думал о последствиях своих действий, поэтому для будущих воспоминаний одни эсэсовцы вели дневники, где неосознанно фиксировали акты своих злодеяний, а другие делали фотографии, стремясь запечатлеть важный период своей жизни. Желание сохранить память об аушвицких днях привело Хекера к идее создать фотоальбом, который впоследствии станет не только одним из самых неприглядных документов той страшной эпохи, но также займет важное место среди источников по истории концлагерей и Второй мировой войны в целом, позволит историкам заглянуть во внутренний мир концлагерной элиты и увидеть их глазами будни Аушвица в 1944–1945 гг.

Список литературы

1. *Аристов С. В.* Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М. : Молодая гвардия, 2017. 319 с.

2. *Макарова Л. М.* Нацистская концепция человека и методы ее реализации // Человек. 2003. № 3. С. 94–107.

3. *Малышева Е. М., Аристов С. В.* Концентрационные лагеря Третьего Рейха: центры хранения документов и источниковая база исследования проблемы // Военно-исторический журнал. 2017. № 9. С. 80–88.

4. Anatomy of the Auschwitz Death Camp. Bloomington: Published in Association with the United States Holocaust Memorial Museum, Washington, D. C. by Indiana University Press, 1994. 638 p.

5. Archiwum Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce. M-253. Kolekcje mikrofilmów, klisze 69.

6. Archiwum Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce. M-639. Kolekcje mikrofilmów, klisze 24, 290.

7. Archiwum Państwowego Muzeum na Majdanku. 34. Zbiory kserokopii, s. 258.

8. Auschwitz, 1940–1945: central issues in the history of the camp. Vol. I. The establishment and organization of the camp. Oświęcim : Auschwitz-Birkenau State Museum, 2000. 364 p.

9. Auschwitz-Prozess 4 Ks 2/63 Frankfurt am Main [Ausstellungskatalog]. Hg. v. Irmtrud Wojak im Auftrag des Fritz Bauer Instituts. Köln : Snoeck, 2004. 871 s.

10. *Busch C.* Bonding Images: Photography and Film as Acts of Perpetration // Genocide Studies and Prevention: An International Journal: Vol. 12. Is. 2. Pp. 54–83.

11. *Busch C.* Karl-Friedrich Gottlieb Höcker, der Adjutant von Lublin und Auschwitz // Das Höcker-Album; Auschwitz durch die Linse der SS. Christophe Busch, Stefan Hördler, Robert Jan van Pelt (Hrsg.). Darmstadt : Philipp von Zabern, 2016. S. 36–71.

12. *Cohen J., Erbelding R., White J.* Three approaches to exploring the Höcker Album in the High School and University Classes // Prism: An Interdisciplinary Journal for Holocaust Educators. 2009. Vol. I. Is. I. Pp. 53–62.

13. *Czech D.* Auschwitz Chronicle, 1939–1945. London ; New York : Tauris, 1990. 855 p.

14. Das Höcker-Album; Auschwitz durch die Linse der SS. Christophe Busch, Stefan Hördler, Robert Jan van Pelt (Hrsg.). Darmstadt : Philipp von Zabern, 2016. 340 s.

15. Eduard Wirths collection // United States Holocaust Memorial Museum Archives. Accession Number 2015.66.1. Pp. 1–67. URL: https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn78466.

16. Gesetz über die Gewährung von Straffreiheit vom 31 Dezember 1949 // Bundesgesetzblatt. 1949. Nr. 9. S. 37–38.

17. Het Höcker album: Auschwitz door de lens van de SS. Christophe Busch and Robert Jan van Pelt. Uitgeverij Verbum BV, 2012. 333 s.

18. *Höss R.* Death Dealer: The Memoirs of the SS Kommandant at Auschwitz / Ed. by S. Paskuly. New York : Da Capo Press, 1996. 390 p.

19. *Langbein H.* Der Auschwitz-Prozess: Eine Dokumentation. Frankfurt A. M. : Verlag Neue Kritik, 1995. 1027 s.

20. *Naumann B.* Auschwitz. Bericht über die Strafsache gegen Mulka und andere vor dem Schwurgericht Frankfurt. Frankfurt am Main : Athenäum Verlag, 1965. 552 s.

21. *Pendas D.* The Frankfurt Auschwitz Trial, 1963–1965: Genocide, History, and the Limits of the Law. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2006. 340 p.

22. *Perez J.* Lost Album of Auschwitz: The 116 Images of Photographic Album of Karl Hocker. Scotts Valley : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. 102 p.

23. *Setkiewicz P.* Auβenkommando SS-Hütte Solatal // Das Höcker-Album; Auschwitz durch die Linse der SS. Christophe Busch, Stefan Hördler, Robert Jan van Pelt (Hrsg.). Darmstadt : Philipp von Zabern, 2016. S. 160–171.

24. Sobibor perpetrator collection // United States Holocaust Memorial Museum Archives. Accession Number 2020.8.1. URL: https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn715033.

25. SS Auschwitz album // United States Holocaust Memorial Museum Archives. Accession Number 2007.24. Pp. 1–43. URL: https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn518658.

26. *Struk J.* Private Pictures: Soldiers' Inside View of War. London-New York : I. B. Tauris, 2011. 212 p.

27. *Wachsmann N.* KL: A History of the Nazi Concentration Camps. New York : Farrar, Straus and Giroux, 2015. 865 p.

28. *Wilkinson A.* Picturing Auschwitz // The New Yorker. URL: https://www.newyorker.com/magazine/2008/03/17/picturing-auschwitz.

29. *Wittmann R.* Beyond Justice. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 336 p.

30. Zeznanie Antoniny Węgierskiej z dnia 12 września 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/139. S. 231–232.

31. Zeznanie Jana Dziopeka z dnia 16 września 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/90. S. 38–164.

The adjutant of the Commandant of Auschwitz: unknown pages from the life of SS Obersturmfuhrer Karl Hecker

S. S. Khodyachikh
PhD in Historical Sciences. Russia, Khimki.
ORCID: 0000-0002-8823-886X. E-mail: khodyachikh@gmail.com

Abstract. At the beginning of 2007, the Holocaust Memorial Museum (Washington, USA) had a unique document – an album with photos taken on the territory of the Auschwitz concentration camp in the period from May to December 1944. Its owner was SS Obersturmfuhrer Karl-Friedrich Hecker, who from May 1944 to January 1945 served as an aide-de-camp to the last commandant of Auschwitz, Richard Baer. The article analyzes the contents of Karl Hecker's photo album, with the main emphasis on the study of Hecker's activities in the Auschwitz concentration camp. Narrative, documentary and photo-documentary sources are involved, on the basis of which a conclusion is made about the personality of adjutant Richard Baer, his moral attitudes and professional qualities. Excerpts from the memoirs of the first commandant of Auschwitz, Rudolf Hess, are given, which describe the functions of the adjutant, as well as the testimonies of Hecker's colleagues at work in Auschwitz. The article analyzes the further fate of Karl Hecker, his repeated arrests in 1963 and 1989. It is noted that it is Hecker who is one of the most prominent exponents of the Nazi value system, which is characterized by the division of people into superhuman and subhuman. In order to perpetuate the memory of the Auschwitz days, Hecker decided to create a photo album that not only recorded the serene and eventful life of SS men in the most terrible German Nazi concentration camp, but also became the most important source on the history of the Second World War, which allows you to better study the daily life of the camp administration.

Keywords: Karl Hecker, Auschwitz concentration camp, World War II, history of Poland, history of Germany.

References

1. *Aristov S. V. Povsednevnaya zhizn' nacistskih koncentracionnyh lagerej* [Everyday life of Nazi concentration camps]. M. Molodaya Gvardiya. 2017. 319 p.

2. *Makarova L. M. Nacistskaya koncepciya cheloveka i metody ee realizacii* [The Nazi concept of man and methods of its implementation] // *Chelovek* – Man. 2003. No. 3. Pp. 94–107.

3. *Malysheva E. M., Aristov S. V. Koncentracionnye lagerya Tret'ego Rejha: centry hraneniya dokumentov i istochnikovaya baza issledovaniya problemy* [Concentration camps of the Third Reich: document storage centers and the source base of the problem research] // *Voenno-istoricheskij zhurnal* – Military-Historical Journal. 2017. No. 9. Pp. 80–88.

4. Anatomy of the Auschwitz Death Camp. Bloomington: Published in Association with the United States Holocaust Memorial Museum, Washington, D. C. by Indiana University Press, 1994. 638 p.

5. Archiwum Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce. M-253. Kolekcje mikrofilmów, klisze 69.

6. Archiwum Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce. M-639. Kolekcje mikrofilmów, klisze 24, 290.

7. Archiwum Państwowego Muzeum na Majdanku. 34. Zbiory kserokopii, P. 258.

8. Auschwitz, 1940–1945: central issues in the history of the camp. Vol. I. The establishment and organization of the camp. Oświęcim : Auschwitz-Birkenau State Museum, 2000. 364 p.

9. Auschwitz-Prozess 4 Ks 2/63 Frankfurt am Main [Ausstellungskatalog]. Hg. v. Irmtrud Wojak im Auftrag des Fritz Bauer Instituts. Köln : Snoeck, 2004. 871 s.

10. *Busch C.* Bonding Images: Photography and Film as Acts of Perpetration // Genocide Studies and Prevention: An International Journal: Vol. 12. Is. 2. Pp. 54–83.

11. *Busch C.* Karl-Friedrich Gottlieb Höcker, der Adjutant von Lublin und Auschwitz // Das Höcker-Album; Auschwitz durch die Linse der SS. Christophe Busch, Stefan Hördler, Robert Jan van Pelt (Hrsg.). Darmstadt : Philipp von Zabern, 2016. Pp. 36–71.

12. *Cohen J., Erbelding R., White J.* Three approaches to exploring the Höcker Album in the High School and University Classes // Prism: An Interdisciplinary Journal for Holocaust Educators. 2009. Vol. I. Is. I. Pp. 53–62.

13. *Czech D.* Auschwitz Chronicle, 1939–1945. London ; New York : Tauris, 1990. 855 p.

14. Das Höcker-Album; Auschwitz durch die Linse der SS. Christophe Busch, Stefan Hördler, Robert Jan van Pelt (Hrsg.). Darmstadt : Philipp von Zabern, 2016. 340 p.

15. Eduard Wirths collection // United States Holocaust Memorial Museum Archives. Accession Number 2015.66.1. Pp. 1–67. Available at: https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn78466.

16. Gesetz über die Gewährung von Straffreiheit. Vol. 31. Dezember 1949 // Bundesgesetzblatt. 1949. Nr. 9. Pp. 37–38.

17. Het Höcker album: Auschwitz door de lens van de SS. Christophe Busch and Robert Jan van Pelt. Uitgeverij Verbum BV, 2012. 333 p.

18. *Höss R.* Death Dealer: The Memoirs of the SS Kommandant at Auschwitz / Ed. by S. Paskuly. New York : Da Capo Press, 1996. 390 p.

19. *Langbein H.* Der Auschwitz-Prozess: Eine Dokumentation. Frankfurt A. M. : Verlag Neue Kritik, 1995. 1027 p.

20. *Naumann B.* Auschwitz. Bericht über die Strafsache gegen Mulka und andere vor dem Schwurgericht Frankfurt. Frankfurt am Main : Athenäum Verlag, 1965. 552 p.

21. *Pendas D.* The Frankfurt Auschwitz Trial, 1963–1965: Genocide, History, and the Limits of the Law. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2006. 340 p.

22. *Perez J.* Lost Album of Auschwitz: The 116 Images of Photographic Album of Karl Hocker. Scotts Valley : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. 102 p.

23. *Setkiewicz P.* Auβenkommando SS-Hütte Solatal // Das Höcker-Album; Auschwitz durch die Linse der SS. Christophe Busch, Stefan Hördler, Robert Jan van Pelt (Hrsg.). Darmstadt : Philipp von Zabern, 2016. Pp. 160–171.

24. Sobibor perpetrator collection // United States Holocaust Memorial Museum Archives. Accession Number 2020.8.1. Available at: https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn715033.

25. SS Auschwitz album // United States Holocaust Memorial Museum Archives. Accession Number 2007.24. Pp. 1–43. Available at: https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn518658.

26. *Struk J.* Private Pictures: Soldiers' Inside View of War. London-New York : I. B. Tauris, 2011. 212 p.

27. *Wachsmann N.* KL: A History of the Nazi Concentration Camps. New York : Farrar, Straus and Giroux, 2015. 865 p.

28. *Wilkinson A.* Picturing Auschwitz // The New Yorker. Available at: https://www.newyorker.com/magazine/2008/03/17/picturing-auschwitz.

29. *Wittmann R.* Beyond Justice. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 336 p.

30. Zeznanie Antoniny Węgierskiej z dnia 12 września 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/139. Pp. 231–232.

31. Zeznanie Jana Dziopeka z dnia 16 września 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/90. Pp. 38–164.

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 947.084.8+355.292 DOI: 10.25730/VSU.2070.21.023

Основные тенденции развития историографии партизанского движения Великой Отечественной войны

О. Н. Литвинова
кандидат исторических наук, доцент,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0003-4522-5732. E-mail: litvinova_olganik@mail.ru

Аннотация. В статье на основании анализа научной литературы выделяются основные направления, темы и дискуссии о партизанском движении, подчеркнута их преемственность с проблематикой периода холодной войны. В своем развитии историография партизанского движения прошла три этапа. Первый этап связан с идеологическим противостоянием периода холодной войны, когда оценки борьбы в тылу врага были резко полярными: от идеализации в советской исторической науке до критического отношения в зарубежной. На втором этапе в 1990-е гг. наметилось сближение отечественной и западной историографии, однако часть исследователей продолжала придерживаться апологетических позиций. Третий этап, наступивший в середине 2000-х годов, характеризуется расширением источниковой базы и возвращением к полемике времен холодной войны вокруг позитивности и результативности партизанского движения. В результате в современной историографии народной борьбы в тылу врага сложились патриотическое, критическое и нейтральное направления. Для первого характерна идеализация партизанского движения, его лидеров, а также работы партийных и советских органов, органов государственной безопасности в организационной и боевой деятельности партизан, подчеркивается его боевая эффективность. Второе направление, преобладающее в зарубежной историографии, как правило, негативно оценивает деятельность народных борцов в тылу врага, акцентирует внимание на их террористических методах, считает их существование проявлением сталинской репрессивной системы. Историки третьего направления стараются смягчить остроту дискуссий и сосредоточиваются на поиске новых подходов к изучению данной темы. Полемика продолжает вестись в прежнем дискурсе, что оставляет за пределами исследований целый ряд интересных тем.

Ключевые слова: оккупация, историографическая дискуссия, холодная война, органы государственной безопасности, ревизионизм.

Партизанское движение – одна из самых сложных и неоднозначных тем в исторической науке. Долгое время ее изучение определялось соперничеством двух систем в период холодной войны. Полемика шла вокруг источников партизанского движения, его руководства, мотивации партизан, особенностей формирования отрядов, их эффективности и других вопросов военно-организационного характера. Отечественная историография в силу идеологических причин нередко умалчивала об ошибках советского руководства, о сложном положении и настроениях общества на оккупированных территориях, проблемах народной борьбы в тылу врага, демонстрировала высокий боевой дух и идеализировала моральный облик партизан, в которые попадали «люди волевые, беспредельно преданные партии, способные перенести любые трудности в борьбе с врагом» [31, с. 28]. Западные же исследователи, напротив, писали о противоборстве партизан с советской системой [20, с. 7] или враждебности самой системы по отношению к ним [40, p. 17–19], подчеркивали низкую боеспособность народных мстителей [45, p. 187, 210]. Особенно усердствовали немецкие авторы, как правило, бывшие офицеры вермахта, которые старались доказать нелегитимность партизанского движения [19, с. 137], демонстрировали ожесточенность, «дикость» и недисциплинированность [19, с. 148], «хитрость и коварство» [29, с. 427] и другие негативные качества партизан. Несмотря на различные точки зрения, важный боевой или психологический вклад партизанского движения в общую победу антигитлеровской коалиции не подвергался сомнению и требовал обстоятельного изучения с сугубо практи-

© Литвинова О. Н., 2021

ческой военной стороны [10, с. 258]. Дискуссия советских и западных историков способствовала достаточно продуктивному исследованию темы, о чем свидетельствует довольно обширная библиография борьбы на оккупированных территориях СССР, насчитывающая множество работ [30, с. 10]. Однако, как правило, советские историки пользовались отечественными данными, а зарубежные – немецкими, что порождало несколько одностороннюю трактовку событий и значительные расхождения в количественных оценках партизанского движения.

По окончании холодной войны с распадом СССР и с открытием многих архивов наступил период переоценки некоторых историографических постулатов. Отдельные историки постсоветского пространства начали подвергать сомнению отчеты партизанских отрядов, патриотизм партизан, стали уделять внимание таким вопросам, как партизанский коллаборационизм, насилие в отрядах народных мстителей или их террор по отношению к местному населению, деятельность органов НКВД на оккупированных территориях СССР, характер оккупационного режима и т. д. В русле новых тенденций пересмотра оценок Великой Отечественной войны сложилось критическое направление историографии партизанского движения, которое достаточно скептически оценивало успехи партизан, отмечало, что в начальный период войны «активность партизан была минимальной» [16, с. 80], а «партизанские отряды доставляли много беспокойств как немецким оккупационным учреждениям, так и населению» [11, с. 20]. Наиболее ярким выразителем таких идей можно назвать Б. В. Соколова, который представил негативные портреты Д. Емлютина, А. Сабурова и других партизанских командиров, идеализированных в советское время [35, с. 99–117], утверждал, что «советские партизаны порой становились для мирного населения не меньшим бедствием, чем германские оккупанты» [35, с. 3], и достаточно положительно охарактеризовал коллаборационистский опыт Локотской республики [34, с. 163–186]. С одной стороны, данная группа исследователей гипертрофировала негативные черты партизанского движения, с другой стороны, они подняли целый ряд вопросов, на которые не было ответов в советской историографии, показали широкую палитру настроений на оккупированных территориях СССР, отказавшись от упрощенных схем трактовки народной борьбы в тылу врага.

В то же время сложилась группа исследователей, которые в основном придерживались прежних апологетических оценок, свойственных советской историографии: организованность партизанского движения под руководством Коммунистической партии, высокий патриотизм и идеологическое единство большинства партизан, их приверженность существующему строю и т. п. Например, В. Т. Анисков утверждал, что «невозможно всерьез отрицать коммунистическую (советскую) направленность борьбы народа, который не мог принять “новый фашистский порядок”» [4, с. 264], а А. С. Князьков говорил о важной роли государственных документов в формировании партизанского движения, которые положили «начало организованному развертыванию борьбы советских людей против гитлеровцев и их приспешников на оккупированной врагом территории» [30, с. 26–27]. Данные и иные положения, связанные с деятельностью партии и правительства на оккупированных территориях, уже подвергались сомнению в работах современных исследователей [25; 27].

В связи с открытием архивов в 1990-е гг. историкам стали доступны отдельные документы силовых ведомств, принявших активное участие в партизанской и подпольной борьбе. В результате в рамках традиционных направлений изучения партизанского движения появилась группа историков, которые подчеркивали особую роль органов госбезопасности в становлении борьбы в тылу врага, изучали особенности диверсионной и организационной деятельности работников НКВД, конфликты между партийными, армейскими и опер-чекистскими руководителями партизанской борьбы, симпатизируя в этом противостоянии последним. В частности, о значимости сотрудников госбезопасности, которые «сыграли ведущую роль в развертывании партизанского движения, создании отрядов и диверсионных групп» [5, с. 71] и «стали основной силой еще неопытных партизанских формирований» [33, с. 57] писали В. И. Боярский и А. Ю. Попов. Такая позиция несколько принижала народный аспект партизанского движения и также подвергалась критическому осмыслению [26]. Тем не менее эти и другие работы вносили свой вклад в дискуссию по одному из ключевых вопросов о степени организованности или стихийности партизанского движения, от решения которого зависела общая направленность исследований.

В зарубежной историографии интерес к теме партизанского движения отчасти снизился еще до окончания холодной войны вместе с принятием в 1980-е годы положений о контрпартизанской борьбе в большинстве уставов западных армий [30, с. 22]. Как правило, советологи 1990-х годов отошли от мнения, что коммунистическая партия «фактически и руково-

дила партизанским движением» [10, с. 94], и стали писать о его стихийности. Так, по мнению Н. Верта, до 30 мая 1942 г., «сопротивление на оккупированных территориях оставалось по большей части вне всякого контроля со стороны не только советского военного командования, но и партии» [6, с. 284]. Схожей позиции о самостоятельности партизан по отношению к советскому руководству придерживались Д. Тредголд [50, p. 282] и П. Кенез [46, p. 149].

С середины 2000-х годов наступает новый этап изучения истории партизанского движения, который в определенной степени характеризуется очередным обострением отношений России и Запада, особенно усилившимся после 2014 г. Последнее сказалось на исторической науке, отразившись в возвращении некоторых негативных оценок партизанской борьбы времен холодной войны. Расширилась источниковая база исследований. Российские ученые стали больше обращаться к зарубежным документам, а западные получили доступ к некоторым документам, рассекреченным Министерством обороны РФ. Таким образом, исследователи смогли преодолеть тенденцию одностороннего использования источников, однако консенсуса в отношении проблем изучения партизанского движения как внутри отечественной, так и между отечественной и зарубежной историческими науками достигнуть не удалось.

Для современной западной историографии свойственен в определенной степени прагматический подход — изучение советского партизанского движения в рамках национально-освободительной борьбы и террористической деятельности XX века с целью понимания данного феномена и противостояния ему в современном контексте. Еще в конце 1990-х гг. в аннотации к одному из крупных трудов по партизанской проблематике, вышедшем на Западе, террористы были названы «естественными потомками партизан» [42], что задало определенный тон последующим исследованиям. Таким образом, в современной зарубежной историографии тема советского партизанского движения нередко рассматривается в контексте общих трудов об истории национально-освободительной борьбы, ассиметричных войн и контртеррористических операций в различные исторические периоды [43; 51]. Большое внимание уделяется подготовке и организации партизанских отрядов [41], а также борьбе немецких войск с партизанами, при этом акцент делается на успешных для оккупационной армии операциях [39; 44]. Некоторые историки достаточно скептически пишут о партизанской деятельности, подвергая сомнению достижения партизан путем сопоставления немецких и советских документов. Так, А. Бракель утверждает, что «советские партизаны за всю войну убили меньше германских солдат, чем было убито на фронте за один месяц» [53, p. 94]. А Б. Мусял пишет о том, что «советскому руководству не удалось превратить массы партизан в боеспособные вооруженные силы, создать второй фронт и подвергнуть опасности немецкие линии снабжения до такой степени, чтобы это могло повлиять на сам фронт» [47, s. 442–443]. С. Штоппер, опираясь на анализ документов вермахта, считает, что партизанские достижения в количестве убитых немцев и их пособников были завышены примерно в 15 раз [38]. Однако данные выводы основываются не более чем на слепом доверии к данным немецкой стороны и убеждении в «очковтирательстве» партизанских отчетов. Отчасти это объясняется источниковой базой зарубежных исследователей, среди которых большим вниманием пользуются сведения, полученные в ходе допросов пленных партизан, без учета условий, в которых добывалась эта информация.

Другой тенденцией данной группы современных зарубежных историков является продолжающееся со времен холодной войны оправдание политики вермахта на оккупированной территории необходимостью контрпартизанской борьбы. Так, по мнению Б. Мусяла, «без партизанской войны потери среди белорусского гражданского населения, вызванные прямым немецким террором, вероятно, были бы небольшими» [47, s. 377]. А. Бракель, признавая бесчеловечность нацистской идеологии, тем не менее, утверждает, что «ни немцы, ни партизаны особенно не заботились о тех невинных жертвах, которых они создавали. Цена, которую гражданские платили за подпольное движение, была слишком высока» [53, p. 94]. В частности, он объясняет это тем, что партизаны не носили военной формы и немцы не могли отличить их от остального населения, убивая невинных людей [53, p. 93]. В этой связи показателен пример С. Штоппера, который отрицает жестокую политику оккупантов в качестве одной из важнейших причин партизанского движения, а также его военную направленность. По мнению немецкого исследователя, главной функцией партизан было поддержание советской монополии на власть на территориях, оставленных Красной Армией [48]. При этом их боевые действия до июля 1943 г. признаются неэффективными, а методы – террористическими [49, s. 386, 411]. В итоге некоторые работы С. Штоппера были признаны в России экстремистскими, а доступ к ним на территории РФ заблокирован. Стоит также отметить особенное внима-

ние отдельных историков к тематике гендерного неравенства в партизанском движении, которое, по мнению А. Вальке, характеризовалось отсутствием условий для участия женщин, несмотря на то, что партия призывала к борьбе всех граждан без различия полов. Это в частности проявилось в том, что женщины не получали оружия и использовались на вспомогательных работах [52, p. 151]. В действительности, это скорее было связано с господством традиционных представлений в партизанской среде, чем с борьбой маскулинности против фемининности.

Идеи зарубежных историков находят свое продолжение и в современной российской историографии. В частности, критическая тенденция, состоящая в подвергании сомнению традиционных оценок партизанской борьбы, представлена работами, затрагивающими проблему коллаборационизма. Так, И. Г. Ермолов видит одну из основных причин коллаборационизма в «аномалиях партизанского движения», к которым можно отнести грабежи населения, высокие налоги, издевательства партизан [15, с. 38]. Эти идеи также получили распространение и в украинской историографии. В частности, исследователь А. Гогун в своей нашумевшей книге уделяет особое внимание таким явлениям партизанского движения, как разбой, пьянство, разврат, террор и др. [9] Историки данного критического направления уделяют большое внимание немецким источникам, а также документам коллаборационистских и националистических подразделений (в частности, УПА), которые достаточно красочно, но не всегда достоверно расписывают негативные стороны партизанских отрядов. Пересмотр традиционных концепций партизанского движения существует и в белорусской исторической науке. В частности, Э. Г. Иоффе подвергает сомнению «всенародный характер» партизанской борьбы в республике, утверждая, что «во многих регионах Белоруссии в начальный период Великой Отечественной войны коллаборационистов было значительно больше, чем партизан» [17, с. 160], а также традиционный тезис о повсеместном руководстве коммунистической партии: «правда состоит в том, что во многих населенных пунктах Белоруссии народ поднялся на борьбу стихийно, а в других местах его подняли на борьбу с нацистами партийные, комсомольские и советские органы...» [17, с. 161]. Что же касается отечественной историографии, то данная тенденция критического пересмотра оценок партизанского движения была довольно распространенной в 1990-е – середине 2000-х гг., но постепенно уступила свое место патриотическому направлению, преобладающему в наши дни.

В патриотическом направлении современной российской историографии по-прежнему прослеживается определенная апологетика партизанского движения, хотя авторы и отошли от принятой в советское время идеализации партизан. Так, в одном из новейших сборников документов партизанского движения авторы предисловия подчеркивают его организованный и всенародный характер, утверждая, что «советская власть стремилась создать для врага невыносимые условия, и она этого добилась... Бесспорным успехом «народных мстителей» стало повреждение и уничтожение тыловых коммуникаций германских войск, а также общая дезорганизация экономической жизни» [7, с. 20]. Поскольку источниковую базу новейших современных исследований составляют рассекреченные документы архивов спецслужб, то все большее количество современных работ посвящено деятельности органов госбезопасности на оккупированных территориях [8; 21]. Подчеркивание их роли в партизанском движении можно назвать мейнстримом отечественной историографии 2010-х гг., что находит отражение и в белорусских исследованиях, в частности, в трудах Н. А. Шиманской [36]. Важнейшим представляется тезис об организованном характере партизанского движения, ведущую роль в котором сыграли органы НКВД: «С начала войны и до создания в мае 1942 г. Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) Наркомат внутренних дел СССР, наряду со Ставкой Верховного Главнокомандования, партийными и советскими органами, сыграл ключевую роль в организации партизанской борьбы» [8, с. 281]. «В течение первого года войны органы НКВД фактически руководили сформированными ими (либо с их участием) партизанскими отрядами, истребительными и разведывательно-диверсионными группами, а также теми отрядами, которые спонтанно возникали из бойцов РККА, попавших в окружение, а также из местного населения, с которыми имелась возможность наладить связь» [21, с. 137]. Таким образом, говоря об успешности и организованности партизанских отрядов, авторы данной группы несколько сглаживают противоречия, существовавшие в борьбе в тылу врага, и отчасти принижают ее народный характер, отдавая приоритет движению сверху.

Стоит отметить, что в последнее время появляется все больше работ, которые носят нейтральный характер. Авторы не ставят себе задачу дать положительную или отрицательную оценку партизанского движения, а занимаются поиском новых подходов и изучением новатор-

ских тем, таких как оценка быта партизан и населения оккупированных территорий, глубинных мотивов народной борьбы, ее отражения в исторической памяти и других проблем. Среди таких работ необходимо выделить исследование А. Р. Дюкова, который, анализируя сложности организации и управления партизанским движением, рассматривает различные противоречия между НКВД, партийными и армейскими ведомствами, не отдавая приоритета ни одному из них. Однако в том, что задачи, поставленные руководством перед партизанами, не были выполнены, автор винит «несовершенство созданной централизованной системы управления, ее привязанность к интересам армейского руководства, неспособность осуществлять осмысленное планирование и последующее проведение масштабных операций» [12, с. 170–171]. Тем самым он склоняется к традиционной точке зрения о преобладании организованности над стихийностью.

Вопросам повседневной жизни на оккупированных территориях посвящена монография Б. Ковалева, который в нейтральной манере рассматривает трудности снабжения партизанских отрядов, зависящие от их состава и особенностей организации [22, с. 43–80]. Не обходя острых вопросов, таких как принудительное изъятие продовольствия и одежды у населения, сотрудничество с оккупантами, противоречия между партизанами и других проблем, автор подчеркивает справедливый освободительный характер партизанской войны. В то же время автор не избежал традиционного вывода о тесном сотрудничестве армии и партизан, которые по своей сути «стали регулярными частями РККА, выполняющими задания советского командования в особых условиях» [22, с. 76].

Продолжается изучение и отдельных регионов партизанской борьбы. В частности, особое внимание уделяется Брянскому краю, как месту наиболее интенсивного партизанского движения [18]. С одной стороны, такие авторы, как Е. Н. Абовян, В. В. Дзюбан, продолжают работать в русле традиционных подходов, демонстрируя высокую эффективность и патриотизм партизанского движения, которому противопоставляется коллаборационизм, часто трактуемый насильственно [1–3]. С другой стороны, брянский краевед А. Кукатов в сотрудничестве с немецким историком С. Штоппером стараются не обходить острых углов, связанных с партизанским движением и коллаборационизмом [37]. Стоит также отметить работы В. Кучера, который, демонстрируя сложный противоречивый характер партизанской борьбы как сверху, так и снизу, уделяет огромное внимание личностному аспекту партизанского движения, мотивации конкретных людей, описанию отдельных подвигов партизан и подпольщиков, не получивших широкого освещения в советское время [23; 24]. Среди последних тенденций необходимо отметить большое внимание исследователей к соотношению партизанского и крымско-татарского вопросов, что вызвано территориальными изменениями, произошедшими в Российской Федерации [28; 32; 34]. В частности, А. Мальгин в своей работе демонстрирует эволюцию отношения крымско-татарского населения к партизанам от борьбы с ними, приведшей к почти полному уничтожению партизанского движения к весне 1943 г., до массового сотрудничества в конце этого же года [28, с. 28]. Заслуживает внимание работа А. Ермакова, который, анализируя проблемы принудительного труда жителей оккупированных территорий, затрагивает в том числе и вопросы их взаимодействия с партизанами, что нашло свое отражение в культуре памяти советского народа [14]. В другой своей статье автор проводит тщательный анализ отражения поставленной проблемы на страницах отечественных учебников истории, что представляется перспективным направлением исследования традиционной тематики партизанской борьбы [13].

Таким образом, современная историография партизанского движения продолжает все основные дискуссии, начатые еще в годы Холодной войны, однако наблюдается ревизионизм отдельных положений, принятых во второй половине XX века, в частности, утверждений о морально-идеологическом единстве партизан, их организованности, причинах борьбы. Продолжается дискуссия по таким проблемам, как стихийность партизанского движения, его боевая эффективность, роль партии и НКВД, моральный облик народного борца в тылу врага, соотношение партизан и коллаборационистов и по другим вопросам. Стоит отметить наметившуюся в последнее время в отечественной историографии тенденцию возвращения к оценке партизанского движения как организованного, что подвергалось значительной критике в 1990-е – 2000-е гг. Но на смену коммунистической партии в качестве главного организатора борьбы в тылу врага в трудах историков пришли органы госбезопасности, что связано с частичным рассекречиванием документов относительно их деятельности. В то же время практически вне поля зрения исследователей остались такие темы, как партизанская культура и этика, менталитет партизан, гендерный аспект, конструирование образа врага в отрядах народных мстителей и другие проблемы, которые ждут своего исследователя.

Список литературы

1. *Абовян Е. Н.* Активизация партизанского движения на территории Брянского региона в период с мая 1942 по февраль 1943 г. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. № 6. С. 37–42.

2. *Абовян Е. Н.* Брянский регион в годы Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм (1941–1943 гг.). Брянск : Изд-во БГТУ, 2014. 188 с.

3. *Абовян Е. Н., Дзюбан В. В.* Брянский регион в борьбе между СССР и Германией (1941–1943 гг.) // Мировые цивилизации. Т. 1. № 1 (2016). URL: https://wcj.world.ru/PDF/19MZ116.pdf (дата обращения: 15.01.2021).

4. *Анисков В. Т.* Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. М. : Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.

5. *Боярский В. И.* Партизаны и армия: История утерянных возможностей. Минск : Харвест, 2003. 304 с.

6. *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М. : Прогресс, 1992. 480 с.

7. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. М. : Историческая литература, 2015. 692 с.

8. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Военно-исторический труд : в 3 т. Т. II. Войска НКВД в первый и второй периоды Великой Отечественной войны (1941–1943). М. : Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. 328 с.

9. *Гогун А.* Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования, 1941–1944. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 527 с.

10. *Диксон Ч., Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия. М. : Издательство иностранной литературы, 1957. 291 с.

11. *Дробязко С., Ермолов И.* Добровольческий полк «Десна» и другие военные формирования из советских граждан на территории Орловской области. М. : [б. и.], 2001. 26 с.

12. *Дюков А. Р.* Кто командовал советскими партизанами. Организованный хаос. М. : Вече, 2012. 304 с.

13. *Ермаков А. М.* Нацистский принудительный труд в отечественных школьных учебниках истории // Принудительный труд 1939–1945. Опыт международного проекта. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. С. 53–69.

14. *Ермаков А. М.* «Немецко-фашистсткое рабство» в советской культуре памяти (1945–1991 гг.). История. Общество. Политика. 2019. № 1 (9). Брянск : Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского С. 32–46.

15. *Ермолов И. Г.* Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М. : Центрполиграф, 2010. 383 с.

16. *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* Русская полиция. М. : Вече, 2010. 304 с.

17. *Иоффе Э. Г.* Какие термины надо применять? // Гістрычна-археалагічны зб. Вып. 28., Мн. : Беларуская навука. 2013. С. 159–162.

18. История оккупации Брянской области в период Великой Отечественной войны : партизанское движение и коллаборационизм (1941–1943 гг.). Брянск : Изд-во БГТУ, 2012. 361 с.

19. Итоги Второй мировой войны: выводы побежденных. М. : АСТ, 2002. 634 с.

20. *Каров Д.* Партизанское движение в СССР в 1941–1945 гг. Мюнхен : Институт по изучению истории и культуры СССР, 1954. 121 с.

21. *Климов А. Ю., Потёмкин И. А., Сальников А. С.* Роль НКВД СССР в партизанском движении и подпольной работе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Москва : Академия управления МВД России, 2020. 316 с.

22. *Ковалев Б. Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М. : Молодая гвардия, 2011. 619 с.

23. *Кучер В. Н.* Партизаны Брянского леса: какими они были. 1941–1943 годы. Москва : Возвращение, 2014. 751 с.

24. *Кучер В. Н.* Партизаны Брянщины: мифы и реальность. Москва : Возвращение, 2012. 350 с.

25. *Литвинова О. Н.* К вопросу о роли советских и партийных органов в организации партизанского движения (на примере Брянского края) // Народ, политика, власть в истории России. Вып. 3. Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2007. С. 129–138.

26. *Литвинова О. Н.* Органы НКВД в формировании и развитии партизанского движения на Брянщине в годы Великой Отечественной войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 20. С. 90–93.

27. *Литвинова О. Н.* Партизаны и Коммунистическая партия: особенности взаимодействия на оккупированных территориях Брянщины в годы Великой Отечественной войны. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 2. С. 57–63.

28. *Мальгин А. В.* Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос» 1941-1944 гг. Симферополь : СОНАТ, 2017. 188 с.

29. *Миддельдорф Э.* Русская кампания: тактика и вооружение. Спб. : ООО «Издательство Полигон». 448 с.

30. Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). М. : Кучково поле, 2001. 464 с.

31. Партизаны Брянщины. Сборник документов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. Тула : Приокское книжное издательство, 1970. 488 с.

32. *Поляков В. Е.* Партизанское движение в Крыму, 1941–1944 гг. Симферополь : Ариал, 2013. 487 с.
33. *Попов А. Ю.* Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М. : Яуза, Эксмо, 2004. 509 с.
34. *Романько А. В.* Крым в период немецкой оккупации. Москва : Центрполиграф, 2014. 413 с.
35. *Соколов Б. В.* Оккупация. Правда и мифы. М. : Аст-Пресс книга, 2002. 352 с.
36. *Шиманская Н. А.* Контрразведывательная работа органов государственной безопасности в партизанских формированиях на оккупированной территории Беларуси (1941–1944) // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. Мн : БДУ, 2016. № 1. С. 19–25.
37. *Штоппер С., Кукатов А.* Нелегальный Брянск, 1941–1943. Брянск : Буквица, 2014. 335 с.
38. *Штоппер С.* Семь жизней генерала. URL: https://all-decoded.livejournal.com/125278.html (дата обращения: 18.01.2021).
39. *Carruthers B.* German Anti-Partisan Combat. Barnsley : Pen & Sword Digital, 2013. 208 p.
40. *Cooper M.* The Phantom War: The German Struggle against Soviet Partisans, 1941–1944. L. : Macdonald and Janes, 1979. 219 p.
41. *Cornish N.* Soviet Partisan 1941–1944. Bloomsbury Publishing, 2014. P. 64
42. *Grenkevich L. D.* The Soviet Partisan Movement, 1941–1944: a Critical Historiographical Analysis. L. : Frank Cass Publishers, 1999. 384 p.
43. *Heuser B.* Rebellen, Partisanen, Guerilleros. Asymmetrische Kriege von der Antike bis heute. Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2013. 307 s.
44. *Hill A.* Soviet Partisan versus German Security Soldier. Oxford : Osprey Publishing, 2019. 80 p.
45. *Howell E.* The Soviet Partisan Movement, 1941–1945. Washington, DC : Department of the Army, 1956. 346 p.
46. *Kenez P.* A History of the Soviet Union from the Beginning to the End. Cambridge : Cambridge University press, 1999. 266 p.
47. *Musial B.* Sowjetische Partisanen 1941–1941: Mythos und Wirklichkeit. Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2009. 592 s.
48. *Stopper S.* Das Brjansker Gebiet unter der Besatzungsherrschaft der Wehrmacht 1941 bis 1943. URL: https://edoc.hu-berlin.de/bitstream/handle/18452/17412/stopper.pdf (дата обращения: 28.12.2020).
49. *Stopper S.* "Die Strasse ist deutsch." Der sowjetische Partisanenkrieg und seine militärische Effizienz. Eine Fallstudie zur Logistik der Wehrmacht im Brjansker Gebiet April bis Juli 1943 // Vierteljahrshefte fur Zeitgeschichte, Bd. 59, 2011, München : Oldenbourg Verlag. S. 385–411.
50. *Treadgold D. W.* Twentieth Century Russia. Boulder, CO : Westview press, 1995. 498 p.
51. Unknown Conflicts of the Second World War: Forgotten Fronts. London : Routledge, 2019. 246 p.
52. *Walke A.* Pioners and Partisans: An Oral History of Nazi Genocide in Belorussia. Oxford : Oxford university press, 2015. 352 p.
53. War in a Twilight World: Partisan and Anti-partisan Warfare in Eastern Europe, 1939–45. New York : Palgrave Macmillan, 2010. 277 p.

The main trends in the development of the historiography of the partisan movement of the Great Patriotic War

O. N. Litvinova
PhD in Historical Sciences, associate professor, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0003-4522-5732. E-mail: litvinova_olganik@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of scientific literature, the main directions, topics and discussions about the partisan movement are highlighted in the article, their continuity with the problems of the Cold War period is emphasized. In its development, the historiography of the partisan movement has passed through three stages. The first stage is associated with the ideological confrontation of the Cold War period, when the assessments of the struggle behind enemy lines were sharply polar: from idealization in Soviet historical science to critical attitude in foreign. At the second stage in the 1990s. there was a convergence of Russian and Western historiography, but some researchers continued to adhere to apologetic positions. The third stage, which came in the mid-2000s, is characterized by an expansion of the source base and a return to the Cold War polemics around the positivity and effectiveness of the partisan movement. As a result, in the modern historiography of the people's struggle in the enemy's rear, patriotic, critical and neutral directions have developed. The first is characterized by the idealization of the partisan movement, its leaders, as well as the work of party and Soviet bodies, state security bodies in the organizational and combat activities of the partisans, its combat effectiveness is emphasized. The second trend, which prevails in foreign historiography, as a rule, negatively assesses the activities of people's fighters behind enemy lines, focuses on their terrorist methods, considers their existence a manifestation of the Stalinist repressive system. Historians of the third direction try to mitigate the severity of the discussions and focus on finding new approaches to the study of this topic. The controversy continues to be conducted in the same discourse, which leaves a number of interesting topics outside of research.

Keywords: occupation, historiographical discussion, cold war, state security agencies, revisionism.

References

1. *Abovyan E. N. Aktivizaciya partizanskogo dvizheniya na territorii Bryanskogo regiona v period s maya 1942 po fevral' 1943 g.* [Activation of the partisan movement on the territory of the Bryansk region in the period from May 1942 to February 1943] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* – Herald of Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov. 2015. No. 6. Pp. 37–42.

2. *Abovyan E. N. Bryanskij region v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: partizanskoe dvizhenie i kollaboracionizm (1941–1943 gg.)* [Bryansk region during the Great Patriotic War: the partisan movement and collaboration (1941–1943)]. Bryansk. BSTU. 2014. 188 p.

3. *Abovyan E. N., Dzyuban V. V. Bryanskij region v bor'be mezhdu SSSR i Germaniej (1941–1943 gg.)* [Bryansk region in the struggle between the USSR and Germany (1941–1943)] // *Mirovye civilizacii* – World Civilizations. Vol. 1. No. 1 (2016). Available at: https://wcj.world.ru/PDF/19MZ116.pdf (date accessed: 15.01.2021).

4. *Aniskov V. T. Krest'yanstvo protiv fashizma. 1941–1945. Istoriya i psihologiya podviga* [The peasantry against fascism. 1941–1945. The history and psychology of the feat]. M. Monuments of historical thought. 2003. 502 p.

5. *Boyarskij V. I. Partizany i armiya: Istoriya uteryannyh vozmozhnostej* [Partisans and the army: The history of lost opportunities]. Minsk. Harvest. 2003. 304 p.

6. *Vert N. Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991* [The history of the Soviet state. 1900–1991]. M. Progress. 1992. 480 p.

7. *Vestnik Arhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii. Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* – Herald of the Archive of the President of the Russian Federation. The partisan movement during the Great Patriotic War. M. Historical literature. 2015. 692 p.

8. *Vojska NKVD v Velikoj Otechestvennoj vojne. Voenno-istoricheskij trud : v 3 t. T. II. Vojska NKVD v pervyj i vtoroj periody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1943)* – NKVD troops in the Great Patriotic War. Military-historical work : in 3 vols. Vol. II. NKVD troops in the first and second periods of the Great Patriotic War (1941–1943). M. Editorial office of the magazine "On a combat post" of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. 328 p.

9. *Gogun A. Stalinskie kommandos. Ukrainskie partizanskie formirovaniya, 1941–1944* [Stalin's commandos. Ukrainian partisan formations, 1941–1944]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2012. 527 p.

10. *Dixon Ch., Heilbrunn O. Kommunisticheskie partizanskie dejstviya* [Communist partisan actions]. M. Publishing House of Foreign Literature. 1957. 291 p.

11. *Drobyazko S., Ermolov I. Dobrovol'cheskij polk "Desna" i drugie voennye formirovaniya iz sovetskih grazhdan na territorii Orlovskoj oblasti* [The volunteer regiment "Desna" and other military formations of Soviet citizens on the territory of the Orel region]. M. [without publisher]. 2001. 26 p.

12. *Dyukov A. R. Kto komandoval sovetskimi partizanami. Organizovannyj haos* [Who commanded the Soviet partisans. Organized chaos]. M. Veche. 2012. 304 p.

13. *Ermakov A. M. Nacistskij prinuditel'nyj trud v otechestvennyh shkol'nyh uchebnikah istorii* [Nazi forced labor in domestic school textbooks of history] // *Prinuditel'nyj trud 1939–1945. Opyt mezhdunarodnogo proekta* – Forced labor 1939–1945. Experience of an international project. Voronezh. Publishing and Printing Center "Scientific Book". 2020. Pp. 53–69.

14. *Ermakov A. M. "Nemecko-fashiststkoe rabstvo" v sovetskoj kul'ture pamyati (1945–1991 gg.). Istoriya. Obshchestvo. Politika* ["German-fascist slavery" in the Soviet culture of memory (1945–1991)]. History. Society. Politics. 2019. No. 1 (9). Bryansk. Bryansk State University n. a. akad. I. G. Petrovsky. Pp. 32–46.

15. *Ermolov I. G. Tri goda bez Stalina. Okkupaciya: sovetskie grazhdane mezhdu nacistami i bol'shevikami. 1941–1944* [Three years without Stalin. Occupation: Soviet citizens between the Nazis and the Bolsheviks. 1941–1944]. M. Tsentrpoligraf. 2010. 383 p.

16. *Zhukov D. A., Kovtun I. I. Russkaya policiya* [Russian police]. M. Veche. 2010. 304 p.

17. *Ioffe E. G. Kakie terminy nado primenyat'?* [What terms should be used?] // Gistrychna-archealagichny zb. Is. 28., Mn. Belorusskaya navuka. 2013. Pp. 159–162.

18. *Istoriya okkupacii Bryanskoj oblasti v period Velikoj Otechestvennoj vojny : partizanskoe dvizhenie i kollaboracionizm (1941–1943 gg.)* – History of the occupation of the Bryansk region during the Great Patriotic War : the partisan movement and collaboration (1941–1943). Bryansk. BSTU. 2012. 361 p.

19. *Itogi Vtoroj mirovoj vojny: vyvody pobezhdennyh* – The results of the Second World War: the conclusions of the defeated. M. AST. 2002. 634 p.

20. *Karov D. Partizanskoe dvizhenie v SSSR v 1941–1945 gg.* [The partisan movement in the USSR in 1941–1945]. Munich. Institute for the Study of History and Culture of the USSR. 1954. 121 p.

21. *Klimov A. Yu., Potyomkin I. A., Sal'nikov A. S. Rol' NKVD SSSR v partizanskom dvizhenii i podpol'noj rabote v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov* [The role of the NKVD of the USSR in the partisan movement and underground work during the Great Patriotic War of 1941–1945]. M. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. 316 p.

22. *Kovalev B. N. Povsednevnaya zhizn' naseleniya Rossii v period nacistskoj okkupacii* [Everyday life of the population of Russia during the Nazi occupation]. M. Molodaya Gvardiya. 2011. 619 p.

23. *Kucher V. N. Partizany Bryanskogo lesa: kakimi oni byli. 1941–1943 gody* [Partisans of the Bryansk forest: what they were like. 1941–1943 years]. M. Return. 2014. 751 p.

24. *Kucher V. N. Partizany Bryanshchiny: mify i real'nost'* [Partisans of the Bryansk region: myths and reality]. M. Return. 2012. 350 p.

25. *Litvinova O. N. K voprosu o roli sovetskih i partijnyh organov v organizacii partizanskogo dvizheniya (na primere Bryanskogo kraya)* [On the question of the role of Soviet and party bodies in the organization of the partisan movement (on the example of the Bryansk region)] // *Narod, politika, vlast' v istorii Rossii* – People, politics, power in the history of Russia. Vol. 3. Yaroslavl. K. D. Ushinsky YaSPU. 2007. Pp. 129–138.

26. *Litvinova O. N. Organy NKVD v formirovanii i razvitii partizanskogo dvizheniya na Bryanshchine v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [NKVD bodies in the formation and development of the partisan movement in the Bryansk region during the Great Patriotic War] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* – Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 2007. No. 20. Pp. 90–93.

27. *Litvinova O. N. Partizany i Kommunisticheskaya partiya: osobennosti vzaimodejstviya na okkupirovannyh territoriyah Bryanshchiny v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Partisans and the Communist Party: features of interaction in the occupied territories of the Bryansk region during the Great Patriotic War] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State University for the Humanities. 2016. No. 2. Pp. 57–63.

28. *Mal'gin A. V. Partizanskoe dvizhenie Kryma i "tatarskij vopros" 1941–1944 gg.* [The partisan movement of the Crimea and the "Tatar question" 1941–1944]. Simferopol. SONAT. 2017. 188 p.

29. *Middel'dorf E. Russkaya kampaniya: taktika i vooruzhenie* [Russian campaign: tactics and weapons]. SPb. LLC "Polygon Publishing House". 448 p.

30. *Partizanskoe dvizhenie (Po opytu Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.)* – The partisan movement (Based on the experience of the Great Patriotic War of 1941–1945). M. Kuchkovo pole. 2001. 464 p.

31. *Partizany Bryanshchiny. Sbornik dokumentov o Bryanskom partizanskom krae v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* – Partisans of the Bryansk region. Collection of documents about the Bryansk partisan region during the Great Patriotic War. Tula. Prioksky Book Publishing House. 1970. 488 p.

32. *Polyakov V. E. Partizanskoe dvizhenie v Krymu, 1941–1944 gg.* [The partisan movement in the Crimea, 1941–1944]. Simferopol. Arial. 2013. 487 p.

33. *Popov A. Yu. Diversanty Stalina. Deyatel'nost' organov Gosbezopasnosti SSSR na okkupirovannoj sovetskoj territorii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Stalin's Saboteurs. The activity of the State security bodies of the USSR in the occupied Soviet territory during the Great Patriotic War]. M. Yauza, Eksmo. 2004. 509 p.

34. *Roman'ko A. V. Krym v period nemeckoj okkupacii* [Crimea during the German occupation]. M. Tsentrpoligraf. 2014. 413 p.

35. *Sokolov B. V. Okkupaciya. Pravda i mify* [Occupation. Truth and myths]. M. Ast-Press book. 2002. 352 p.

36. *Shimanskaya N. A. Kontrrazvedyvatel'naya rabota organov gosudarstvennoj bezopasnosti v partizanskih formirovaniyah na okkupirovannoj territorii Belarusi (1941–1944)* [Counterintelligence work of state security bodies in partisan formations in the occupied territory of Belarus (1941–1944)] // *Vesnik BDU. Seryya 3, Gistoryya. Ekanomika. Prava* – Herald of BDU. Series 3, History. Economics. Rights. Mn. BDU. 2016. No. 1. Pp. 19–25.

37. *Shtopper S., Kukatov A. Nelegal'nyj Bryansk, 1941–1943* [Illegal Bryansk, 1941–1943]. Bryansk. Bukvitsa. 2014. 335 p.

38. *Shtopper S. Sem' zhiznej generala* [Seven lives of a general]. Available at: https://all-decoded.livejournal.com/125278.html (date accessed: 18.01.2021).

39. *Carruthers B.* German Anti-Partisan Combat. Barnsley : Pen & Sword Digital, 2013. 208 p.

40. *Cooper M.* The Phantom War: The German Struggle against Soviet Partisans, 1941–1944. L. : Macdonald and Janes, 1979. 219 p.

41. *Cornish N.* Soviet Partisan 1941–1944. Bloomsbury Publishing, 2014. P. 64

42. *Grenkevich L. D.* The Soviet Partisan Movement, 1941–1944: a Critical Historiographical Analysis. L. : Frank Cass Publishers, 1999. 384 p.

43. *Heuser B.* Rebellen, Partisanen, Guerilleros. Asymmetrische Kriege von der Antike bis heute. Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2013. 307 p.

44. *Hill A.* Soviet Partisan versus German Security Soldier. Oxford : Osprey Publishing, 2019. 80 p.

45. *Howell E.* The Soviet Partisan Movement, 1941–1945. Washington, DC : Department of the Army, 1956. 346 p.

46. *Kenez P.* A History of the Soviet Union from the Beginning to the End. Cambridge : Cambridge University press, 1999. 266 p.

47. *Musial B.* Sowjetische Partisanen 1941–1941: Mythos und Wirklichkeit. Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2009. 592 p.

48. *Stopper S.* Das Brjansker Gebiet unter der Besatzungsherrschaft der Wehrmacht 1941 bis 1943. Available at: https://edoc.hu-berlin.de/bitstream/handle/18452/17412/stopper.pdf (date accessed: 28.12.2020).

49. *Stopper S.* "Die Strasse ist deutsch". Der sowjetische Partisanenkrieg und seine militärische Effizienz. Eine Fallstudie zur Logistik der Wehrmacht im Brjansker Gebiet April bis Juli 1943 // Vierteljahrshefte fur Zeitgeschichte, Bd. 59, 2011, München : Oldenbourg Verlag. Pp. 385–411.

50. *Treadgold D. W.* Twentieth Century Russia. Boulder, CO : Westview press, 1995. 498 p.

51. Unknown Conflicts of the Second World War: Forgotten Fronts. London : Routledge, 2019. 246 p.

52. *Walke A.* Pioners and Partisans: An Oral History of Nazi Genocide in Belorussia. Oxford : Oxford university press, 2015. 352 p.

53. War in a Twilight World: Partisan and Anti-partisan Warfare in Eastern Europe, 1939–45. New York : Palgrave Macmillan, 2010. 277 p.

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

УДК 940.53/.54(55) DOI: 10.25730/VSU.2070.21.024

Настроения в иранском обществе в связи с началом Великой Отечественной войны

В. В. Марковчин
кандидат исторических наук, доцент, профессор, Юго-Западный государственный университет.
Россия, г. Москва. E-mail: markovchin@yandex.ru

Аннотация. Основой данной публикации является документ, посвященный настроениям, царившим в иранском обществе в конце июня 1941 г., когда дружественная Ирану нацистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Помимо реакции граждан Ирана на новый акт фашистской агрессии и развитие событий на советско-германском фронте, в данном документе отражены взгляды находившихся в то время в этой стране иностранных дипломатов и специалистов. Вводимый в научный оборот документальный источник, позволяет судить о степени неоднородности иранского социума в целом, а также о настрое входящих в него различных этнорелигиозных групп. Принимая во внимание особую роль Ирана во Второй мировой войне, ставшего местом ожесточенной борьбы разведок и спецслужб за контроль над всем регионом Большого Ближнего Востока, от исхода которой во многом зависела общая расстановка сил в стратегическом противоборстве коалиций, информация, содержащаяся в этом документе, представляется важной. Она расширяет представления историков об обстановке в этой стране накануне принятия решения о вводе в нее советских и британских войск и установления особого режима управления, позволившего впоследствии проложить через ее территорию одну из основных линий снабжения Советского Союза грузами ленд-лиза.

Ключевые слова: нацистская Германия, нападение на СССР, реакция иранского общества, деятельность спецслужб, Главное управление государственной безопасности НКВД СССР, 5-й отдел.

Известие о нападении нацистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. всколыхнуло весь мир. Оно стало важнейшей вехой в истории Второй мировой войны, во многом предрешившей её окончательный исход. В зависимости от оценок значения этого события и прогнозов относительно его ближайших и конечных последствий, общественное мнение многих государств мира раскололось. С одной стороны находились сторонники нацистского «нового порядка», видевшие в германском фюрере своего кумира и рассчитывавшие за счет нового передела мира удовлетворить политические и расовые амбиции, с другой стороны оказались граждане различных антифашистских государств, представители движений и партий, значительно отличавшиеся друг от друга своими базовыми политическими и идеологическими установками, но объединенные общностью антифашистских устремлений. Иран в этом отношении не был исключением.

Обстановке в Иране летом 1941 г. и деятельности на его территории германских спецслужб автор настоящей публикации ранее посвятил несколько статей [5; 6; 7]. Появление новых источников делает необходимым продолжение этой работы.

Занимая важное стратегическое положение, Иран (Персия) на протяжении многих веков являлся страной, во многом определявшей стабильность Ближнего и Среднего Востока, несмотря на то, что собственные геополитические устремления в отдельные периоды его истории лежали далеко за пределами Юго-Западной Азии. В первые десятилетия XX века, утратив в какой-то мере былую значимость, эта страна не перестала ощущать на себе повышенное внимание, как со стороны старых геополитических противников, так и новых игроков. По этой причине в Иране всегда находилась масса иностранных разведчиков, чутко отслеживавших малейшие изменения в военно-политической конъюнктуре этого государства. Исторически довольно серьезные агентурные позиции в Иране имелись, например, у спецслужб Ве-

© Марковчин В. В., 2021

ликобритании и Германии. Разведывательные органы Советского Союза также уделяли внимание ситуации в Иране, справедливо полагая, что от обстановки в этой стране зависит безопасность южных границ СССР.

Предлагаемый вниманию историков документ недавно был рассекречен в установленном законом порядке в архиве Службы внешней разведки Российской Федерации. Он представляет собой десятистраничный аналитический отчет по обозначенной теме, подготовленный одним из высокопоставленных оперативных источников советской резидентуры в Иране. Вполне понятно, что его автор вряд ли будет когда-либо раскрыт, но глубина его выводов, осведомленность о внутреннем состоянии различных слоев населения, уровень проведенного им кропотливого анализа иранской прессы и сегментированного массового сознания этой страны позволяют предположить, что он принадлежал к элите иранского общества того времени.

Автор документа делится ценными наблюдениями о политических пристрастиях и целевых установках дипломатов различных стран, которые по-разному восприняли сообщения о вероломном нападении Германии на СССР. Несомненный интерес вызывают также подробности планов нового «переселения народов», которые всерьез обсуждались в это время иранской политической элитой, а также некоторые детали, касающиеся нюансов германо-турецких отношений и деятельности германской агентуры. Автор лишний раз подтверждает «гигантизм» планов Адольфа Гитлера по наведению истинно «немецкого порядка» на всех территориях, оккупированных войсками вермахта, в отношении которых высказывает откровенный скептицизм.

Документ был подготовлен в течение первой недели после германского вторжения в СССР. Он написан плохим русским языком, что позволяет сделать вывод о том, что его писал представитель иранской военно-политической элиты, плохо владеющий этим языком, либо это были издержки последующего перевода[1]. Машинистка отпечатала всего 3 экземпляра этого обзора, полученного от агентурного источника советской резидентуры в Иране.

Как видно из рукописных помет на документе, в 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР документ поступил в начале июля 1941 года. После соответствующего использования он был приобщен к оперативному делу (конкретно – «Бароны»). По практике тех лет, новые материалы, полученные по каналам закордонной разведки, в зависимости от их содержания докладывались либо руководству Управления, либо непосредственно начальнику 5-го отдела (или лицу, исполняющему его обязанности). В соответствии с их резолюциями и шло последующее использование документа в оперативных целях.

Советско-германская война[2]

«Впечатление. Несмотря на то что в течение почти двадцати дней энергично муссировался постепенно развивающийся слух о возможности советско-германского вооруженного столкновения и наличность аргументов в дни, предшествующие войне, и доказывающие логичность такого предположения, германское нападение на территорию СССР произвело воздействие взорвавшейся бомбы[3] на всех, без исключения.

Реакция разных течений. Разные течения реагировали на это известие следующим образом:

– Иранские правительственные и династические круги вздохнули свободно, «чувствуя себя спасенными от большевистской опасности, висящей последнее время на[д] Иран[ом], как дамоклов меч[4]».

– Имущий класс персов обрадован, что избавлен [от] неприятностей «большевистского нашествия и хищнического грабежа» и надеется, что «Иншалла-Таала[5] германцы положат конец большевистскому существованию».

– Несознательный и полусознательный неимущий класс персов относится к событию индифферентно[6].

---

[1] Явные ошибки в тексте документа исправлены.

[2] Архив Службы внешней разведки Российской Федерации. Д. 25097. Т. 6. С. 213–222. Машинопись, копия. На документе имеются рукописные пометы: «в дело «Бароны»; «Иран», «Июль», сделанные синим и красным карандашами, а также черными чернилами. Иные маркировки на документе (за исключением архивных) отсутствуют.

[3] В тексте – борьбы.

[4] Образное выражение, служащее для обозначения серьезной угрозы при кажущемся благополучии.

[5] «Если пожелает Аллах Всевышний» (пер. с арабского).

[6] То есть безразлично.

– Малочисленная сознательная часть неимущего класса персов относится к вопросу с живым интересом. Они надеются, что в течение войны все приграничные области Ирана будут оккупированы Красной Армией и что СССР выйдет победителем из этой борьбы и установит, если не коммунистические, то, по крайней мере, новые, более справедливые экономические положения[7].

Продавшиеся английской дипломатии малочисленные персы обрадованы тем, что грозящая Англии опасность выпала на долю большевиков, что позиция Англии в Иране укрепится со всеми отсюда последствиями для иранцев вообще, и для них в особенности.

Персы, работающие на германцев и вообще персы – человек[8] улицы и мещанские массы, ликуют, предвидя новые «молниеносные победы германцев над большевиками».

Но больше всех ликуют тюрки, в особенности эмигранты из Кавказа[9]. Они устраивают жертвоприношения, кутежи с патетическими речами: «Конец советскому деспотизму, конец хищническому большевизму». «Исполнение национальных вожделений тюрок – создание великого и единого Турана[10]». Они высказывают свои симпатию германцам и антипатию советам, бегая по улицам и магазинам.

Обрадовалось и еврейское население поголовно. Его духовная подавленность последних времен исчезла. Оно навеяно оптимистическими надеждами: «Новый конфликт окончательно обеспечивает поражение главного врага еврейского народа – Германии и спасение еврейства от своих притеснителей разных оттенков».

Глубоко подавлены все слои армянского населения: «Наше отечество – СССР подверглось нападению со стороны Германии, со стороны векового коварного врага армянского народа – империалистического погромщика, Турции».

Единственным исключением в этом траурном вопле, объединяющем все течения армянского населения, является часть руководящих элементов партии «Дашнакцутюн[11]».

Англичане ликуют наподобие тюрок. «СССР – спаситель». Были случаи бурных, несоответствующих английскому темпераменту, проявлений радости.

Пример: два английских чиновника шахиншахского банка по получении известий о нападении на СССР начали танцевать.

Больше всех обрадованы все, без исключения, славяне, чехи же – в особенности. Они кутили три дня подряд. Они не стеснялись тем, что многие из них служат в германских учреждениях. «Шкода», «Лана[12]». Они все уверены, что СССР разобьет Германию в пух и прах и восстановит национальную независимость славянских народов хотя бы в будущих пределах СССР».

Германцы удручены: «Эта единственная ошибка гения-фюрера может погубить все его предыдущие достижения».

Предположение о результате: Правительственные и военные круги Ирана: «Германия безусловно победит в течение нескольких недель, назначит новое национальное русское правительство в Великороссии, распределит завоеванные Россией области, причем Иран получит свою долю от Закавказья[13].

Тюрки: «В течение шести недель Германия захватит Украину, Белоруссию и Кавказ, который будет передан Турции».

Армяне: «СССР победит, но большими человеческими и материальными утратами. Армения приобретет части исторической Армении, находящейся вне пределов СССР, но некоторые тяжелые жертвы и разрушения нового экономического устройства – неизбежны».

Дашнаки: «Германия победит. Закавказские страны будут независимыми республиками. Власть в Армении перейдет в руки дашнаков[14]».

---

[7] Так в документе.
[8] Так в документе.
[9] Так в документе.
[10] Имеется в виду планы построения Великого Турана, «государства всех тюрков», которые культивируются среди тюркских народов с начала XX века.
[11] Армянская Революционная Федерация «Дашнакцутюн» – старейшая армянская политическая партия, созданная в 1890 г. в Тифлисе. На то время разделяла идеологию левого национализма и антисоветизма. Сотрудничала с фашистами.
[12] «Шкода» – чешская автомобильная компания, образованная в 1925 году на базе предприятия Laurin@Klement. О компании «Лана» ничего не известно.
[13] Вероятно, имелась в виду территория Советского Азербайджана.
[14] В 1918–1920 гг. власть в Армении уже принадлежала Дашнакцутюн.

Немцы: «Согласно постановлению великого гения-фюрера, СССР будет поражен. На его руинах – национальные государства под покровительством или в союзе с Германией».

Германские домогательства на Б. Востоке. По сведениям высших осведомленных военно-политических кругов Ирана, иранское правительство озадачено одним весьма опасным для Ирана намерением Гитлера в том, что Гитлер выбрал основой переустройства мира расистско-национальное начало: каждая нация должна иметь свою державную форму в этнических пределах без всякого нацменьшинства и весь контингент до этой нации должен совместиться на территории, занятой в данное время данной нацией[15].

Согласно этому принципу, в первую очередь должны организоваться нации Европы и Евразии. Гитлер давно ведет подготовительную работу с руководителями Передней и Средней Азии, в целях реорганизации их государств следующим образом:

1) Турция уступает будущему арабскому объединению все населенные арабами участки своей территории, начиная от Диарбекирского[16] вилайета до Средиземного моря, и участки, населенные курдскими элементами в пользу будущего Курдистана, начиная с Ванского вилайета до пределов Ирана и Ирака.

Все турецкое население подлежащих уступке участков переселяется на территорию реорганизованной Турции.

Взамен уступленных вилайетов, Турция, при полной политической, военной и экономической поддержке Германии, приобретает все населенные турецкими элементами области Ирана и СССР, а именно: иранский Азербайджан (без его части, населенной курдами), Хорасанская губерния и Астрабадская губерния; а также Узбекистан, Казахстан, Кавказск[17], Азербайджан, Киргизстан, Туркменистан и даже Татарстан (Крым).

2) На тех же началах будущая Аравия – Аравийский полуостров, Ирак, Сирия, Трансиордания и Палестина, а впоследствии, может быть, и Египет, объединяются в одно компактное государство, присоединяя к себе населенный арабами участок Ирана – Хузестан и уступая будущему Курдистану Мосульскую и Керкукскую области.

3) Иран, взамен уступленных областей, получает Афганистан и английскую часть Белуджистана.

4) Составные части будущего Курдистана – северо-восточная часть Анатолии, начиная с Войского вилайета включительно; северная часть Ирака – весь нефтеносный участок – и Персидский Курдистан – Керманшах, Сенендедж и Шахабад (Соуджбулак).

По этому проекту организуются: Туран, с чистокровным туранским населением в 30 млн., Аравия – с чистокровным арабским населением в 15, а то и 30 млн., Иран, с чистокровным арийским населением в 12 млн., и Курдистан, с 4-х миллионным курдским населением.

В осведомленных иранских военно-политических кругах этот гитлеровский проект считается не только неосуществимым, но и просто утопическим.

Однако он может послужить первоисточником и продолжительным стимулом некоторых весьма нежелательных событий, могущих вызвать большие осложнения и труднопреодолимые затруднения на Б. Востоке, а в особенности в Иране.

К этому заключению приводит занятая в последнее время Турцией политическая позиция. Опасаются, что по этому вопросу уже состоялось согласие между Германией и Турцией, ибо по сведениям иранского правительства германо-турецкое соглашение от 18-го июня 1941 года имеет 15 статей, из коих обнародованы лишь 3 ст.

Разные сведения: Иранские военно-политические круги убеждены, что СССР, совместно с Англией, потребует от иранского правительства разрешение на временную военную оккупацию Азербайджана, а может быть, и дорогу Пехлеви–Ханекейн, в целях установления контакта между Красной Армией и английскими войсками, находящимися на Б. Востоке.

По мнению тех же кругов, Иранское правительство принуждено будет уступить, т. к. для предупреждения турецких домогательств или военных выступлений на севере Ирана – это неизбежное мероприятие. Следовательно, в случае отказа со стороны Ирправительства, требование будет приведено в исполнение силой.

Германское генконсульство в Тегеране конфиденциально объявило германцам, что весьма возможно, в самом непродолжительном времени, закрытие единственного пути из

[15] Так в документе.
[16] Правильно – Диярбекир, один из шести вилайетов Османской империи. Создан в 1867 году, был населен (преимущественно) армянами.
[17] Так в документе.

Тегерана в Германию (Тавриз-Хой-Маку-Трапезунд) и принятия Ирправительством репрессивных мер против германцев, под совместным давлением СССР и Англии.

Германцы собираются отправить свои семьи.

По приблизительному расчету, число германцев в Тегеране – около 7000. Из них годные для деятельности пятой колонны – 3000. В нынешнее время 300 человек исключительно заняты этим.

Управляющий тегеранским отделом «Сименс и Ко» – фон Баранович – полковник генерального штаба. Его пять сотрудников (технических) – инженеров – офицеры того же штаба.

За первую неделю советско-германской войны постепенно выехали в Тавриз 50-60 германцев – деятели пятой колонны. Некоторые вернулись. Некоторые поехали туда вторично. Новые едут.

Турецкие эмиссары – мусаватисты тоже едут туда и обратно пачками.

Дашнаки – Варос Бабаян и Андрэ Тер-Оганян 16 июня срочно выехали в Тавриз и 26 вернулись в Тегеран.

За три первых дня совгер. войны – 22-23-24, начиная с полуночи до трех часов утра, из тегеранских гаражей выехало в Азербайджан по назначению в Ардебиль не менее ста великотоннажных камионов[18], с военным грузом – главным образом артиллерией.

Руководящий центр турецкой военно-политической пропаганды.

Частный врачебный кабинет официального врача турецкого посольства в Тегеране – док. Алтая. Адрес: улица Шахпур, Чаррай, Юсуфабад, вторая ул. налево от армянского клуба к северу.

Передаточный пункт немецких уток[19] военного характера – книжная лавка эксцентричного австрийца, говорящего на восьми языках. Лавка находится визави[20] книжного магазина на Людвика Татяна – ул. Сади[21].

Главный распространитель уток дашнаков – Хачик Мелкумян, сотрудник «Зингер».

Иранские гости весьма встревожены совгер. войной. Они часто совещаются с членами герпосольства.

После ареста 53 «распространителей ложных слухов», волна уток притихла, по всей вероятности – на очень короткое время.

Вступительная фраза мусаватистов и дашнаков «…осталось 40 дней». Гитлер обещал завоевать Кавказ в течение 42 дней. Пропагандисты каждый день уменьшают эту цифру на 1. Значит, к 1-му июля останется 33 дня.

В связи с новыми событиями, отношения офицеров к солдатам и подчиненным значительно смягчилось, стало более человечным, начиная с мая месяца. Особенно бросается в глаза улучшение отношения к солдатам национального вообще и к армянам в особенности Карзад»[22].

Как известно, в августе-сентябре 1941 года была реализована советско-британская операция «Согласие», в результате которой Иран был оккупирован армиями союзников[23]. О возможности такой меры упоминал в своем обзоре и автор опубликованного документа. Проведенная операция позволила организовать стабильные поставки военных грузов из Великобритании и США через территорию Ирана[24], одновременно нанеся существенный удар по немецким интересам не только в Иране, но и в соседнем Ираке, а также в регионах Ближнего и Среднего Востока в целом.

---

[18] От фр. camion – грузовик.

[19] Имеются в виду ложные слухи.

[20] Так в тексте.

[21] Так в тексте.

[22] Так в тексте. Предположительно, Карзад – это Кере́дж (перс. کرج), произносится Карадж, – город на севере Ирана, пригород Тегерана, административный центр остана Альборзи.

[23] Об обстоятельствах принятия решения о вводе войск, а также об имеющихся в историографии оценках этого события см.: Встречными курсами: Политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / Отв. ред В. Т. Юнгблюд. Авторский коллектив: В. Т. Юнгблюд, Т. А. Воробьёва и др. Киров, 2014. С. 78–87; Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. США и ввод англо-советских войск в Иран в августе 1941 г. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 4 (484). С. 81–92.

[24] Басов А. В., Гутенмахер Г. И. Персидский коридор // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 25–33; Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Гл. 4. Киров, 2011. С. 136–186; Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. М. : Издательство Московского университета, 2020. С. 439.

Оккупация страны позволила союзникам не допустить возможности постепенного втягивания Ирана в войну на стороне Германии, что могло спровоцировать и другие государства региона на аналогичные шаги (прежде всего – Турцию), но и полностью локализовать перспективные планы Гитлера по переброске специально создаваемой армии вермахта, которую планировалось использовать как для поддержки корпуса Роммеля в Африке, так и для последующих операций в регионе[25].

Данная мера позволила обезопасить как колониальные владения Великобритании, так и южные границы Советского Союза от угрозы появления новых фронтов Второй мировой (Великой Отечественной) войны, а также способствовала включению Ирана в орбиту стран антигитлеровской коалиции. Наконец, она позволила не допустить получения Германией бесконечных запасов углеводородов, необходимых для будущего завоевания мира, которыми располагали к тому времени как Иран, так и Ирак.

Тем не менее даже после такого поражения немецкие спецслужбы на протяжении нескольких лет продолжали попытки подрывной деятельности против союзников в этой стране.

Список литературы

1. Архив СВР России. Д. 25097. Т. 6. С. 213–222.
2. *Басов А. В., Гутенмахер Г. И.* Персидский коридор // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 25–33.
3. Встречными курсами: Политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / Отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Авторский коллектив: В. Т. Юнгблюд, Т. А. Воробьёва и др. Киров, 2014. 510 с.
4. Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру / Под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. Москва : Издательство Московского университета, 2020. 885 с.
5. *Марковчин В. В.* Немецкая экспансия на Восток: начало войны Германии с Советским Союзом глазами дипломатов / Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (287). С. 126–129.
6. *Марковчин В. В., Магомедханов В. М.* Иран 1941 года глазами нейтрального наблюдателя // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 2 (21). С. 149–158.
7. *Марковчин В. В., Магомедханов В. М.* Деятельность немецких спецслужб в Иране. 1941–1944 гг. // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 2 (18). С. 49–55.
8. *Марковчин В. В.* «Пантуранский вопрос» в германских документах 1941–1942 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 3 (22). С. 143–156.
9. *Марковчин В. В.* Гитлер, Роммель и другие: тайные виды на Турцию // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4 (19). С. 131–136.
10. *Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В.* США и ввод англо-советских войск в Иран в августе 1941 г. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 4 (484). С. 81–92.
11. *Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В.* Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров, 2011. 414 с.

The mood in the Iranian society in connection with the beginning of the Great Patriotic War

V. V. Markovchin
PhD in Historical Sciences, associate professor, professor of the Southern State University.
Russia, Moscow. E-mail: markovchin@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the moods prevailing in Iranian society at the end of June 1941, when a friendly country to Iran treacherously attacked the Soviet Union. In addition to the citizens of Iran, the publication also reflects the views on this problem on the part of foreign specialists who were in this country at that time.

The publication introduces a completely new documentary source in order to show the heterogeneity of the Iranian society as a whole, and in various ethno-religious groups that inhabited the country. Similar sentiments were observed among diplomats from various countries, who also perceived reports of Germany's treacherous attack on the USSR in different ways. In addition, several articles concerning the activities of the German special services on Iranian territory during the Second World War were previously devoted to the Iranian problem.

[25] См. Марковчин В. В. Гитлер, Роммель и другие: тайные виды на Турцию // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4 (19). С. 131–136.

Occupying a strategic position in the region, Iran (Persia) for many centuries was the most important country that largely determined the stability of this region, provided that its geopolitical aspirations in certain periods of its history lay far beyond the Middle East. And even having lost to some extent its former significance, the country has not ceased to feel increased attention from both old geopolitical opponents and new players. It is for this reason that there have always been a lot of foreign intelligence officers in Iran, who sensitively monitored the slightest changes in the military-political conjuncture of this state. Historically, the intelligence services of Great Britain and Germany had quite serious agent positions in Iran, for example.

The basis for the article was a document declassified in accordance with the procedure established by law and received by us from the archive of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation. It is a ten-page analytical report on the designated topic, prepared by one of the high-ranking operational sources of the Soviet residency in Iran. It is quite clear that its author is unlikely to ever be revealed, but the depth of his conclusions, awareness of the internal state of various segments of the population, the level of painstaking analysis of the Iranian press conducted by him suggest that he belonged to the elite of Iranian society at that time.

The details of the new "Migration of Peoples", which were seriously discussed by the Iranian political elite at that time, are also of undoubted interest. The published document once again confirms the "gigantism" of Adolf Hitler's plans to restore a truly "German order" in all the territories occupied by the Wehrmacht troops.

Keywords: Germany, the attack on the USSR, the reaction of various strata of Iranian society, the activities of the special services, the Main Directorate of State Security of the NKVD of the USSR, the 5th department.

References

1. Archive of the Foreign Intelligence Service of Russia. File 25097. Vol. 6. Pp. 213–222.

2. *Basov A. V., Gutenmacher G. I. Persidskij koridor* [The Persian corridor] // *Voenno-istoricheskij zhurnal* – Military-historical journal. 1991. No. 1. Pp. 25–33.

3. *Vstrechnymi kursami: Politika SSSR i SShA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* – Counter courses: The policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Near and Middle East in 1939–1947 / Ed. by V. T. Yungblud. The author's team : V. T. Yungblud, T. A. Vorobyova, etc. Kirov. 2014. 510 p.

4. *Vtoraya mirovaya vojna i transformaciya mezhdunarodnyh otnoshenij: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru* – The Second World War and the transformation of international relations: from multipolarity to a bipolar world / Ed. by L. S. Belousov, A. S. Manykin. M. Moscow University Press. 2020. 885 p.

5. *Markovchin V. V. Nemeckaya ekspansiya na Vostok: nachalo vojny Germanii s Sovetskim Soyuzom glazami diplomatov* [German expansion to the East: the beginning of the German war with the Soviet Union through the eyes of diplomats] // *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – News of the Voronezh State Pedagogical University. 2020. No. 2 (287). Pp. 126–129.

6. *Markovchin V. V., Magomedhanov V. M. Iran 1941 goda glazami nejtral'nogo nablyudatelya* [Iran of 1941 through the eyes of a neutral observer] // *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskih issledovanij* – Journal of Russian and Eastern European Historical Studies. 2020. No. 2 (21). Pp. 149–158.

7. *Markovchin V. V., Magomedhanov V. M. Deyatel'nost' nemeckih specsluzhb v Irane. 1941–1944 gg.* [The activities of the German special services in Iran. 1941–1944] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2020. No. 2 (18). Pp. 49–55.

8. *Markovchin V. V. "Panturanskij vopros" v germanskih dokumentah 1941–1942 gg.* ["The Pan-Turanian question" in German documents of 1941–1942] // *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskih issledovanij* – Journal of Russian and East European Historical Studies. 2020. No. 3 (22). Pp. 143–156.

9. *Markovchin V. V. Gilter, Rommel' i drugie: tainye vidy na Turciyu* [Hitler, Rommel and others: Secret views of Turkey] // *Jurnal rossiyskih i vistochnoevropeiskih istoricheskih issledovaniy* – Journal of Russian and Eastern European Historical Studies. 2019. No.4 (19). Pp. 131–136

10. *Yungblud V. T., Chuchkalov A. V. SShA i vvod anglo-sovetskih vojsk v Iran v avguste 1941 g.* [The USA and the entry of Anglo-Soviet troops into Iran in August 1941] // *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* – USA and Canada: economics, politics, culture. 2010. No. 4 (484). Pp. 81–92.

11. *Yungblud V. T., Chuchkalov A. V. Politika SShA v Irane v gody Vtoroj mirovoj vojny* [US policy in Iran during the Second World War]. Kirov. 2011. 414 p.

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902/904»633»(282.247.133) DOI: 10.25730/VSU.2070.21.025

Мезолитические стоянки Чердыб 1 и Чердыб 2 на р. Вычегда

А. В. Волокитин[1], Н. А. Волокитина[2]
[1]кандидат исторических наук, с.н.с., ведущий научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.
Россия, г. Сыктывкар. ORCID: 0000-0003-3080-7131. E-mail: volkt54@mail.ru
[2]кандидат культурологии, доцент, научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.
Россия, г. Сыктывкар. ORCID: 0000-0002-8725-4120. Researcher ID: E-9115-2016. E-mail: anjis@rambler.ru

Аннотация. Мезолитические стоянки Чердыб 1 и Чердыб 2 находятся на левобережье верхнего течения р. Вычегда, в окрестностях пос. Югыдъяг Усть-Куломского района Республики Коми. Располагаются на прикраевом участке 12-метровой боровой террасы. Открыты в 2003 г., исследовались в 2004–2005, 2007–2008 гг. А. В. Волокитиным при участии Н. А. Волокитиной.

Стоянки отделены друг от друга долиной безымянного ручья, впадающего в старицу р. Вычегда. Находки, выявленные по обе стороны ручья на нарушенных в результате лесозаготовок и противопожарных мероприятий участках поверхности террасы, располагаются на площади около 50 000 кв. м. Раскопочные работы проведены в двух пунктах стоянки Чердыб 1 и двух пунктах стоянки Чердыб 2. Материалы из раскопок всех пунктов, как и находки на разрушенной поверхности террасы сходны, демонстрируют единую индустрию. Возможно, что обе стоянки – это один большой памятник, являющийся отражением неоднократных кратковременных посещений одного и того же древнего коллектива.

Кремневая индустрия стоянок по технике расщепления имеет сходство со средневычегодской (ульяновской) мезолитической культурой по Г. М. Бурову. Здесь присутствуют карандашевидные нуклеусы, много микропластинок, а тип распределения пластин по ширине имеет выраженный пик узких пластинок. Вместе с тем орудийный набор чердыбских инвентарей отличается большим разнообразием форм и его доля среди находок выше. Имеются радиоуглеродные даты: стоянка Чердыб 1, участок 1 – 7520 ± 90 (ГИН-13357); и Чердыб 2, пункт 2 – 7460 ± 70 (ГИН-13358).

Ключевые слова: стоянка, мезолит, р. Вычегда, европейский Северо-Восток.

Стоянки Чердыб 1 и Чердыб 2 расположены в урочище с одноименным названием на левобережье р. Вычегда в ее верхнем течении, в непосредственной близости от устья р. Нем. Это окрестности пос. Югыдъяг Усть-Куломского района Республики Коми (рис. 1). На правом коренном берегу находится растянувшееся на 5 км вдоль реки старинное коми с. Усть-Нем, состоящее из нескольких деревень. Первые находки в урочище Чердыб были сделаны В. Н. Кармановым в 2003 г. в ходе разведочных работ Вычегодского 2 археологического отряда Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. На разрушенной дорогой поверхности края террасы было обнаружено скопление находок, среди которых преобладали призматические пластинки. Тогда в 2003 г. было выявлено два участка стоянки, примыкающих с левой стороны к безымянному ручью. В 2004 г. установлено присутствие находок на противоположном (правом) берегу ручья. Они обнаружены в шести пунктах на протяжении 0,3 км в северном направлении от ручья. Эти местонахождения получили наименование Чердыб 2, тогда как памятник на левобережье ручья – Чердыб 1. Исследования стоянок проведены в 2004–2005, 2007–2008 гг. А. В. Волокитиным при участии Н. А. Волокитиной [4, с. 55–57].

Ручей, долина которого отделяет стоянки друг от друга, впадает в старицу р. Вычегда, находящуюся в непосредственной близости от края террасы. Следует полагать, что во время существования стоянок здесь проходило русло реки.

© Волокитин А. В., Волокитина Н. А., 2021

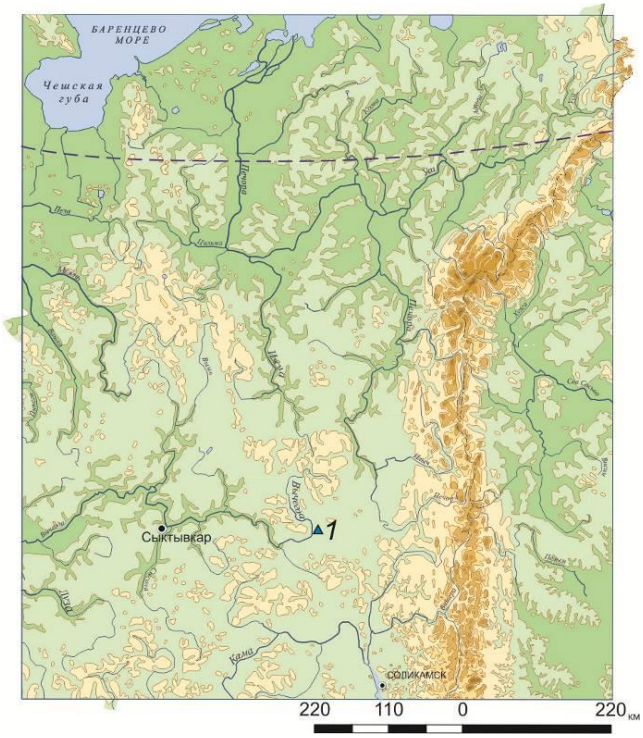

Рис. 1. Местоположение стоянок Чердыб 1 и Чердыб 2 на карте европейского Северо-Востока (1)

Материалы исследований. Стоянки Чердыб 1 и Чердыб 2 расположены на 12-метровой боровой террасе в ее прикраевой части. Отделены друг от друга долиной ручья, который впадает в старицу р. Вычегда. В районе стоянки Чердыб 2 старица вплотную походит к краю террасы, а уже к стоянке Чердыб 1 она по дуге отворачивает в сторону реки. Расстояние до русла р. Вычегда в настоящее время составляет 0,5 км (рис. 2).

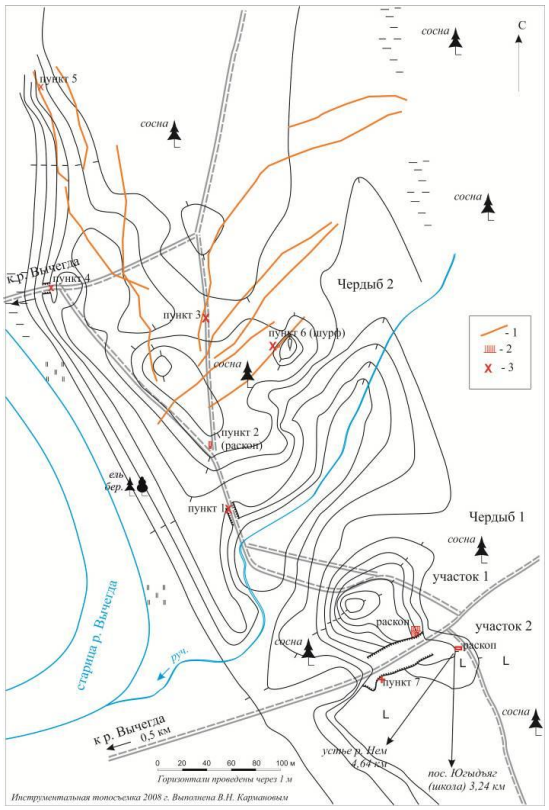

Рис. 2. Стоянки Чердыб 1 и Чердыб 2. План местности
Условные обозначения: 1 – противопожарные полосы, 2 – раскопы, 3 – находки на поверхности.

Исследования на стоянках были привязаны к местам скоплений находок на разрушенных участках поверхности террасы. Эти разрушения – результат деятельности существовавшего здесь леспромхоза, заготавливавшего, складировавшего и сплавлявшего по реке древесину. На стоянке Чердыб 1 такие пункты, всего их восемь, были выявлены в бортах обнажения дороги, спускающейся в пойму, а также на выровненной (спланированной) тяжелой техникой площадке склада древесины. На стоянке Чердыб 2 находки обнаружены в шести пунктах на обнажениях дорог и на отвалах противопожарных ровиков. Раскопочные работы проведены в двух пунктах стоянки Чердыб 1 и двух пунктах стоянки Чердыб 2 (рис. 2). Можно говорить, что они носили спасательный характер. Согласно наблюдениям непосредственно на памятниках и анализу всех полученных материалов, здесь не выявляется никаких артефактов, которые могли бы принадлежать другим эпохам помимо мезолита.

Следует отметить, что все пункты обеих стоянок – это типичные местонахождения на боровых террасах. Имеют сходное строение отложений, где под лесной подстилкой и моховым (ягель – «беломошник») покровом находится белесая супесь (подзол), ниже которой располагается иллювиальный горизонт ярко желтого песка. Методика полевых исследований стоянок Чердыб 1 и 2 типична для боровых мезолитических памятников. Культуросодержащие отложения вскрывались с фиксацией на плане и замером глубины всех находок. В ненарушенных отложениях они залегали в подзоле, на границе подзола и иллювиального горизонта и в насыщенных окислами железа верхах последнего. Их глубина от дневной поверхности не превышает 0,4 м. Однако некоторые находки в корневодах имеют глубину до 1 м. Во время раскопочных работ фиксировалась приуроченность находок к тем или иным слоям отложений. Вместе с тем в случаях, когда находки из разных слоев планиграфически располагаются в одном скоплении, они представляют один ансамбль, а их различное залегание объясняется особенностями почвообразования на боровых террасах. Это хорошо подтверждается случаями ремонтажа, когда подбирающиеся фрагменты имеют разную приобретенную окраску, желтовато-красную из верхов иллювиального горизонта, белесую из подзола.

Как уже неоднократно указывалось [6, с. 96], в кислых лесных почвах региона почти не сохраняются предметы из органики. Исключение составляют мелкие фрагменты кальцинированных костей. По этой же причине здесь отсутствует, не выделяется культурный слой как таковой. Мы можем фиксировать только отдельные его элементы: скопления, остатки очагов, следы жилищ. Малая глубина залегания культурных остатков является причиной того, что любое повреждение поверхности террасы обнажает их. На чердыбских стоянках, в пунктах, где поверхность террасы подверглась интенсивным нарушениям, раскопами в верхах вскрывался перемешанный слой темно-коричневой супеси, который содержал находки, перемещенные со своего места первоначального залегания. Далее следовали корневоды, заполненные подзолом, и верхи иллювиального горизонта с находками, не подвергшимися перемещению, помимо естественной биотурбации.

Стоянка Чердыб 1, участок 1.

В 2003 г. находки здесь были обнаружены в осыпи борта обнажения дороги, спускающейся в пойму, прорезавшей отложения края террасы на значительную глубину. К обнажению примыкал возвышенный участок террасы с ненарушенными отложениями, на котором в 2004–2005, 2007 гг. было раскопано 58 кв. м (рис. 2). Вскрыто пятно находок диаметром 5-6 м. Оно представляет собой остатки округлого в плане наземного жилища, юго-восточная часть которого разрушена дорогой. Основное скопление находок представляет вытянутый по направлению север-юг овал, по сторонам которого находки более разрежены. В юго-западной части расположено скопление отщепов. Отмечены угли и мелкие фрагменты кальцинированных костей. Деформированная в результате биотурбации углистая линза диаметром около 1.0 м, сопровождавшаяся прокалом (очаг?), находится в северо-западной части жилища. По углям, рассеянным на нескольких квадратных метрах, получена дата – 7520 ± 90 (ГИН-13357).

Фаунистические остатки представлены: фрагментами плюсны лося (03) 3 экз., ребром волка? – 1 экз. Фрагменты (120 экз.) трубчатых костей, вероятнее всего, принадлежат лосю[1].

Кремневые изделия насчитывают 1075 экземпляров, в том числе чешуек – 293 экз. Присутствуют орудия из галек и отщеп из некремневых пород (6 экз.). Продукты расщепления представлены отщепами (320 экз.) и пластинами (490 экз.). Зафиксировано большое количество первичных сколов, а большая часть мелких отщепов, особенно ногтевидные, получены при подправке площадок нуклеусов и оформлении их ребра.

[1] Определение П. А. Косинцева, Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург.

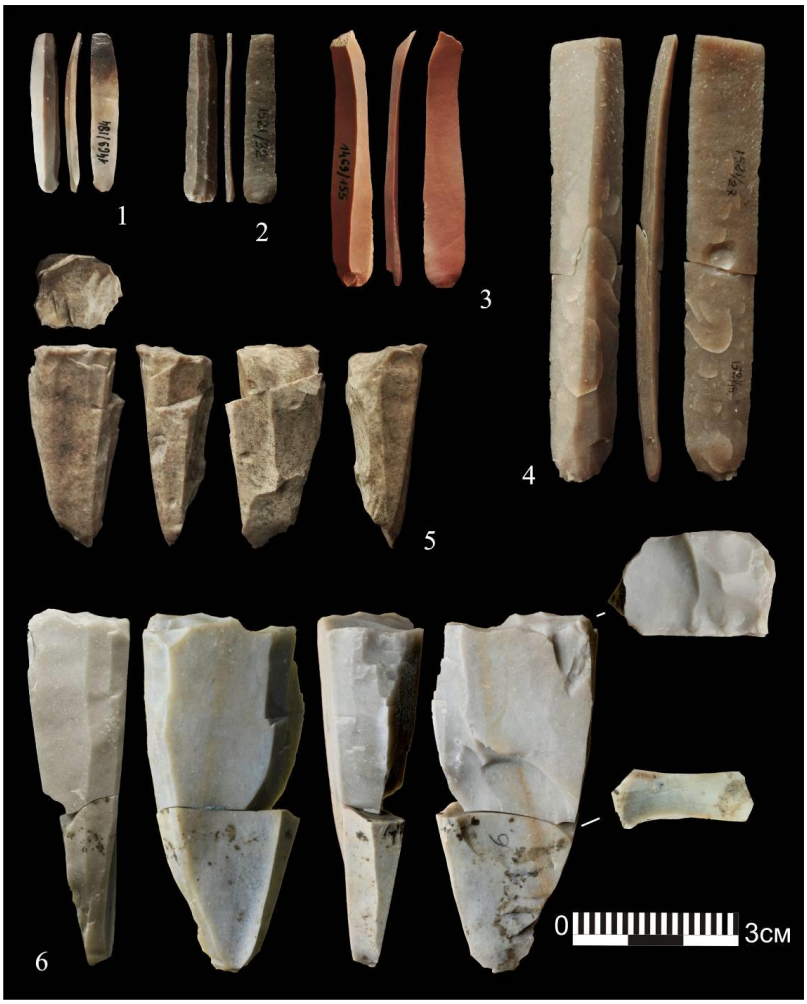

Рис. 3. Чердыб 1, участок 1. Кремневый инвентарь
1 – микропластинка; 2–3 – узкие пластинки; 4 – пластина (проксимальный сегмент пластины, составлен); 5 – нуклеус; 6 – нуклеус (ремонтаж).

Имеется конусовидный нуклеус с полузамкнутым фронтом скалывания (рис. 3.5). Есть также два обломка бифронтального торцевого нуклеуса, которые подбираются (ремонтаж) друг к другу. Причем с одного из них производилось скалывание уже после облома (рис. 3.6). Представлены сколы подживления площадок нуклеусов (20 экз.), ребристые сколы (3 экз.) и ребристые пластины (17 экз.), осколки (2 экз.), резцовые ощепки (4 экз.).

Число изделий имеющих вторичную обработку (122 экз.) составляет 15,6 % от общего числа находок из кремня, из которого исключены чешуйки.

Орудийный набор памятника включает: обломок скошенного острия, пластинки с притупленным краем, резцы, пластины с усеченным концом, микроскребки, скребки, пластины с ретушью, пластины с выемками. Присутствуют орудия из отщепов: отщепы с ретушью (1 экз.) и выемками (2 экз.).

Скошенное острие (кончик обломан, рис. 4.1) оформлено на микропластинке, представлен дистальный сегмент.

Пластинки с притупленным краем (10 экз.) – это длинные сечения узких пластинок и микропластинок (рис. 4.2-11). Притупливание выполнено по одному из краев, ретушь вентральная разнофасеточная крутая и отвесная, притупленный край неровный. Аналогичным образом оформлен также обломок пластинки с сохранившимся проксимальным сегментом (рис. 4.7).

Все резцы (9 экз.) относятся к типу резцов на углу сломанной пластины (рис. 4.12–16,18). Имеются как одинарные, так и двойные резцы. Лишь одно орудие (крупный обломок, рис. 4.12) имеет дополнительно еще и поперечный резцовый скол. Скорее это случайная форма.

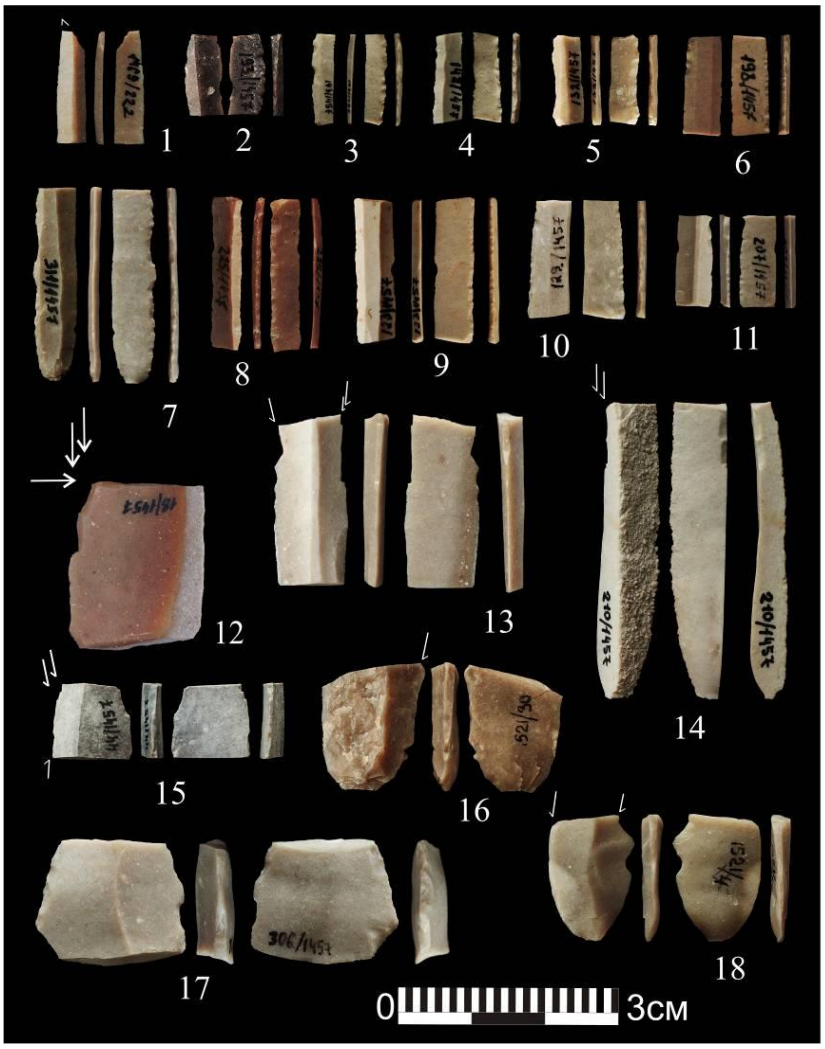

Рис. 4. Чердыб 1, участок 1. Кремневый инвентарь
1 – скошенное острие (обломано); 2–11 – пластинки с притупленным краем; 12–14, 16, 18 – резцы; 15 – сечение пластины с резцовыми сколами и выступом; 17 – сечение пластины с выступом.

Среди сечений пластин с резцовыми сколами (9 экз.) есть экземпляр с альтернативно направленными сколами, а его второй край имеет выступ, сформированный противолежащей ретушью (рис. 4.15). В коллекции также есть сечение пластины с аналогичным выступом, но второй край оформлен не резцовыми сколам, а ретушью (рис. 4.17). Эти орудия отнесены к специфическим вкладышам. Серия этих вкладышей представлена короткими сечениями пластинок средних размеров и пластин с нерегулярной ретушью, часто заходящей на углы. Иногда фиксируются короткие резцовые, в том числе плоские, сколы, а также подработка карнизиков (рис. 6.1–4,6–7,9).

Один из двух скребков (рис. 5.6–7) имеет скошенное лезвие. Есть обломок скребка, у которого к лезвию с правого края примыкает шип, оформленный противолежащей ретушью (рис. 5.8). Отмечены также обломки двух сколов, снявших лезвия орудий типа скребков.

Пластины с усеченным концом представлены дистальными сегментами двугранных пластинок с косоусеченными ретушью концами (2 экз.) Они могут рассматриваться как микроскребки (рис. 5.1–5). Один экземпляр (рис. 5.2) относится к так называемым долотцам [5, с. 19–20]. Есть дистальный сегмент пластины, с частично усеченным концом (рис. 5.4). Тем не менее присутствуют и узкие правильные пластинки с усеченным концом (рис. 5.3).

В числе такой категории, как пластины с ретушью (55 экз.), есть обломки с ретушированными выемками (7 экз., рис. 6.5), а также пластины с зубчато-выемчатой ретушью, среди которых выделяются два крупных экземпляра, составленные из сечений (рис. 6.8,10).

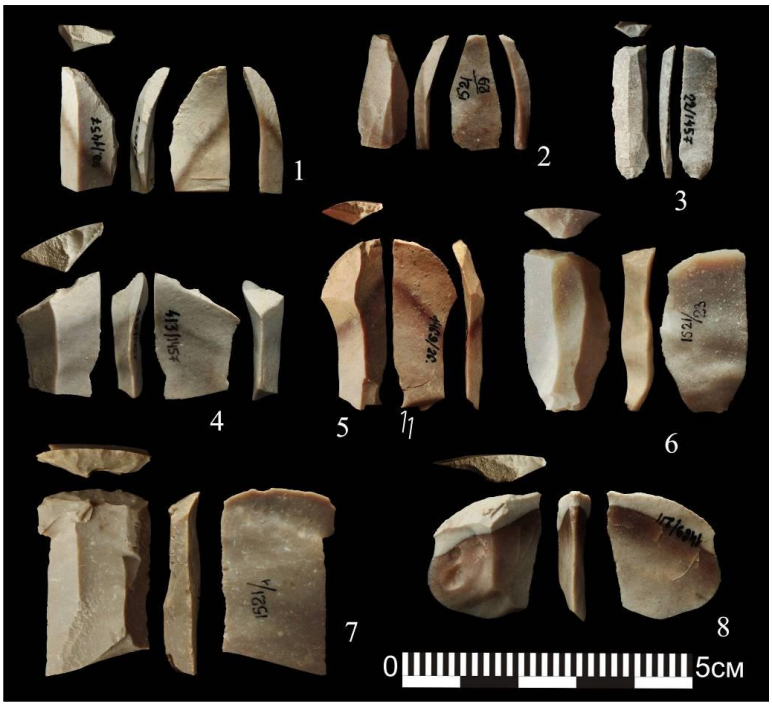

Рис. 5. Чердыб 1, участок 1. Кремневый инвентарь
1–2, 5 – дистальные сегменты изогнутых пластинок с усеченным концом; 3 – пластинка (целая) с усеченным концом; 4 – дистальный сегмент пластины, частично усеченный отвесной ретушью; 6–7 – скребки; 8 – скребок-провертка (термическое повреждение).

Рис. 6. Чердыб 1, участок 1. Кремневый инвентарь
1 – сечение пластины, вкладыш; 2, 4, 6 – сечения пластин с ретушью; 3, 5 – сечения пластин с ретушью, выемки; 7 – сечение пластины с ретушью, подработка одного из карнизиков (специфический вкладыш); 8, 10 – пластины с ретушью (составлено), по правым краям зубчато-выемчатые лезвия; 9 – короткие сечения пластины с ретушью (ремонтаж).

Рис. 7. Чердыб 1. Орудия из некремневых пород (ударно-абразивные)

Помимо изделий из кремня обнаружены отщеп из кварцитопесчаника и ударно-абразивные орудия из некремневых пород (5 экз.). О назначении одних орудий можно судить с большой долей вероятности. Так называемая наковальня из плоского валуна кварцитопесчаника (рис. 7.5) помимо следов ударов имеет отчетливые следы резания, очевидно кости. Они аналогичны следам орудию из коллекции третьего культурного горизонта памятника Вылыс Том 2 [9, с. 203, рис. 1.1; с. 204, рис. 2.1–2]. Относительно орудия из мелкозернистого граувакового песчаника (рис. 7.4) есть заключение[2] о следах разглаживания мягких материалов на ровной поверхности. У расколотой вдоль гальки песчаника (рис. 7.1) один из краев подработан крупной ретушью, а на узком конце – лезвие, сформировавшееся от ударов по кости(?). Две гальки (рис. 7.2–3) имеют на ребрах и углах следы надавливания. Трасологического исследования последних трех орудий не проводилось.

Стоянка Чердыб 1, участок 2.

Второй участок стоянки Чердыб 1 отделен от первого дорогой, глубоко прорезавшей край террасы и спускающейся в пойму. Поверхности участка разрушена при выравнивании площадки склада древесины. Сюда в свое время была проложена узкоколейная железная дорога. На поверхности, начинающей зарастать мелколесьем, площадки обнаружено нескольких пунктов, где обнаружен подъемный материал. На месте одного из этих скоплений (пункт 1), где в 2003 г. было собрано наибольшее количество находок с поверхности, в том числе фрагменты кальцинированных костей, в 2004 г. раскопано 10 кв. м. Находки обнаружены как в пе-

[2] H. Plisson, University of Bordeaux, Bordeaux, France.

ремещенном состоянии, в слое темносерой супеси, так и в ненарушенных отложениях, в верхах иллювиального горизонта и корневодах, заполненных белесой супесью. Наличие этих находок показывает, что перемещение остальной их массы произошло на незначительное расстояние. Проекция находок на плане подтверждает принадлежность одному скоплению культурных остатков. Кремневый инвентарь насчитывает 432 экз. В этом числе пластины и орудия из них – 169 экз., ребристые пластины – 4 экз., обломки нуклеусов – 2 экз., отщепы – 83 экз., чешуйки – 174 экз.

Рис. 8. Чердыб 1, участок 2. Кремневый инвентарь
1 – микропластинка с притупленным краем; 2 – резец; 3 – проколка; 4 – приостренная пластинка (составлена); 5 – сечение пластины с ретушью; 6 – обломок орудия; 7, 9 – микроскребки; 8 – пластина с ретушированным концом; 10–12 – скребки.

В связи с тем, что большая часть находок во время их перемещении и функционирования склада подвергались механическому воздействию, нерегулярная ретушь на некоторых из них не может служить основанием для определения того, что это следы намеренного ретуширования или же использования предмета в качестве орудия. Поэтому в число орудий в основном вошли лишь те, что имеют выраженный морфологический облик. Общее количество орудий 23 экземпляра, что составляет 9 % от общего числа кремневых изделий за исключением чешуек.

Имеется один отщеп с выемками, остальные орудия из пластин.

Пластин и микропластин с притупленным краем в коллекции четыре экземпляра (обломки, рис. 8.1).

Оба резца на углу слома. Это сечения пластин с резцовым сколом по всей длине одного из краев (рис. 8.2).

В числе острий: проколка с намеченными плечиками (кончик обломан, рис. 8.3); приостренная пластина (обожжена, рис. 8.4).

У одного из скребков к лезвию примыкает участок ретуши по правому краю, формирующий шип (рис. 8.10). Есть экземпляр с лезвием, сформированным длиннофасеточной ретушью (рис. 8.11) и экземпляр (целый) с зубчато-выемчатым лезвием (рис. 8.12). Отмечено два термических обломка скребков. Среди микроскребков (3 экз., рис. 8.8–9) присутствует экземпляр с выступом на лезвии. Есть также пластинка с усеченным концом и пластина с ретушированным скошенным концом (рис. 8.7).

Среди обломков пластин с ретушью есть как те, что являются обломками каких-то орудий (рис. 8.5–6), так и сечения пластин и пластинок с эпизодической ретушью, ретушированными углами, мелкими резцовыми сколами – своеобразные вкладыши.

Особенность этого пункта – большое количество фрагментов кальцинированных костей. Определены: лось (метоподия – 4 экз., фаланга (ф1, ф4), сесамоид (целый), бедро (03) – 1 экз.), северный олень (сесамоид), волк (метаподия, фаланга (ф1) – 1 экз.). Среди фрагментов трубчатых костей (около 500 экз.) наиболее вероятны лось и северный олень, при доминировании лося.[3]

На стоянке Чердыб 2, где выявлено шесть пунктов находок, раскопочные работы проведены в пункте 2 и пункте 6.

Чердыб 2, пункт 2.

Находится на расстоянии 70 м от ручья, на развилке дорог. Одна из них идет по краю террасы на северо-запад другая поднимается на возвышенную часть террасы строго на север (рис. 2). В 2005 и 2007 гг. здесь вскрыто 12 кв. м. Находки обнаружены как в слое разрушенных перемешанных отложений поверхности, примыкающей к развилке дорог, так и в ненарушенных слоях (большинство). На раскопанной площади была выявлена линза 0,6 × 0,5 м, насыщенная углями, среди которых попадались крупные (до 3 см в диаметре). Углистое пятно, уменьшившееся в размерах, распространилось на глубину до 0,2 м. Разброс находок, приуроченных к данному пятну, по вертикали был наибольшим. По углям получена дата – 7460 ± 70 лет (ГИН-13358).

Найдено шесть фрагментов мелких неопределимых костей.

В коллекции присутствует обломок гальки кварцитопесчаника, а также галька-абразив и два отбойника из галек. Кремневые изделия насчитывают 610 экземпляров, в том числе чешуек – 114 экз.

Имеются нуклеус конусовидный одноплощадочный с незамкнутым фронтом скалывания (рис. 9.5), короткий нуклеус с негативами неправильных пластинок, обломок (термический) конусовидного нуклеуса, сколы подживления площадки нуклеуса (7 экз.), ребристые пластины и их обломки (13 экз.). Продукты расщепления представлены отщепами (79 экз., при абсолютном преобладании мелких и очень мелких) и пластинами (212 экз.), в том числе и микропластинками (32 экз., что составляет 15 % от общего числа пластин).

В орудийном наборе присутствуют пластинка с притупленным краем и пластина с подтеской проксимальной части по дорсальной плоскости.

Острий три. Это приостренная пластина (рис. 10.1). Есть очень своеобразное орудие (обломок), у которого сформированное ретушью острие дополнено резцовыми двугранными сколами (рис. 10.2). Как обломок острия с намеченными плечиками следует рассматривать узкую пластинку с участком ретуши у облома (рис. 10.3).

[3] Определение П. А. Косинцева, Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург.

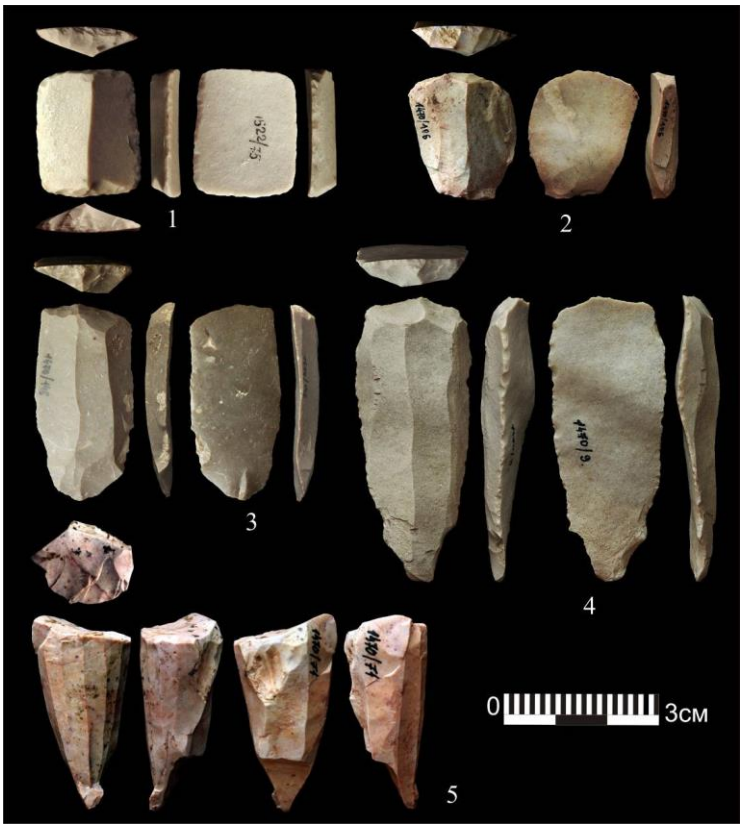

Рис. 9. Чердыб 2, пункт 2. Кремневый инвентарь: 1–4 – скребки; 5 – нуклеус конусовидный.

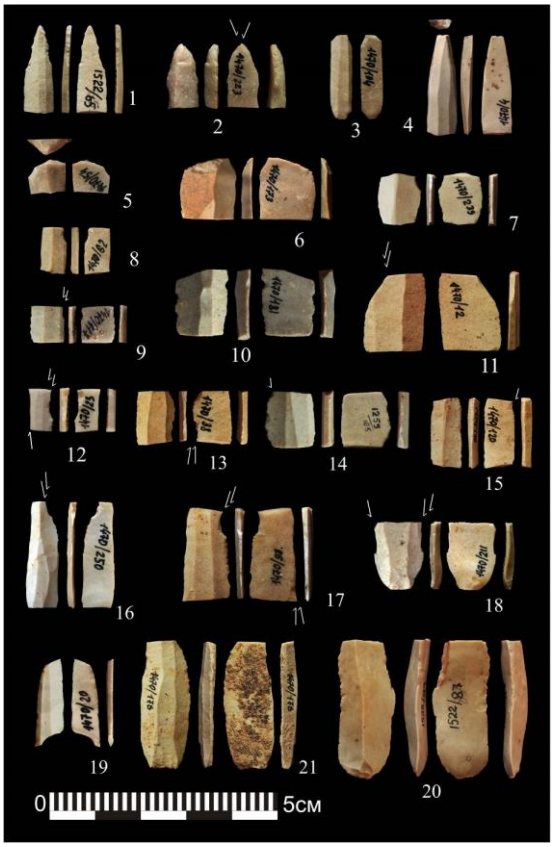

Рис. 10. Чердыб 2, пункт 2. Кремневый инвентарь
1 – острие; 2 – обломок острия; 3 – обломок пластинки с участком ретуши (обломок острия?); 4–6 – микроскребки; 7 – сечение пластинки с ретушью и выступом; 8 – сечение пластинки с выемками; 9, 11–14 – сечения пластинок с резцовыми сколами (14 – вкладыш); 10 – сечение пластинки с ретушью и выемками; 15–18 – резцы; 19–21 – обломки пластин с ретушью.

Все резцы на углу сломанной пластинки (рис. 10.15–18). Есть двойные (рис. 10.18), в том числе альтернативные (рис. 10.17). Среди сечений пластин с резцовыми сколами (5 экз.) можно увидеть короткий двойной альтернативный (рис. 10.12) резец, а также обломки резцов (рис. 10.9,11). Некоторые сечения с резцовыми сколами, особенно мелкими в сочетании с ретушью по краям, следует отнести в разряд вкладышей (рис. 10.13–14). Отмечено, что есть подобные вкладыши, где присутствует только ретушь, иногда заходящая на углы, среди них есть экземпляры (3) с выступом по одному из краев, оформленным противолежащей ретушью (рис. 10.7).

Скребки (4 экз., целые). Причем следует подчеркнуть, что это абсолютно сохранившиеся орудия, что большая редкость. Двулезвийный короткий экземпляр имеет противолежащую обработку краев крутой ретушью (рис. 9.1). Есть однолезвийный короткий скребок (рис. 9.2). Самый крупный экземпляр (рис. 9.4) с сужающимися краями подработан крупнофасеточной противолежащей ретушью для крепления в рукояти(?). Его лезвие имеет выступ. Менее заметный выступ на слегка скошенном лезвии есть у еще одного орудия (рис. 9.3). В коллекции есть также обломки сколов, снявших лезвия орудий типа скребков (3 экз.) и скол рассечения скребка. Имеются микроскребки (2 экз., рис. 10.4–5), пластины и пластинки с усеченным концом (3 экз.), пластинки с ретушированным концом (2 экз. рис. 10.6).

Орудийный набор памятника включает также пластины с ретушью (20 экз. рис. 10.19–21). По большей части это участки ретуши, примыкающей к облому, есть обломки с нерегулярной ретушью. Выемчатые орудия (8 экз.) представлены в обломках.

Общее количество орудий 62 экземпляра, что составляет 12,5 % от общего числа.

Чердыб 2, пункт 6.

Находится на расстоянии 167 м на северо-восток от раскопа в пункте 2 стоянки (рис. 2). Здесь в 2007 г. на тропе, идущей по отвалу старой задернованной противопожарной полосы, были обнаружены нуклеус, острие, сколы. На месте находок в 2008 г. проведены пробные раскопочные работы на площади 2 × 2 м для установления наличия культурных остатков в погребенном состоянии.

Было установлено, что в результате пропахивания противопожарного ровика часть отложений с находками была перемещена в отвал. Впрочем, эта ситуация легко прочитывалась в процессе раскопок. Находки остались в тех же отложениях, что и до их перемещения в отвал.

В коллекции присутствуют находки из кварцитопесчаника. Это осколки (5 экз.), отщепы и их обломки (6 экз.). Общее количество предметов из кремня – 838 экз., в том числе чешуек – 106 экз.

Нуклеусов найдено 11 экземпляров. Среди них есть карандашевидный (рис. 11.1), его проксимальная часть с площадкой были обломаны (намеренно?), после этого с облома произведено одно укороченное снятие. Имеется удлиненный узкий призматический нуклеус (рис. 11.2). Такие экземпляры часто встречаются совместно с карандашевидными нуклеусами на мезолитических стоянках региона. Два небольших конусовидных нуклеуса находятся в завершающей стадии расщепления (рис. 11.3). Представлен конусовидный нуклеус, составленный из диагонального скола, подбирающегося к отделенной проксимальной части (рис. 11.6). А также найдены переоформленные в нуклеусы обломки (рис. 11.4–5), аналогичные тем, из которых составлен вышеописанный экземпляр. У всех нуклеусов налицо негативы последних ступенчатых снятий. В коллекции имеются также два обломка нуклеусов, полученных в результате термического воздействия.

Довольно многочисленны сколы подживления площадок. Среди таковых как экземпляры, соответствующие размерам представленных нуклеусов, так и более крупные. Например, экземпляр 33 × 43 × 10 мм, снявший половину площадки. Следовательно, ее диаметр более 40 мм. Таким образом, можно сделать заключение, что активная стадия расщепления производилась с нуклеусов с диаметром площадки свыше 50 мм. Количество нуклеусов и технических сколов указывают на существование здесь стоянки-мастерской.

Рис. 11. Чердыб 2, пункт 6. Нуклеусы
1 – карандашевидный нуклеус; 2 – призматический нуклеус, 3, 6 – конусовидные нуклеусы;
4–5 – переоформленные обломки нуклеусов, аналогичные тем обломкам,
из которых составлен экземпляр № 6.

Пластин и орудий из них 368 экз., отщепов 331 экз. (лишь два отщепа имеет вторичную обработку – ретушь). Имеется 24 ребристых пластины и два резцовых ощепка. Среди отщепов сколы (41 экз.) подживления и подработки площадки, а также два ребристых.

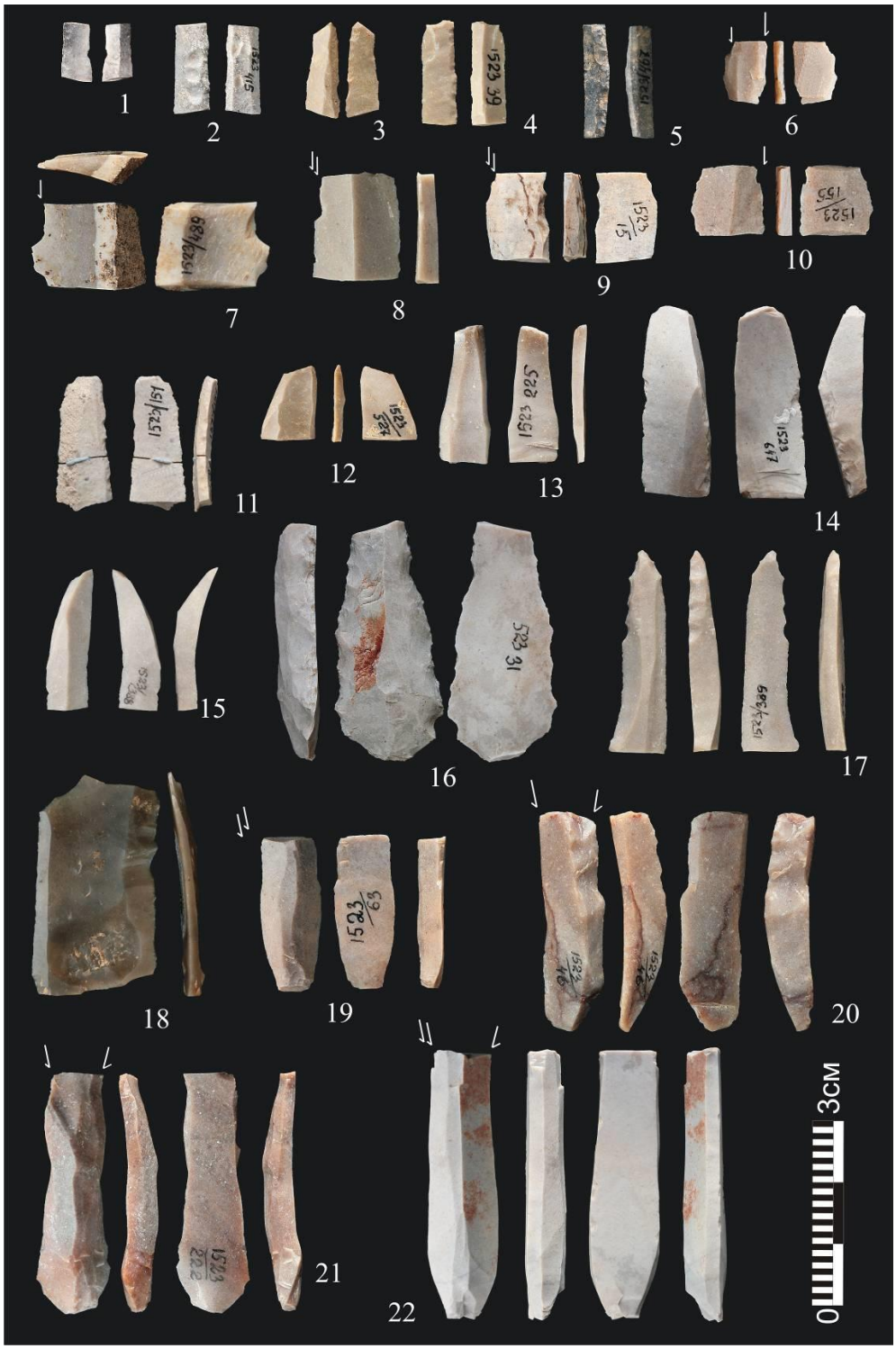

Рис. 12. Чердыб 2, пункт 6. Кремневый инвентарь
1–5 – обломки пластинок с притупленным краем; 6–10 – сечения пластин с резцовыми сколами и ретушью; 11–14 – пластинки с усеченным концом – микроскребки; 15–17 – острия; 18 – крупная пластина с ретушью; 19–22 – резцы.

В числе орудий пластинки с притупленным краем (7 экз.; рис. 12.1–5). Ретушь вентральная крутая и отвесная разнофасеточная. Некоторые пластинки имеют термические повреждения.

Острия (3 экз.) представлены скошенным острием (рис. 12.15) на изогнутой в профиле пластинке; остроконечником на крупной пластине, обработанной крупнофасеточной ретушью (жало обломано, рис. 12.16); приостренной пластинкой с зубчато-выемчатой обработкой по левому краю и подработкой кончика плоской ретушью по вентралу (рис. 12.17).

Усеченных пластинок и пластин насчитывается 13 экземпляров (рис. 12.11–14). Впрочем, некоторые из них можно отнести к микроскребкам, например, рис. 12.14. Тут же следует отметить, что в данной коллекции отсутствуют скребки.

Среди резцов (6 экз.) представительны крупные двойные (рис. 12.19–22). Выделяется орудие, у которого резцовые сколы сняли оба края пластины по всей длине (рис. 12.22). Также довольно много сечений пластин с резцовыми сколами (рис. 12.6–10). Некоторые из них являются обломками резцов, а те, что имеют короткие резцовые сколы, эпизодическую ретушь, особенно на углах следует отнести к вкладышам (рис. 12.6). Есть также сечения пластин и обломки пластин (рис. 12.18) с нерегулярной ретушью. Одна из пластинок имеет подтеску ударного бугорка – долотовидное орудие(?).

Общее количество орудий – 61 экземпляр, что составляет 8 % от общего числа кремневых изделий за исключением чешуек.

Заключение. Несмотря на обстоятельства, связанные с современными разрушениями памятников, спасательный сценарий раскопочных работ, а также с ограничениями, что накладываются их расположением на боровых террасах, следует заключить, в результате удалось получить достаточно качественный материал. Мы имеем статистически значимые коллекции, радиоуглеродные даты, определения фаунистического материала и некоторые функциональные определения орудий.

Имеющиеся особенности этих четырех коллекций, такие как нуклеусы и крупные резцы Чердыба 2, пункт 6, скребки Чердыба 2, пункт 2 и некоторые другие, совсем не вызывают сомнений в их сходстве. Важно наличие на всех раскопанных пунктах пластинок с притупленным краем с обращающим на себя внимание оформлением разнофасеточной ретушью, присутствие одинаковых острий, вкладышей на коротких сечениях пластин с короткими резцовыми сколами, выступами, оформленными противолежащей ретушью, пластин с усеченным концом – микроскребков. Одинаково высок процент наличия вторичной обработки (орудий). Отмечается сходство использованного сырья. Особенно это заметно по нуклеусам и орудиям, сохраняющим характерную естественную корку. Ожидаемо то, что и показатели техники расщепления, например, такой как распределение пластин, по ширине оказались одинаковыми (рис. 13).

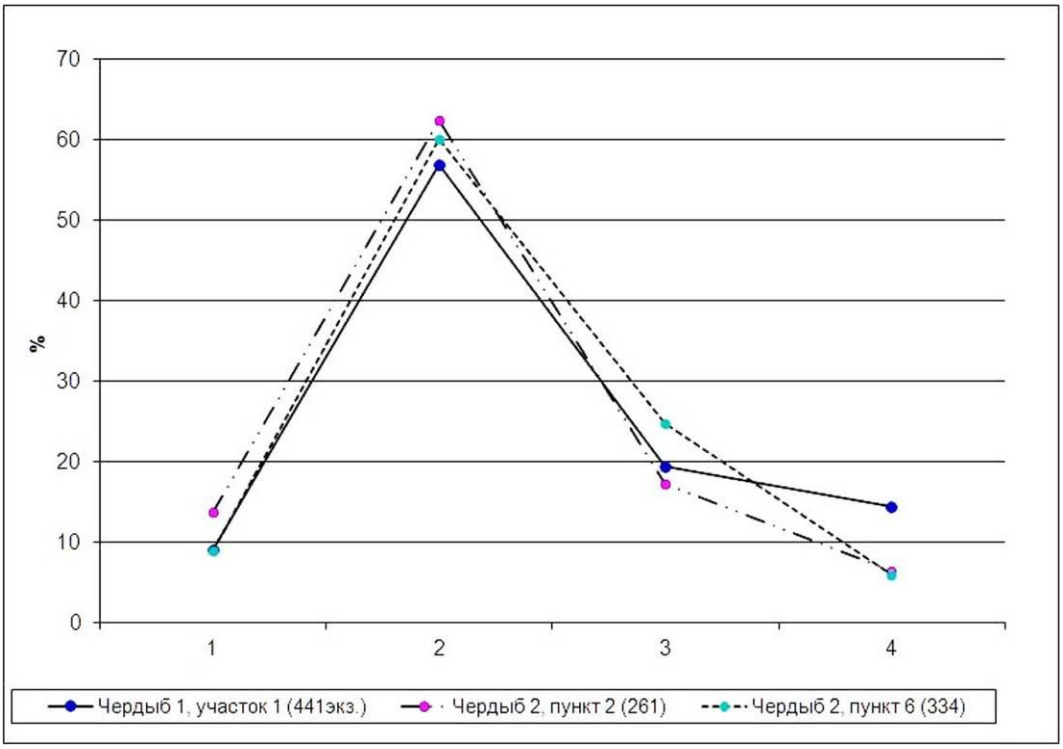

Рис. 13. Графики распределения пластин по ширине по группам: I – микропластины (до 0,5 см); II – узкие пластины (0,6-1,0 см); III – средние (1,1–1,5 см); IV – широкие (более 1,5 см)

Это так называемый «камский тип» [8, с. 25–44] распределения с пиком узких пластинок. Достаточно высока доля микропластин.

Именно такой тип распределения пластин по ширине характерен для приуральской традиции мезолита европейского Северо-Востока [2]. Со средневычегодской (ульяновской) археологической культурой, выделенной Г. М. Буровым [1] и которая, по нашему мнению, входит в данную традицию, материалы из урочища Чердыб сближает наличие карандашевидного нуклеуса. Вместе с тем наблюдаются и отличия. Прежде всего это выражается в том, что орудийный набор описанных чердыбских материалов разнообразнее и его процентное соотношение выше. Обилие так называемых долотец, характерное для средневычегодской культуры, здесь не фиксируется. Имеется лишь несколько экземпляров, которые можно с ними сопоставить. Наличие же пластин с усеченным концом и обилие пластинок с притупленным краем сближает описанные коллекции с индустриями парчевской культуры. Это совершенно другая традиция в мезолите региона, которая условно была названа западной. Для нее характерен другой показатель первичного расщепления с «волжским» [8, с. 25–44] типом распределения пластин по ширине. Он показывает примерно равное соотношение узких и средних пластин. Таким образом, материалы стоянок Чердыб 1 и 2 дали основание говорить об индустриях, где произошло смешение принципов первичного расщепления приуральской и орудийного набора западной традиции. Наибольшее сходство материалы стоянок Чердыб 1 и 2, на наш взгляд, и имеют с коллекцией стоянки Пезмогты 6 [5, с. 16–38]. Что же касается хронологической позиции описанных материалов, то радиоуглеродные даты (Чердыб 1 – 7520 ± 90 и Чердыб 2 – 7460 ± 70 лет ГИН-13357; 13358, не калиброваны), позволяющие отнести стоянки к завершающей поре мезолита, как и все даты, полученные на боровых стоянках подвержены критике. И данное обстоятельство мы должны учитывать. Г. М. Буров при датировке средневычегодской культуры и довольно спорного кама-печорского культурного типа, в который он включал эту культуру [1; 14] ссылался на даты (вторая половина VII тыс. до н. э.) мезолитических стоянок камско-вятского междуречья Баринка 1 и Баринка 2 [10]. Сопоставимые даты («приблизительно VII–VI тыс. до н. э.») предлагает для «смешанных» индустрий Л. Л. Косинская [11, с. 125–147]. Но все же проблема хронологических рамок как для приуральской, так и смешанной традиции далека от своего решения [8, с. 8–10].

Исследователи из Перми в конце 1960-х гг., в связи с открытием стоянки Березовской на севере Пермской области [13, с. 7–27] выдвинули предположение, что заселение Вычегодского края в мезолите проходило по р. Нем через близко подходящие к нему на водоразделе притоки камского бассейна. К сожалению, материал стоянки Березовской слишком малочислен, и в настоящее время есть ряд мезолитических памятников в районе г. Березники [12, с. 19–36], исследованных более полно, на которые следует обратить внимание в плане поиска направлений проникновения мезолитических коллективов на Вычегду.

В заключение следует отметить: можно со всем основанием предполагать, что стоянки Чердыб 1 и Чердыб 2 – это следы сезонных пребываний одной и той же группы людей на данной территории. Возможно, это самый крупный мезолитический памятник в регионе. Выявленная площадь распространения культурных остатков в урочище – около 50 000 кв. м. Во-вторых, несомненный интерес вызывает то, что данные стоянки находятся на расстоянии всего 16 км от группы пойменных мезолитических стоянок Парч 1 и Парч 2 [3]. Отличительной чертой парчевских индустрий является наличие черешковых наконечников стрел, аналогии с бутовской культурой Волго-Окского междуречья. Тем не менее мы предлагаем рассматривать стоянки в Чердыб 1 и 2 в рамках парчевского геоархеологического микрорайона, используя все возможности такого подхода к их изучению.

Список литературы

1. *Буров Г. М.* Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986. 37 с.

2. *Волокитин А. В.* Мезолит // Археология Республики Коми. М. : ДиК, 1997. Гл. 2. С. 91–145.

3. *Волокитин А. В.* Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар, 2006. 126 с. (Коми научный центр УрО РАН).

4. *Волокитин А. В., Волокитина Н. А.* Памятники Чердыб 1 и 2 и проблемы мезолита Вычегды // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание) : материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) (25–30 октября 2016 г., г. Ижевск). Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2016. С. 55–57.

5. *Волокитин А. В., Волокитина Н. А., Карманов В. Н.* Мезолитический памятник Пезмогты 6 в среднем течении реки Вычегды // Первобытные и средневековые древности европейского Северо-Востока. Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 19 (МАЕСВ; Вып. 19). Сыктывкар, 2015. С. 16–38.

6. *Волокитин А. В., Грибченко Ю. Н.* Север Восточно-Европейской равнины // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды : атлас-монография / Отв. ред. В. М. Котляков, А. А. Величко, С. А. Васильев. М. : ГЕОС, 2014. С. 73–98.

7. *Волокитин А. В., Зарецкая Н. Е.* Мезолит севера европейской России: соотношение радиоуглеродной и археологической хронологии // IV Северный археологический конгресс : материалы. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2015. С. 8–10.

8. *Волокитин А. В., Косинская Л. Л.* К проблеме культурогенеза мезолита европейского Северо-Востока // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье. Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 13 (МАЕСВ; Вып. 13). Сыктывкар, 1995. С. 25–44.

9. *Волокитин А. В., Степанова К. Н.* Ударно-абразивные орудия для обработки кости третьего культурного горизонта археологического памятника Вылыс Том 2 на р. Ижме // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. № 6. С. 201–206.

10. *Гусенцова Т. М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1993. 240 с.

11. *Косинская Л. Л.* Мезолитические памятники в бассейне нижней Вычегды // Каменный век европейского Севера : сборник статей. Сыктывкар, 2007. С. 125–147.

12. *Мельничук А. Ф.* Промысловые стоянки мезолитических охотников в бассейне р. Зырянки близ города Березники Пермской области // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2001. С. 19–36.

13. *Оборин А. В.* Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции ПГУ в 1961–1966 гг. // Труды камской археологической экспедиции. Вып. 4. Ученые записки ПГУ. № 191. Пермь, 1968. С. 7–27.

14. *Burov G. M.* "Postswiderian" of the European North-East. In: S. K. Kozlowski et all (ed.) Tanged Point Cultures in Europe. Lublin : M. Curie-Sklodowska Univ. Press, 1999. Pp. 281–291.

Mesolithic sites of Cherdyb 1 and Cherdyb 2 on the Vychegda River

A. V. Volokitin[1], N. A. Volokitina[2]

[1]PhD in Historical Sciences, senior researcher, leading researcher at the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center of Komi of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Syktyvkar. ORCID: 0000-0003-3080-713. E-mail: volkt54@mail.ru.

[2]PhD in Cultural Studies, associate professor, researcher at the Institute of Language, Literature and History of the Komi Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Syktyvkar. ORCID: 0000-0002-8725-4120. Researcher ID: E-9115-2016. E-mail: anjis@rambler.ru

Abstract. The Mesolithic archaeological sites Cherdyb 1 and Cherdyb 2 are located on the left bank upper course of the Vychegda river in the vicinity of the Yugydyag village at the Ust-Kulom district of the Komi Republic. The sites are located on the edge of the pine forest terrace which is 12 m high. They were discovered in 2003, researched in 2004–2005 and 2007–2008 by A. V. Volokitin with the participation of N. A. Volokitina.

The sites are separated from each other by the valley of an unnamed stream that flows into the Vychegda river. The artefacts were found on both sides of the stream in areas of the terrace surface that were disturbed as a result of logging and fire-safe measures. The finds are located on an area of about 50,000 square meters. The excavations were conducted in two localities of the Cherdyb 1 site and two localities of the Cherdyb 2 site. The finds from the excavations of all localities, are the same as the finds on the surface of the terrace, and demonstrate a single stone industry. Probably both sites are the main significant site, which is the reflection of the repeated short-time visits of the same group of ancient people.

The flint industry of the sites has a similar splitting technique to the Middle Vychegda (Ulyanovo) Mesolithic culture identified by G. M. Burov. There are pencil-shaped cores, a lot of microblades, and the type of blades distribution over the width has a pronounced peak of narrow blades. At the same time, the toolkit of cherdyb's inventories is characterized by a wide variety of forms and its part among the other finds is higher. There are radiocarbon dates: Cherdyb 1, locality 1 – 7520±90 (GIN-13357); and Cherdyb 2, locality 2 – 7460±70 (GIN-13358).

Keywords: site, Mesolithic, Vychegda river, European North-East.

References

1. *Burov G. M. Krajnij Severo-Vostok Evropy v epohu mezolita, neolita i rannego metalla : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The extreme North-East of Europe in the Mesolithic, Neolithic and Early Metal epoch : abstract of the dissertation of Dr. of Historical Sciences]. Novosibirsk. 1986. 37 p.

2. *Volokitin A. V. Mezolit* [Mesolithic] // *Arheologiya Respubliki Komi* – Archeology of the Komi Republic. M. DiK. 1997. Pt. 2. Pp. 91–145.

3. *Volokitin A. V. Mezoliticheskie stoyanki Parch 1 i Parch 2 na Vychegde* [Mesolithic sites of Parch 1 and Parch 2 on Vychegda]. Syktyvkar, 2006. 126 p. (Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences).

4. *Volokitin A. V., Volokitina N. A. Pamyatniki Cherdyb 1 i 2 i problemy mezolita Vychegdy'* [Sites of Cherdyb 1 and 2 and problems of the Mesolithic of Vychegda] // *Arheologicheskoe nasledie Urala: ot pervyh otkrytij k fundamental'nomu nauchnomu znaniyu (XX Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie) : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) (25–30 oktyabrya 2016 g., g. Izhevsk)* – Archaeological heritage of the Urals: from the first discoveries to fundamental scientific knowledge (XX Ural Archaeological Meeting) : materials of the All-Russian Scientific Conference (with international participation) (October 25–30, 2016, Izhevsk). Izhevsk. Institute of Computer Research. 2016. Pp. 55–57.

5. *Volokitin A. V., Volokitina N. A., Karmanov V. N. Mezoliticheskij pamyatnik Pezmogty 6 v srednem techenii reki Vychegdy* [Mesolithic site of Pezmogty 6 in the middle course of the Vychegda River] // *Pervobytnye i srednevekovye drevnosti evropejskogo Severo-Vostoka. Materialy po arheologii evropejskogo Severo-Vostoka* – Primitive and medieval antiquities of the European Northeast. Materials on the archeology of the European Northeast. Is. 19 (MAESV; Is. 19). Syktyvkar. 2015. Pp. 16–38.

6. *Volokitin A. V., Gribchenko Yu. N. Sever Vostochno-Evropejskoj ravniny* [North of the East European Plain] // *Pervonachal'noe zaselenie Arktiki chelovekom v usloviyah menyayushchejsya prirodnoj sredy : atlas-monografiya* – Initial Human Colonization of Arctic in Changing Paleoenvironments : atlas-monograph / Ed. V. M. Kotlyakov, A. A. Velichko, S. A. Vasiliev. M. GEOS. 2014. Pp. 73–98.

7. *Volokitin A. V., Zaretskaya N. E. Mezolit severa evropejskoj Rossii: sootnoshenie radiouglerodnoj i arheologicheskoj hronologii* [Mesolithic of the north of European Russia: correlation of radiocarbon and archaeological chronology] // *IV Severnyj arheologicheskij kongress : materialy. 19–23 oktyabrya 2015, g. Hanty-Mansijsk* – IV Northern Archaeological Congress : materials. October 19–23, 2015, Khanty-Mansiysk. Yekaterinburg. 2015. Pp. 8–10.

8. *Volokitin A. V., Kosinskaya L. L. K probleme kul'turogeneza mezolita evropejskogo Severo-Vostoka* [On the problem of cultural genesis of the Mesolithic of the European North-East] // *Etnokul'turnye kontakty v epohu kamnya, bronzy, rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya v Severnom Priural'e. Materialy po arheologii evropejskogo Severo-Vostoka* – Ethnocultural contacts in the era of Stone, Bronze, Early Iron Age and the Middle Ages in the Northern Urals. Materials on the archeology of the European Northeast. Is. 13 (MAESV; Is. 13). Syktyvkar. 1995. Pp. 25–44.

9. *Volokitin A. V., Stepanova K. N. Udarno-abrazivnye orudiya dlya obrabotki kosti tret'ego kul'turnogo gorizonta arheologicheskogo pamyatnika Vylys Tom 2 na r. Izhme* [Pecking-Adrasive Stone Tools for Bone Processing from the Cultural Laer 3 Site at Izhma river] // *Evraziya v kajnozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* – Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, cultures. 2017. No. 6. Pp. 201–206.

10. *Gusentsova T. M. Mezolit i neolit Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya* [Mesolithic and Neolithic of the Kama-Vyatka interfluve]. Izhevsk. Udm. University. 1993. 240 p.

11. *Kosinskaya L. L. Mezoliticheskie pamyatniki v bassejne nizhnej Vychegdy* [Mesolithic sites in the lower Vychegda basin] // *Kamennyj vek evropejskogo Severa : sbornik statej* – The Stone Age of the European North : collection of articles. Syktyvkar. 2007. Pp. 125–147.

12. *Mel'nichuk A. F. Promyslovye stoyanki mezoliticheskih ohotnikov v bassejne r. Zyryanki bliz goroda Berezniki Permskoj oblasti* [Fishing sites of Mesolithic hunters in the Zyryanka River basin near the city of Berezniki, Perm region] // *Ohrannye arheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale* – Security archaeological research in the Middle Urals. Yekaterinburg. 2001. Pp. 19–36.

13. *Oborin A. V. Kratkij ocherk rabot Kamskoj arheologicheskoj ekspeditsii PGU v 1961–1966 gg.* [A brief outline of the works of the Kama archaeological expedition of PSU in 1961–1966] // *Trudy kamskoj arheologicheskoj ekspedicii* – Proceedings of the Kama archaeological expedition. Is. 4. Scientific notes of PSU. No. 191. Perm. 1968. Pp. 7–27.

14. *Burov G. M.* "Postswiderian" of the European North-East. In: S. K. Kozlowski et all (ed.) Tanged Point Cultures in Europe. Lublin : M. Curie-Sklodowska Univ. Press. 1999. Pp. 281–291.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.0-1 DOI: 10.25730/VSU.2070.21.026

«Сон Адама»: концепция воображения Джона Китса в контексте античного и новоевропейского неоплатонизма

И. Б. Казакова
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет.
Россия, г. Самара. ORCID: 0000-0002-2036-8318. E-mail: kib_sam@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются эстетические воззрения романтика Джона Китса, сформировавшиеся под влиянием платонической и неоплатонической философской традиции. Актуальность исследования обусловлена значительной ролью эпохи романтизма в формировании культуры последующих эпох, а также необходимостью уяснить способы усвоения интеллектуального наследия античности культурой Нового времени. Целью статьи является анализ проблемы воображения в сочинениях Китса с точки зрения философии неоплатонизма. Предметом исследования выступает эстетическая концепция Китса, отдельные стороны которой излагаются им как в поэтических сочинениях, так и в отдельных письмах, посвященных вопросам художественного творчества.

При рассмотрении проблемы воображения в неоплатонической эстетике автор статьи опирается на трактовку этой проблемы А. Ф. Лосева, который усматривает соответствие между новоевропейской концепцией воображения как творческой и познавательной деятельности и неоплатоническим представлением о процессе эманации из Единого вечных эйдосов. Анализ сочинений Китса, посвященных вопросу о природе творчества, доказывает, что английский поэт понимает творческое воображение, порождающее художественные образы, в духе неоплатонизма – как субъективную аналогию объективно происходящего процесса исхождения эйдосов (идей, форм) из умопостигаемого мира в чувственный космос. Кроме того, воображение, по мысли Китса, выявляет подлинную сущность отдельных вещей и мира в целом, которая заключается в красоте, что также соответствует неоплатонической философии.

Отдельное внимание в статье уделяется вопросу влияния на Китса английского философа-неоплатоника XVIII в. Шефтсбери. Это влияние можно обнаружить в актуализации нравственного содержания понятия любви, которое в античном неоплатонизме имеет в первую очередь познавательное значение.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что творчество Китса и его эстетические воззрения сформировались под воздействием неоплатонической системы представлений, и потому обращение к неоплатонизму в целях интерпретации сочинений английского романтика дает возможность более глубокого их понимания. Также результаты исследования могут быть использованы при изучении вопроса о рецепции философских представлений античности в последующие эпохи европейской культурной истории.

Ключевые слова: английский романтизм, Джон Китс, неоплатонизм, воображение.

Вопрос о воображении как особой творческой способности человека, его источниках, его роли в познании мира нередко вызывал интерес исследователей в области эстетики. Разные культурные эпохи предлагали разные решения этого вопроса (краткий обзор эстетических концепций воображения от античности до XVIII века можно найти, например, в работе М. Абрамса [7]).

В истории культуры Нового времени наибольшее внимание проблеме воображения уделялось в эпоху романтизма. Романтики создавали эстетические теории, призванные обосновать новые принципы искусства, и воображение в этих теориях зачастую становилось центральным понятием. Нередко понятие воображения в их теориях выходило за пределы сферы эстетического, становясь предметом размышлений на этические, религиозные и общественные темы. Наибольшим разнообразием трактовок этого понятия отличается английский ро-

© Казакова И. Б., 2021

мантизм, представители которого в своих теоретических сочинениях не ограничиваются эстетической стороной вопроса о воображении, рассматривая его также как условие познавательной деятельности, как часть моральной или религиозной жизни человека. Анализ этих романтических концепций воображения позволит лучше понять особенности не только эстетических, но и этических представлений этой эпохи, увидеть преемственные связи романтизма с предшествующими культурными периодами и, кроме того, рассмотреть культурно-исторические особенности понимания феномена воображения в эпоху Нового времени.

Если обратиться к истории английской литературы, то особенно заметные концепции воображения здесь были созданы У. Блейком, С. Т. Кольриджем и У. Вордсвортом. Менее известна точка зрения на эту проблему позднего романтика Джона Китса (1795–1821), чьи взгляды хотя и не были им изложены в виде развернутого теоретического учения, однако складываются в стройную концепцию, составляющие которой могут быть обнаружены в письмах поэта, а главное – в его художественных сочинениях.

Рассуждая в одном из своих писем об эстетических вопросах, Китс упоминает проблему творческого воображения и его отношений с объективным миром. Поэт пишет об этом: «То, что воображение воспринимает как Красоту, должно быть правдой… Воображение можно сравнить со сном Адама – он проснулся и обнаружил, что это правда. …Воображение и его небесный отблеск – это то же, что и человеческая Жизнь и ее духовное повторение» [11, с. 184–185]. Благодаря воображению мы можем возвращать некогда испытанное счастье и даже делать его в своих воспоминаниях более интенсивным [11, с. 186].

Приведенные здесь мысли Китса дают основание полагать, что в мировоззрении поэта важное место занимала неоплатоническая система представлений – философское учение эпохи эллинизма, оказавшее большое влияние на дальнейшее развитие европейской философской мысли, интеллектуальную жизнь последующих эпох европейской истории. Основатель неоплатонизма, греческий философ Плотин, разработал учение о бытии, состоящем из нескольких иерархических уровней, самым высоким из которых является Единое (Благо, Бог). Единое – это первопричина и первоисток, и одновременно «охват всего существующего в одной неделимой точке» [4, с. 222]. Его нельзя постичь с помощью разума, оно выше любых форм, однако именно Единое выступает источником любых форм и идей и присутствует повсюду в виде принципа единства отдельных вещей. Все последующие уровни мироздания эманируют из Единого: так возникает Мировой Ум, или мир эйдосов – совокупность прообразов всех вещей, затем Мировая Душа, в которой эйдосы Ума становятся одушевляющими началами и приобретают свойства логосов, то есть дискурсивного, последовательного мышления [4, с. 492]. Эти три уровня – Единое, Ум и Душа – образуют умопостигаемый (интеллигибельный) мир, ниже которого располагается следующий уровень – Космос, возникающий благодаря тому, что в материю из интеллигибельной сферы нисходят идеи (формы), которые оживляют и оформляют ее. И каждое живое существо в материальном космосе (в первую очередь, имеется в виду человек) является уменьшенной копией универсума, повторяет его устройство, интуитивно ощущая свое единство – аналогию Единого – и обладая умом и душой. Это подобие мира и человека делает все уровни универсума познаваемыми для людей, поскольку в неоплатонической системе представлений познать что-либо может только подобное ему.

Вопрос о влиянии неоплатонической философии на Китса в литературоведении, как правило, поднимается только в связи с его интересом к творчеству английского поэта-неоплатоника XVI в. Эдмунда Спенсера [8, с. 138] или к ренессансному неоплатонизму в целом [1, с. 52–53]. Чаще исследователи говорят об инстинктивном, врожденном платонизме Китса [15], но не усматривают в его платонизме последовательности именно в силу его инстинктивности и стихийности. Однако представляется, что мысли Китса о проблеме воображения, даже высказанные бессистемно, вполне доказывают, что его приверженность платонизму (и неоплатонизму) носила последовательный и сознательный характер. Рассмотрим подробнее, как Китсу удается решать вопрос о воображении, оставаясь в рамках неоплатонических представлений.

В рассуждениях Китса о работе воображения, которые содержатся в упомянутом ранее письме (Б. Бейли, 22 ноября 1817), самым бесспорным свидетельством близости поэта к неоплатонизму является утверждение того, что воображение обладает объективной природой. С неоплатонической точки зрения можно объяснить эту объективность воображения, то есть соответствие между его продуктами и реалиями физического мира, признав существование Единого – общего источника и воображения, и чувственного мира. Именно в таком

неоплатоническом или платоническом ключе исследователи творчества Китса интерпретируют его понимание проблемы воображения. Например, такой точки придерживаются Д. Перкинс [13, с. 299–300] и А. Гроб [9, с. 299].

Для самого неоплатонизма проблема воображения не имела сколько-нибудь заметного значения, как и все, связанное с субъективно-человеческим миром. Так, Плотин очень невысоко ценил искусство – область, где воображение в первую очередь находит свое применение, считая бесполезным занятием воспроизведение чувственных вещей вместо стремления к познанию их идеальной сущности [4, с. 682]. Однако нельзя утверждать, что в неоплатонизме невозможно найти никакого обоснования для теории воображения. А. Ф. Лосев, сопоставляя эстетику неоплатонизма с эстетикой Нового времени и, в частности, с учением о продуктивной способности воображения И. Канта, предлагает следующую трактовку неоплатонического понятия процесса эманации, то есть истечения, излучения из Единого, приводящего к появлению всех последующих уровней мироздания: «Выйдя из своих недр и оформив себя в эстетическую идею, бытие, по Плотину, начинает и творить по этим идеям, то есть творить самого себя, но уже в виде произведения искусства. Бытие становится гением, а его продукты – воображением. Но его продукты есть ведь не что иное, как оно же само. Следовательно, само бытие переходит на ту стадию, где оно становится воображением. <…> Энергии, *эманации* Единого и суть *воображение*, исходящее из Единого, когда Единое – не объект воображения, а его единственный и абсолютный субъект, носитель. Единое начинает *воображать*; это значит, что оно изливается в инобытие бесконечно-мощными и вечными эманациями. <…> Таким образом, если с чем сравнивать неоплатонические эманации Единого, то не с каким-нибудь извержением вулкана или водным источником, но именно с продуктивной способностью воображения у Канта» [4, с. 748]. Иными словами, эманационный процесс из Единого можно считать объективной аналогией субъективного процесса воображения, протекающего в мире человеческого сознания [4, с. 748].

Таким образом, согласно неоплатонизму, человеческое воображение тождественно происходящим в объективном мире процессам, как в целом все содержание индивидуального сознания дублирует содержание универсума. В контексте этих представлений воображение действительно можно считать «сном Адама», который, по словам Китса, проснувшись, обнаруживает, что сон осуществился.

Воображение у Китса связано еще и с красотой: оно способно распознавать прекрасное и определять его как истину. Эта точка зрения полностью соответствует платонической и неоплатонической традиции, и Дж. Л. Джонс, один из исследователей творчества Китса, рассуждая об «Оде греческой вазе», замечает по этому поводу: «Красота, форма физической вазы, является отражением Истины, вечной и абсолютной Формы вещей; и эта Истина есть Красота, поскольку она выявляет себя во времени в объектах, которые связаны с вечными платоновскими Формами и, следовательно, считаются прекрасными» [10, с. 71]. В неоплатонизме красота впервые появляется в Мировом Уме как форма эйдосов, отделившихся от нерасчлененного Единого (которое выше всякой формы, а значит, и красоты) и приобретших собственные границы-очертания. Сферу Мирового Ума надо понимать и как сферу истины, как и всю умопостигаемую область. Красота в материальном мире – это отблеск интеллигибельного мира и соразмерное, гармоничное воплощение идеи в материи. Следовательно, способность видеть красоту как материальную, так и умопостигаемую – это способность распознавать истину, то есть смысл (идею) индивидуальных вещей и мира в целом. Таким образом, знание того, что «в прекрасном – правда, в правде – красота» [2, с. 30], направляет неоплатоника на путь последовательного постижения истины.

Но Китс не всегда видит в продуктах воображения только истину и подлинную красоту. Так, свою работу над поэмой «Эндимион» он в одном из писем характеризует как движение от воображения к правде [11, с. 218]. Точно такой же путь проделывает и главный герой этой поэмы, когда отказывается от своих фантазий:

…Рухнули воздушные палаты!
Прощайте же, пустынные пещеры,
И вы, валы, огромные сверх меры,
Морей воображаемых! [3, с. 206]

Подобное осуждение воображения и созданного им мира не согласуется с размышлениями Китса об объективной природе этой способности. Однако можно предположить, что для автора «Эндимиона» существуют разные виды воображения – истинное и ложное. По-ви-

димому, ложное воображение заводит человека в тупик, создавая разлад в познавательных способностях, о чем Китс пишет в одном из своих стихотворений:

Ужель воображенью суждено,
Стремясь из тесных рамок, очутиться
В чистилище слепом, где век томиться –
И правды не добиться? Есть изъян
Во всяком счастье: мысль! Она в туман
Полуденное солнце облекает
И пенье соловья нам отравляет (Пер. Г. Кружкова) [2, с. 152].

Работе воображения в описанной в этих строках ситуации препятствует разлад между разумом и чувствами, который необходимо преодолеть тому, кто хочет получить истинное знание о мире. Поэт убежден, что разум и душа должны не противостоять друг другу, а взаимодействовать. Так, героиня в «Эндимионе» утверждает, что доказательством ее ума является способность любить, и, напротив, неспособность к чувствам свидетельствует об отсутствии разума:

Клянусь тебе, – я с правдой не в разладе, –
Что я умна, что нет ума в Палладе.
Любила ли она, как я, не знаю… [3, с. 102].

Можно предположить, что, согласно Китсу, подлинное знание о мире оказывается доступно человеку, если он с помощью любви сумеет соединить познавательные способности ума и души. Воображение может стать инструментом такого познания, но только при условии, что это истинное воображение, продукты которого раскрывают смысл универсума. В «Эндимионе» именно такая «умная» любовь, соединяющая разум и душу, направляет работу воображения:

Живи, любовь, наставница благая
Блужданий странных! Где бы красоте
Ни обитать – внизу, на высоте,
В воде, в горах, во тьме или при свете, –
Ты – проводница лучшая на свете! [3, с. 120–121].

В некоторых своих поэтических сочинениях и письмах английский романтик более определенно объясняет, какой смысл он вкладывает в понятия истинного и ложного воображения. Так, в одном из писем (Ч. Брону, от 23 сентября 1819 г.) Китс рассуждает об отличиях между воображаемыми и настоящими обидами: «Воображаемые обиды всегда причиняли мне бóльшие страдания, чем настоящие… Настоящая обида никогда не окажет на меня никакого другого воздействия, кроме как заставит уйти или уклониться. Это легко объяснить. Наши воображаемые несчастья вызываются нашими страстями и питаются страстными чувствами; наши реальные беды приходят сами по себе, и им противостоят абстрактные усилия ума… Воображаемый гвоздь опускает человека до уровня страдальца на кресте, реальный поднимает его до состояния деятеля» [12, с. 181]. Здесь Китс приравнивает воображаемое к иллюзорному и подчеркивает, что иллюзии, питаемые сильными страстями, уводят человека от реальности, а вернуться к ней помогает разум. По мнению Л. Вэлдоффа, этот фрагмент свидетельствует всего лишь о желании Китса избавиться от каких-то психологических проблем и личных обид [16, с. 16–17]. Однако, учитывая интерес Китса к проблеме воображения в целом, можно предположить, что эти рассуждения – не только отражение личных переживаний поэта, но и попытка выявить истинную природу воображения, освободив его от случайных и ложных элементов. Эти мысли английского романтика вполне согласуются с неоплатонизмом, согласно которому аффекты и страсти – это самый несовершенный способ познания прекрасного, поскольку они не способны проникнуть глубже материальной оболочки мира [4, с. 631]. Именно поэтому воображение, которое инспирируется чувствами без участия ума, дает искаженные или ограниченные знания, не охватывает мир и не проникает в его сущность. Как следствие, без помощи разума человеческая душа может впасть в заблуждение и оказаться в плену ложных образов и продуктов субъективной фантазии. Опасности такого пути познания Китс описывает не только в «Эндимионе», но и в поэме «Ламия».

Настаивая на том, что подлинное воображение рождается только из соединения души и разума в единое целое, Китс приближается к пониманию воображения в духе неоплатонизма – как объективного процесса истечения смыслов и образов из Единого, чем и является процесс эманации в философии Плотина. А. Ф. Лосев характеризует неоплатоническую эма-

нацию как «чисто смысловые сущности, текучие сущности, синтез сущности и становления, когда из неподвижной сущность делается творящей и вечно играющей, но пребывая по-прежнему в сфере чисто умных потенций» [4, с. 748]. Китс не использует понятие Единого, но, пытаясь объяснить феномен воображения, приходит к такому же заключению, что и основатель неоплатонизма в своем учении об эманации, а в новоевропейской эстетике – И. Кант в учении о способности воображения эстетических идей [4, с. 746–747]: в процессе воображения субъект создает эстетически оформленный образный мир, подобно тому как Единое, излучаясь бесконечными эманациями, создает космос – «единственное, подлинное и абсолютное произведение искусства» [4, с. 748].

Отдельные высказывания Китса свидетельствуют, что для него воображение является настолько объективным и действенным принципом, что поэт говорит о нем как об источнике красоты и истины: «То, что воображение воспринимает как Красоту, должно быть правдой, существовало ли оно прежде или нет» [11, с. 184]. Разумеется, здесь не идет речь о том, что воображение способно преображать свои образы в предметы материального мира. Но оно может, обнаруживая эйдосы (идеи, внутренние формы) вещей, или их красоту (о связи красоты и сущности Китс упоминает, говоря о «возвышенной, творческой, сущностной Красоте» [11, с. 184]), раскрывать их миру. Открывая для себя и других людей смысл какой-либо части универсума, человек одновременно создает этот смысл, поэтому Китс описывает воображение как порождающий объективную реальность сон Адама. Эта идея английского поэта очень близка неоплатоническому учению о том, что познающий субъект сам конструирует свой объект познания, выводит его из самого себя. Плотин пишет об этом: «Обратившись же вовнутрь, он *обладает всем*. И отбросив назад чувственное восприятие, он… оказывается там единым. Даже если он захочет увидеть Бога существующим в качестве другого, чем он сам, [все равно] *вовне созидает* [его в качестве] *себя самого*» [4, с. 583]. Достигнув единства ума и души, человек, согласно неоплатоническому учению, становится единством, то есть подобием Единого. Такому человеку доступно познание любого уровня универсума, поскольку, как и Единое, он уже содержит в себе эйдосы всех вещей в их совокупности. Но для Китса – человека Нового времени и поэта-романтика – не менее важным по сравнению с познанием является творчество, поэтому автор «Эндимиона» на основе неоплатонизма создает собственную оригинальную концепцию воображения, в которой соединяет учение о познании Плотина с идеей эманации. Воображение здесь предстает как субъективный процесс порождения (а на самом деле – воспроизведения) творческим сознанием образов, которые существуют в вечности, но только благодаря работе этого творческого сознания становятся актуальными для человечества как истина и красота.

Существенное различие между процессами эманации у Плотина и воображения у Китса заключается в цели и направленности этих процессов. В неоплатонизме универсум возникает путем эманации из безличного Единого, и, хотя само Единое при этом не утрачивает свое единство, возникший в результате эманации мир является множеством разрозненных вещей, при этом дробление первоначального единства нарастает по мере удаления от высшего уровня бытия. У Китса же воображение, будучи субъективной аналогией объективного процесса эманации, не только обеспечивает появление множества отдельных образов, но и, требуя единства души и ума воображающего субъекта, способствует его превращению в Единое.

В контексте этой системы представлений понятным становится отношение Китса к задачам поэтического творчества. Китс называет поэта «чутким эхом мирозданья» [2, с. 100] и описывает его место в универсуме следующим образом:

Где же он и с кем – поэт?
Музы, дайте мне ответ!
– Мы везде его найдем:
Он с людьми, во всем им равен;
С нищим он и с королем,
С тем, кто низок, с тем, кто славен;
Обезьяна ли, Платон –
Их обоих он приемлет;
Видит все и знает он –
И орлу, и галке внемлет;
Ночью рык зловещий льва
Или тигра вой ужасный –

Все звучит ему так ясно,
Как знакомые слова
Языка родного… (Пер. А. Жовтиса) [2, с. 198–199].

Очевидно, что описанная здесь способность поэта видеть и понимать мир в целом и во всех его частностях обусловлена наличием у него воображения, воспроизводящего вечные образы (упоминание Платона в этом контексте не выглядит случайным). Под воздействием воображения сознание поэта переживает «онтологическую самотрансформацию» [9, с. 311], то есть становится подобием всего универсума.

Интерпретация понятия воображения у Китса в духе античного неоплатонизма позволяет увидеть, каким образом поэт воспринимал творческую деятельность и гносеологический потенциал эстетического познания. Однако проблема воображения у автора «Оды Соловью» обладает и моральным аспектом, который в целом в учении Плотина не акцентируется. К нравственной проблематике в ее новоевропейском понимании неоплатонизм наиболее приближается в учении о восхождении по лестнице красоты, позаимствованном у Платона, в котором душа познает прекрасное сначала на низшем уровне – в виде прекрасной физической оболочки, затем учится видеть красоту других человеческих душ, спрятанную от физического зрения, но открывающуюся для интеллектуального созерцания. Подняться на этот уровень постижения прекрасного можно только с помощью любви, так как, по словам Плотина, «влюбленные… и все, восхищающиеся видимой красотой, …вместе с тем восхищаются и причиной ее – красотой сверхчувственной, идеальной» [5, с. 116]. С точки зрения неоплатонизма, любовь – это влечение души к прекрасному, но распознать прекрасное может только такая же прекрасная душа, поскольку подобное познается подобным: «Никогда душа не увидела бы прекрасного, если бы сама не стала прекрасной» [4, с. 559]. По мнению Л. Триллинга, Китс сам прошел этот путь восхождения по лестнице красоты, который стал для него одновременно и движением от стихийного платонизма к осознанному следованию этому учению: «Китс – платоник больше, чем любой другой поэт…, но его платонизм не доктринальный или систематический: благодаря естественному импульсу темперамента его разум взошел на лестницу любви, которую Платон описывает в “Пире”, начав с любви к вещам и двигаясь к любви к идеям» [15, с. 18].

Выше уже приводилось мнение Китса о роли воображения, позволяющем увидеть подлинную красоту и полюбить ее. С этой точки зрения воображение выявляет нравственный потенциал человека, на что в XVIII веке обратил внимание английский философ-неоплатоник Шефтсбери. Так, разбирая в своем диалоге «Моралисты» вопрос о возможности полюбить незнакомого человека или целое сообщество (например, народ или даже все человечество), этот мыслитель приходит к выводу о том, что способность к такой любви является признаком развитого нравственного чувства, а необходимым ее условием выступает воображение, поскольку именно оно превращает абстрактное сообщество людей в чувственно воспринимаемый индивидуальный человеческий образ, что необходимо для возникновения любви [6, с. 116–117]. В своей интерпретации учения о лестнице красоты Шефтсбери также делает акцент на нравственном росте поднимающегося по ней человека и подчеркивает необходимость воображения для того, чтобы подняться на уровень любви ко всеобщему, будь то человечество или мироздание: «Но и наслаждения… отдельной красоты недостаточно, чтобы удовлетворить воспаряющую душу. Она стремится объединить в целое больше разных красот и, связав их вместе, создать прекрасное общество. Она созерцает общность духа, дружбу, близость, обязанности, она размышляет, какая гармония особых умов составит общую гармонию и образует содружество душ. Не довольствуясь общественным благом одного союза людей, она очерчивает для себя более благородный объект, ее чувство ширится, в своей симпатии со всем существующим она стремится к благу для всего человечества. Она с наслаждением пребывает среди этих полных смысла порядков, на которых утверждено прекрасное взаимосогласие и благосообразность целого» [6, с. 97].

Китс был хорошо знаком с творчеством Шефтсбери и, в частности, с диалогом «Моралисты» [14], пантеистический дух которого мог повлиять на формирование мировосприятия поэта. Можно предположить, что мысли английского философа о воображении как способе представить, понять и полюбить то, что невозможно увидеть физическим зрением, повлияли на Китса, который в своей концепции воображения описывает эту способность как дающую человеку возможность раскрыть красоту мира – его истинную сущность – и полюбить его, раскрыв таким образом красоту собственной души.

Анализ проблемы воображения у Китса показывает, насколько серьезные мировоззренческие вопросы, такие, как природа творческих способностей человека, возможность объективного знания, роль рационального и эмоционального элементов в познании, нравственное отношение к миру, связывает с ней английский романтик. Близость Китса к неоплатоническому взгляду на мир обусловила специфику его понимания сущности воображения, которое предстает в сочинениях поэта как процесс порождения образов, что можно сопоставить с объективным процессом эманации из Единого вечных эйдосов. Человек-творец выступает здесь как подобие неоплатонического Единого, соединяющего в себе Разум и Душу, и, одновременно, как посредник между чувственным и умопостигаемым мирами, «чуткое эхо мирозданья», а от ошибок в постижении мира его защищает любовь – нравственная основа отношения к универсуму как к живому одушевленному единству.

Привлечение неоплатонической системы представлений для рассмотрения поэзии и теоретических воззрений Китса помогает более глубоко понять истоки его творчества, а также увидеть характер преемственности идей платонизма и неоплатонизма в английской культуре XVIII–XIX вв.

Список литературы

1. *Дьяконова Н. Я.* Китс и его современники. М. : Наука, 1973. 199 с.
2. *Китс Д.* Стихотворения и поэмы. М. : Художественная литература, 1989. 319 с.
3. *Китс Д.* Эндимион / Пер. с англ. Е. Д. Фельдмана. М. : Время, 2001.
4. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Поздний эллинизм. Харьков-М., 2000.
5. *Плотин*. Избранные трактаты / Пер. Г. В. Малеванского. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. 320 с.
6. *Шефтсбери*. Эстетические опыты / Сост., пер., ком. А. В. Михайлова. М. : Искусство, 1975. 543 с.
7. *Abrams M. H.* The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the critical Tradition. London-Oxford-New York: Oxford University Press, 1953. 406 p.
8. *Gittings R.* John Keats. London : Heinemann, 1968. XIV + 469 p.
9. *Grob A.* Noumenal influence: Keats as Metaphysician // Critical essays on John Keats. Boston (Mass.) : G. K. Hall, 1990. Pp. 292–317.
10. *Jones J. L.* Adam's dream: Mythic consciousness in Keats and Yeats. Athens : University of Georgia Press, 1975. XIV + 226 p.
11. *Keats J.* The letters of John Keats: 1914–1821: In 2 Vol. / Ed. by H. E. Rollins. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1958. Vol. 1. XXII + 442 p.
12. *Keats J.* The letters of John Keats: 1914–1821: In 2 Vol. / Ed. by H. E. Rollins. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1958. Vol. 2. XIII + 440 p.
13. *Perkins D.* The quest for permanence: The symbolism of Wordsworth, Shelley and Keats. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1959. 306 p.
14. *Ryan R. M.* Keats's «Hymn to Pan»: A Debt to Shaftesbury? // Keats-Shelley Journal. 1977. Vol. 26. Pp. 31–34.
15. *Trilling L.* The poet as hero: Keats in his letters // Critics on Keats: Readings in literary criticism / Ed. by J. O'Neil. London : George Allen & Unwin, 1967. Pp. 17–25.
16. *Waldoff L.* Keats and silent work of imagination. Urbana-Chicago : University of Illinois Press, 1985. XV + 215 p.

«Adam's dream»: the concept of imagination by John Keats in the context of ancient and modern European Neoplatonism

I. B. Kazakova
Doctor of Philology, professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture.
Samara State Socio-Pedagogical University.
Russia, Samara. ORCID: 0000-0002-2036-8318. E-mail: kib_sam@mail.ru

Abstract. The article analyzes the aesthetic views of the romantic John Keats, formed under the influence of Platonic and Neoplatonic philosophical traditions. The relevance of the research is due to the significant role of the Romanticism era in the formation of the culture of subsequent epochs, as well as the need to understand the ways of assimilation of the intellectual heritage of antiquity by the culture of the New Time. The purpose of the article is to analyze the problem of imagination in the writings of Keats from the point of view of the philosophy of Neoplatonism. The subject of the study is the aesthetic concept of Keats, some aspects of which are presented by him both in poetic compositions and in individual letters devoted to issues of artistic creativity.

When considering the problem of imagination in neoplatonic aesthetics, the author of the article relies on the interpretation of this problem by A. F. Losev, who sees a correspondence between the New European concept of imagination as a creative and cognitive activity and the Neoplatonic idea of the process of emanation from the One eternal eidos. The analysis of Keats' works devoted to the question of the nature of creativity proves that the English poet understands the creative imagination, which generates artistic images, in the spirit of Neoplatonism – as a subjective analogy of the objectively occurring process of the exodus of eidos (ideas, forms) from the intelligible world into the sensory cosmos. In addition, imagination, according to Keats, reveals the true essence of individual things and the world as a whole, which lies in beauty, which also corresponds to Neoplatonic philosophy.

Special attention is paid to the question of the influence of the English neo-Platonic philosopher of the XVIII century Shaftesbury on Keats. This influence can be found in the actualization of the moral content of the concept of love, which in ancient Neoplatonism has primarily a cognitive meaning.

As a result of the research, the author comes to the conclusion that Keats ' creativity and his aesthetic views were formed under the influence of the Neoplatonic system of ideas, and therefore the appeal to Neoplatonism in order to interpret the works of the English romantic makes it possible to understand them more deeply. The results of the study can also be used to study the question of the reception of philosophical ideas of antiquity in subsequent epochs of European cultural history.

Keywords: English Romanticism, John Keats, Neoplatonism, imagination.

References

1. *D'yakonova N. Ya. Kits i ego sovremenniki* [Keats and his contemporaries]. M. Nauka. 1973. 199 p.
2. *Keats D. Stihotvoreniya i poemy* [Poetry and poems]. M. Hudozhestvennaya literatura (Fiction). 1989. 319 p.
3. *Keats D. Endimion* [Endymion] / Translated from English by E. D. Feldman. M. Vremya (Time). 2001.
4. *Losev A. F. Istoriya antichnoj estetiki: Pozdnij ellinizm* [The history of ancient aesthetics: Late Hellenism]. Kharkiv-M. 2000.
5. *Plotin. Izbrannye traktaty* [Selected treatises] / Translated by G. V. Malevansky. Minsk. Harvest ; Moscow. AST. 2000. 320 p.
6. *Shaftesbury. Esteticheskie opyty* [Aesthetic experiences] / Comp., translated, comments by A. V. Mihailova. M. Iskusstvo (Art). 1975. 543 p.
7. *Abrams M. H.* The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the critical Tradition. London-Oxford-New York : Oxford University Press, 1953. 406 p.
8. *Gittings R.* John Keats. London : Heinemann, 1968. XIV + 469 p.
9. *Grob A.* Noumenal influence: Keats as Metaphysician // Critical essays on John Keats. Boston (Mass.) : G. K. Hall, 1990. Pp. 292–317.
10. *Jones J. L.* Adam's dream: Mythic consciousness in Keats and Yeats. Athens : University of Georgia Press, 1975. XIV + 226 p.
11. *Keats J.* The letters of John Keats: 1914–1821: In 2 Vol. / Ed. by H. E. Rollins. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1958. Vol. 1. XXII + 442 p.
12. *Keats J.* The letters of John Keats: 1914–1821: In 2 Vol. / Ed. by H. E. Rollins. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1958. Vol. 2. XIII + 440 p.
13. *Perkins D.* The quest for permanence: The symbolism of Wordsworth, Shelley and Keats. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1959. 306 p.
14. *Ryan R. M.* Keats's "Hymn to Pan": A Debt to Shaftesbury? // Keats-Shelley Journal. 1977. Vol. 26. Pp. 31–34.
15. *Trilling L.* The poet as hero: Keats in his letters // Critics on Keats: Readings in literary criticism / Ed. by J. O'Neil. London : George Allen & Unwin, 1967. Pp. 17–25.
16. *Waldoff L.* Keats and silent work of imagination. Urbana-Chicago : University of Illinois Press, 1985. XV + 215 p.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008(091) DOI: 10.25730/VSU.2070.21.027

«Позавидовала кошка»: отношение к домашним животным в России в XVIII – начале XX века (культурно-исторические и зооантропологические аспекты)

В. А. Коршунков[1], А. В. Коршункова[2]
[1]кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru
[2]студентка, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины,
сотрудник АО «НПО “Дом фармации”».
Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: a.korshynkova@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется отношение к домашним животным в низовых сообществах России – в крестьянской среде, а также у некоторых городских групп населения, преимущественно в XVIII–XIX вв. Источниками служат, главным образом, мемуары, а также произведения русской литературы того времени, особенно такие, в которых эта тема не является главной, а вводится попутно, в качестве дополнительной характеристики обстановки или героя. Мировоззрению людей, живших в традиционном обществе, была присуща мифологизированная оценка кошек и собак. Похоже, что собак воспринимали более опасливо и настороженно, чем кошек. Русская народная ветеринария не замечала болезней кошек и собак, в то время как имелись способы диагностики и классификации болезней других животных – коров, лошадей, свиней, овец, коз, домашней птицы. Славянской народной традиции были свойственны разнообразные магические обряды, при которых требовалось убить кошку. Причем в таких случаях кошек губили жестоким образом. Когда же в имеющихся в нашем распоряжении нарративных источниках заходит речь о любви к домашнему животному (например, лошади, корове), то выясняется, что эта «любовь» не связана с проявлением чувств. К тем животным, которые в условиях современной городской жизни сделались любимыми домашними питомцами, деревенские жители относились прагматично: у взрослых крестьян почти не бывало душевной симпатии и бескорыстной привязанности к кошкам и собакам. Незаменимые для сельской жизни лошади и коровы, разумеется, ценились, но как имущество, не более того. Широко распространенные утверждения, будто наши предки любили домашних животных, не находят подтверждения в нарративных источниках.

Ключевые слова: зооантропология, домашние животные, повседневная жизнь, мемуаристика, русская литература, Россия XVIII–XIX веков.

В Новгородской области в 1960-х гг. записана реплика: «Живет кошка, живет и собака!» Это было произнесено немолодой женщиной, которая хотела сказать, что житье-бытье бывает разное, человеку же хочется пожить по-людски [22, с. 309]. Выходит, судьба кошки и собаки куда хуже человечьей, и это в порядке вещей. Речь здесь о них и пойдет. Попутно проверим, проявлялась ли сколько-нибудь заметно искренняя, бескорыстная привязанность к иным домашним животным – тем, что были незаменимы в хозяйстве. Будет рассмотрено отношение к домашним животным в низовых сообществах России (преимущественно в XVIII–XIX вв.) – в крестьянской среде, а также у некоторых городских групп населения. Для изучения этой тематики важны суеверно-религиозные аспекты восприятия в народе кошек и собак и представления о необходимости (или ненадобности) их лечить.

Отношение к домашним животным в дореволюционной России – тема, не слишком привлекавшая внимание. В других странах издано множество монографий и популярных изданий по так называемой зооантропологии и антрозоологии (то есть о взаимодействии людей с животными), выходит несколько специальных журналов. А в России даже статей немного: они начали появляться в заметном количестве лишь в XXI в. Примечательно, что о положении

© Коршунков В. А., Коршункова А. В., 2021

собак и других домашних животных в разные эпохи российской истории пишут почти только иностранные ученые [31–33; 35–37].

В нашем распоряжении имеются многочисленные источники (главным образом, повествовательные). Кроме текстов личного происхождения (мемуаров, дневников), существенное значение имеют произведения русской литературы XVIII–XIX вв., в которых нередко заходит речь о домашних животных.

«Кошка – она пес». Мировоззрению людей, живших в традиционном обществе, была присуща мифологизированная оценка кошек и собак. Похоже, что собак воспринимали более опасливо и настороженно, чем кошек. По наблюдениям филолога и религиоведа Б. А. Успенского, «отношение к собаке разительно отличается от отношения к кошке, которая понимается, напротив, как ч и с т о е животное» (разрядка автора. – *В. К.*). Успенский приводил такие примеры: кошка может находиться в церкви и даже жить при ней, не оскверняя святое место, а собака нет; кошку могут называть христианскими именами (Васька, Машка), а для собаки это недопустимо, разве только имя не из православных святцев, а иноязычное [29, с. 152, прим. 44]. Разумеется, речь тут идет о традиционной культуре, а не о современности. И пожалуй, слова «разительно отличается» не слишком подходящи. Но все же в простом народе отношение к собаке и вправду бывало несколько худшим, чем к кошке.

«Собакой», «псом», «сукиным сыном» славяне издавна называли того, кого хотели оскорбить, причем оскорбить сильно. В таких инвективах явно слышался призвук ритуальной собачьей нечистоты. Обычное обозначение злодея «басурмана» – что-нибудь вроде «сукин сын, поганая собака». Недаром есть мнение, что в славянской «матерной» брани некогда имелся в виду «пес», который, дескать, «поимел» твою мать [29, с. 107–126]. А ругательное словцо «пес» в народной речи могло обозначать животное поганое – причем не обязательно только собаку. Нижегородские старообрядцы знали, что «собака – друг, но она – пес». И о кошке могли сказать, что та – «пес» [7, с. 36–37, 188–189; 9, с. 182–184; 10]. При этом с христианской точки зрения (которая восходит к Ветхому Завету), и кошка, и собака – животные нечистые. Собственно, это означает, что древним евреям было запрещено употреблять их в пищу. По мнению современного ученого-богослова, преподавателя кафедры библеистики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета о. Александра Прокопчука, существующее по сию пору убеждение, согласно которому кошке можно находиться в храме, а собаке нельзя, – непонятного происхождения. По крайней мере, неизвестны такие запреты в Священном Писании или Предании. Не существует и чина освящения храма после нахождения там собак и других животных [19, с. 51][1]. Известно, что в России XVI–XVII вв. собака одним своим появлением оскверняла церковное здание [36, p. 480–481]. И специальный «Чин на очищение церкви, егда пес вскочит в церковь или от неверных войдет кто», в Московской Руси все же имелся. Он был отменен в XVII в. в ходе реформ патриарха Никона. Кроме того, духовному лицу запрещалось держать собаку [29, с. 120–121]. А из многочисленных архивных дел известно, что в XVIII–XIX вв. так называемое «малое освящение» храма после того, как в него забежала собака, бывало обязательным. В таком случае богослужение в храме приостанавливалось, священники извещали епископа, тот отдавал распоряжение, и храм переосвящали [30, ф. 237, оп. 76, д. 760; ф. 237, оп. 120, д. 111; ф. 237, оп. 120, д. 195]. В наши дни отношение к попавшей внутрь церкви собаке куда проще: ее, конечно, сразу же выпроваживают, но обычная череда богослужений не прекращается.

Однако и кошку воспринимали, скорее, негативно. Вообще-то она ассоциировалась с домом (и женщиной), а собака – с двором (и мужчиной): «Кошка на печке, пес на крылечке»; «Кошка да баба завсегда в избе, а мужик да собака завсегда на дворе» [24, с. 142]. По сравнению с обжитым домашним пространством, мир внешний (где и должна была находиться собака) представлялся мифологически опасным. То, что кошка – «женское» животное, заметно и в наше время. Интересны некоторые сходства в отношении мужчин к тем и другим, причем в различные исторические эпохи [6, с. 83–84]. Фольклорно-мифологическая ассоциация «кошка – женщина», очевидно, повлияла на восприятие этого животного как потенциально вредоносного (то есть она – как ведьма). В с. Усть-Цильма Республики Коми, по словам исследовавшей местную

[1] Тем не менее в современной церковной среде время от времени возникают споры, и чаще – о собаке. Ср., например, два таких мнения – условно говоря, «за» (собака не является нечистым животным) и «против» (пусть пес знает свое место): [20; 17].

народную традицию Т. И. Дроновой, «в кризисных ситуациях говорили: “Кошка – помощник смерти”» [11, с. 25].

Священник М. И. Осокин, изучая в середине XIX в. образ жизни русских жителей Малмыжского уезда Вятской губернии, указывал: «Кошку никогда не берут в подарок из дома в дом, если не хотят ссоры между этими домами. В предотвращение возможных неприятностей отдают несколько копеек за кошку» [21, т. 60, с. 8]. Обычай давать одну-две-три мелких монетки приятелю или соседу взамен за то, что он готов тебе подарить, хорошо известен, он существует и поныне. Осокин же пишет именно о кошке и прямо указывает на возможную ссору. Значит ли это, что, по народным поверьям, кошка могла внести раздор между людьми? Говорят же: «между ними чёрная кошка пробежала» (прежде упоминали и кошку серую). Видимо, дело не в цвете меха, а в самом по себе этом животном, которое считалось вестником несчастья [15, с. 128–137]. В конце концов, кошка ассоциировалась ведь не только с женской сферой, но также с «иным миром» и «нечистой силой» (так было не только у славян).

Многим нашим современникам, привыкшим к любимицам кошкам, обитающим почти в каждой квартире, даже не верится, что еще не так давно хорошие собаки (не шавки дворовые) ценились куда выше, чем котики. Разнообразных собак (включая шавок), похоже, и числом побольше было, чем кошек. Кое-кто и вовсе терпеть не мог кошачего присутствия. Поэт П. А. Вяземский (1792–1878) участвовал в Бородинском сражении. В своих мемуарах о тех днях он приводил такую деталь: «В избе, которую уступил мне Милорадович, нашел я кошку. Я к этому животному имею неодолимое отвращение. Пред тем, чтобы лечь спать, загнал я ее в печь и крепко-накрепко закрыл заслонку. Не знаю, что с нею после было: выскочила ли она в трубу, или тут скончалась. Нередко после совесть моя напоминала мне это зверское малодушие. Тогда еще не был я членом Общества покровительства животных, и об этом покровительстве мало кто думал».

Один из героев повести В. И. Даля «Вакх Сидоров Чайкин» (1843) – немолодой отставной чиновник, холостяк Иван Иванович по прозвищу Три-Ивана. Он был пылким любителем певчих птиц и при этом свирепым ненавистником кошек. «Но враги Ивана Ивановича, на которых он был зол и мог очень сердиться, это были хорьки, ястреба, и в особенности кошки. “Я лучше дам себя укусить бешеной собаке, – говаривал он, – чем позволю кошке перелезть по моей крыше”. И он в пятнадцать лет успел убедить всех жителей Комлева в непозволительности держать в городе кошек или успел перебить всех их, не знаю, но только в Комлеве давно уже кошки перевелись, не было ни одной. Пожалуйтесь на крыс и мышей, и Три-Ивана сию минуту задарит вас мышеловками своей работы, только не держите, не разводите кошек. При всем неограниченном миролюбии его у него бывали ссоры и тяжбы с соседями за кошек; он настоятельно требовал, чтобы полиция запретила держать их, подводя их под статью о хищных зверях, которых пунктом таким-то держать в городах запрещено. Не успев же в этом деле путем правосудия, успел он в нем путем убеждения и самовластия; бил кошек всюду, где они ему попадались, ловил их в капканы, платил мальчишкам за каждую убитую ими кошку, усовещевал жителей при каждом удобном случае не держать этой подлой твари, которая бывает причиною всякого зла на свете: лихорадки, сухотки, родимца и вообще гнева божия». Про его молодость рассказывали, «что он, будучи в то время еще страстным охотником до ружья и собак… просился из той губернии, где служил, в южные губернии России потому только, что суровый климат был не по здоровью любимой легавой собаке его…». Так что поначалу он был охотником, а это особая порода людей, привыкших преследовать, настигать, приканчивать, расчленять. На кошек же он, ценитель пташек, смотрел как на хищников, которые опасны для пернатых. И вознаграждал детей за каждый трупик.

У славян ходили легенды о том, что как-то раз в далеком прошлом кошка и собака заступились за грешных людей. Бог в наказание сильно уменьшил размеры хлебного колоса, а кошка с собакой, плача, вымолили себе пищу – мол, сами они не причастны чужим прегрешениям. Бог оставил им немного – кошачью да собачью долю. С тех пор люди этим и питаются. Это рассказывали, поясняя несмышленым, почему домашних животных слишком уж обижать не следует [4; см. также: 5, Н46].

Заживет как на собаке! В 1912–1914 гг. этнограф и фольклорист Г. С. Виноградов собрал ценные материалы по народной ветеринарии у русских сибиряков. Больше всего у него оказалось сведений о лечении лошадей, затем – коров. И лишь единичные записи – о собаках, свиньях, домашней птице. О кошках же – ничего [8].

Знаток народной жизни, уроженец Вологодчины, писатель Василий Белов (1932–2012) в очерке о деревенских коновалах пояснял, что главной их обязанностью «конечно, было легчение, иными словами, охолащивание жеребцов, быков, баранов и поросят…». Кроме того, коновалы умели сводить лишаи, делать примочки, выводить глистов, вставлять кольца в ноздри быкам, а бодливым – отпиливать рога. «Собаки и кошки коновала не интересовали. Их пользовали сами хозяева, иногда совершенно глупо. Так до сих пор неизвестно, для чего и зачем некоторые обрубали коту кончик хвоста. Предполагалось, что такой кот лучше ловит мышей» [3, с. 54]. Не интересовали же коновала кошки да собаки как раз потому, что их здоровье не особенно заботило самих хозяев. Не считать же такой заботой обрубание хвоста, которое, по толкованию крестьян, должно содействовать кошачьей «службе», ради которой кошку и держали при доме.

По наблюдениям современного этнографа и фольклориста М. Д. Алексеевского, ветеринарные попечения русских крестьян касались, прежде всего, лошадей да коров. Болезням свиней, овец, коз и домашней птицы внимания уделялось гораздо меньше. А уж о здоровье собак да кошек, которые жили почти в каждом деревенском дворе, и вовсе не заботились. В изученных Алексеевским письменных источниках по народной ветеринарии встречаются лишь две собачьи болезни – «чума у собак» и «собачье бешенство». Вторая болезнь опасна для людей, и потому внимание обращалось на магические способы обезопасить от нее человека. При этом «упоминаний о болезнях кошек и методах их лечения нет ни в одном из просмотренных нами источников». Алексеевский делал вывод: «Очевидно, что чем важнее животное для крестьянского хозяйства, тем больше выделяют у него болезней и способов их лечения» [1, с. 37]. Надо иметь в виду, что на такое отношение к болезням животных могло влиять убеждение, отмеченное у старообрядцев: «Скотина за наши грехи болеет. Поэтому лечить ее нельзя» [26, с. 94]. Интересно, что в Англии не так уж и давно – в 1930-х гг., судя по ветеринарной практике, люди очень заботились о лошадях, а о собаках все еще не очень [36, p. 468][2].

Видимо, как раз потому, что в народе не замечали хворобы кошек и собак, складывалось представление, будто эти животные особенно живучи. Говорили: «Заживет, как на собаке»; «У кошки девять жизней». Действительно, собака зализывает рану, а ее слюна целебна, кошка же может выжить, даже упав с большой высоты. Но слюна многих других животных тоже обладает бактерицидными свойствами, а кошачья выживаемость при падениях стала особенно приметна лишь в условиях города, когда кошки начали обитать в высотных зданиях. Так что дело отнюдь не в том, будто нынешние домашние любимцы болели реже, чем овцы, коровы и лошади.

Записанный уже в XXI в. в Москве заговор «от запора у домашних животных» (конкретно – у собаки), судя по смыслу и по стилистике, явление позднее и городское [18, с. 40]. Правда, в одном рукописном лечебнике 1660-го г. содержится «отговор» от порчи собаки «лихим человеком» («И се слова, кто собаку испортит – смыти водою и говорити…») [27, с. 375], но, очевидно, имелся в виду ценный для хозяина пес – породистый, охотничий, дрессированный.

У Василия Белова в другом месте его книги о повседневной жизни севернорусских крестьян находим иные – уже, по-видимому, переосмысленные – суждения: «Жизнь домашних животных никогда не противопоставлялась другой, высшей, одухотворенной жизни – человеческой. Крестьянин считал себя составной частью природы, и домашние животные были как бы соединяющим звеном от человека ко всей грозной и необъятной природе. Близость к животным, к природе смягчала холод одиночества, который томил душу человека при взгляде на далекое мерцание Млечного Пути»; «Лошадь в крестьянском мире и пахала и возила, но она же помогала воспитанию в человеке и нравственного чувства»; «Животных любили и холили все домашние» [3, с. 177, 178].

Недаром эти утверждения звучат как литературные красивости. Все это неточно, как-то слишком напоказ и чуть фальшиво. Разве можно утверждать всерьез, что человек традиционного общества «считал себя составной частью природы» и не противопоставлял свою «одухотворенность» существованию бессловесной скотины? Писатель припоминал свои детские впечатления, вольно или невольно идеализируя былую жизнь. Ребенок-то в деревенской семье относился к своим животным добрее и ласковее, чем взрослый.

Закопать живую кошку. На традиционной славянской свадьбе нужно было демонстрировать целомудрие невесты. После первой брачной ночи гостям показывали ее нижнюю рубашку с кровавыми пятнами. Девушка в народной поэзии сравнивалась с калиной, на свадьбе

[2] Со ссылкой на: [34, p. 470, note 15].

ветки этого деревца (или именовавшиеся «калиной» красные ленты и иные предметы) символизировали девственность невесты, а выражения «калину ломать», «потерять калину» относились к дефлорации. В украинской народной песне пелось о том, что нужно сделать в случае «нечестности» невесты: схватим кота, раздерем его, засунем под перину: «…Да роздеремо кота; // Занесемо під перину // Та зробимо калину» [28, с. 447]. Если нужно раздобыть немножко крови, то для этого всегда под рукою кот.

Чаще всего в народной любовной магии использовались кошки да собаки, причем самым живодерским образом. По наблюдениям фольклориста и этнографа В. Л. Кляуса, такому обращению обычно подвергались кот, заяц, свинья, собака: «Выбор животных не случаен. Они отличаются от других плодовитостью или повышенной сексуальной активностью. Это было, видимо, рано замечено и стало использоваться в любовной магии…» [13].

Славянской народной традиции свойственны разнообразные магические обряды, при которых требовалось убить кошку. Так делали при закладке нового дома или же для того, чтобы в домохозяйстве «велись» овцы (либо сами кошки). У черного кота старались обнаружить кость, которая была способна сделать человека невидимым. На мельницах специально держали животных черной масти (чаще всего кошек и петухов), чтобы в случае необходимости бросить их в воду и тем задобрить разбушевавшегося водяного. Верили, что нижняя челюсть черного кота помогала отыскивать клады. С помощью кошачьей косточки можно было распознать ведьму, а мстили ведьме, закапывая пойманного кота под порогом ее хлева. Для предотвращения начавшегося скотского падежа нужно было зарыть павшую скотину вместе с кошкой. Убитых кошек прикапывали на поле, чтобы сорняки не росли. Их убивали ради большей действенности колдовского заклятия. И во всех таких случаях кошек губили жестоко: зарывали живьем, раздирали на части, сжигали, варили заживо [23, с. 256–257, 274–275, 286, 289; 2, с. 129–131].

Вот какой случай приводил в своих воспоминаниях Л. А. Травин (1732–1818), который, родившись крепостным крестьянином, смог получить личное дворянство. В 1808 г. умер его уже взрослый сын Андрей. За две или три недели до того Андрею в доме и во дворе слышались «гласы», певшие «Господи, помилуй». Сперва он призвал священника, и тот окропил дом святой водой. «Но, как и потом такие ж гласы слышны были, к великому сожалению, обратился он искать поможения от волшебников и призывал порознь двух мужиков, кои уверили его, якобы от неприятелей его насланы нечистые духи. И они действовали свои богомерзкие шепты, даже один из них выдумал закопать живую кошку в землю». Увы, не поспособствовало, и кошка погибла зря.

А. А. Фет во второй половине 1840-х гг. служил в кирасирском полку. Он вспоминал одного из офицеров соседнего полка – молодого человека, корнета по фамилии Бедер. У того была особенность, «которая нередко встречается между людьми: он был готов явиться резким и даже беспощадным по отношению к человеку, но питал самую глубокую нежность к беззащитным животным. <…> Однажды, когда я преднамеренно рассказывал Бедеру, как у нас при опахивании деревни от коровьей смерти зарывают в землю черную собаку и черную кошку живыми, Бедер воскликнул: “В такой деревне надо попа по шею в землю зарыть и плугом голову оторвать”». Один из сослуживцев на это заметил: значит, у Бедера в его Лифляндии так учат, и хорошо бы молодого человека перевоспитать. Возможно, этого офицера коробили столь непочтительные слова лифляндского немца в адрес православного священнослужителя. Опахивание – старинный русский обряд, проводившийся, как правило, для изгнания заразной болезни (эпидемии или эпизоотии) из селения или ради недопущения туда заразы, появившейся поблизости. При этом участники обряда проводили плугом круговую борозду. Иной раз они приканчивали встреченных на пути животных, которые считались олицетворением болезни. Если Фет верно воспроизводил особенности опахивания «от коровьей смерти» в своей родной Орловской губернии, то получается, что оно могло проводиться с участием священника, а собаку с кошкой закапывали специально[3]. То, что казалось нормальным провинциальному крестьянству (да и духовенству), возмущало образованного и гуманного дворянина. И не так уж важно, что этот человек был из немцев.

[3] У другого знаменитого уроженца Орловской губернии – И. А. Бунина – в повести «Деревня» (1910) имеется описание профилактического опахивания от «коровьей смерти», но вроде бы без участия священника.

А если это любовь? В опубликованной в 1864 г. повести пермского уроженца Ф. М. Решетникова «Подлиповцы» говорилось о жизни крестьян коми-пермяков из отдаленной местности – очевидно, из Чердынского уезда Пермской губернии. В деревне Подлипной «воздух оглашается криком крестьян на животных, лаем одной собаки, единственного деревенского сторожа, уцелевшей каким-то чудом от бойни хозяина, желавшего употребить ее шкуру на шапку…» О жителях деревни сказано: «Досадно им: зачем дети родятся от них, и с маленькими детьми обращаются как люди с котятами; одни только матери немножко присматривают за детьми. С пятилетнего возраста дети растут на произвол судьбы…» Вот как относился крестьянин Пила к жене Матрене: «…Пила бил ее, во время своей злости, как лошадь, чем попало». И лошадь свою бил: «Пиле все теперь опротивело, проклял он свою жизнь, долго бил свою лошадь, сам не зная, за что, сел на дровни, стегнул лошадь, лошадь пошла по улице». Когда же ее украли, он очень горевал: «Горе его велико было, лошадь – товарищ крестьянина. Куда он теперь денется без лошади…»

В общем, у мужиков-подлиповцев собаки при случае становились источником сырья (шапки и рукавицы у них из собачьих шкур), лошадей принято лупить, а обращаться «как с котятами» означало пренебрегать… Однако и любовь к домашнему животному тоже заметна: «Матрена больше всего в своей жизни любила корову. Корова для нее была больше, нежели дети: дети ей ничего не давали, а корова снабжала всю семью молоком и летом не просила есть, а питалась в лесу, сама находила пищу для себя; только зимой Матрена наваливала ей сена каждое утро. А теперь как она будет жить без коровы?..»

Как видно, у Матрены любовь к корове вполне прагматичная. Именно такое отношение крестьян к необходимым в хозяйстве животным нередко и выявляется, когда ученые задаются правильно поставленными вопросами. Американский историк Дэвид Рэнсел исследовал влияние высокой смертности на психологию людей прошлого. Если смертность новорожденных в сельской России еще недавно была столь значительной, то как на это реагировали родители? Случалась ли у них своего рода атрофия чувств? Верно ли, что матери, защищаясь от эмоциональной травмы, уделяли минимум внимания своим детям? Что означало «полагаться на волю Божью» (это когда болезненного младенца оставляли почти без попечения)? Образованные современники – врачи, статистики, публицисты – удивлялись тому, что деревенские женщины нередко более заботились о корове, нежели о ребенке. Рэнсел нашел ключ к ответу на эти вопросы в рассказе 73-летней смоленской крестьянки. Она говорила собирательнице о том, сколь важно иметь для детишек вдоволь коровьего молока. И сообщила о таком случае. Как-то раз у нее серьезно захворал младший сынишка. «Медичка» обнаружила воспаление легких и дала направление матери и ребенку в больницу районного центра. «А я говорю, не могу, у меня корова должна отелиться. Врачи начали меня ругать: “Кто тебе дороже, сын или корова?” А я говорю: “Мне корова вторая мать, она всех кормит”. И ушла с сыном… А что бы я без коровы делала, чем бы я детей кормила?» Рэнсел так комментировал эту историю: «Кто, зная ее ситуацию, подумал бы, что она сделала неразумный, необъяснимый выбор, позаботившись сначала о корове, а потом о сыне? Она рисковала своим младшим сыном, чтобы не подвергнуть серьезной опасности всех остальных детей. К счастью, ее больной сын выздоровел» [25, с. 108–109]. В общем, когда крестьянка твердила: «Мне корова вторая мать…» – она уж точно не любовь к животному имела в виду.

Знаток пореформенной русской деревни, популярный в те годы литератор Глеб Успенский в очерке «Общий взгляд на крестьянскую жизнь» (из опубликованного в 1880 г. цикла «Крестьянин и крестьянский труд») поведал одну историю. Когда у рачительного крестьянина Ивана Ермолаевича баран сильно зашиб рогами сынишку, то и сам хозяин, и его жена «мучились» над несчастным мальчиком: прикладывали что-то, поили травами, переживали… Но все это, по мнению Успенского, как-то не всерьез, лишь домашними средствами. А вот когда у Ивана Ермолаевича кобыла захромала, так он ее тоже сперва сам пользовал подручными средствами, как умел, а после все же поехал за коновалом, привез его и три рубля серебром не пожалел, чтоб тот лечил кобылу. На взгляд Успенского, отношение мужика к лошади куда серьезнее, чем к сынку. Успенский добавлял и такой аргумент: «…Никак не могу не обратить внимания на то, что вот для лошади в народе есть уже профессия коновала, и профессия не вполне шарлатанская; к услугам коновала прибегают и культурные владетели лошадей. У коновала есть “инструменты”, выдуманные народом, есть “верные”, точные средства, а для человека ничего в этом роде не выдумано кроме знахарей, которые далеко ниже по познаниям коновала и, как всем известно, преисполнены шарлатанства, выезжают на невежестве, тогда

как коновалу на незнании своего дела никоим образом выехать невозможно: всякий крестьянин и сам в этих (лошадиных) делах понимает очень много. А вот когда мальчишка орет, то тут могут только плакать и прикладывать тряпку с навозом или с чем-нибудь другим, что тут "около дому" валяется, как никуда негодная дрянь. Единственно, чем я могу объяснить такое внимание к лошади, это тем, что она нужна в каторжном труде ежедневном и неустанном, так как без этого труда ни Ивану Ермолаевичу, ни его мальчишке нечего было бы есть». При этом Успенский отдавал себе отчет, что ремесло коновала – по сути, тоже знахарское. В другом очерке того же цикла живо и несколько саркастически описан процесс постепенного превращения обычного деревенского кузнеца в авторитетного коновала: просто-напросто тот частенько подковывал лошадей, ну так новое ремесло к нему и «подошло».

Успенский толковал несколько пристрастно и даже превратно. Чем уж таким существенным отличались «профессионалы» коновалы от «шарлатанов» знахарей? И само по себе пренебрежение к знахарям показательно для тогдашнего интеллигента – не настолько все же они бывали никчемны. Кроме того, мальчишка ведь смог оправиться после удара и испуга – по крайней мере, родители сочли, что с ним все более-менее в порядке. Спросить их: а если сын не оклемался бы, да и знахарь бы не помог – надо везти его в земскую больницу или нет? Что ответил бы на это разумный мужик (каким и был Иван Ермолаевич)?.. Однако главная мысль Успенского очевидна: здоровая и сильная лошадь – залог успешного крестьянского дела. С этим спорить не приходится. Но разве ее любили – в таком же смысле, как любят ребенка?

В рассказе Н. Н. Златовратского «Деревенский король Лир» (1880) главный герой, толковый старый крестьянин, вспоминал, как он когда-то хлопотал, чтобы возвратить сданных в солдаты сыновей. Справедливость была на его стороне, но времени совсем не оставалось, и ему пришлось гнать свою лошаденку изо всех сил, чтобы успеть. Сыновей уже увозили, они прощались с домашними, когда он поспел, наконец, с нужными официальными бумагами. Тогда он твердил: «Помни, родные, кабы не кобыленка, стоять бы сыну под красною шапкой… Заслужил конек!.. Умирать с голоду буду, ежели господь попустит, а с ним не расстанусь. Сам своими руками похороню, ежели переживу… Заслужила примерная». Рассказав это, дед стал показывать гостю свой дом и полный всякой живности двор. На вопрос гостя, не здесь ли «примерная» кобылка, которая тогда «заслужила», дед отвечал: «Променял ту, на базаре променял. Хромать шибко стала. Пристарела, видишь… Нельзя по нашему делу, ежели через конец предела. Всякому конец предела есть… Долго терпел, жалко было, да, братец, ничего, видно, не поделаешь: старую колоду в овраг вали!..» И вроде ж верно: для крестьянина недопустимо бесполезную, хоть и заслуженную, лошадь в хозяйстве держать. Чего бы он прежде не обещал… Жалко было, но пришлось-таки ее «на базаре променять», то есть сдать на убой.

«Кормить их еще, чертей!» Во время Великой Французской революции простолюдины преследовали и истребляли не только дворян, но также их охотничьих собак. Подобное происходило и в охваченной революционной смутой России. Русско-французская писательница и мемуаристка З. А. Шаховская вспоминала, как в 1918 г. в поместье их семьи произошло чудовищное и бессмысленное убийство барских собак одним из местных мужиков. Он подкинул отраву и стал любоваться их страданиями. Девочка едва умолила квартировавшего в поместье матроса застрелить собак, чтобы прекратить мучения.

Максим Горький в воспоминаниях о В. И. Ленине приводил такую историю:

«В 19 году в петербургские кухни являлась женщина, очень красивая, и строго требовала:

– Я княгиня Ч., дайте мне кость для моих собак!

Рассказывали, что она, не стерпев унижения и голода, решила утопиться в Неве, но будто бы четыре собаки ее, почуяв недобрый замысел хозяйки, побежали за нею и своим воем, волнением заставили ее отказаться от самоубийства.

Я рассказал Ленину эту легенду. Поглядывая на меня искоса, снизу вверх, он все прищуривал глаза и наконец, совсем закрыв их, сказал угрюмо:

– Если это и выдумано, то выдумано неплохо. Шуточка революции».

Художник В. В. Домогацкий (1909–1986) в своих воспоминаниях описывал детство, проведенное в Москве:

«В восемнадцатом году у маминых друзей Эвертов сохранился как-то довольно приличный выезд, они взяли меня однажды с собой покататься в Петровский парк. <…> Гуляющих было мало, но все-таки они еще были. Одно время в ряду с нами ехала коляска куда элегантнее нашей; добротнейший кучер сидел на козлах, а в самой коляске на сиденье, как сфинкс,

находился ее единственный пассажир – белый с рыжими пятнами английский бульдог. Он сидел раскорякой, изредка мигая умнейшими глазами, уверенно выставив вперед свой кирпатый нос.

В агонии отходил мир, в котором было естественно прогулять в коляске под вечер бульдога. Пройдет еще два года, и английский бульдог станет достоянием учебников не меньше, чем мамонт».

Надежда Мандельштам в документальном очерке «Предыдущий лошаденок» заметила: «Революция задела и собак, но это неудивительно, потому что они тесно связаны с людьми, так же как коровы, лошади и другой домашний скот. Хозяева породистых собак бежали за границу, и на улицах появилась масса бродяг, рывшихся в помойных ямах». Таким собакам приходилось особенно тяжко. Конечно, коровы, лошади, овцы, козы тоже «тесно связаны с людьми», однако не совсем так, как породистые псы. Сельский скот человеком эксплуатируется, а городские домашние питомцы, вроде породистых собак, стали компаньонами и друзьями. Им и доставалось, как людям, при социальных пертурбациях.

Литературоведы А. И. Куляпин и О. А. Скубач одну из глав своей книги о смыслах советской культуры назвали: «Верный Брут: собаки в отечественной культуре первой половины XX века». Они обращают внимание на то, что сразу после революции отношение к собакам, которые до того казались естественным дополнением повседневной жизни обеспеченных людей, стало резко отрицательным: «Представление о бесполезности собаки достигло своей кульминации в послереволюционной разрухе периода военного коммунизма, когда перед человеком наиболее остро стала проблема собственного выживания. Императив всеобщей экономии и послужил причиной негативного отношения к собаке в новой культуре». (Разумеется, речь идет о собаках породистых и домашних любимцах.) «Убеждение в ненужности домашних питомцев сохранялось в массовом сознании советского обывателя очень долго», – пишут авторы. И приводят в пример наблюдение Михаила Булгакова (1932 г.) за 20-летней девкой-домработницей, которая о собаках и котах отзывалась так: «Кормить их еще, чертей!» Ссылаются они и на Александра Твардовского, который в 1960-х гг. упрекал Илью Эренбурга за то, что в его мемуарах слишком много собак, а это в представлении народа – «признак барства» [16, с. 102–104].

Да, верно, что в советские годы к дорогим породистым псам и балованным комнатным собачкам отношение у многих людей было недоуменно-презрительное. Но дело ведь не только в том, что советские люди были навсегда травмированы несколькими страшными годами «военного коммунизма». Жестокие годы длились и длились – вплоть до 1960-х. Главное (тут Твардовский прав): народ недолюбливал собак породистых. И так было всегда, задолго до революции. Та самая девка-домработница у Булгакова – она и есть народ, со всеми укорененными предубеждениями. Она терпеть не могла не только собак, но и кошек в городской квартире, где их нужно было подкармливать. Если нам сейчас укоры Твардовского в адрес Эренбурга кажутся несколько странными, то это потому, что народ за последние десятилетия кое в чем изменился: живет преимущественно в городах, держит в квартирах и кошек, и собак, угощает их покупными деликатесами. И любит.

Специалистка по древним культурам Америки Г. Г. Ершова заметила, что в нынешней Мексике «бытовое отношение к собакам поразительно плохое». Обобщая свои наблюдения, она писала: «Достаточно поездив по самым разным местам, я давно поняла, что доброе отношение к животным – это результат или отсутствия голода, или специального воспитания. Так называемые “традиционные общества” относятся к животным исключительно утилитарно – приблизительно так, как это делается в российской деревне или на подмосковной даче: кота кормить не надо – пусть ловит мышей. А если кот мышей не ловит или (например, в городской квартире) их нет, то его можно с чистой совестью “отвезти в лес”, выгнать, бросить зимой на даче. Если породистая сука перестала рожать щенков или получать медали, то ее спокойно можно усыпить или “отдать”. <…> Как бы то ни было, “традиционное” утилитарно-жестокое отношение к животным мне долго казалось противоречащим представлениям о “гармонии сельской жизни на природе”, о которой так любят вздыхать экологисты. Порой складывается впечатление, что кот и собака были специально созданы для того, чтобы заставить человека задуматься о чем-то, что выходит за убогие рамки его потребностей (как материальных, так и духовных). Чтобы показать, что существуют любовь и преданность не ради чего-то, пусть даже очень важного и хорошего, а “просто так”, “ни за что”» [12, с. 308].

Действительно, к тем животным, которые в условиях современной городской жизни сделались любимыми домашними питомцами, люди прошлых времен и деревенские жители

относились прагматично: кошки да собаки жили в значительной мере на самопрокорме, и у взрослых крестьян почти не бывало душевной симпатии к ним и бескорыстной привязанности. Незаменимые для сельской жизни лошади и коровы, разумеется, ценились, но как имущество, не более того[4]. Так что широко распространенные утверждения, будто наши предки по-настоящему любили домашних животных, не находят подтверждения в исторических источниках.

В общем, «живет кошка, живет и собака!» А как именно? Была ведь и такая поговорка: «Позавидовала кошка собачьему житью» [24, с. 258]. Если жизнь «собачья», то понятно, что это за жизнь.

Список литературы

1. *Алексеевский М. Д.* Болезни животных и методы их лечения в народной культуре // Живая старина. 2007. № 3. С. 37–40.

2. *Бауэр Т. В.* Магические атрибуты вора: обеспечение невидимости (по материалам крестьянской культуры второй половины XIX – начала XX века) // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 1. С. 127–138.

3. *Белов В. И.* Повседневная жизнь Русского Севера: очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей. М. : Мол. гвардия, 2000. 391 с.

4. *Белова О. В. Кот наплакал*: мотивационная семантика в свете народных легенд // Этимологические исследования : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2003. Вып. 8 / Отв. ред. Е. Л. Березович. С. 193–199.

5. *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. В.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог. URL: http://ruthenia.ru/folklore/berezkin (дата обращения: 28.01.2020).

6. *Боброва Ю. В.* Культурологические аспекты зооморфной семантики // Вестник Вятского гос. пед. ун-та. 1999. № 1. С. 83–84.

7. «Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую…»: старообрядческий фольклор Нижегородской области / Сост. и коммент. О. А. Савельева, Л. Н. Новикова. Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2001. 266 с.

8. *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири (материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. 1915. Год 24. Вып. 4. С. 325–432.

9. *Голубкова О. В.* Душа и природа: этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 304 с.

10. *Голубкова О. В.* О кошке и собаке в мифоритуальной традиции славянских и финно-угорских народов // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С. 57–62.

11. *Дронова Т. И.* Рождение и воспитание детей в традициях русских староверов-беспоповцев Усть-Цильмы // «Жили мы у бабушки, кушали оладышки…» (детский фольклор Усть-Цильмы) / Сост. Т. И. Дронова (отв. сост.), Т. С. Канева. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2006. С. 20–47.

12. *Ершова Г. Г.* Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. М. : Новый Акрополь, 2007. 392 с.

13. *Кляус В. Л.* Сердца птиц и половые органы животных как средства любовной магии // Секс и эротика в русской традиционной культуре : сб. ст. / Сост. А. Л. Топорков. М. : Ладомир, 1996. С. 313–316.

14. *Коршунков В. А.* Путь сквозь века и земли: дорожная традиция России. М. : Редкая птица, 2020. 624 с.

15. *Коршунков В. А.* Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. М. : Форум, 2015. 240 с.

16. *Куляпин А. И., Скубач О. А.* Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М. : Языки славянской культуры, 2013. 240 с.

17. *Кутковой В.* О христианском отношении к собаке. URL: http://www.pravoslavie.ru/polemika/5752.htm (дата обращения: 11.01.2020).

18. Лечебная магия (из московских записей) / Публ. В. В. Запорожец // Живая старина. 2007. № 3. С. 40–41.

19. *Макин С.* Люди и кошки: тысячи лет вместе // Наука и религия. 2010. № 12. С. 50–53.

20. *Моисеев Д., свящ.* Мешает ли собака благодати? URL: http://www.odinblago.ru/azi_pravoslaviya/meshaet_li_sobaka (дата обращения: 11.01.2020).

21. *Осокин М.* [*И.*], *свящ.* Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. 1856. Т. 59. Отд. : Смесь. С. 57–83; Т. 60. Отд. : Смесь. С. 1–40, 179–214.

22. Пословицы и поговорки, собранные и прокомментированные В. В. Гарновским // Традиционный фольклор Новгородской области: Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология. По записям 1963–2002 гг. / Сост. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб. : Тропа Троянова, 2006. С. 304–326.

[4] Об отношении крестьян и ямщиков к лошадям см.: [14, с. 304–323].

23. *Райан В. Ф.* Баня в полночь: исторический обзор магии и гаданий в России. М. : Нов. лит. обозрение, 2006. 720 с.

24. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. П. Аникина. М. : Худож. лит., 1988. 431 с.

25. *Рэнсел Д.* «Старые младенцы» в русской деревне // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): мат. междунар. конф. / Отв. ред. В. П. Данилов, Л. В. Милов. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 106–114.

26. *Смилянская Е. Б.* «Три дороги есть: одна в ад в муку, другая в огонь, а третья в рай…»: повествования о вере и спасении старообрядцев Верхокамья // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв.: к изучению биографического и религиозного нарратива / Под ред. Е. Б. Смилянской. М. : Индрик, 2012. С. 49–166.

27. *Турилов А. А.* Народные поверья в русских лечебниках // Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. / Отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Индрик, 2002. С. 367–375.

28. *Усачева В. В.* Калина // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 446–448.

29. *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Избранные труды / Б. А. Успенский. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 2. С. 67–161.

30. Центральный государственный архив Кировской области.

31. *Halperin Ch. J.* Did Ivan IV's Oprichniki Carry Dogs' Heads on Their Horses? // Canadian-American Slavic Studies. 2012. Vol. 46. No. 1. Pp. 40–67.

32. *Halperin Ch. J.* «You Dog!»: Ivan IV's Canine Invective // Русистика Руслана Скрынникова : сб. ст. пам. проф. Р. Г. Скрынникова, в честь его 80-летия / Под ред. Д. Свака и И. О. Тюменцева. Будапешт; Волгоград, 2011 (Книги по русистике / Ruszisztikai Könyvek XXX). С. 89–108.

33. *Halperin Ch. J., Kleimola A. M.* Beastly Humans and Humanly Beasts in Seventeenth-Century Russia // Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2018. Vol. 6. Pp. 46–57. URL: https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivliofika/article/view/546 (дата обращения: 31.01.2021).

34. *Hellie R.* The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725. Chicago : University of Chicago Press, 1999. 671 p.

35. *Kleimola A*. A Legacy of Kindness: V. L. Durov's Revolutionary Approach to Animal Training // Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History / Ed. by Jane Costlow, Amy Nelson. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2010. Pp. 164–177.

36. *Kleimola A*. Hunting for Dogs in 17th-Century Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. Vol. 11. № 3. Pp. 467–488.

37. *Kleimola A. Ni pes ni vyzhlets ni gonchaia sobaka*: Images of Dogs in Rus' // Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski / Ed. by B. J. Boeck, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington : Slavica Publishers, 2012. Pp. 427–442.

"The cat envied the dog's life": the attitude towards domestic animals in Russia in the 18th – early 20th centuries (cultural, historical and zooanthropological aspects)

V. A. Korshunkov[1], A. V. Korshunkova[2]
[1]PhD in History, associate professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru
[2]student of Saint-Petersburg State University of Veterinary Medicine, employee of "Home of pharmacy" RMC.
Russia, St.-Petersburg. E-mail: a.korshynkova@yandex.ru

Abstract. This paper deals with the attitude of the grassroots communities of Russian people (peasants as well as some urban groups) towards domestic animals, especially in the 18–19th centuries. The sources are mainly memoirs, as well as Russian literature texts of the 18th and 19th centuries, especially those in which this topic is not the main one, but appears as an additional characteristic of a situation or hero. The mentality of Russian people (who were living in a traditional society) was characterized by a mythologized perception of cats and dogs. It seems that dogs were perceived with apprehension and more cautiously than cats. Russian folk veterinary did not notice diseases of cats and dogs, while there were methods for diagnosing and classifying diseases of other animals – cows, horses, pigs, sheep, goats, and poultry. Slavic folk tradition used a variety of magical rituals in which it was necessary to kill a cat. In such cases, cats were killed brutally: they were buried alive, torn apart, were burned, and boiled alive. When in narrative sources it is something about love for a domestic animal (e. g. horse, cow), it turns out that this "love" is not associated with the manifestation of feelings. The animals that in the contemporary urban life have become favorite pets were treated by the villagers pragmatically: adult peasants had almost no emotional sympathy for cats and dogs. Horses and cows, indispensable for rural life, were appreciated but as a property only. The widespread opinion that our ancestors loved their domestic animals has not been confirmed in the narrative sources.

Keywords: zooanthropology, domestical animals, everyday life, memoirs, Russian literature, Russia in the 18th–19th centuries.

References

1. *Alekseevskij M. D. Bolezni zhivotnyh i metody ih lecheniya v narodnoj kul'ture* [Animal diseases and methods of their treatment in folk culture] // *Zhivaya starina* – Living antiquity. 2007. No. 3. Pp. 37–40.

2. *Bauer T. V. Magicheskie atributy vora: obespechenie nevidimosti (po materialam krest'yanskoj kul'tury vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka)* [Magical attributes of a thief: ensuring invisibility (based on the materials of peasant culture of the second half of the 19th – early 20th centuries)] // *Tradicionnaya kul'tura* – Traditional culture. 2018. Vol. 19. No. 1. Pp. 127–138.

3. *Belov V. I. Povsednevnaya zhizn' Russkogo Severa: ocherki o byte i narodnom iskusstve krest'yan Vologodskoj, Arhangel'skoj i Kirovskoj oblastej* [Everyday life of the Russian North: essays on the life and folk art of the peasants of the Vologda, Arkhangelsk and Kirov regions]. M. Mol. Guardia. 2000. 391 p.

4. *Belova O. V. Kot naplakal: motivacionnaya semantika v svete narodnyh legend* [Thematic classification and areal distribution of folklore-mythological motifs: an analytical catalogue] // *Etimologicheskie issledovaniya : sb. nauch. tr.* – Etymological studies : collection of scientific works. Ekaterinburg. Ural State University. 2003. Vol. 8 / Ed. by E. L. Berezovich. Pp. 193–199.

5. *Berezkin Yu. E., Duvakin E. V. Tematicheskaya klassifikaciya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskih motivov po arealam: analiticheskij katalog* [Thematic classification and distribution of folklore-mythological motifs in the areas of: an analytical catalogue]. Available at: http://ruthenia.ru/folklore/berezkin (date accessed: 28.01.2020).

6. *Bobrova Yu. V. Kul'turologicheskie aspekty zoomorfnoj semantiki* [Cultural aspects of the zoomorphic semantics] // *Vestnik Vyatskogo gos. ped. un-ta* – Herald of Vyatka State Pedagogical University. 1999. No. 1. Pp. 83–84.

7. *"Vzojdu li ya na goru vysokuyu, uvizhu li ya bezdnu glubokuyu…": staroobryadcheskij fol'klor Nizhegorodskoj oblasti* – "Will I ascend a high mountain, will I see a deep abyss...": Old Believers' folklore of the Nizhny Novgorod region / Comp. and comments by O. A. Savelyeva, L. N. Novikova. Novosibirsk. SB RAS. branch "Geo". 2001. 266 p.

8. *Vinogradov G. S. Samovrachevanie i skotolechenie u russkogo starozhilogo naseleniya Sibiri (materialy po narodnoj medicine i veterinarii). Vostochnaya Sibir', Tulunovskaya volost', Nizhneudinskij uezd, Irkutskaya guberniya* [Self-healing and animal treatment in the Russian old-lived population of Siberia (materials on folk medicine and veterinary medicine). Eastern Siberia, Tulunovskaya volost, Nizhneudinsky uyezd, Irkutsk province] // *Zhivaya starina* – Living antiquity. 1915. Year 24. Is. 4. Pp. 325–432.

9. *Golubkova O. V. Dusha i priroda: etnokul'turnye tradicii slavyan i finno-ugrov* [Soul and nature: ethnocultural traditions of the Slavs and Finno-Ugric peoples]. Novosibirsk. Publishing house of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. 2009. 304 p.

10. *Golubkova O. V. O koshke i sobake v miforitual'noj tradicii slavyanskih i finno-ugorskih narodov* [About the cat and the dog in the mythological and ritual tradition of the Slavic and Finno-Ugric peoples] // *Gumanitarnye nauki v Sibiri* – Humanities in Siberia. 2004. No. 3. Pp. 57–62.

11. *Dronova T. I. Rozhdenie i vospitanie detej v tradiciyah russkih staroverov-bespopovcev Ust'-Cil'my* [Birth and education of children in the traditions of Russian old believers (bespopovtsy) of Ust-Tsilma] // *"Zhili my u babushki, kushali oladyshki…" (detskij fol'klor Ust'-Cil'my)* – "We were living with my grandmother, were eating pancakes..." (children's folklore Ust-Tsilma) / Comp. T. I. Dronova (resp. comp.), T. S. Caneva. Syktyvkar. Komi Publishing house. 2006. Pp. 20–47.

12. *Ershova G. G. Drevnyaya Amerika: polet vo vremeni i prostranstve. Mezoamerika* [Ancient America: flight in time and space. Mesoamerica]. M. Novy Acropolis. 2007. 392 p.

13. *Claus V. L. Serdca ptic i polovye organy zhivotnyh kak sredstva lyubovnoj magii* [The hearts of birds and genitals of animals as means of the love magic] // *Seks i erotika v russkoj tradicionnoj kul'ture : sb. st.* – Sex and erotics in Russian traditional culture : collection of articles / Ed. A. L. Toporkov. M. Ladomir. 1996. P. 313–316.

14. *Korshunkov V. A. Put' skvoz' veka i zemli: dorozhnaya tradiciya Rossii* [Travel through time and space: the road tradition in Russia]. M. Redkaya ptica (Rare bird). 2020. 624 p.

15. *Korshunkov V. A. Dorozhnaya tradiciya Rossii: pover'ya, obychai, obryady* [Road tradition in Russia: rites, customs, and popular beliefs]. M. Forum. 2015. 240 p.

16. *Kulyapin A. I., Skubach O. A. Mifologiya sovetskoj povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoj epohi* [The mythology of Soviet everyday life in the literature and culture of the Stalin era]. M. Languages of Slavic culture. 2013. 240 p.

17. *Kutkovoj V. O hristianskom otnoshenii k sobake* [About the Christian attitude to a dog]. Available at: http://www.pravoslavie.ru/polemika/5752.htm (date accessed: 11.01.2020).

18. *Lechebnaya magiya (iz moskovskih zapisej)* – Healing magic (from tne Moscow records) / Publ. by V. V. Zaporozhets // *Zhivaya starina* – Living antiquity. 2007. No. 3. Pp. 40–41.

19. *Makin S. Lyudi i koshki: tysyachi let vmeste* [People and cats: thousands of years together] // *Nauka i religiya* – Science and Religion. 2010. No. 12. Pp. 50–53.

20. *Moiseev D., priest. Meshaet li sobaka blagodati?* [Does the dog interfere with grace?] Available at: http://www.odinblago.ru/azi_pravoslaviya/meshaet_li_sobaka (date accessed: 11.01.2020).

21. *Osokin M.* [*I.*], *priest. Narodnyj byt v severo-vostochnoj Rossii. Zapiski o Malmyzhskom uezde (v Vyatskoj gubernii)* [People's everyday life in north-eastern Russia. Notes on the Malmyzhsky district (in the Vyatka province)] // *Sovremennik* – Contemporary. 1856. Vol. 59. Sect. : *Smes'* – Varia. Pp. 57–83; Vol. 60. Sect. : *Smes'* – Varia. Pp. 1–40, 179–214.

22. *Poslovicy i pogovorki, sobrannye i prokommentirovannye V. V. Garnovskim* – Proverbs and sayings collected and commented on by V. V. Garnovsky // *Tradicionnyj fol'klor Novgorodskoj oblasti: Poslovicy i pogovorki. Zagadki. Primety i pover'ya. Detskij fol'klor. Eskhatologiya. Po zapisyam 1963–2002 gg.* – Traditional folklore of the Novgorod region: Proverbs and sayings. Riddles. Signs and beliefs. Children's folklore. Eschatology. According to the records of 1963–2002 / Comp. M. N. Vlasov, V. I. Zhekulina. SPb. Tropa Troyanova (Troyan's Path). 2006. Pp. 304–326.

23. *Ryan V. F. Banya v polnoch': istoricheskij obzor magii i gadanij v Rossii* [The bathhouse at midnight: an historical survey of magic and divination in Russia]. M. Novoe lit. obozrenie (New literature review). 2006. 720 p.

24. *Russkie poslovicy i pogovorki* – Russian proverbs and sayings / Ed. by V. P. Anikin. M.: Hudozh. Literature (Fiction). 1988. 431 p.

25. *Ransel D. "Starye mladency" v russkoj derevne* ["Old babies" in the Russian village] // *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.) : mat. mezhdunar. konf.* – Mentality and agrarian development of Russia (19–20 centuries) : mat. of the international conf. / Ed. by V. P. Danilov, L. V. Milov. M. Russian Polit. encyclopedia (ROSSPEN). 1996. Pp. 106–114.

26. *Smilyanskaya E. B. "Tri dorogi est': odna v ad v muku, drugaya v ogon', a tret'ya v raj...": povestvovaniya o vere i spasenii staroobryadcev Verhokam'ya* ["There are three roads: one to hell in torment, another to fire, and the third to paradise...": narratives about the faith and salvation of the Old Believers of Verkhokamye] // *O svoej zemle, svoej vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv.: k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa* – About own land, own faith, the present, and the past in Russia in the 20–21th centuries: studying the biographical and religious narratives / Ed. by E. B. Smilyanskaya. M. Indrik. 2012. Pp. 49–66.

27. *Turilov A. A. Narodnye pover'ya v russkih lechebnikah* [Folk beliefs in the Russian medical manuals] // *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vv.* – Forbidden texts in Russia in the 17–18th centuries / Ed. by A. L. Toporkov, A. A. Turilov. M. Indrik. 2002. Pp. 367–375.

28. *Usacheva V. V. Kalina* [Viburnum] // *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / Under the general ed. of N. I. Tolstoy. M. International relations. 1999. Vol. 2. Pp. 446–448.

29. *Uspenskij B. A. Mifologicheskij aspekt russkoj ekspressivnoj frazeologii* [Mythological aspect of Russian expressive phraseology] // *Izbrannye trudy* – Selected works / B. A. Uspensky. Ed. 2nd, corrected and ext. M. Languages of Russian culture. 1996. Vol. 2. Pp. 67–161.

30. Central state archive of the Kirov region.

31. *Halperin Ch. J.* Did Ivan IV's Oprichniki Carry Dogs' Heads on Their Horses? // Canadian-American Slavic Studies. 2012. Vol. 46. No. 1. Pp. 40–67.

32. *Halperin Ch. J.* "You Dog!": Ivan IV's Canine Invective // Rusistika Ruslana Skrynnikova – Russian studies by Ruslan Skrynnikov : collection of articles in the memory of prof. R. G. Skrynnikov, in honor of his 80th anniversary / Ed. by D. Svak and I. O. Tyumentsev. Budapest ; Volgograd. 2011 (Books on Russian studies / Ruszisztikai Könyvek XXX). Pp. 89–108.

33. *Halperin Ch. J., Kleimola A. M.* Beastly Humans and Humanly Beasts in Seventeenth-Century Russia // Вивліоθика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2018. Vol. 6. Pp. 46–57. Available at: https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivliofika/article/view/546 (date accessed: 31.01.2021).

34. *Hellie R.* The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725. Chicago : University of Chicago Press, 1999. 671 p.

35. *Kleimola A*. A Legacy of Kindness: V. L. Durov's Revolutionary Approach to Animal Training // Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History / ed. by Jane Costlow, Amy Nelson. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2010. Pp. 164–177.

36. *Kleimola A*. Hunting for Dogs in 17th-Century Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. Vol. 11. No. 3. Pp. 467–488.

37. *Kleimola A. Ni pes ni vyzhlets ni gonchaia sobaka*: Images of Dogs in Rus' // Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski / Ed. by B. J. Boeck, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington : Slavica Publishers, 2012. Pp. 427–442.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 930(09) DOI: 10.25730/VSU.2070.21.028

Современное источниковедение изобразительных источников: проблемы, поиски, решения*

А. С. Минаков
доктор исторических наук, доцент, заместитель директора Дирекции изучения истории МПГУ,
Московский педагогический государственный университет.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0003-0922-9306. E-mail: as.minakov@mpgu.su

Аннотация. В статье анализируется очередной сборник проекта «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки». Дается характеристика ключевых проблем выявления, сохранения и изучения изобразительных источников, которые отражены в статьях представителей научного сообщества, работников высшей школы, архивов, музеев, библиотек. Рассмотренное издание представляется очень актуальным и отвечает необходимости непрерывного обмена опытом между специалистами из разных регионов и научных институций. Материалы опубликованных статей показали, что изобразительные материалы несут важную источниковую нагрузку для развития ключевых направлений мировой историографии. Вместе с этим многие авторы определили новые направления применения этого важного исторического источника. Помимо внимания к традиционной иллюстративной ретроспективе, сборник содержит авторское видение современной ситуации, в которой идет ускоренное приращение источниковой базы. Делается вывод о необходимости продолжения диалога ученых и специалистов в теоретическом и прикладном дискурсе. Выход данного сборника продемонстрировал, что, в целом, проект стал авторитетной площадкой серьезных академических дискуссий, выявления перспективных тем для изучения, а также апробации новых научно-исследовательских приемов и методов.

Ключевые слова: историческая наука, исторические источники, источниковедение, информация, иллюстрация, фотография, кинематограф.

Современные задачи исторической науки актуализируют не только проблему расширения источникого поля, но и усовершенствования научной эвристики, а также методического арсенала исследователей. Сегодня одним из наиболее востребованных исторических источников являются разнообразные изобразительные материалы. Этот масштабный корпус рассредоточен по архивным, музейным, библиотечным собраниям, а также многочисленным печатным и электронным, в том числе виртуальным, публикациям. Кроме того, в процессе человеческой жизнедеятельности идет непрерывное приращение количественной массы разнообразного изобразительного продукта. Сложившаяся ситуация требует от научного сообщества координации опыта выявления, изучения и использования изобразительных источников. Данный комплекс проблем объединил авторов рецензируемого издания, которое продолжает серию сборников, издаваемых в рамках масштабного международного проекта «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки», который реализуется с 2013 г. [1]. Он осуществляется при партнерском взаимодействии многих учреждений системы Российской академии наук (РАН), ведущих университетских центров, федеральных музеев и библиотек, а также ряда авторитетных научных общественных организаций. Структура сборника охватывает несколько магистральных проблем, стоящих перед исследовательской аудиторией, которая рассматривает изобразительные источники как один из базовых элементов информационной структуры исторической науки. Их можно сгруппировать по нескольким взаимосвязанным сюжетам: изучение центров хранения и изу-

© Минаков А. С., 2021

* Рец. на кн.: Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки : сборник статей / Авт.-сост. Е. А. Воронцова ; отв. ред. А. Г. Голиков. Москва, 2019. 1030 с.

чения изобразительных источников, ресурсные возможности данной источниковой базы и технологии извлечения из нее исторической информации, а также взгляд на изобразительные источники в контексте коммуникации их собирателей и исследователей.

Группа «пленарных» общеисточниковедческих статей посвящена теоретическим проблемам, категориальному аппарату, вопросам методологии и месту изобразительного массива в социально-культурном контексте мировой истории. Сборник открывает статья видного отечественного лингвиста, академика РАН В. М. Алпатова, в которой он делится своими наблюдениями о семиотическом прорыве, который был ознаменован появлением и развитием художественного и документального кинематографа. Ученый пишет о ценности научного наследия одного из ведущих российских энциклопедистов-гуманитариев, академика Н. Я. Марра. Последний отмечал, в этой связи, появление «единого языка» как определенной системы визуальных образов, понятной в отличие от звуковых и письменных, для всех [4, с. 27].

Концептуальным аспектам «титульной» темы издания посвящена статья Г. Н. Ланского. Автор рассуждает о вопросах классификации визуальных источников, анализируя методологические факторы эволюции и создания их данных. Он вполне аргументированно утверждает, что «обязательным предварительным условием выбора источников визуальной информации в качестве объектов информационной базы исторических исследований является их способность содержать реальную, способную стать объектом анализа и интерпретации информацию о различных явлениях минувшего развития и окружающей действительности, а также о субъектах исторического процесса» [4, с. 102]. Г. Н. Ланской выделяет три методических аспекта классификации изобразительных источников: установление подлинности, изучение структурно-композиционной формы их внешнего и внутреннего содержания, а также определение степени их достоверности.

В статье французских специалистов Д. Ю. Гузевича и И. Д. Гузевич раскрывается опыт восприятия изобразительных источников на примере разноплановых материалов: архитектурных и инженерных чертежей; портретов; географических карт и др. [4, с. 72–89].

Значительное внимание участники сборника уделили центрам сохранения и изучения изобразительных источников. Так, в статье М. А. Поляковой обобщен фактический материал о реконструкции собраний произведений искусства в коллекциях утраченных усадебных памятников. Объектом исследований Л. Б. Степановой стали видовые и жанровые изображения этнографического характера, раскрывающие региональную полиэтничность Якутской области. В статьях Т. Н. Лаптевой и М. Ю. Киселева определяется состав, содержание и систематика визуальных материалов Архива РАН о жизни и деятельности выдающихся отечественных ученых. О. Г. Леонтьева рассматривает механизмы работы с фотодокументами, хранящимися в фондах государственных архивохранилищ Тверской области. Исследование Т. И. Виноградовой и Ю. Г. Лемешко посвящено деятельности Центра изучения китайской ксилографической народной картины в Институте литературы и искусства Фэн Цзицая при Тяньцзинском университете [4, с. 162–170, 186–193, 203–226, 236–244, 286–292].

Другая группа статей раскрывает ресурсный потенциал изобразительных источниковых комплексов. В статье Л. А. Черной дан анализ русских гравюр первой четверти XVIII в., как информационной системы, реконструирующей событийные детали Северной войны. И. А. Ртищева охарактеризовала живописные произведения известного художника А. М. Васнецова как источник изучения облика и быта средневековой Москвы. Она реконструировала творческую лабораторию живописца и его детальную проработку археологических, искусствоведческих и этнографических аспектов содержания будущего полотна [4, с. 310–317, 342–352].

Помимо традиционных форм работы с классическими разновидностями изобразительных источников (фотография, произведения живописи и др.), сборник затронул и современные пользовательские тенденции в обращении с наглядным материалом. Например, нынешние реалии отражены в статье А. В. Карагодина и И. О. Панфилова, которые подчеркивают профессиональную ценность формирования изобразительной летописи курорта Симеиз в тематической группе социальной сети Facebook [4, с. 407–417].

Значительным ресурсом, генерирующим когнитивный опыт исследователя, является иллюстративный материал разножанровых изданий. Н. Ю. Соколова проанализировала публикации Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП (б). В 1920-х гг. они были важным идеологическим инструментом в культурной политике Советского правительства. Автор рассмотрела оформительские элементы изданий Истпарта, которые несли самостоятельную культурно-коммуникативную нагрузку [4, с. 455–462]. В том же разрезе В. И. Рябова описала проблему классификации визуальной информации в научной редкой книге.

Несколько материалов сборника посвящены иллюстративному массиву, как ценному историческому источнику. В статье Е. А. Ефимовой разобраны иллюстрации в отечественных азбуках и букварях 1900–1920-х гг., передающие игровой мир городских и сельских детей. Данные учебные пособия по обучению грамоте являются, по мнению автора, ценным и вполне самостоятельным источником по истории игровой культуры и российского детства начала XX в. в целом [4, с. 462–477]. Тему детских иллюстраций продолжает статья О. В. Рыжковой о журнале «Мурзилка», ставшем инструментом идеологической пропаганды в детской аудитории, с целью «формирования нового типа личности – "советского человека"» [4, с. 486]. Наконец, визуальная составляющая современных массовых журналов разобрана в статье Е. Л. Тимшиной. Она рассмотрела гендерную, тематическую и социально-культурную специфику популярных женских изданий «Cosmopolitan» и «Vogue» [4, с. 489–498].

Статьи об источниковедческих и методологических аспектах работы с изобразительными источниками отличает широкий хронологический и тематический охват. Например, Ю. А. Лихтер и Ю. Г. Кокорина проанализировали материальные памятники скифской культуры, технические особенности декорирования, сюжетное наполнение орнамента. Л. Л. Селиванова делится опытом извлечения ценного источникового материала о греческой колонии Кирены из нумизматических коллекций Британского музея и Датского национального музея. Древнегреческим монетам как источнику визуальной информации также посвящена статья И. Е. Сурикова [4, с. 506–544].

Медиевистика представлена серией статей о визуальных источниках по истории русского средневековья. Так, В. Д. Черный пишет о книжных миниатюрах летописных памятников, семантике их изобразительной структуры, композиционных приемах художников, а также разновременной функциональной нагрузке. Ф. Н. Веселов также обратился к миниатюрам, но сосредоточился на проблеме датировки наиболее детального описания Куликовской битвы – «Сказания о Мамаевом побоище». Он рассмотрел известные лицевые списки этого произведения, охарактеризовал их палеографическую взаимосвязь, выясняя датировку его сквозных историко-литературных образов. Объектом исследовательского внимания Д. М. Коренева и Л. Б. Сукиной стала русская средневековая иконопись, как чрезвычайно репрезентативный материал для решения вопросов исторической реконструкции [4, с. 592–648].

На примере изображений лидеров военной элиты СССР 1920–1930 гг., С. Т. Минаков продемонстрировал возможности их использования для изучения механизмов агитационно-пропагандистской работы среди советского населения. Через реконструкцию образа некоторых центральных фигур предвоенной поры – партийного лидера И. В. Сталина и яркого военачальника М. Н. Тухачевского, он раскрыл художественные приемы, посредством которых изображения «вождей» приобретали жестко догматизированный и, по сути, канонический характер [4, с. 688–703]. Следует отметить, что, действительно, власти активно использовали в пропагандистских целях ресурсы периодической печати, которая миллионными тиражами распространяла «образцовые» изображения первых лиц партийно-государственной и военной номенклатуры [2].

А. Г. Голиков делится с читателями опытом преподавания лекционного курса «Источниковедение изобразительных источников» на историческом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В связи с этим он поднимает ряд проблем, связанных как с происхождением, так и с интерпретацией данных источников. Например, насильственное управление зрителем при монтажных манипуляциях с фото- и видеоматериалом. Очень содержательным, по его мнению, источником является политическая карикатура, в которой отражен «общественный интерес к злобе дня своего времени» [4, с. 946]. Однако правильное извлечение скрытого в ней потенциала невозможно без синтетического восприятия не только сатирического рисунка, но и сопроводительного к ней текста, которые связывает органическое единство.

В серии микроочерков С. А. Экштута развернута красочная панорама визуальных образов историко-культурного контекста XIX столетия. Через удивительные истории об их судьбе известный философ и писатель показал, как портретный ряд видных государственных, военных и культурных деятелей формирует зрительное восприятие эпохи [4, с. 680–688].

Б. С. Илизаров провел увлекательное историческое расследование обстоятельств работы режиссера С. М. Эйзенштейна над художественным фильмом «Иван Грозный». Он показал, как в условиях тоталитарного идеологического давления на культуру создатели киноленты допустили искажение исторической объективности в сценарии и постановке фильма. Пока-

зана роль государственно-партийной верхушки и лично И. В. Сталина в расстановке идеологических акцентов при трактовке исторических фактов [4, с. 1002–1013]. Различные стороны эвристических и исследовательских подходов к работе с фото- и киноматериалами освещены в содержательных статьях В. В. Алексеева, З. М. Рубининой, В. А. Ермакова, Е. А. Косован, И. А. Головнева, А. Н. Каск, Т. С. Иващенко и др. [4, с. 371–391, 758–811].

Сюжетное многообразие сборника оказалось настолько хронологически и тематически велико, что заявленную структуру сборника можно считать достаточно условной. Данная ситуация вполне объяснима междисциплинарным характером большинства представленных исследований. В этой связи совершенно аргументированно выглядит уточнение автора-составителя издания Е. А. Воронцовой о настоятельной потребности в «комплексном изучении имеющихся ресурсов для того, чтобы сопоставить и соотнести друг с другом ресурсы традиционные и электронные, виртуальные, чтобы устранить дублирование, выявить образовавшиеся лакуны и приступить к их системному заполнению» [4, с. 157].

Остается пожелать составителю сборника и его авторам, чтобы, наряду с изобразительными источниками в их априорном понимании, также уделялось внимание извлечению скрытой изобразительной информации, особенно в традиционно нарративных источниках. В этой связи интересным примером являются годовые всеподданнейшие отчеты российских губернаторов XIX – начала XX вв., формуляр которых изначально не предусматривал иллюстраций [3]. Однако практика подготовки данных документов показала, что его составители иногда помещали в него иллюстративный ряд. Данные материалы являются интересным дополнением содержания этих источников и важным элементом его оформления.

Таким образом, сюжетное разнообразие рецензируемого сборника, обширная география его авторов, актуальность и научная глубина рассмотренных вопросов, свидетельствуют о неослабевающем интересе к проблеме информационного обеспечения исторической науки. Данный фактор объединяет не только профессиональных историков, но и работников архивов, музеев, библиотек, а также научно-культурную общественность в целом. Остается надеяться, что в будущем проект «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки» продолжит заносить в свой актив новые рубежи фундаментальной и прикладной науки.

Список литературы

1. *Воронцова Е. А.* Информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе (трансформация музеев – библиотек – архивов) // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2017. № 3 (410). С. 146–150.

2. *Лобанов Д. И., Бердинских В. А.* Газета «Правда» в 1929–1939 гг. и формирование культа личности Сталина // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 2 (18). С. 35–40. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.017.

3. *Минаков А. С.* Отчетность регионального руководства по «Общему наказу гражданским губернаторам» 1837 г. // История государства и права. 2011. № 6. С. 32–35.

4. Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е. А. Воронцова ; отв. ред. А. Г. Голиков. Москва, 2019. 1030 с.

Modern source studies of visual sources: problems, searches, solutions

A. S. Minakov
Doctor of Historical Sciences, Deputy Director of the Directorate for the Study of History of the Moscow State University, Moscow State Pedagogical University.
Russia, Moscow. ORCID 0000-0003-0922-9306. E-mail: as.minakov@mpgu.su

Abstract. The article analyzes the next collection of the project "Museums-libraries-archives in the information support of historical science". The article describes the key problems of identifying, preserving and studying visual sources, which are reflected in the articles of representatives of the scientific community, employees of higher schools, archives, museums, libraries. The reviewed publication seems to be very relevant and meets the need for a continuous exchange of experience between specialists from different regions and scientific institutions. The materials of the published articles showed that visual materials carry an important source load for the development of key areas of world historiography. At the same time, many authors have identified new areas of application of this important historical source. In addition to paying attention to the traditional

illustrative retrospective, the collection contains the author's vision of the current situation, in which there is an accelerated increment of the source base. It is concluded that it is necessary to continue the dialogue of scientists and specialists in theoretical and applied discourse. The publication of this collection demonstrated that, in general, the project has become an authoritative platform for serious academic discussions, identifying promising topics for study, as well as testing new research techniques and methods.

Keywords: historical science, historical sources, source studies, information, illustration, photography, cinema.

References

1. *Voroncova E. A. Informacionnoe obespechenie istoricheskoj nauki v informacionnom obshchestve (transformaciya muzeev – bibliotek – arhivov)* [Information support of historical science in the information society (transformation of museums-libraries-archives)] // *Bibliografiya. Nauchnyj zhurnal po bibliografovedeniyu, knigovedeniyu i bibliotekovedeniyu* – Bibliography. Scientific journal of Bibliography, book studies and library science. 2017. No. 3 (410). Pp. 146–150.

2. *Lobanov D. I., Berdinskih V. A. Gazeta "Pravda" v 1929–1939 gg. i formirovanie kul'ta lichnosti Stalina* [Pravda newspaper in 1929–1939 and the formation of the cult of Stalin's personality] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2020. No. 2 (18). Pp. 35–40. DOI: 10.25730/VSU.2070. 20. 017.

3. *Minakov A. S. Otchetnost' regional'nogo rukovodstva po "Obshchemu nakazu grazhdanskim gubernatoram" 1837 g.* [Reporting of the regional leadership on the "General Order to civil Governors" of 1837] // *Istoriya gosudarstva i prava* – History of the State and Law. 2011. No. 6. Pp. 32–35.

4. *Rol' izobrazitel'nyh istochnikov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki: sbornik statej* – The role of visual sources in the information support of historical science: a collection of articles / Author-comp. E. A. Vorontsova; ed. by A. G. Golikov. M. 2019. 1030 p.

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 712.25(470.51)»1950/1990» DOI: 10.25730/VSU.2070.21.029

Деятельность секции озеленения и цветоводства Удмуртского отделения ВООП в период с 1950 по 1990 год

Н. М. Кузьмина
старший научный сотрудник отдела интродукции и акклиматизации растений,
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН.
Россия, г. Ижевск. ORCID: 0000-0002-0430-930X. E-mail: kuzmina1956@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день вопросы озеленения городов весьма актуальны. Придомовые территории застройки 1990–2000 гг. зачастую не имеют зеленых насаждений. При исследовании архивных документов отмечена эффективность проведенных мероприятий по озеленению городов и поселков Удмуртской Республики. На сегодняшний день районы застройки и благоустройства 1950–1980 гг. остаются самыми зелеными. В статье дается анализ зеленого строительства 1950–1990 гг. Описывается история развития Всероссийского общества охраны природы (ВООП). Особое внимание уделяется региональным отделениям ВООП. Проанализирована деятельность секции озеленения и цветоводства Удмуртского отделения ВООП. Раскрывается взаимоотношение власти и общества в сфере охраны природы. Показано участие общества в озеленении городов и поселков Удмуртии. Приводятся объемы посадочных работ. В весенний период 1960 г. в Ижевске членами общества высажено 128 528 шт. деревьев и кустарников. Для озеленения городов посадочный материал предоставлялся лесничествами: *Tilia* L. (липа), *Betula* L.(береза), *Acer negundo* L. (клен американский), *Salix* L. (ива). В мероприятия по уходу за насаждениями входило: обрезка штамбов на кольцо и формирование крон у деревьев, подкормка деревьев перегноем, перевязка деревьев к кольям. Обществом охраны природы проводилась агитационно-массовая работа. К пропагандистской работе привлекались ученые, педагоги, студенты, специалисты, литераторы, журналисты. В местных газетах печатались статьи и заметки на разные темы по озеленению городов и поселков, охране природы и т. д. На телевидении было организовано пять специальных передач на разные темы. Возможно, опыт озеленения городов в Советское время мог бы решить некоторые проблемы озеленения городов нашего времени.

Ключевые слова: история ВООП, Удмуртское отделение ВООП, секция озеленения и цветоводства, мероприятия по озеленению, эффективность.

После гражданской войны и периода разрухи многие парки, сады и усадьбы были уничтожены, леса подверглись незаконной вырубке населением. В Советских городах необходимо было восстанавливать природные ресурсы. Оптимальным решением было признано создание добровольного общества охраны природы. При содействии отдела охраны природы Наркомата просвещения РСФСР 29 ноября 1924 г. было создано Всероссийское общество охраны природы (ВООП). На заседаниях ВООП первоочередными задачами ставилась разработка научных вопросов сохранения и восстановления природных ресурсов, привлечение к работе по охране природы государства и всех слоев общества [2].

Многие научные статьи раскрывают взаимоотношение власти и общества в сфере охраны природы. Вопросы общественного участия в реализации государственной экологической политики изучались историками-регионоведами: А. Н. Першиковым, Е. Е. Корчемкиной, Е. Д. Макеевой и др. Приоритетными направлениями Куйбышевского отделения ВООП являлись общественная инспекция по охране природы, пропаганда знаний о природе и рациональном природопользовании среди населения. Члены общества занимались озеленением городов и поселков, помогали в коллективных и индивидуальных садах, содействовали внедрению научных разработок для повышения урожайности [10].

Задачи охраны окружающей среды отвечали интересам каждого советского человека, что и обеспечивало широкую социальную поддержку данному общественному движению [8;

© Кузьмина Н. М., 2021

12]. Отражены как положительные, так и отрицательные моменты, в истории экологического движения в Советское время [11; 19]. Отмечается, что в 1930-е годы многие ученые-энтузиасты природоохранного дела поплатились своей свободой и жизнью, стремясь воплотить экологические идеи в жизнь [11].

В 50-е годы в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР «Об охране природы на территории РСФСР» от 25 сентября 1946 г., повсеместно стали организовываться региональные отделения ВООП, которые в дальнейшем заняли центральное место в работе Общества. Масштабы деятельности отделений общества в различных регионах различались. Успешность деятельности зависела от внимания и помощи со стороны местных советов депутатов и партийных органов [20]. При ВООП было организовано много кружков и секций для детского и юношеского возраста: Юношеская секция озеленения и цветоводства, Зеленый патруль, Кружок юных биологов юношеской секции ВООП, Биологический кружок Дарвиновского музея и др. [14; 15; 18]. В Приокско-Терраском заповеднике в 1950 г. был организован Кружок юных биологов юношеской секции Всероссийского общества охраны под руководством Г. Н. Лихачева. Юные биологи занимались изучением орнитологии. Об этом свидетельствуют воспоминания бывших кружковцев [16, с. 151, 167, 190–191, 279].

Историки-регионоведы отмечают, что региональные отделения ВООП внесли значительный вклад в развитие природоохранной деятельности своих регионов. Проблемы в природоохранной деятельности в каждом региональном отделении были разные, в зависимости от ведущей отрасли и профориентации региона [1; 4; 17]. Привлечением населения на добровольных началах к озеленению территорий и охране насаждений занимались и другие организации. В городах были созданы добровольные общества содействия озеленению городов [6].

После революции было образовано много молодых городов, где остро встали вопросы озеленения территорий. Одним из таких городов был Ижевск, который статус города получил в 1918 году. С 1934 года г. Ижевск является столицей Удмуртской Республики. Вопросы, связанные с озеленением городов, не теряют актуальности с момента становления Советской власти по сегодняшний день. Чтобы решать проблемы зеленого строительства, необходимо знать его историю. При исследовании архивных документов был отмечен период подъема зеленого строительства в г. Ижевске во времена деятельности секции озеленения и цветоводства Удмуртского отделения ВООП [9]. В работе освещается деятельность Удмуртского отделения ВООП в период 1959–1990 гг.

Методы. Объектом исследования является деятельность секции озеленения и цветоводства Удмуртского отделения Всероссийского общества охраны природы (1959–1990 гг.). Исследованы архивные документы Государственного казенного учреждения «Центральный Государственный архив Удмуртской Республики». В статье представлены данные фонда Удмуртского республиканского совета Всероссийского общества охраны природы (Р-1495. Опись 1. (1959–1997 гг.).

Результаты. Проанализировав архивные данные истории озеленения г. Ижевска, мы делаем вывод, что на протяжении 80 лет нормативная обеспеченность жителей г. Ижевска зелеными насаждениями не была выполнена (16 м^2 по нормативам СНиП 2.07 01-89). Отмечено, что в советский период 1931–1951 гг. на одного жителя приходилось 9,5-9,2 м^2, в период 1976–1985 гг. приходилось 7,5-7,8 м^2. В 1990 г. отмечено самое малое обеспечение зелеными насаждениями – 3,4 м^2 на одного человека [9].

В таблице показан объем работ «зеленого строительства» за годы советского периода и за 10 лет с 2001 по 2011 гг.

Таблица

Объем работ по озеленению города Ижевска в разные периоды «зеленого строительства»

Виды работ	Годы посадки в советский период									
Посадка деревьев и кустарников, шт.	1949	1959	1961	1976	1978	1983	1989	1991	1992	
	30 600	19 100	187 000	150 000	125 000	47 900	22 700	32 733	3 800	
	Годы посадки в период рыночной экономики									
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
	5214	7366	6155	3548	3825	3082	2106	4867	836	345
Удаление сухостойных и аварийных, шт.	Годы									
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
	5158	6300	–	1709	5096	5052	3877	1670	373	609

По данным таблицы, посадка деревьев и кустарников в советский период превышает в десятки раз посадку в период с 2001 по 2011 год. Вырубка сухостойных и аварийных деревьев на протяжении последних 10 лет в некоторые годы превышает посадку новых деревьев [9].

Обсуждение. В 50-е годы в г. Ижевске начинают отводить все больше площадей под зеленое строительство. Проводятся работы по озеленению ЦПКиО, сквера на Красной площади, Летнего сада, березовой рощи, Культбазы, Карлутской площади, Русского драмтеатра, Госцирка, сквера у Казанского вокзала и др. Планируются мероприятия по уходу за насаждениями: обрезка штамбов на кольцо и формирование крон у деревьев, подкормка деревьев перегноем, перевязка деревьев к кольям, изготовление аншлагов по охране насаждений, сообщения по радио и в печати о правилах ухода за зелеными насаждениями, выпуск специальных листовок с правилами по уходу за насаждениями. Посадочный материал предоставлялся лесничествами: Нагорным, Завьяловским, Вожойским, Постольским, Заречным. *Tilia* L. (липы) 10 360 шт., *Betula* L.(березы) 6410 шт., *Acer negundo* L. (клена американского) 3990 шт., *Salix* L. (ивы) 1000 шт., Всего: 21 766 шт. В архивных сводках по выполнению плана посадок древесных насаждений отмечаются и отрицательные стороны. Из-за несвоевременной доставки саженцев не выполнялся план посадок древесных культур. Отмечено, что план посадки фруктовых деревьев выполнен всего на 11 %. Отмечается также, что Горзеленхоз и исполкомы районных Советов недостаточно контролировали ход работ по посадке деревьев [9]. В исполкомах районных советов членами Всероссийского общества охраны природы поднимаются вопросы по усилению пропаганды охраны природы, привлечения для посадки и охраны зеленых насаждений население города. Поднимается вопрос о необходимости закладки специальных питомников для озеленения городов и поселков [7, д. 1, л. 115–117].

Для решения проблем по охране природы и рационального пользования природных ресурсов в 1959 году в Удмуртии был образован Удмуртский Республиканский Совет Всероссийского общества охраны природы. Работа осуществлялась по нескольким секциям: охрана почв, охрана леса, охрана зверей, птиц и рыб, озеленения и цветоводства, садоводства, охрана водоемов и атмосферного воздуха, юношеская и лекторская группы. В озеленении городов Удмуртии большое участие принимала секция озеленения и цветоводства, которая вела конкретно работу по охране и озеленению городов и поселков, проводила лекции, консультации, вела агитационно-массовую деятельность, активно содействовала снабжению членов общества посадочным материалом [7, д. 1, л. 16].

В 1960 году во всех региональных отделениях ВООП были образованы юношеские секции, в которые широко вовлекались школьники. Члены юношеских секций занимались озеленением городов и поселков, принимали активное участие в охране природы. Для ухода за насаждениями и их охраны за школами закреплялись участки городов. Появилась организация «Зеленых патрулей». Для большего привлечения населения к вопросам охраны природы был объявлен Всероссийский конкурс «За Ленинское отношение к природе». К участию в конкурсе привлекались общественные организации, коллективы предприятий и учреждений, все слои населения города и села. Участники конкурса должны были участвовать в создании скверов, парков, аллей, зеленых зон вокруг населенных пунктов, помогать в озеленении улиц, дворов и других территорий городов и поселков, ухаживать за зелеными насаждениями и охранять их, внедрять лучшие декоративные формы древесно-кустарниковых и цветочных растений в озеленении городов и поселков. Для пропаганды охраны природы использовались средства массовой информации. Для выступлений на телевидении привлекались ученые, специалисты зеленого строительства, педагоги. В газетах печатались статьи на разные темы. Устраивались различные сельскохозяйственные выставки и др. [7, д. 3, л. 182–192].

В 1960 году силами членов юношеской секции общества высажено 6500 шт. декоративных деревьев и кустарников в городах и 7500 шт. в сельских населенных пунктах. Около 80 км озеленено шоссейных дорог. В весенний период в Ижевске членами общества высажено 128 528 шт. деревьев и кустарников [7, д. 6, л. 3].

Обществом охраны природы проводилась агитационно-массовая работа. В местных газетах было напечатано в 1961 г. более 200 статей и заметок на разные темы по озеленению городов и поселков, охраны природы и т. д. На телевидении организовано 5 специальных передач на темы: «Городу зеленый наряд». «Мутная вода и рыбья беда» и т. д. Секция зеленого благоустройства и цветоводства проводила весенние и осенние работы по зеленому благоустройству. По республике посажено более 400 000 шт. деревьев и кустарников, в том числе

по Ижевску 187 000 шт. Большое количество цветов высажено. В Ижевске высажено около 10 млн штук. По инициативе некоторых отделений ВООП, в частности Глазова и Сарапула, Горсоветами приняты решения о передаче уличных лесопосадок под сохранность домкомов, уличкомов и домовладельцам [7, д. 10, л. 1–6].

Хорошим примером участия общественности в зеленом благоустройстве городов послужило Глазовское отделение общества охраны природы. Пенсионеры и учащиеся школы № 3 города Глазова под руководством председателя отделения общества тов. Тронина Н. В. в 1962 году своими силами и за счет средств отделения заложили и благоустроили сквер в центре города на площади 1,5 га. На протяжении нескольких лет они ухаживали за насаждениями, производили дополнение древесных посадок, устраивали газоны и высаживали цветы. Для полива был построен водопровод-времянка. Благодаря своевременно-проведенному заботливому уходу за растениями, молодой сквер утопал в зелени [7, д. 17, л. 5–12].

В 1967 году к 50-летию Советской власти было проведено озеленение всех предприятий, улиц и жилых районов силами общественности, рабочих предприятий и работниками коммунального хозяйства [9].

В 1971году силами общества и предприятиями коммунальных хозяйств по республике было высажено 478,5 тысяч шт. деревьев и кустарников. В Глазове на весенне-осенний периоды были объявлены два месячника по посадке деревьев и кустарников. Высажено 31 тысяча шт. деревьев и кустарников. В Сарапуле посажено 12 тысяч шт. деревьев и кустарников. В 70 годы для посадок применяются крупномерные деревья, в возрасте 8–10 лет. Расширен ассортимент деревьев и кустарников. На улицах Ижевска высаживались: *Tilia, Populus* L., *Acer, Fraxinus* L., *Ulmus glabra* Huds, *Sorbus* L., *Betula, Picea pungens* Engelm. (липа, тополь, клен, ясень, вяз, рябина, береза, ель колючая) и другие хвойные. Для внутриквартальных посадок применялись плодовые породы: *Amelanchier spicata* (Lam.). C. Koch., *Malus* P. Mill., *Prunus cerasus* L (ирга колосоцветная, яблоня, вишня). В живые изгороди и группы высаживались декоративные кустарники: *Spiraea* L., *Syringa* L., *Cotoneaster* Medik., *Lonicera* L., *Crataegus* L., *Rosa hybrid tea, Viburnum* L. (спирея, сирень, кизильник, жимолость, боярышник, розы, калина) [7, д. 184, л. 10–11].

Озеленение скверов, парков, улиц проводилось после проработки генеральных планов развития г. Ижевска только при наличии проектной документации. Для ухода за высаженными растениями зеленые массивы (скверы, сады, парки, улицы) закреплялись за предприятиями, учебными заведениями и другими учреждениями. В определенные дни проводились субботники по уборке территории от мусора и по уходу за насаждениями. Не всегда уход производился под руководством специалистов зеленого строительства. Уход на низком уровне приводил к гибели посаженных растений. Погибало до 30–35 % насаждений [7, д. 184, л. 43].

На заводах и других предприятиях также занимались благоустройством территорий специальные бригады по озеленению [7, д. 184, л. 29]. В 1976 году, согласно архивным данным, в городах и поселках республики посажено 150 тысяч шт. деревьев и кустарников. В Ижевске высажено 65 тысяч шт. деревьев и кустарников, разбито цветников на площади 106,4 тысячи м^2. Площадь зеленых насаждений в городах республики по состоянию на 1 сентября 1976 года составляла более 14 тысяч га. На одного городского жителя приходилось 7,8 м^2 объектов общего пользования. В 1976 году заложено 4 сквера площадью 3 га. Для озеленения города Ижевска продано из питомника совхоза «Декоративно-цветочные культуры» деревьев и кустарников в количестве 55 тысяч шт.: *Cornus alba* L., *Ulmus parvifolia* Jacg., *Lonicera, Caragana arborescens* Lam. (дерен белый, вяз мелколистный, жимолость, акация желтая) [7, д. 168, л. 38–39].

Саженцы для озеленения городов выращивались в совхозах «Чайковский», «Ижевский», «Можгинский» [7, д. 278, л. 82].

В 70–80 гг. Обществом охраны природы проводились дальнейшие мероприятия по озеленению городов и поселков. В Индустриальном районе г. Ижевска были заложены два парка: парк Космонавтов, Березовая роща, Культбаза [7, д. 210, л. 55].

В 1977 г. по Республике высажено 200 тысяч шт. деревьев и кустарников. В Ижевске – 125 тысяч шт. деревьев и кустарников [7, д. 300, л. 2].

В 1978 г. по Республике высажено более 200 тысяч шт. древесно-кустарниковой растительности. В Ижевске – 90 тысяч шт. деревьев и кустарников [7, д. 300, л. 26].

В 80–90 гг. количество высаженных деревьев и кустарников сокращается. В 1987 году на средства общества посажено всего 22,5 тысяч шт. деревьев и кустарников [7, д. 695, л. 1].

В 1988 году – 22 тысячи шт. [7, д. 720, л. 2]. В 1989 году – 21,7 тысяч шт. деревьев и кустарников [7, д. 753, л. 2]. На одного городского жителя приходилось по 7,5 м^2 зеленых насаждений [7, д. 573, л. 54].

В 1990 году в связи с широким жилищным строительством сильно сокращены площади зеленых насаждений. Сокращается число организаций, входящих в Общество охраны природы. В 1994 г. входит всего 4 организации, юных друзей природы – 0 [7, д. 804, л. 1].

Финансовые средства резко сокращаются. С 1994 г. данных о посадках деревьев и кустарников нет. Общество занимается в основном вопросами охраны природы и уходом за насаждениями.

Заключение. Согласно исследованным архивным документам, мероприятия по озеленению городов Удмуртской республики в период деятельности секции озеленения и цветоводства Удмуртского регионального отделения ВООП (50–80 гг.) можно назвать наиболее эффективными с момента становления Советской власти по сегодняшний день. К мероприятиям по озеленению городов и охране насаждений привлекались все слои общества: ученые, специалисты различного профиля, рабочие, студенты и школьники. На эффективность работы сказалось так же и положительное взаимоотношение государственной власти с руководством ВООП. В период с 50-х по 90-е годы зеленых насаждений на человека по г. Ижевску в среднем приходилось 7 м^2, с 90-х по 2010-й годы всего в среднем 5 м^2 [9]. Благодаря проведенным мероприятиям по озеленению и охране насаждений районы застройки и благоустройства г. Ижевска в период с 1950 по 1980 год на сегодняшний день утопают в зелени, несмотря на то, что каждый год вырубаются усохшие, больные и аварийные древесные насаждения. Придомовые территории застройки 1990–2000 гг. зачастую не имеют зеленых насаждений. Вопросы озеленения городов на сегодняшний день весьма актуальны [3; 5; 13]. Возможно, опыт озеленения городов в Советское время мог бы решить некоторые проблемы. Например, в создании специальных питомников для выращивания посадочного материала не только для садоводов любителей, но и для городского озеленения. К сожалению, на сегодняшний день при озеленении новых скверов, бульваров, площадей используется дорогостоящий крупномерный посадочный материал, не адаптированный к данной местности. Поэтому часть растений погибает после первой зимовки. Плохо организована охрана вновь высаженных насаждений. Зачастую наблюдаются случаи вандализма. Не проводится своевременный уход. Низкое качество благоустройства кратковременных мест отдыха в городской среде отрицательно влияет на эмоциональное состояние горожан.

Список литературы

1. *Боголюбов Е. А.* Природоохранная деятельность государства и общественных организаций в 1940–1960-е гг. // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 3 (56). С. 46–49. DOI: 10.25513/1990-5173.2018.3.

2. Всероссийское общество охраны природы. URL: https://www.pnp.ru/social/vserossiyskoe-obshhestvo-okhrany-prirody-osnovano-96-let-nazad.html (дата обращения: 28.11.2020).

3. *Вьюхина А. С., Ешмагамбетова А. Б.* Современные проблемы озеленения городской территории // Безопасность городской среды : сб. ст. Омск, 2019. С. 329–333.

4. *Гайдин С. Т.* Эволюция политики по рациональному использованию и охране природных ресурсов озера Байкал и его бассейна (1946–1991 гг.). // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология. Барнаул. № 4-4(60). 2008. История. С. 29–37.

5. *Герасимова Е. Ю.* Проблемы озеленения населенных пунктов в Оренбургской области // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 5 (49). С. 60–63.

6. *Горлова Н. И.* Формирование института волонтерства в области природоохранной деятельности в 1920–1960-е гг. // Вестник Брянского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2017. № 4 (34). С. 67–73.

7. Государственное казенное учреждение «Центральный Государственный архив Удмуртской Республики» (ГКУ «ЦГА УР»). Ф. Р-1495. 1959–1993 гг. Оп. 1.

8. *Корчемкина Е. Е.* К вопросу о становлении региональных отделений всероссийского общества охраны природы в 50-е гг. XX в. (на материалах Республики Адыгея) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. 2014. № 3 (144). С. 81–86.

9. *Кузьмина Н. М., Федоров А. В.* Периоды «зеленого строительства» в городе Ижевске с 1918 по 2012 год // Вестник Удмуртского университета. Серия: Науки о Земле. 2013. Вып. 3. С. 23–28.

10. *Макеева Е. Д.* Общественные организации экологической направленности г. Самары (Куйбышева) 1920-х – первой половины 1980-х гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3 (2). С. 468–472.

11. *Макеева Е. Д*. Общественное движение за охрану природы в России в условиях социалистического строительства в 1920–1940-е гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3 (2). С. 423–428.

12. *Першиков А. Н*. Роль общественных организаций Западной Сибири в решении экологических проблем. 1950–1960-е гг. // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 6. С. 230–234.

13. *Петухова И. П., Каменева Л. А., Урусов В. М*. Современное состояние и пути оптимизации озеленения Владивостока и других населенных пунктов Приморского края // Вестник ИрГСХА. 2011. № 44-5. С. 85–92.

14. *Покровская И. В., Тишков А. А.* О кружке юных биологов при Московском Обществе Испытателей Природы (МОИП). Современные методические аспекты экологического образования. // Натуралистическое образование: традиции и современность. Вып. 4 / Под ред. Д. В. Моргуна. М. : МГСЮН, 2008. С. 33–48.

15. *Попцова Л. Г.* Из истории работы по экологическому воспитанию школьников в 1950–1980-е гг. // Герценка: Вятские записки. Киров. 2017. Вып. 32. С. 201–211.

16. *Преображенская Е. С.* Друзья, нам судьба повелела... (Биологическому кружку Дарвиновского музея – «ВООП» – 50 лет) / Сост. : Е. Преображенская, А. Олексенко, Е. Зубакина, С. Попов. М. : Т-во науч. изданий КМК, 2000. 404 с.

17. *Созинов А. В*. Краснодарское отделение Всероссийского общества охраны природы: основные направления деятельности в 1960–1970-е годы // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4 (33). С. 41–42.

18. *Хляп Л. А., Буйволов Ю. А., Фомин Б. Н.* Геннадий Николаевич Лихачев и юннаты // Изучение и сохранение биоразнообразия Тульской области и сопредельных регионов Российской Федерации, посвященная 120-летию со дня рождения Геннадия Николаевича Лихачева // Вестник. Тула : Изд-во ТулГУ. 2019. С. 11–15.

19. *Чуйков Ю. С.* Воспоминания о ВООП // Астраханский вестник экологического образования. 2007. № 1 (10) С. 103–121.

20. *Шмыглева А. В.* Деятельность региональных отделений Всероссийского общества Охраны природы в Западной Сибири (1960 – первая половина 1980-х гг.). // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 182–192. DOI: 10.17223/15617793/432/24.

Activities of the gardening and floriculture section of the Udmurt branch of the VOOP in the period 1950–1990

Kuzmina N. M.
senior researcher. Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Department of Plant Introduction and Acclimatization.
Russia, Izhevsk. ORCID 0000-0002-0430-930X. E-mail: kuzmina1956@mail.ru

Abstract. Today, the issues of urban greening are very relevant. The adjacent territories of development in 1990–2000 often do not have green spaces. When studying archival documents, the effectiveness of the measures taken to green the cities and towns of the Udmurt Republic was noted. To date, the areas of development and improvement in 1950–1980 remain the greenest. The article provides an analysis of green construction in 1950–1990.The history of the development of the All-Russian Society for Nature Protection is described. Special attention is paid to the regional offices of the All-Russian Society for Nature Protection. The activity of the gardening and floriculture section of the Udmurt branch of the All-Russian Society for Nature Protection is analyzed. The author reveals the relationship between the government and society in the field of nature protection. The participation of the society in the greening of cities and towns of Udmurtia is shown. The volumes of planting works are given. In the spring of 1960, 128528 trees and shrubs were planted by the members of the society in Izhevsk. For landscaping of cities, planting material was provided by foresters: *Tilia* L. (linden), *Betula* L. (birch), *Acer negundo* L. (American maple), *Salix* L. (willow). The measures for the care of plantings included: pruning of stems on the ring and the formation of crowns in trees, fertilizing trees with humus, tying trees to stakes, the Society for the Protection of Nature carried out propaganda and mass work. Scientists, teachers, students, specialists, writers, and journalists were involved in propaganda work. Local newspapers published articles and notes on various topics on greening cities and towns, nature protection, etc. 5 special programs on various topics were organized on television. Perhaps the experience of greening cities in the Soviet era could solve some of the problems of greening cities of our time.

Keywords: the history of the All-Russian Society for Nature Protection, the Udmurt branch of the All-Russian Society for Nature Protection, the section of gardening and floriculture, gardening activities, efficiency.

References

1. *Bogolyubov E. A. Prirodoohrannaya deyatel'nost' gosudarstva i obshchestvennyh organizacij v 1940–1960-e gg.* [Environmental protection activities of the state and public organizations in the 1940s–1960s.] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"* – Herald of Omsk University. The series "Law". 2018. No. 3 (56). Pp. 46–49. DOI: 10.25513/1990-5173.2018.3.

2. *Vserossijskoe obshchestvo ohrany prirody* – All-Russian Society for Nature Protection. Available at: https://www.pnp.ru/social/vserossiyskoe-obshhestvo-okhrany-prirody-osnovano-96-let-nazad.html (date accessed: 28.11.2020).

3. *V'yuhina A. S., Eshmagambetova A. B. Sovremennye problemy ozeleneniya gorodskoj territorii* [Modern problems of urban landscaping] // *Bezopasnost' gorodskoj sredy : sb. st.* – Urban environment security : collection of Omsk. 2019. Pp. 329–333.

4. *Gajdin S. T. Evolyuciya politiki po racional'nomu ispol'zovaniyu i ohrane prirodnyh resursov ozera Bajkal i ego bassejna (1946–1991 gg.)* [The evolution of policy for the rational use and protection of natural resources of Lake Baikal and its basin (1946–1991)] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya. Barnaul* – News of Altai State University. Series: History, Political Science. Barnaul. No. 4-4(60). 2008. History. Pp. 29–37.

5. *Gerasimova E. Yu. Problemy ozeleneniya naselennyh punktov v Orenburgskoj oblasti* [Problems of greening settlements in the Orenburg region] // *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* – Proceedings of the Orenburg State Agrarian University. 2014. No. 5 (49). Pp. 60–63.

6. *Gorlova N. I. Formirovanie instituta volonterstva v oblasti prirodoohrannoj deyatel'nosti v 1920–1960-e gg.* [Formation of the Institute of volunteering in the field of environmental protection in the 1920–1960-ies] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki i arheologiya* – Herald of the Bryansk State University. Series: Historical Sciences and Archeology. 2017. No. 4 (34). Pp. 67–73.

7. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie "Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki" (GKU "CGA UR")* – State state-owned institution "Central State Archive of the Udmurt Republic". F. P-1495. 1959–1993 Inv. 1.

8. *Korchemkina E. E. K voprosu o stanovlenii regional'nyh otdelenij vserossijskogo obshchestva ohrany prirody v 50-e gg. XX v. (na materialah Respubliki Adygeya)* [On the formation of regional branches of the All-Russian Society for Nature Protection in the 50s of the XX century (based on the materials of the Republic of Adygea)] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Adygea State University. Ser. 1. 2014. No. 3 (144). Pp. 81–86.

9. *Kuz'mina N. M., Fedorov A. V. Periody "zelenogo stroitel'stva" v gorode Izhevske s 1918 po 2012 god* [Periods of "green construction" in the city of Izhevsk from 1918 to 2012] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Nauki o Zemle* – Herald of Udmurt University. Series: Earth Sciences. 2013. Is. 3. Pp. 23–28.

10. *Makeeva E. D. Obshchestvennye organizacii ekologicheskoj napravlennosti g. Samary (Kujbysheva) 1920-h – pervoj poloviny 1980-h gg.* [Public organisations environmental focus of the city of Samara (Kuybyshev) in the 1920's – the first half of the 1980s] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* – Proceedings of the Samara scientific center of RAS. 2014. Vol. 16. No. 3 (2). Pp. 468–472.

11. *Makeeva E. D. Obshchestvennoe dvizhenie za ohranu prirody v Rossii v usloviyah socialisticheskogo stroitel'stva v 1920–1940-e gg.* [Social movement for the protection of nature in Russia in the conditions of socialist construction in the 1920s–1940s] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* – Proceedings of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 17. No. 3 (2). Pp. 423–428.

12. *Pershikov A. N. Rol' obshchestvennyh organizacij Zapadnoj Sibiri v reshenii ekologicheskih problem. 1950–1960-e gg.* [The role of public organizations of Western Siberia in solving environmental problems. 1950–1960-ies] // *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* – News of Tomsk Polytechnic University. 2012. Vol. 321. No. 6. Pp. 230–234.

13. *Petuhova I. P., Kameneva L. A., Urusov V. M. Sovremennoe sostoyanie i puti optimizacii ozeleneniya Vladivostoka i drugih naselennyh punktov Primorskogo kraya* [The current state and ways of optimizing landscaping in Vladivostok and other settlements of the Primorsky Territory] // *Vestnik IrGSKHA* – Herald of the IrGSHA. 2011. No. 44-5. Pp. 85–92.

14. *Pokrovskaya I. V., Tishkov A. A. O kruzhke yunyh biologov pri Moskovskom Obshchestve Ispytatelej Prirody (MOIP). Sovremennye metodicheskie aspekty ekologicheskogo obrazovaniya* [About the circle of young biologists at the Moscow Society of Nature Testers. Modern methodological aspects of environmental education] // *Naturalisticheskoe obrazovanie: tradicii i sovremennost'* – Naturalistic education: traditions and modernity. Issue 4 / Ed. by D. V. Morgun. M. MGSIUN. 2008. Pp. 33–48.

15. *Popcova L. G. Iz istorii raboty po ekologicheskomu vospitaniyu shkol'nikov v 1950–1980-e gg.* [From the history of work on environmental education of schoolchildren in the 1950s–1980s] // *Gercenka: Vyatskie zapiski* – Hertsenka: Vyatka notes. Kirov. 2017. Is. 32. Pp. 201–211.

16. *Preobrazhenskaya E. S. Druz'ya, nam sud'ba povelela... (Biologicheskomu kruzhku Darvinovskogo muzeya – "VOOP" – 50 let)* [Friends, fate has commanded us... (The Biological circle of the Darwin Museum – "VOOP" – 50 years)] / Comp.: E. Preobrazhenskaya, A. Oleksenko, E. Zubakina, S. Popov. M. Partnership of scientific publications of the CMC. 2000. 404 p.

17. *Sozinov A. V. Krasnodarskoe otdelenie Vserossijskogo obshchestva ohrany prirody: osnovnye napravleniya deyatel'nosti v 1960–1970-e gody* [Krasnodar branch of the All-Russian Society for Nature Protection: the main directions of activity in the 1960s–1970s] // *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* – Cultural life of the South of Russia. 2009. No. 4 (33). Pp. 41–42.

18. *Hlyap L. A., Bujvolov Yu. A., Fomin B. N. Gennadij Nikolaevich Lihachev i yunnaty* [Gennady Nikolaevich Likhachev and yunnaty] // *Izuchenie i sohranenie bioraznoobraziya Tul'skoj oblasti i sopredel'nyh regionov Rossijskoj Federacii, posvyashchennaya 120-letiyu so dnya rozhdeniya Gennadiya Nikolaevicha Lihacheva* – Studying and preserving the biodiversity of the Tula region and adjacent regions of the Russian Federation, dedicated to the 120th anniversary of the birth of Gennady Nikolaevich Likhachev // *Vestnik* – Herald. Tula. TulSU. 2019. Pp. 11–15.

19. *Chujkov Yu. S. Vospominaniya o VOOP* [Memories of the All-Russian Society for Nature Protection] // *Astrahanskij vestnik ekologicheskogo obrazovaniya* – Astrakhan herald of Environmental Education. 2007. No. 1 (10) Pp. 103–121.

20. *Shmygleva A. V. Deyatel'nost' regional'nyh otdelenij Vserossijskogo obshchestva Ohrany prirody v Zapadnoj Sibiri (1960 – pervaya polovina 1980-h gg.)* [Activity of regional branches of the All-Russian Society for Nature Protection in Western Siberia (1960 – the first half of the 1980s)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2018. No. 432. Pp. 182–192. DOI: 10.17223/15617793/432/24.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 2 (22) (2021)

16+

Редактор *М. О. Корякина*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. И. Чернышова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 01.07.2021 г.
Дата выхода в свет 14.09.2021 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 19,0. Тираж 100 экз. Заказ № 7201.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в объединенном каталоге «Пресса России» – 41252

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36